
ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научный журнал

Выпуск 2 (71). 2021. Том 11

Журнал «Вопросы национальных и федеративных отношений»
включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по политическим и историческим наукам

МОСКВА, 2021

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научный журнал

Вячеслав Александрович
МИХАЙЛОВ

Председатель Совета, д.и.н., профессор,
зав. кафедрой национальных и федеративных
отношений РАНХ и ГС при Президенте РФ

Редакционный Совет

Рамазан Гаджимурадович
АБДУЛАТИПОВ

д.ф.н., постоянный представитель Российской Федерации
при Организации Исламского сотрудничества

Любовь Федоровна
БОЛТЕНКОВА

д.ю.н., профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ

Владимир Иванович
ВАСИЛЕНКО

д.п.н., профессор Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Вадим Витальевич
ГАЙДУК

д.п.н., профессор Башкирского государственного
университета

Леокадия Михайловна
ДРОБИЖЕВА

д.и.н., руководитель Центра исследования
международных отношений Института Социологии
ФНИСЦ РАН

Владимир Юрьевич
ЗОРИН

д.п.н., руководитель Центра по научному взаимодействию
с общественными организациями, СМИ и органами
государственной власти ИЭА РАН

Раушан Мухахановна
КАНАПЬЯНОВА

д.п.н., профессор кафедры международного
культурного сотрудничества МГИК

В. Микаэль
КАССАЕ НЫГУСИЕ

д.и.н., профессор кафедры теории и истории
международных отношений Российского
университета дружбы народов

Геннадий Яковлевич
КОЗЛОВ

д.и.н., профессор Рязанского государственного
университета им. С.А. Есенина

Игорь Георгиевич
КОСИКОВ

д.и.н., главный научный сотрудник Института
этнологии и антропологии РАН

Николай Павлович
МЕДВЕДЕВ

д.п.н., профессор Российского университета
дружбы народов

Марина Николаевна
МОСЕЙКИНА

д.и.н. профессор, заведующая кафедрой истории России
Российского университета дружбы народов

Дарья Вячеславовна
ПЕРКОВА

к.п.н., ответственный редактор

Александр Васильевич
ПОНЕДЕЛКОВ

д.п.н., профессор, заведующий кафедрой политологии
и этнополитики Южно-Российского института
управления – филиал РАНХ и ГС при Президенте РФ

Дмитрий Егорович
СЛИЗОВСКИЙ

д.и.н., профессор кафедры истории России Российского
университета дружбы народов

Шукран Саидовна
СУЛЕЙМАНОВА

д.п.н., профессор Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Жибек Сапарбековна
СЫЗДЫКОВА

д.и.н., профессор, заведующая кафедрой стран
Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии
и Африки Московского государственного университета имени
М. В. Ломоносова, заместитель главного редактора журнала

Вильям Владимирович
ШМИДТ

д.ф.н., профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ

Редакционная коллегия

Главный редактор – СУЛЕЙМАНОВА Ш.С.,
д.п.н., профессор РАНХиГС

Члены ред. коллегии:

Медведев Н.П. (зам. главного редактора),
Сыздыкова Ж.С. (зам. главного редактора),
Перкова Д.В. (ответственный редактор),
Болтенкова Л.Ф., Дробижева Л.А.,
Слизовский Д.Е.

УЧРЕЖДЕН

ООО «Издательство
«Наука сегодня»

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного
наследия

Регистрационный номер
ПИ № ФС77-47487
от 25 ноября 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс научного
цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory

Пятилетний импакт-фактор
журнала: 1,006

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение I, комната 7-1, офис 4

Тел.: (910) 463-53-42

www.etnopolitolog.ru

E-mail: etnopolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Перкова Д.В.

Компьютерная верстка
Анциферова А.С.

Подписано в печать 25.02.2021.

Формат 60×84/8. Объем 24,3.

Печать офсетная.
Тираж – 1000 экз.
(1-й завод – 500 экз.)
Заказ № 000

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»

115054, г. Москва, ул. Шипок, 28

Тел.: (495) 651-84-56

ISSN 2226-8596 (print)

12 выпусков в год и

2 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://etnopolitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70114

Цели и тематика

Журнал *ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ* – периодическое международное рецензируемое на-учное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2018 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «Отечественная история, этнология и этнография», «История международных отношений и мировой политики», «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая культура, этнополитика и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://etnopolitolog.ru>

Электронный адрес: etnopolitolog@yandex.ru

ISSN 2226-8596 (print)

12 issues a year plus

2 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://etnopolitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70114

Objectives and themes

Academic journal “*Issues of National and Federative Relations*” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2018. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “Domestic history, ethnology and ethnography”, “History of international relations and world politics”, “History and philosophy of politics”, “Political institutions, processes and technologies”, “Political culture, ethno-politics and ideologies”, “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://etnopolitolog.ru>

E-mail address: etnopolitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

- Костриков С.П.** Оценка событий 1903 г. в Македонии и Старой Сербии приверженцами идеи славянского единства в русском общественном мнении (На примере анализа материалов «Известий С.-Петербургского Славянского Благотворительного Общества»)..... 304
- Бориснёв С.В., Вититнев С.Ф.** Спецпропаганда как составная часть партийно-политической работы в советских Вооруженных Силах 316
- Плеханов А.А.** «Господа юнкера, с кем вы были вчера?» (восстание юнкеров в Петрограде 29 октября 1917 г. глазами участников и очевидцев) 328
- Истягина-Елисеева Е.А.** Спортивно-историческое наследие: проблемы исторических исследований 344
- Макина А.И.** Социальная защита детей в традиционном хакасском обществе..... 350
- Антонова Е.Г.** Подготовка учительских кадров в Симбирской губернии в конце XIX – начале XX века 357
- Дегтярева Н.А.** XX съезд КПСС (к историографии вопроса)..... 364
- Крот Н.С.** Роль репродуктивных установок в формировании репродуктивного поведения (по материалам этносоциологического исследования) 372
- Петрухин А.М.** Реакция британской прессы на роспуск Государственной Думы Российской империи I созыва 380

ТЕОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

- Власов В.И.** Статус Бога в Русской (Российской) правовой системе (постановка вопроса)..... 389
- Болтенкова Л.Ф.** Библия как источник права (часть пятая)..... 400
- Цанава Б.З.** Философское наследие Т. Гоббса и современные либеральные теории общественного договора 416

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

- Равочкин Н.Н.** Властные практики в странах мировой периферии 422
- Зубов В.В., Родионова М.Е., Емелин А.А.** Отношение населения к вакцинации от коронавируса: сравнительный анализ исследований..... 432
- Тюков Н.А., Никулин Е.Р.** Российский педагог в социальных сетях: дискурсивная повестка, ифровая активность и механизмы коммуникации 442

Кочетков Е.Е. Особенности федерализма в арабских странах (на примере Ирака).....	475
Рабат Луджан. Сложности разрешения сирийского конфликта: внешнее вмешательство и «либеральный» подход к миростроительству	481
Воскресенский Ф.А. Проблемы судебного федерализма в политической системе современной России	491
Денисенко П.В. Big Data в системе отношений «государство-общество»: потенциал и некоторые сферы применения (на примере США)	502
Пилягин К.А. Политические механизмы (аспекты категориального анализа).....	508
Семибоков Д.А. Современная структура научных представлений о непризнанных республиках как особых политических институтах	515
Иванов П.В., Плотников Д.И. Стабилизация политической системы через государственную политику национального примирения	522
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ	
Львов С.В., Максимова А.А., Нечаева С.В. Механизмы и мотивация участия педагогического сообщества в политических и гражданских процессах	529
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ВНЕШНЕЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ	
Тушков А.А., Степанова С.С. Противоречия и дихотомии конфликтного потенциала Восточного Средиземноморья.....	539
Каренин Д.М., Кузьмин В.А. Япония и ЕЭС: долгий путь к сотрудничеству	547
Тушков А.А., Кравченко Ю.С. Россия на международном рынке образовательных услуг. Проблемы и поиски формирования модели интернационализации образования	566
Гехт А.Б., Молчанова Т.В., Цыгоняева А.Ю., Перевозчикова В.А. Ближневосточный вектор внешней политики США в период президентства Дональда Трампа (на примере Ирана и Израиля).....	577
Станкевич И.Г. Река Рейн в восприятии римлян (I в. до н.э. – начало V в. н.э.).....	588
Гехт А.Б., Неровный А.В., Потапенко Т.Г. На пути к Единой Европе: институциональная архитектура Европейского объединения угля и стали	594

Шиматюк О.А. Энергетическое сотрудничество России и Евросоюза в условиях «Зеленой сделки».....	603
Антонова Н.Г. Новый альянс «США-Израиль-арабские монархии Персидского залива» в регионе Ближнего Востока: причины сближения и последствия для региональной геополитики	612
Аржанов И.А. Арктика в системе современных международных отношений: лейтмотив соперничества в регионе	624
Шабловский В.С. Республика Сербская: современные политические реалии и перспективы	631
Гунду Тересе Мосес, Олувакайоде Олумиде Эммануэль. Analyzing the Effect of Coronavirus on Nigeria’s Education System/Анализ влияния коронавируса на систему образования в Нигерии	640
РЕЦЕНЗИИ	
Слизовский Д.Е., Амиантов А.А. Есть ли у правительства ресурсы справиться с протестным движением? (Рецензия на статью С.И. Морозова и К.М. Макаренко «Технологии регулирования деструктивных форм протестной деятельности в современной России»).....	649
КОНФЕРЕНЦИИ	
Сапрынская Д.В., Сапарбекова Д.С. Международная научно-практическая конференция «Российско-монгольские отношения: от истоков до современности»	661
НАШИ АВТОРЫ	680
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	688

CONTENTS

Scientific Journal
“Issues of National and Federative Relations”
Volume 11. Issue 2(71), 2021

DOMESTIC HISTORY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

- Kostrikov S.P.** Assessment of the Events of 1903 in Macedonia and Old Serbia by Adherents of the Idea of Slavic Unity in Russian Public Opinion (On the Example of the Analysis of the Materials of the «News of the St. Petersburg Slavic Charitable Society»)..... 305
- Borisnyov S.V., Vetitnev S.F.** Special Propaganda, as an Integral Part of the Party-Political Work in the Soviet Armed Forces..... 317
- Plekhanov A.A.** “Gentlemen Cadets, Who Were You With Yesterday?” (The Cadets’ Uprising in Petrograd on October 29, 1917 Through the Eyes of Participants and Eyewitnesses)..... 328
- Istyagina-Eliseeva E.A.** Sports and Historical Heritage: Problems of Historical Research..... 344
- Makina A.I.** Social Protection of Children in Traditional Khakass Society 351
- Antonova E.G.** Training of Teachers in the Simbirsk Province in the Late XIX – Early XX Centuries 358
- Degtyareva N.A.** XX Congress of the CPSU (On the Historiography of the Question) 364
- Krot N.S.** The Role of Reproductive Attitudes in the Formation of Reproductive Behavior (Based on the Materials of Ethnosociological Research) 372
- Petrukhin A.M.** Reaction of the British Press to the Dissolution of the First State Duma of the Russian Empire..... 380

THEORY, PHILOSOPHY AND HISTORY OF POLITICS

- Vlasov V.I.** The Status of God in the Russian Legal System (Formulation of the Question)..... 389
- Boltenkova L.F.** The Bible as a Source of Law (Part Five)..... 400
- Tsanava B.Z.** T. Hobbes’s Philosophical Heritage and Contemporary Liberal Theories of Social Contract..... 416

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Ravochkin N.N.** World Peripherals Authorities Practices..... 423
- Zubov V.V., Rodionova M.E., Yemelin A.A.** Population Attitudes to Coronavirus Vaccination: a Comparative Analysis of Studies 433
- Tyukov N.A., Nikulin E.R.** Russian Teacher in Social Networks: Discursive Agenda, Digital Activism and Communication Mechanisms..... 443

Kochetkov E.E. Features of Federalism in Arab Countries (on the Example of Iraq).....	476
Rabat Lujain. Difficulties in Resolving the Syrian Conflict: External Intervention and “Liberal” Approach Towards Peace-Building.....	482
Voscresensky F.A. Problems of Judicial Federalism in the Political System of Modern Russia.....	492
Denisenko P.V. Big Data and Relations Between State and Society: Opportunities and Some Areas of Application (on the Example of the USA).....	502
Piliagin K.A. Political Mechanisms (Aspects of Categorical Analysis).....	509
Semibokov D.A. The Present Structure of Scientific Ideas about Unrecognized Unrecognized Republics as Special Political Institutions	515
Ivanov P.V., Plotnikov D.I. Stabilization of the Political System Through the State Policy of National Reconciliation	523
POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGY	
Lvov S.V., Maksimova A.A., Nechaeva S.V. Mechanisms and Motivation for the Participation of the Pedagogical Community in Political and Civil Processes.....	530
THEORY AND HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS, FOREIGN AND WORLD POLICY	
Tushkov A.A., Stepanova S.S. Contradictions and Dichotomies of the Conflict Potential of the Eastern Mediterranean	540
Karenin D.M., Kuzmin V.A. Japan and the EEC: a Long Road to Cooperation	548
Tushkov A.A., Kravchenko Yu.S. Russia on the International Market of Educational Services. Problems and Searches for the Formation of an Internationalization Model of Education	567
Gekht A.B., Molchanova T.V., Tsigonyaeva A.Yu., Perevozchikova V.A. The Middle East Vector of the US Foreign Policy During the Presidency of Donald Trump (on the Example of Iran and Israel)	578
Stankevich I.G. The Rhine River from the Perspective of Romans (I Century B.C. Till the Beginning of the V Century C.E.)	588
Gekht A.B., Nerovnyj A.V., Potapenko T.G. On the Way to a United Europe: Institutional Architecture of the European Coal and Steel Community.....	595
Shimatyuk O.A. Energy Cooperation Between Russia and the European Union under the Terms of the Green Deal	603

Antonova N.G. New Alliance “US-Israel-Arab Monarchies of the Persian Gulf” in the Middle East: Reasons for Convergence and Implications for Regional Geopolitics	613
Arzhanov I.A. The Arctic in the System of Modern International Relations: the Leitmotif of Rivalry in the Region.....	624
Shablovskiy V.S. The Republika Srpska: Current Political Reality and Prospects	631
Gundu Terese Moses, Oluwakayode Olumide Emmanuel. Analyzing the Effect of Coronavirus on Nigeria’s Education System.....	641
REVIEWS	
Slyzovskiy D.E., Amiantov A.A. Does the Government Have the Resources to Cope with the Protest Movement? (Review of the Article by S.I. Morozov and K.M. Makarenko “Technologies for Regulating Destructive Forms of Protest Activity in Modern Russia”).....	650
CONFERENCES	
Saprynskaya D.V., Saparbekova D.S. International Scientific and Practical Conference “Russian-Mongolian Relations: from the Origins to the Present”	661
OUR AUTHORS	684
DEMANDS FOR MANUSCRIPTS	688

DOI 10.35775/PSI.2021.67.2.001

УДК 94

С.П. КОСТРИКОВ

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и политологии
Государственного университета управления,
Россия, г. Москва

ОЦЕНКА СОБЫТИЙ 1903 Г. В МАКЕДОНИИ И СТАРОЙ СЕРБИИ ПРИВЕРЖЕНЦАМИ ИДЕИ СЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ (На примере анализа материалов «Известий С.-Петербургского Славянского Благотворительного Общества»)

В статье критически изложены взгляды последователей русских славянофилов. Их мнения рассмотрены через призму анализа материалов журнала «Известия С.-Петербургского Славянского Благотворительного Общества», посвященных кризису в Македонии и Старой Сербии 1903 г. Дается краткое освещение истории самого Общества и его печатного органа. Отмечено высокое качество публикаций «Известий», которые дают яркую картину ситуации в Македонии, а также высокий уровень понимания авторами журнала противоречий вокруг Балканского полуострова и истинных причин трагедии славян и христиан Османской империи.

Ключевые слова: «Известия С.-Петербургского Славянского Благотворительного Общества», славянофилы и их последователи, Македония и Старая Сербия, славянский вопрос, политика России на Балканах.

S.P. KOSTRIKOV

*Doctor of historical Sciences, Professor,
head of the Department of history and political science,
State University of management, Moscow, Russia*

**ASSESSMENT OF THE EVENTS
OF 1903 IN MACEDONIA AND OLD SERBIA
BY ADHERENTS OF THE IDEA OF SLAVIC
UNITY IN RUSSIAN PUBLIC OPINION
(On the example of the analysis of the materials
of the «News of the St. Petersburg Slavic Charitable Society»)**

The article critically describes the views of the followers of the Russian Slavophiles. Their opinions are considered through the prism of the analysis of the materials of the journal “News (Izvestia) of the St. Petersburg Slavic Charitable Society”, dedicated to the crisis in Macedonia and Old Serbia in 1903. A brief account of the history of the Society and its press is given. The high quality of Izvestia’s publications, which give a vivid picture of the situation in Macedonia, as well as the high level of understanding of the contradictions around the Balkan Peninsula and the true causes of the tragedy of the Slavs and Christians of the Ottoman Empire, were noted.

Key words: “News of the St. Petersburg Slavic Charitable Society”, Slavophiles and their Followers, Macedonia and Old Serbia, the Slavic question, Russian policy in the Balkans.

«Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества» (ИСПСБО) – общественно-политическое и литературное издание, посвященное изучению проблем славянского мира. Оно выходило в Петербурге с октября 1883 г., ежемесячно, по 1888 г. включительно. С 22 января 1889 по 1891 журнал издавался под названием «Славянские Известия» и выходил еженедельно. Его издателем-редактором был В.В. Комаров, русский журналист, военный и общественный деятель. С 1892 г. издание было преобразовано в «Славянское Обозрение», которое возглавил известный славист профессор А.С. Будилович. В 1894 г. журнал вышел в виде ежегодника, который был подготовлен к изданию под руководством слависта и церковного историка И.В. Пальмова. В 1902 г. журнал возобновился под названием «Известия С.-Петербургского Славянского Благотворительного Общества», а в 1904 г. был снова переименован в «Славянские Известия». Выходил до 1910 г. Затем, с началом Первой балканской войны, возобновился в 1912 г. и издавался до 1916 г. [7. С. 696, 722; 4; 5; 6].

Само Славянское благотворительное общество было учреждено кружком русских славянофилов во главе с М.П. Погодиным, известным историком, писателем, академиком С.-Петербургской Академии наук, в 1858 г. в Москве как Славянский благотворительный комитет. Его целями были моральная и материальная поддержка южных славян, прежде всего – болгар, а потом и всех зарубежных славян, сопротивление католической и антироссийской политической пропаганде среди славянского населения европейских стран.

В 1868 г. был создан Петербургский отдел Комитета, вдохновителем и руководителем которого стал известный историк, в последствии академик СПб АН, славянофил и сторонник панславизма В.И. Ламанский. Деятельность отдела была направлена почти исключительно на удовлетворение культурных и духовных нужд заграничных славян, на сбор средств в их пользу. При отделе была учреждена особая «издательская комиссия» для издания различной литературы.

Сначала политические вопросы деятелями Комитета не поднимались. Но по мере развития национально-освободительной борьбы балканских славян деятельность организации приобретала все более широкий характер. Когда в 1875 г. вспыхнуло восстание в Боснии и Герцеговине в течение года Комитет собрал внушительную сумму, организовав на эти средства отправку на театр военных действий санитарного отряда, а также добровольцев в сербскую армию. Подобные действия продолжались и в период освободительной войны 1877-1878 гг., в период неурожая в 1887-1888 гг. в Черногории и т.д.

В 1877 г. Комитет был преобразован в С.-Петербургское Славянское благотворительное общество. Оно отзывалось на все значимые события славянской истории. Общественность информировалась о деятельности Общества через его периодические издания. В делах Общества и в его изданиях принимали участие видные ученые, общественные деятели, писатели и политики: В.И. Ламанский, А.Ф. Гильфердинг, К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.А. Киреев, Т.И. Филиппов, А.С. Будилович, А.Д. Башмаков, В.И. Аристов, О.Ф. Миллер, Н.Н. Страхов, князь А.И. Васильчиков, М.О. Коялович, Ю.Ф. Самарин, Ф.М. Достоевский, К.Я. Грот, И.И. Срезневский, Н.Я. Данилевский, граф Н.П. Игнатьев (председатель общества с 1888 г.) и др., а также многие представители чешской, болгарской, галицийской, сербской, хорватской интеллигенции [1. С. 8].

Проект нового устава Общества был утвержден министром внутренних дел 16-го апреля 1900 г. По новому уставу Общество имело целью содействовать развитию взаимности и духовному единению славян с Россией. Деятельность образования в славянских землях. Оно оказывало поддержку развитию научных и литературных связей с научными и литературными обществами, с отдельными представителями науки, культуры, политики

в славянских землях, в издании научных и литературных сочинений, руководств и пособий и т.п. По мнению руководителей Общества, своей деятельностью по всесторонней поддержке зарубежных славян в их борьбе за национальную самобытность, в конечном итоге оно должно было «содействовать русскому самосознанию путем выяснения его славянских основ» [1. С. 2]. Общество состояло в ведении министерства внутренних дел, которому представляло ежегодные отчеты о своей деятельности. С разрешения министра внутренних дел Общество могло открывать отделы в других городах России. Как отмечают исследователи, «в период, предшествовавший Первой мировой войне, в России действовали следующие славянские общества: Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество, Общество славянской взаимности в Петербурге, Галицко-русское общество в Петербурге, общество «Соборная Россия», Славянское вспомогательное общество в Москве, Московское общество славянской культуры, Аксаковское общество в Москве, Киевское славянское общество, Одесское славянское общество святых Кирилла и Мефодия и др.» [3. С. 12].

Вполне очевидно, что со временем деятельность Общества приобретала все более четкую политическую окраску в связи с нарастающими проблемами международных отношений в начале XX столетия, что особенно ярко видно из анализа публикаций в его периодических изданиях. Возобновляя в 1902 г. выпуск своих «Известий» руководители Общества отмечали, что этот журнал включает в свою программу статьи по «истории, литературе, этнографии и церковной жизни современных славян; статьи и известия, касающиеся политической и культурной жизни славянских народов; письма и корреспонденции из славянских земель; библиографические отчеты о выдающихся книгах по вопросам славяноведения; отчеты о деятельности Общества и объявления» [1. С. 1].

Ближневосточное (или – Балканское) направление внешней политики России уже в течение долгого времени было приоритетным. Особенную остроту оно приобрело в 70-е годы XIX в. Кульминацией стала освободительная война 1877-1878 гг., которая, с одной стороны вернула международный авторитет России и подняла ее престиж в глазах зарубежных славян на огромную высоту, а с другой – вызвала резкое противодействие европейских держав по тем же обстоятельствам. Россия, одержав безусловную победу над Турцией, вынуждена была принять унижительные условия Берлинского трактата, пересмотревшего содержание Сан-Стефанского мирного договора между Россией и Османской империей в пользу последней, а значительная часть балканских славян снова была отдана на растерзание турецких угнетателей. Одним из решений Берлинского трактата стало возвращение Македонии под турецкое владычество.

Как отмечают исследователи, у русского общественного мнения и царских властей «после мощного проявления солидарности с балканскими

славянами, вызванного освободительной войной 1877-1878 гг., ... интерес к славянскому вопросу стал снижаться. Этому отчасти способствовало и временное переключение внешнеполитической активности российского правительства на Дальний Восток, имевшее место на рубеже XIX-XX вв.» [3. С. 11]. Подтверждением этому стало заключение соглашения 1897 г. между Австро-Венгрией и Россией, одними из наиболее заинтересованных в балканских делах держав, о сохранении status quo на Балканах. Австрийцы были вполне удовлетворены отданными им по Берлинскому трактату под оккупацию Боснией и Герцеговиной и продолжали активное проникновение в экономику балканских стран. А у России, в связи с возникновением нового и весьма острого дальневосточного вопроса, в котором ее интересы сталкивались с Англией, США, Германией, Японией и Францией, не хватало сил на все. Интерес к балканским делам угасал не только во властных кругах, но и в общественном мнении. Как писали руководители С.-Петербургского Славянского благотворительного общества, его возобновленному в 1902 г. изданию «с первых же шагов пришлось считаться с ... прискорбным обстоятельством – с равнодушием к славянам и к славянскому вопросу русской читающей публики, идущей на помочах нашей журналистики» [1. С. 2]. Первым «прискорбным обстоятельством» было «упорное замалчивание нашего органа, за исключением двух столичных газет «С.-Петербургских Ведомостей» и «Нового Времени»» [1. С. 2].

Этому есть объяснение. В России назревала революционная ситуация. Популярными были либеральные идеи, связанные с ростом оппозиционности определенной части русской буржуазии, т.н. «молодых» (в отличие от «старых», выступавших за сотрудничество с правительством), наиболее яркими представителями которых стали известный предприниматель П.П. Рябушинский и его единомышленники. А также распространением этих идей в профессорско-интеллигентской среде и близкой к ней прессе. С другой стороны, росло рабочее движение и его влияние на общественное мнение, организационно оформлялись и начали свою революционную агитацию социал-демократы, социалисты-революционеры. Глухо роптала обездоленная российская деревня. Т.е. у страны имелись очень острые внутренние проблемы, которые не находили нормального разрешения. Представители славянофильства в этом политическом раскладе выглядели чем-то архаичным. Как писал один из руководителей С.-Петербургского славянского благотворительного общества П.Л. Кулаковский, «вопрос о славянском призвании России многим казался праздным, и самая мысль о славянах как едином целом, о значении славян для России и решении славянского вопроса, предоставлялась «маньякам славянофильства», считалась экстравагантной идеей, праздной забавой «реакционно настроенных» умов» [3. С. 11].

Ситуация стала несколько меняться вслед за обострением событий на Балканах, прежде всего в Македонии и Старой Сербии, где положение

христиан и славян приобретало катастрофический характер. И «Известия С.-Петербургского Славянского Благотворительного Общества» сыграли немалую роль в привлечении внимания русского общественного мнения к этой проблеме.

Согласно Берлинскому трактату, великие державы обязали Османскую империю «провести в ее европейских провинциях, в том числе и в Македонии, реформы с тем, чтобы уравнивать христиан в правах с мусульманами и, прежде всего, допустить христиан в состав судебных и административных учреждений, а также в полицию и жандармерию. Затягивая проведение соответствующих преобразований, султан Абдул Хамид II (1876-1909 гг.) установил в Османской империи, в том числе и в балканских владениях, жесточайший режим, для которого были характерны чудовищный произвол турецких чиновников и всеобъемлющая коррупция в государственном аппарате» [8. С. 486]. Обещания, данные Турцией еще в 1878 г. улучшить положение христианского населения Македонии, не были выполнены и к началу XX в. Поэтому социальное напряжение в этих землях постоянно нарастало и грозило вылиться в массовое восстание против турок. К 1903 г. ситуация достигла критического состояния [2; 8].

«Известия» в период нарастания вооруженного протеста в Македонии и Старой Сербии публиковали ежемесячно различные материалы, посвященные этим событиям. В № 2 за ноябрь 1902 г. отмечалось: «В Македонии в разных местах вспыхнуло восстание. Настоящее движение заслуживает несравненно больше внимания, чем все предшествующие движения среди македонского населения. Оно имеет определенный план, руководят им бывшие офицеры болгарской армии, и ему сочувствует значительная часть болгарского населения в Македонии» [1. С. 38]. В октябрьском номере за 1902 г. приводится текст обращения одной из руководящей сопротивлением организации Верховного Македонско-Адрианонопольского комитета, в котором объясняются причины начавшегося выступления. По Сан-Стефанскому договору «все почти христианское население Европейской Турции избавлялось от мусульманского ига. Но Берлинский трактат возвратил Македонию под власть Турции, которая была обязана по 23-й статье производить реформы в областях, населенных христианами... Прошло уже с того времени четверть века, а положение в Македонии только ухудшилось... Прежнее цветущее состояние Македонии доведено в настоящее время до полного падения» [1. С. 49].

В ответ на антитурецкие выступления султанское правительство двинуло войска и даже объявило о призыве в армию запасных, вооружило «все магометанское население». Турецкие войска «вырезают целые селения». Толпы беженцев, спасаясь от репрессий, устремились к болгарской границе. «Высшие офицеры, чиновники, видные турецкие граждане – отмечают «Известия», – без стеснений говорят, что болгар следует проучить так, как

7 лет тому назад проучили армян. Упорно носят слухи, что Турция готовится к войне с Болгарией» [1. С. 39]. В журнале помещаются сообщения о чудовищных зверствах и насилии, которым подвергается христианское население: «Зовут на помощь братья наши по крови и по вере, заброшенные среди снежных гор Македонии и Старой Сербии, измученные пытками башибузуков, голодные, босые, среди груды развалин своих жилищ, среди трупов своих близких... Старики, женщины, дети зарезаны; трупы их оставлены на съедение собакам и орлам. Турецкие низамы насилуют детей на глазах родителей. Мужчин они подвергают пыткам...» [1. С. 46-47].

В журнале, в развернутой статье известного русского слависта А.С. Будиловича, рассматриваются причины такого положения в регионе, дается его географическая, этнографическая и геополитическая характеристика. Подчеркивается исключительная стратегическая важность Македонии и Старой Сербии для интересов великих держав. Отмечено, что современное на тот момент население полуострова формировалось с ранних периодов средних веков, когда славяне потеснили и ассимилировали остатки прежнего жителей, в основном фракийцев и готов, став «господствующим народом». А потом туда «заносятся отпрыски италийских и вообще «франкских» населений» благодаря крестовым походам и венецианским завоеваниям». И, наконец, «многочисленные поколения татар (куманов, юруков, турок), выселки черкесов, и даже цыган и испанских евреев» [1. С. 4]. К началу XX в. в Македонии проживали 1 млн. славян, 520 тыс. турок, 200 тыс. греков, 100 тыс. албанцев, 75 тыс. куцовлахов (близкий к румынам этнос. – С.К.), 35 тыс. цыган [1. С. 4]. Эта этнографическая пестрота, по мнению профессора А.С. Будиловича, создает проблемы для определения будущего Македонии. К подобным проблемам он относит и религиозную чересполосицу, где существуют не только православные христиане и мусульмане, но и католики, и иудеи. Автор пишет: «Само собою понятно, что коренящиеся в вероисповедных различиях контрасты в среде македонского населения проникают из церквей, костелов, мечетей, синагог в школы, суды, администрацию, в жизнь общественную, экономическую и государственную, парализуя возможность какой бы то ни было областной солидарности в отстаивании интересов общемакедонских» [1. С. 5]. К этому добавляются и противоречия внутри конфессий. Среди православных есть приверженцы константинопольского патриархата и болгарского экзархата, которые испытывают острые разногласия и даже враждуют. Среди албанцев преобладают мусульмане, но есть и католики, которые спонсируются австрийцами. Среди сербов помимо православных есть и сербы-мусульмане, получающие привилегии от турецкого правительства. А между сербами и болгарами существуют и национальная, и религиозная вражда. Поэтому будущее Македонии и Старой Сербии выглядит весьма неопределенно. Мусульмане тяготеют к Турции, часть христиан – к Болгарии, другая – к Греции, еще

одна – к Сербии, албанцы-католики – к Австрии, часть албанцев вспоминает о княжении Скандербега (национальный герой Албании XV в., боровшийся с Османской империей), часть хочет жить независимо ни от кого. Наконец есть значительная часть христианского населения, которая ратует за независимую Македонию.

Однако, по мнению журнала, не этими трудностями в первую очередь объясняются нынешние проблемы Македонии и Старой Сербии. И не только нежеланием султана выполнить, наконец, данные неоднократно обещания провести реформы, облегчающие положение христиан. Главная проблема заключается в политике великих держав и по отношению к македонской проблеме, и по отношению к Турции. Автор журнала, приводя многочисленные примеры произвола турецких властей по отношению к христианскому населению Македонии и Старой Сербии вопрошает: «Кто виноват в случившемся – Турция? – нет, просвещенная Европа и мы, допустившие все это, не сумевшие властным словом предупредить, остановить насилие...» [1. С. 47]. Уже упомянутый выше А.С. Будилович четко определяет позиции западных держав по отношению к Турции. Оценивая результаты Берлинского конгресса, он отмечает, что «главная цель этого конгресса заключалась ... в том, чтобы парализовать успехи России, добытые в войне с турками, свести до *minimum*'а условия Свято-Стефанского договора. В частности, же усилия западноевропейских дипломатов были на этом конгрессе направлены к восстановлению турецкого господства в Македонии и Старой Сербии, с одновременной заменой его господством австрийским в Боснии и Герцеговине» [1. С. 8].

Действительно, присоединение Македонии к Болгарии, Сербии или Греции, или же формирование некоего Македонского государства сильно ослабляли позиции Турции, а, стало быть, и европейских держав в этом регионе. Но могли усилить российское влияние. Это было не нужно никому в Европе. Англию волновали, как пишет автор, «ключи от русского дома», т.е. проливы, которые она предпочитала оставить за султаном. Австрия стремилась закрепиться в Боснии, политически и экономически сблизиться с Сербией короля Милана Обреновича. А.С. Будилович отмечает, что интересы австрийских дипломатов, стратегов, банкиров, инженеров и всяких дельцов столкнулись «со стремлениями турецких, особенно старо-сербских и македонских славян к освобождению от тяготеющего над ними ига» [1. С. 8]. Поэтому Австро-Венгрии выгодно оставить ситуацию как есть. Тем более, что из-за внутренних проблем она не могла полностью заняться Балканами. Но в этом деле, как указано далее, Вену активно поддержала Германия. А.С. Будилович полагает, что, нанеся поражение Австрии в 1866 г., немцы охладили австрийские устремления к германским землям и переориентировали их внимание на балканское направление. По мере приближения к порту Салоники, открывающему выход к Эгейскому морю, Малой

Азии и Суэцкому каналу, «Австрия все более будет охладевать к Триесту», который империя Гогенцоллернов «приглядела» для себя как «необходимое звено для сношения Германии, через тяготеющие к ней альпийско-немецкие земли, со Средиземным морем, а, следовательно, и с германскими колониями на Индийском и Великом океанах» [1. С. 9]. Ну а в целом, подводит итог автор, «австрийский флаг над солунским (т.е. салоницким. – С.К.), положим, портом вовсе не будет там помехою для господства и флага германского» [1. С. 9].

Тема австро-германских интересов на Балканах неоднократно поднимается в журнале. Редактор «Известий» ученый-славист В.Н. Кораблев в своей большой статье о событиях в Македонии и Старой Сербии пишет о разрушительной для славян роли Габсбургской империи в славянском вопросе: «Австрия для осуществления своих планов отлично пользуется всем, чем возможно: вооружая друг против друга славян (хорватов и сербов, сербов и болгар), она таким путем ослабляет внутреннюю силу славянства, которая заключается именно в единстве и в единении. Австрия, или лучше за спиной ее Германия, открыто стремится подчинить славян сначала своему экономическому, а затем и политическому влиянию. Ту же политику ведет она и в Македонии» [1. С. 8]. Автор указывает, что «разбойничьи банды албанцев, поддерживаемые Австрией» разоряют и терроризируют сербов и болгар в Старой Сербии, заставляя их покидать дома и бежать в Сербское королевство и Болгарию или эмигрировать в Америку. «Австрийские же немцы – по словам автора, – стараются занять оставленные славянские поселения: этих колонистов много уже по пути от Митровицы на Качаник». Отмечает он и распространение религиозно-политической пропаганды среди местного славянского населения: «Для горстки католиков воздвигаются прекрасные школы, больницы, читальни, церкви, появляются иезуиты: все эти благие и гуманные учреждения имеют чисто политическую подкладку и служат распространению и укреплению австро-папизма, главного оружия Рима и Вены» [1. С. 8].

В.Н. Кораблев пишет также, что на данный момент интересы Австро-Венгрии и Италии, еще одного игрока на Балканах, почти не пересекаются, что они «действуют пока дружно». Италия стремится захватить адриатическое побережье, населенное албанцами и упрочить свое влияние в юго-западной части Албании. В этом регионе австрийские и итальянские интересы не пересекаются. Рим и Вена действуют, не мешая друг другу [1. С. 9].

Как отмечает автор, Турция, начиная с 1878 г. уже не раз обещала провести реформы, облегчающие жизнь христианского населения, но до реализации их никогда не доводила и, судя по всему, не собирается их понастоящему проводить и сейчас. Речь идет прежде всего о допущении христиан в состав судебных и административных учреждений, а также в полицию и жандармерию. Все это вызвало резкое сопротивление мусуль-

манской части населения Македонии и Старой Сербии. Автор пишет о том, что посланная из Константинополя комиссия пыталась убедить албанцев-мусульман принять реформы. Но они объявили комиссии, что «русских реформ не принимают и не допустят, чтобы над ними властвовали христиане; султана-де они любят, преданы ему, с оружием в руках будут его защищать от христиан; но если он потребует, чтобы его верноподданные албанцы подчинились христианам, то они с оружием в руках будут противиться воле великого падишаха» [1. С. 14].

Отмечая своекорыстное отношение великих держав к трагедии балканских славян, В.Н. Кораблев с горечью пишет: «С радостью и с ликованием прислушиваются к стонам умирающих, с радостью ожидают конца кровавой трагедии те, кто заинтересован в полной гибели, в окончательном истреблении славянского элемента на Балканском полуострове. Они в силах, они могут помочь, но не хотят: пусть гибнут эти опасные для Европы «рабы»; пусть очистят они место для благородных наций...» [1. С. 1].

Возникает естественный вопрос: а что же Россия? Может ли она оказать влияние на сложившуюся ситуацию, оказать более действенную помощь, нежели благотворительность общественных организаций? Тем более, что ее интересы не учитываются ни великими державами, ни турецким правительством. Более того, произошло событие, которое прямо касалось России. 18 марта поступило сообщение, что русский консул Г.С. Щербина тяжело ранен солдатом-албанцем. Несмотря на усилия врачей через несколько дней он скончался [2]. В.Н. Кораблев пишет: «Напряженно ждут все решающего момента, властного слова! И из уст каждого, в ком живо чувство национальной гордости, готов вырваться роковой вопрос: Иль Русского Царя бессильно слово?» [1. С. 2]. Автор постоянно подчеркивает, что без нашей помощи балканским славянам не справиться со своими проблемами. С другой стороны, прозорливо отмечает он, «и будущее России обусловлено существованием и процветанием балканских славян... Россия должна создать себе на Балканах крепкий славянский оплот...» [1. С. 16]. По его мнению, наша страна должна способствовать освобождению славян, как это было сделано 25 лет, т.е. в 1877-1878 гг. Еще одна миссия России – «внести мир и любовь в разрозненные части славянства... И когда это будет сделано, тогда Россия твердою ногою станет на Балканах... Старший брат должен помнить, что нет у него иных друзей, кроме славян...» [1. С. 17].

В целом, с учетом исторической перспективы, это были верные соображения, хотя и отдающие некоторым идеализмом. Вряд ли в тот период Россия могла себя повести более активно в македонском вопросе. И сам В.Н. Кораблев признает, что «широкие мировые задачи России отвлекают ее на Восток», т.е. – на Дальний Восток, где завязался крепкий узел противоречий, где Россия опять фактически оставалась одна. Но он продолжает настаивать, что даже при этом она не должна жертвовать славянами, «они ее форпосты в неминусимой и опасной борьбе с враждебным нам западом» [1. С. 17].

Единственное, чем Россия смогла ответить на сложившуюся тяжелую ситуацию в Македонии и Старой Сербии, заключить с Австрией Мюрцштегское соглашение в октябре 1903 г. во время встречи в Австрии императоров Франца-Иосифа и Николая II и их министров иностранных дел. Встреча состоялась сразу же после кровопролитного Илинденского восстания в Македонии и Старой Сербии и была призвана найти компромисс между османским правительством и христианским населением. В объявленных реформах речь по-прежнему шла о реорганизации жандармерии и полиции с включением в них христиан и при контроле иностранных офицеров, о замене десятины в пользу турецкой казны поземельным налогом, о формировании собственного бюджета каждым вилайетом (провинцией), о назначении судей-христиан. Это были паллиативные меры, которые и раньше пытались вводить турецкие власти под международным давлением. Они не решали принципиального вопроса – предоставления независимости или хотя бы автономии для региона. Но в тех политических условиях говорить о независимости Македонии было просто невозможно из-за слишком резкого столкновения интересов великих держав. Реформы проводились вяло и были свернуты после младотурецкой революции.

Рассматриваемый нами журнал много сделал для распространения информации о положении славян и христиан на Балканах. В его публикациях с достаточной полнотой отражены все проблемы этого региона, международные противоречия вокруг него. Суждения авторов журнала тем ценнее, что все они были специалистами в вопросах славянской истории, языка, культуры. Многие побывали на Балканах и хорошо знали обстановку на местах, регулярно общались с учеными и политиками из славянских земель. Поэтому мы можем говорить о профессионализме в их публикациях, глубоком знании и понимании проблем. Но положение в мире и в самой России постоянно актуализировало другие вопросы. При всей своей исторической прозорливости члены «Общества» и авторы журнальных публикаций не смогли оказать влияния на международную политику царской России, не смогли до конца осознать, что внутреннее социально-экономическое и политическое развитие империи, нарастающий мировой конфликт между великими державами не оставляет ей возможностей для решения славянского вопроса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества, 1902-1903.
2. *Костриков С.П.* События 1903 г. в Македонии и Старой Сербии на страницах журнала «Нива» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 9 (54).
3. *Кострикова Е.Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос. Идейная борьба в российском обществе в начале XX века. М.: Кучково поле, 2017.

4. *Лантева Л.П.* В.И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX-XX веков // Славянский вопрос. Вехи истории. М.: Ин-т славяноведения РАН, 1997.

5. *Пирожкова Т.Ф.* Славянофильская журналистика. М.: Изд-во МГУ, 1997.

6. *Поповкин А.* Периодические издания Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества (1883-1916 гг.) // <https://ruskline.ru/analitika/2012/07/26/>.

7. Русская периодическая печать (1702-1894). Справочник. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.

8. *Сквозников А.Н.* Македония в конце XIX – начале XX века: «яблоко раздора» на Балканах // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2007. Т. 9. № 2.

DOI 10.35775/PSI.2021.67.2.002

УДК 94

С.В. БОРИСНЁВ

*доктор исторических наук,
старший преподаватель кафедры военно-политической работы
Военного университета Министерства обороны РФ,*

Россия, г. Москва

С.Ф. ВИТИНЧЕВ

*доктор исторических наук,
профессор кафедры политологии и права Московского
государственного областного университета,*

Россия, г. Москва

СПЕЦПРОПАГАНДА, КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ

В статье раскрываются исторические аспекты появления, развития и ликвидации специальной пропаганды (спецпропаганды) в советских Вооруженных Силах. Показываются основные задачи и технологии работы спецпропагандистов для воздействия на личный состав противника и его население в ходе войн с Японией, Финляндией и Германией, а также в послевоенных локальных войнах и конфликтах.

Ключевые слова: *спецпропаганда/специальная пропаганда, основные задачи и технологии спецпропаганды, участники спецпропаганды, особенности спецпропаганды в ходе войн и вооруженных конфликтов в прошлом и сегодня, значение спецпропаганды для современности.*

S.V. BORISNYOV

*Doctor of Historical Sciences,
senior lecturer of the Department of Military and
Political Work, Military University of the Ministry of
Defense of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

S.F. VETITNEV

*Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of Political Science
and Law, Moscow State Regional University,
Moscow, Russia*

SPECIAL PROPAGANDA, AS AN INTEGRAL PART OF THE PARTY-POLITICAL WORK IN THE SOVIET ARMED FORCES

The article reveals the historical aspects of the emergence, development and elimination of special propaganda (specpropaganda) in the Soviet Armed Forces. The main tasks and technologies of the work of specpropagandists for the impact on the enemy personnel and its population during the wars with Japan, Finland and Germany, as well as in post-war local wars and conflicts are described.

Key words: *specpropaganda/special propaganda, the main tasks and technologies of specpropaganda, the participants of specpropaganda, the features of specpropaganda during wars and armed conflicts in the past and today, the importance of specpropaganda for modernity.*

В ходе войн и военных конфликтов противодействующие стороны пытаются с самого начала деморализовать друг друга. При всем совершенстве военной техники и вооружение, ими управляет человек, и от его морально-политического и психологического состояния в большей степени зависит победа любого противостояния. В Вооруженных Силах Советского Союза данному элементу борьбы с противником во все времена уделялось большое внимание.

Исходя из этого в конце 1940-х годов высшее политическое и военное руководство Советского Союза принято решение о необходимости проведения специальной пропагандистской деятельности, направленной на личный состав войск и население вероятного противника.

Рождение специальной пропаганды (спецпропаганды) в РККА состоялось 12 октября 1940 году. Чуть меньше года до начала войны гитлеровской Германии с Советским Союзом, директивой Совнаркома в составе Главно-

го политуправления РККА был образован отдел пропаганды на войска и население противника, позже, уже во время боевых действий с немецкими войсками, преобразованный в 7-е (специальное) управление Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота.

В дальнейшем в советской военной истории данная организация вошло, как управление специальной пропаганды, структура, созданная согласно указанию Сталина для ведения морально-политической и диверсионно-подрывной деятельности «среди войск и населения противника».

В 1940-е годы данная деятельность обозначалась официально, как «политическая работа», в действительности о содержании операциях спецпропагандистов в Советском Союзе знал незначительный ряд уполномоченных лиц.

Сам термин «спецпропаганда» принятый в Советском Союзе соответствует принятому на Западе термину «психологическая война». Западный термин советские специалисты не могли использовать по причине официального провозглашения недопустимости ведения такой войны СССР. В настоящее время больше применяется такой термин, как «информационная война». Любая войны, будь она «горячая» или «холодная» не может проводится без информационной войны. И именно спецпропаганда – это анализ военнослужащих и населения противника и воздействие на их морально-политическое и психологическое состояние.

Неизбежность возникновения в РККА организации, которая была призвана ускорить победу в войне через дезорганизацию противостоящей армии и ослабления ее поддержки собственным народом, была определено боевым опытом на озере Хасан и Халхин-Голе, вводом РККА в Прибалтику, советско-финской войной с Финляндией и освобождением Красной Армией Западных Украины и Белоруссии. Возникла неизбежность войны с Германией, к которой шла активная подготовка Советского Союза.

Так, например, в боях на Халхин-Голе стали использоваться определенные элементы воздействия для деморализации противника. А именно, использовались громкоговорящие установки для проведения специальной пропаганды.

Поэтому, это был верный замысел, который подтвердили уже первые месяцы Великой Отечественной войны, когда советские спецпропагандисты-политработники через ошибки и пробы стали активно учиться влиять на значительно мотивированного и уверенного в своей неизбежной победе врага.

В сложившихся обстоятельствах огромная структура морально-политического и психологического воздействия вылилась в информационную войну, которая проводилась силами ГлавПУРа. Уже с конца 1940 года основным направлением спецпропагандистов на целых пять лет стали немецкие нацисты и японские милитаристы.

С первого момента создания спецпропаганды ей стал руководить Бурцев Михаил Иванович, который уже имел практический опыт организации

информационно-пропагандистской деятельности с японскими и финскими военнослужащими.

Исходя из имевшегося опыта начальнику отдела пропаганды на войска и население противника ГлавПУРа полковому комиссару (с 1944 года – генерал-майор) М. Бурцеву и его подчиненным, находившихся в действующих войсках, были определены первостепенные задачи:

- изобличать Гитлера и нацистских главарей как врагов немецкого народа;
- утверждать, что войны со стороны СССР является справедливой и имеет освободительный характер;
- показывать неизбежность военного поражения Германии и ее сателлитов;
- усиливать противоречия между немцами и их союзниками.

Решить эти задачи было сложно. Возникшие неудачи в начале войны для РККА в ходе боевых действий показали, что предвоенные наработки на возникновение у военнослужащих вермахта чувства классовой солидарности и тиражировавшиеся в первых листовках призывы «Стой, перед тобой страна рабочих и крестьян» вызывают у гитлеровцев лишь смех и совершенно не сработают. Правильное понимание было сделано быстро, и на смену идеологическим установкам появилось обращение к чувствам солдат противника, в первую очередь страху смерти, манипуляция их эмоциями, стимулирование панических настроений, введение в заблуждение относительно ситуации на фронте и т.д.

Что это было за время М.И. Бурцев описал в своих ставил свои интересные мемуары. В начале 1980-х годов в «Воениздате» вышла книга с его воспоминаниями «Прозрение», которую сегодня можно прочитать в электронной виде в Интернете [1].

Разумеется, генерал М.И. Бурцев внес в книгу не все, оставил вне книги то, что является секретов для любой спецдеятельности, детальную методику организации и ведения специальных операций, их истинные цели и содержание. Много места в книге уделено роли коммунистической партии, партийной пропаганде и журналистике. В то время и нельзя было писать иначе, так как партийная цензура и партийная целесообразность не оставляли для него иного выбора. Но если подойти к этой работе с позиций современности, оставив в стороне идеологические походы, то это и сегодня одна из самых лучших книг об информационной (психологической) войне, как составной части гибридной войны. О М.И. Бурцеве и его «Прозрении» в 2001 году была опубликована интересная статья в «Красной Звезде». Вскоре после ее публикации Михаил Иванович ушел из жизни [4].

Если говорить о Великой Отечественной войны, то именно она максимально способствовала появлению действенных технологий воздействия на умы людей, прямо или косвенно участвующих в боевых действиях. Это

касается не только русских или немцев, но также и американцев, и англичан. Война дала толчок появлению научной и специальной литературы в области специальной пропаганды.

Доказательством тому служит организация политической работы в виде спецпропаганды среди войск и населения противника в годы Великой Отечественной войны, равно как и в ходе последующих вооруженных конфликтов, а также сложившаяся система подготовки специалистов для ее ведения.

Во время войны офицеры спецпропаганды, являвшейся советским аналогом того, что на Западе принято называть психологической войной, занимались подрывом морально-психологического состояния солдат и офицеров вермахта и армий стран-союзниц Третьего рейха, создавали антифашистские организации среди военнопленных, самыми известными из которых были Национальный комитет «Свободная Германия» и «Союз немецких офицеров». Обеспечивали лояльность к советским войскам населения освобожденных от нацистов европейских стран, внося тем самым весомый вклад в Победу.

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов советская спецпропаганда велась масштабно, ее эффективность высоко оценивало даже немецкое командование, само довольно эффективно занимавшееся психологической войной.

Измененный подход дал эффект. В разгар битвы за Москву, 10 декабря 1941 года начальником штаба оперативного руководства вермахта генералом Йодлем была подписана директива «О контрпропаганде», в которой подчеркивалось, что «пропаганда русских может повлечь за собой тяжелые последствия и даже смертельную опасность для германской армии и народа».

Почему так напугали спецпропагандисты генерала Йодля? С 26 июня 1941 года они активно приступили к решению главных пропагандистских задач, которые перед ними поставил Сталин. А именно решались задачи по разоблачению Гитлера и фашистских лидеров как врагов немецкого народа, убеждению в справедливом, освободительном характере войны со стороны Советского Союза, доказыванию неизбежность военного поражения Германии и ее сателлитов, обострению противоречия, существовавшие внутри фашистской «оси».

Самыми ярким примером советской спецпропаганды в годы войны стало распространение среди войск противника обращений немецких солдат, добровольно перешедших на сторону Красной Армии. Ветераны службы наиболее часто приводят листовку, написанную антифашистом Альфредом Лискофом, в которой он осуждал преступный характер развязанной Гитлером войны. Именно этот солдат перед самым началом войны перешел на советскую сторону и сообщил о готовящейся агрессии против СССР [5].

Активное участие офицеры спецпропаганды приняли и в организации антифашистского движения из числа военнопленных. На фронтах ими были

созданы антифашистские школы для пленных солдат и офицеров вермахта. Именно их выпускники стали активными помощниками и консультантами пропагандистов Красной Армии. Именно офицерам 7-го управления принадлежит идея создания «единого фронта антифашистской пропаганды и агитации» во главе с Национальным комитетом «Свободная Германия».

Роль этого комитета в разгроме Гитлера велика. В подмосковном Красногорске до сих пор существует музей, посвященный тесному сотрудничеству органов спецпропаганды и немецких антифашистов из «Свободной Германии» во все годы войны. Большое значение имело для организации спецпропаганды участие немецких коммунистов – политэмигрантов, живших в Советском Союзе, авторитетных офицеров вермахта, попавших в плен и согласившихся сотрудничать с советским командованием. Их также оперативно привлекли к ведению информационно-пропагандистской работы [6].

Увеличению эффективности советской спецпропаганды способствовало широкое привлечение к составлению агитационных материалов советских писателей и поэтов, художников-карикатуристов, среди которых были знаменитые Кукрыниксы.

Перед празднованием 60-летия победы в 2005 году на российском телевидении появился любопытный документальный фильм «КуКрыНиксы против Геббельса», немного приоткрывший завесу тайны над спецпропагандой. Несмотря на все достоинства картины, наглядная агитация, газеты, плакаты и листовки в годы второй мировой войны – это только видимая часть айсберга, крупица той многогранной работы, которую вело 7-е управление ГлавПУРа.

В ходе войны офицеры службы спецпропаганды оттачивали мастерство и наращивали масштабы морально-политического и психологического воздействия, нацеленного на то, чтобы сломить боевой дух вражеских солдат.

Для чего, помимо традиционных листовок, широко использовалась и другая печатная продукция, в т. ч. красочные буклеты, плакаты, иллюстрированные журналы, поставившиеся на позиции противника авиацией и артиллерией, наглядная агитация, звуковещание через рупора и громкоговорители (пример такой работы можно увидеть, например, в последней серии киноэпопеи Юрия Озерова «Освобождение»), радиовещание, вхождение в боевые радиосети, обратный отпуск распропагандированных военнопленных и перебежчиков, а также множество иных приемов и способов, некоторые из которых были изобретены непосредственно в ходе войны.

Многие добровольно сдавшиеся в плен немецкие, румынские, итальянские, венгерские солдаты признавали, что к этому решению их подтолкнули советские листовки и применение других спецсредств, хотя возможности для сопротивления были далеко не исчерпаны. Помимо ослабления противника, это помогало сохранить жизни нашим воинам.

Еще один известный ветеран службы Берников Николай Николаевич вспоминал, что в качестве литературных редакторов, которые придавали

немецкую специфику для восприятия военнослужащими вермахта, привлекались немецкие писатели-эмигранты: Э. Вайнерт, Ф. Вольф, И. Бехер, В. Бредеш. Ни один агитационный документ не отдавался в набор без визы одного из перечисленных немецких писателей. И. Бехер даже был некоторое время редактором немецкой газеты «Die Wahrheit», издававшейся политуправлением Западного фронта [7].

Сегодня в военных архивах можно найти цифры, показывающие масштаб пропагандистской работы в те военные годы. Всего за время Великой Отечественной войны ГлавПУРОм было издано и распространено свыше 20 тысяч наименований различного вида пропагандистской литературы на 20 иностранных языках общим тиражом 2 миллиарда 760 миллионов экземпляров, в том числе 10 миллионов экземпляров газет, 10 миллионов 200 тысяч агитационных брошюр. Остальное количество составили различные виды листовок и обращений [2. С. 150].

Чтобы добиться результата, для службы в органах спецпропаганды (в Великую Отечественную они были представлены на всех уровнях от фронта до дивизии включительно) были нужны люди, не только творчески мыслящие, но и владеющие иностранным языком (желательно не одним) и знающие национальную психологию того народа, с представителями которого предстояло иметь дело в ходе боевых действий.

И если подготовка обычных политработников, занимавшихся поддержанием высокого морально-боевого духа у своих военнослужащих, не требовала большого времени и затрат, то, чтобы обучить офицера спецпропаганды, было необходимо приложить намного больше различного рода усилий.

С 1942 года эту задачу руководство страны возложило на Военный институт иностранных языков, в котором было создано специальное отделение, позже преобразованное в Третий факультет ВИИЯ.

Несколько раз сменив название, но сохранив сформировавшуюся за десятилетия научную школу и свое ключевое предназначение, он и сегодня продолжает готовить необходимые кадры для Вооруженных Сил России в составе Военного университета Министерства обороны Российской Федерации.

Необходимо отметить важный факт, имеющий большое принципиальное значение. В годы войны спецпропаганда стала не только пропагандистским рупором советского правительства. Произошло нечто большее – превращение ее в своеобразную этнопсихологическую разведку Советского Союза.

Офицеры спецпропаганды, в совершенстве знавшие языки и психологию народов Европы и Азии, стали поставщиками важнейшей информации руководству СССР о морально-психологическом состоянии его противников, давали Сталину и его окружению рецепты бескровной победы над врагом. Умение мастерски вести психологический опрос, анализировать

огромное количество различных источников с целью получения уникальных данных о слабых местах, болевых точках вражеских армий, творчески организовывать информационно-пропагандистские кампании – это было настоящее лицо советской спецпропаганды.

Сейчас модно говорить о такой сфере деятельности, как паблик рилейшнз – связи с общественностью. Так вот, институционализация этого явления произошла после Второй мировой войны, а многое из военной практики реализовывалось уже в мирное время. В военной же сфере на смену «горячей» войне пришла война «холодная», и опыт спецпропаганды оказался вновь востребованным. «Психологическая война» широко использовалась и Соединенными Штатами Америки, и другими государствами в международных отношениях – в воздействии на население той или иной части мирового сообщества.

Если говорить о спецпропаганде, то она присутствует там и тогда, где есть конфликт, где начинаются активные боевые действия. До этого органы спецпропаганды находятся, если так можно сказать, в ожидательно-подготовительном режиме, оценивают ситуацию, совершенствуют свои методики, техническую базу. Идет активное научно-ориентированное изучение потенциального противника, поиск способов возможного воздействия на него. Не менее важным был аспект спецпропаганды послевоенного времени – это работа с армиями наших союзников, главным образом по укреплению боевого содружества. Аналогичная работа проводилась, кстати, и в НАТО.

В годы «холодной войны» офицеры-спецпропагандисты принимали участие почти во всех вооруженных конфликтах, в которые была вовлечены советские Вооруженные Силы.

Исходя из этого воссоздание в рамках тогдашнего ВИИЯ факультета спецпропаганды стало делом и закономерным, и логичным. Нужна была системная подготовка таких кадров. Не надо забывать также, что после войны у нас в Вооруженных Силах осталось много людей, имевших огромный практический, а потом уже и накопленный теоретический опыт в этой сфере, что было учтено при создании факультета. Возможно, им не хватало неких знаний в смежных областях, в частности социологии, психологии – науках, которые были как бы в немилости у советского руководства, но это были по-своему уникальные специалисты.

Таким специалистом был Николай Николаевич Берников, который был начальником кафедры в послевоенный период. Он говорил: «Для того, чтобы противник заглотив ваш аргумент, его надо немного подмаслить». На таком практическом уровне шло преподавание спецпропаганды до 1956 года.

Затем институт был расформирован и воссоздан лишь в 1963 году. За этот период никакой подготовки спецпропагандистов не велось. Воссо-

дание же факультета спецпропаганды и подготовка специалистов начались с 1966 года. Тогда же по решению правительства Советского Союза, Министерства обороны СССР была воссоздана и кафедра спецпропаганды. Примерно с этого времени началась аналогичная подготовка и среди офицеров запаса – в МГУ. Они также получали соответствующий ВУС.

Первым начальником факультета стал Леонид Прохорович Макаров, первым замполитом Анатолий Петрович Филиппов, который впоследствии возглавил факультет.

Набирали из числа военнослужащих и выпускников суворовских военных училищ, имевших специальную подготовку. Две языковые группы были сформированы из числа слушателей факультета западных языков.

По языковой и профессиональной военной и политической подготовке было все то же самое, что на факультетах других языков, плюс специальные дисциплины. Во главу угла было поставлено преподавание принципов и методов морально-политического изучения личного состава и населения и способов воздействия на него.

В процессе обучения корректировался список преподаваемых дисциплин. Так, в него вошли такие предметы, как ораторское искусство (был оборудован даже целый класс по нему), теория массовой коммуникации, роль СМИ и некоторые другие прикладные науки, имеющие отношение к спецпропаганде.

Первоначально были набраны 4 языковые группы – немецкая, испанская, итальянская и японская. Потом к ним присоединилась английская и испанская группы.

Главное, что отличало спецфакультет – это комплексная, системная и углубленная подготовка специалистов. Требовательность со стороны преподавательского состава была очень высокая. В тоже время они учили патриотизму, любви к стране и ее Вооруженным Силам, высокой ответственности и самодисциплине.

Среди преподавательского состава в это время было много авторитетных преподавателей специальных и языковых дисциплин по подготовке спецпропагандистов. В первую очередь выделялся Волков Николай Васильевич – фронтовик, выдающийся германист, очень благожелательном человеке, обладавшем большой культурой и эрудицией. В годы войны он работал в спецпропаганде. Он блестяще знал не только немецкий, но и английский язык, рассказывал нам много поучительных, а подчас и забавных историй из своей практики.

Практически со второго курса слушателей факультета стали отправлять в заграничные командировки. Началось все с арабо-израильской войны в июне 1967 года. Потом была Чехословакия 1968 года, когда часть испанской группы, как говорят, «перевернули» на чешский язык. Ездили также на Кубу.

В этих командировках люди получали большой жизненный и военный опыт, они были приближены к боевым действиям, потом они и спецдисциплины воспринимали иначе. Были и своеобразные командировки. Это участие в разведывательных полетах на самолетах Ту-95 над Атлантикой и Тихим океаном, где размещались крупные соединения ВМС США, которые слушатели фиксировали. Из других заданий была военно-техническая помощь Сирии и Египту в ходе противостояния с Израилем.

Но это была чисто языковая практика, которая впоследствии легла в основу практической спецпропаганды. А вот в Чехословакии слушатели больше соприкасались с профессиональной работой – практически с корабля на бал. Это было непосредственное общение с чешским и словацким народами, различными представителями армий стран Варшавского договора.

По завершению учебы выпускники отправляются в действующие части и соединения советских Вооруженных Сил. Все работали на направлениях в соответствии со страной избранного языка. Это были группы войск, округа и флоты. Преимущественно выпускники работали в политуправлениях. Любопытно отметить, что низшая должность инструктора дивизии по спецпропаганде, на которую назначали, была майорской. Для выпускника-лейтенанта пойти на майорскую должность – очень почетно. То есть сама должность была статусной и важной, так как на нее мог быть назначен только соответствующий специалист-спецпропагандист.

Часть выпускников отправлялась с немецким языком отправлялась в Группу советских войск в Германии и практически проходили все ступеньки служебной лестницы, которые должен пройти спецпропагандист. Занимался вопросами укрепления боевого содружества с Национальной народной армией ГДР и, естественно, спецпропагандой. Всегда считал очень важным вопросы укрепления ее материальной базы – технической оснащенности.

Легендарное 7-е управление прекратило свое существование осенью 1991 года. На волне псевдодемократических реформ была разрушена структура, которую считали своим достойным противником аналогичные спецслужбы США и НАТО.

По иронии судьбы, к ликвидации спецпропаганды приложили руку именно те люди, которым в свое время было категорически отказано в принятии в ее ряды по причине непрофессионализма и низкого общекультурного уровня [3].

Развал СССР и расформирование армейских полторганов не поставили крест на отечественной службе спецпропаганды, которая продолжила свою боевую работу, правда, уже в составе другой структуры Вооруженных Сил России и под другим названием.

Многие спецпропагандисты с точки зрения полученного образования и опыта своей работы оказались высоко востребованными и в нынешних

условиях. Они очень высоко котируются на современном рынке труда, кстати, не только российском. Есть такие специалисты, например, работают в Администрации Президента, правительственных структурах, крупных компаниях, в системе ВПК, в журналистике. Некоторые из них возглавляли средства массовой информации, после окончания воинской службы стали успешными в бизнесе.

В то же время специальная пропаганда сегодня, в некоторой степени, продолжает осуществляться в рамках Главного военно-политического управления Вооруженных Сил Российской Федерации в форме информационного воздействия на войска противника и его население, как специфическая составная часть военно-политической работы в частях, соединениях и других вышестоящих структурах военной организации России.

Значение спецпропаганды остается высоким, так как в том или ином регионе мира все время возникают военные конфликты. Для этих структурных подразделений Вооруженных Сил России очень много работы. В 1991 году, когда ликвидировали Главное политическое управление, возник вопрос: что с ними делать? Многими данная профессия, понятно, воспринималась далеко не однозначно. Раздавались голоса, что все касательно деятельности ГлавПура нужно ликвидировать.

Тем не менее нашлись разумные головы, которые поняли, что спецпропаганда не является составной частью какой-либо идеологии и не допустили полного уничтожения данного специфического института. И во всех конфликтах, с которыми Россия столкнулась так или иначе после 1991 года – на Кавказе, в Средней Азии, в Приднестровье, плюс внешние конфликты, включая Югославию, – выезжали специалисты по спецпропаганде. Они там работали, достигали определенного результата. Причем уровень их работы подчас был выше, чем у их западных коллег.

Нет сомнения, что значение этой работы будет только возрастать. Особенно после того, как Россия определила для себя, что и за российскими государственными границами, есть ее интересы.

Конечно же, в век цифровых технологий, когда интернет всесторонне проникает во все сферы жизнедеятельности, абсолютно меняется конфигурация информационного противодействия. Это надо осознавать, из этого надо извлечь выводы и соответственно необходимо менять, как саму методологию, так и непосредственно методику подготовки специалистов, ее сущностную и содержательную части, а также стратегию того, что мы сейчас именуем «психологическими операциями» или «информационными операциями» в ходе современных и неизбежных «гибридных войн».

Сейчас речь не идет об идеологическом противостоянии, речь идет о самой настоящей всесторонней борьбе, за основные мировые ресурсы и выживаемость в этом противодействии, исход которой обеспечит во многом специальная пропаганда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бурцев М.И.* Прозрение. М.: Воениздат, 1981.
2. *Варин В.И.* Опыт организации и проведения советской пропаганды среди немецко-фашистских войск в завершающей кампании третьего периода Великой Отечественной войны (январь-май 1945 г.).
3. *Димиулин В.* «Наше оружие – слово»: 80 лет назад в Красной Армии была создана служба специальной пропаганды на войска и население противника // <http://narpolit.com/istoriya-sovremennosti/nashe-oruzhie-slovo-80-let-nazad-v-krasnoj-armii-byla-sozdana-sluzhba-spetsial-noj-propagandy-na-vojska-i-naselenie-protivnika>.
4. *Старунский А.* Спецпропаганда // <http://www.peacekeeper.ru/ru/?module=news&action=view&id=688>.
5. *Суржик Д.В.* Оружие слова: Советская спецпропаганда в годы Великой Отечественной войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. апрель-июнь 2010. № 1.
6. Специальная пропаганда в годы Великой Отечественной войны // https://w.histrf.ru/articles/article/show/spietsialnaia_propaganda.
7. *Торсуков Е.* Архангельский Демосфен // Красная Звезда. 21 февраля 2008.

DOI 10.35775/PSI.2021.67.2.003

УДК 94 (47).084.2

А.А. ПЛЕХАНОВ

*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Научно-исследовательского
центра (фундаментальных военно-исторических проблем)
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации, Россия, г. Москва*

**«ГОСПОДА ЮНКЕРА, С КЕМ ВЫ БЫЛИ ВЧЕРА?»
(ВОССТАНИЕ ЮНКЕРОВ
В ПЕТРОГРАДЕ 29 ОКТЯБРЯ 1917 г.
ГЛАЗАМИ УЧАСТНИКОВ И ОЧЕВИДЦЕВ)**

На основе документов Следственной комиссии при Петроградском Совете депутатов, хранящихся в ГА РФ, анализируются причины, ход и итоги восстания юнкеров военных училищ в Петрограде 29 октября 1917 года.

Ключевые слова: *юнкера, военное училище, комиссар, Военно-Революционный комитет, Временное правительство, красногвардейцы, матросы, броневик, телефонная станция.*

A.A. PLEKHANOV

*Candidate of Sciences (history),
Senior Researcher at the Research Center of
fundamental military-historical problems, Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

**“GENTELMEN CADETS,
WHO WERE YOU WITH YESTERDAY?”
(THE CADETS’ UPRISING IN PETROGRAD
ON OCTOBER 29, 1917 THROUGH THE EYES
OF PARTICIPANTS AND EYEWITNESSES)**

Based on the documents of Commission of inquiry at the Petrograd Council of deputies, which are stored in State Archive of the Russian Federation, the reasons, course and results of a revolt of military colleges cadets in Petrograd on October 29, 1917 are analyzed.

Key words: *cadet military school, the commissary, the Military Revolutionary Committee, a Provisional government, the red guards, sailors, armored car, telephone exchange.*

Маховик, который поддерживал неравномерное движение России вперед, начал накапливать революционную энергию задолго до событий 1917 года. Он раскручивался и набирал ускорение изо дня в день и уже не смог остановиться на буржуазно-демократическом этапе в феврале, этапе генеральской диктатуры в августе и отдал эту энергию в конце октября 1917 года, когда наступил этап пролетарской (большевистской) диктатуры, а дальше была Гражданская война.

«Десять дней, которые потрясли мир» были насыщены драматическими событиями в жизни людей и в жизни страны, до 2 марта (2) – Российской империи, с 1 сентября – Российской республики, но наиболее трагически и пронзительными днями стали дни восстания юнкеров – 29 октября в Петрограде и 28 октября – 3 ноября в Москве. Восстания были первой, но не последней попыткой контрреволюционеров вооруженным путем вернуть ускользнувшую из их рук власть.

Санкт-Петербург – Петроград был главным центром военного образования в Российской империи. В столице находились 1-й и 2-й кадетские, Пажеский и Морской корпуса, Павловское и Владимирское пехотные, Николаевское кавалерийское, Михайловское и Константиновское артиллерийские, Николаевское инженерное училища, а так же Офицерские стрелковая и кавалерийская школы, Учебная автомобильная рота, Водолазная и Воздухоплавательные школы и т.д. Столичный адрес имели и все существовавшие академии (Императорская Николаевская военная, Михайловская артиллерийская, Николаевская инженерная, Алексеевская юридическая, Интендантская, Военно-медицинская, Николаевская морская). Из двух тысяч пятисот шестидесяти девяти выпускников российских военных училищ 1912 года, каждый третий получил офицерские погоны в Петербурге [4. С. 87].

И все же несмотря на такое количество учебных заведений в столице империи и военное время, в обороне Зимнего дворца и Временного правительства в ночь с 25 на 26 октября, приняло участие лишь 310 человек 2-й Петергофской, 352 человека 2-й Ораниенбаумской школ прапорщиков, рота юнкеров школы прапорщиков инженерных войск и юнкера школы прапорщиков Северного фронта, а также 50-60 случайных офицеров [3. С. 39] и 2 роты 1-го Петроградского женского батальона (137 чел.) [20. С. 77]. В их распоряжении находилось 20 пулеметов, 6 орудий и 2 броневика [15. С. 254]. Хотя по оценке историка С.В. Волкова: «отдав приказ о сборе всех офицеров гарнизона в определенном месте (в том же Зимнем дворце), можно было бы (при всех скидках на неявку части офицеров) иметь под рукой не менее 3 тысяч отличных бойцов, что представляло бы некоторую силу» [3. С. 39].

Красная гвардия. 1917 г.

Офицеры, оставшиеся лояльными Временному правительству, оставались в абсолютном большинстве пассивными зрителями происходящего.

После октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, когда власть перешла в руки, созданного на 2 Всероссийской съезде советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов большевистского Совета Народных Комиссаров, Петроградская городская дума постановила приступить к образованию Всероссийского Комитета общественного спасения (впоследствии – Комитет спасения Родины и Революции). Он объединил представителей думы, Временного совета Российской республики (именуемого Предпарламентом, свергнутого Временного правительства и утратившего свои полномочия ЦИКа Советов первого созыва, членов центральных комитетов партий правых эсеров, меньшевиков, народных социалистов.

И уже 27 октября военная комиссия ЦК партии правых эсеров предложила план контрпереворота с участием юнкеров военных училищ. Член ЦК партии А. Гоц поддержал этот план и взял на себя политическое руководство выступлением и самостоятельно назначил бывшего главнокомандующего войсками Петроградским военным округом полковника Г.П. Полковникова (4) командующим военными силами восстания.

План предусматривал силами юнкеров Николаевского инженерного училища занять Инженерный (Михайловский) замок, телефонную станцию на Б. Морской, захватить 30 октября – с подходом к Петрограду войск П.Н. Краснова – Петропавловскую крепость и Смольный, арестовать

Броневой автомобиль Богатырь
на Манежной площади.
Петроград. 1915 г.

Владимирское училище
после обстрела

Советское правительство и руководителей большевистской партии. Планировалось также восстание Владимирского и Павловского военных училищ на Петроградской стороне.

Вот мобилизационный план Полковникова, который он набросал 28 октября, на обороте постановления о войне Всероссийского совета Крестьянских депутатов:

Мобилизационный:

а) Никол. Инжен. 200 (связь);

б) казаки – 130 чел.;

в) Владимир. уч. 150 чел. (2000 винт, 12 пул., патроны);

г) Павловское учил. 300 чел. (без винтовок);

=====

д) Константин. арт. (?);

е) Михайл. арт. (?);

ж) Ник. кавалер. (?);

з) Инж. Школа прапорщ (50 челов.+винт, без патронов).

200 – броневики питание

150 – орудия вода

130 – лег. автомоб. связь

300 – грузовики

800 [11. Л. 44].

Как видим, в плане командующего восстанием только инженерная школа прапорщиков и три, а фактически два училища, поскольку Павловское

военное училище в ночь на 25 октября по распоряжению Военно-Революционного комитета было окружено солдатами запасного Гренадерского полка и красногвардейцами Путиловского и Обуховского заводов, и под угрозой пулеметного огня разоружено.

Успех восстания во многом зависел от того, какое число юнкеров удастся вооружить и направить в центр города, дабы затем двигаться на Смольный, однако, против трех училищ: Константиновского и Михайловского, а также Николаевского кавалерийского Полковников поставил знаки вопроса. Дело в том, что командование этих училищ решили придерживаться нейтралитета и не поддерживать с формальной точки зрения эсеровский Комитет Спасения. Поэтому цифра 800 человек, наполовину вооруженных, была окончательной, но расчет о многом был на казаков Краснова, которые должны были 30 октября войти в Петроград.

Однако, планы контрреволюционеров были нарушены следующим обстоятельством. 29 октября в 6 часов утра у Троицкого моста красногвардейским патрулем были задержаны два подозрительных лица, которых доставили к комиссару Петропавловской крепости Г.И. Благодравову (1). Один из них оказался членом военной комиссии при ЦК партии социалистов-революционеров А.А. Брудером, другой – сопровождавший его солдат. У Брудера нашли приказ №1, изданный Полковниковым в 2 часа утра, как командующим войсками Комитета Спасения:

«ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ПЕТРОГРАДСКОГО ГАРНИЗОНА

29 октября 1917 г. Петроград

2 ч. утра

№ 1

По поручению Всероссийского Комитета Спасения Родины и Революции я вступил в командование войсками спасения.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Никаких приказаний Военно-Революционного Комитета большевистского не исполнять.

2. Комиссаров Военно-Революционного Комитета во всех частях гарнизона арестовывать и направлять в пункты, которые будут указаны дополнительно.

3. Немедленно прислать от каждой отдельной части по представителю в Николаевское Инженерное училище /Инженерный Замок/.

4. Все не исполнившие этот приказ будут считаться врагами Родины и изменниками делу Революции.

Командующий войсками Комитета Спасения, Генерального Штаба Полковник *Полковников*

Начальник Штаба, Генерального Штаба Подполковник *Хартулари*» [11. Л. 29].

Кроме того, удостоверение, выданное военным отделом Всероссийского Комитета спасения Родины и Революции:

«УДОСТОВЕРЕНИЕ. 28 октября 1917 г. № 25. Настоящим удостоверяется, что предьявитель сего Александр Брудер делегирован Военным отделом Всероссийского комитета Спасения Родины и Революции комиссаром в Владимирское военное училище

Член Всерос. Комитета спасения Род. и Революции *А. Гоц*

Все распоряжения подлежат немедленному исполнению» [12. Л. 140].

Два письма к начальникам военных училищ, расположенных на Петроградской стороне, окончательно раскрывали планы подготовки вооруженного выступления юнкеров:

«28 октября 1917 г.

Владимирское Военное училище.

Училищу немедленно быть готовому ко выступлению по прибытию к училищу увечных воинов вы поступаете в распоряжение подполк. Куропаткина и по соединению с Павловским училищем выполняете задачи, возложенные на подполк Куропаткина. Действовать быстро и решительно.

Полковник *Полковников*.

Член Комитета спасения Род. и Революции *А. Гоц*» [12. Л. 142].

И в Павловское училище:

«Павловскому Военному Училищу

По соединению с Владим. Училищем Вы поступаете в распоряжение Подполк. Куропаткина (дописано – и комис. Брудера) которому даны определенные задачи.

Полковник *Полковников*

Член комитета спасения *А. Гоц*» [12. Л. 142].

Благонравов поспешил поставить в известность об этом факте председателя Военно-Революционного Комитета Н.И. Подвойского (5). Утром 29 октября были приняты военно-оперативные меры: места сосредоточения юнкеров: Владимирское, Павловское и другие военные училища, и Инженерный замок) окружили верные революции воинские части, матросы и красногвардейцы. Но, это было сделано с некоторым опозданием, а вот, что происходило в ночь с 28 на 29 октября 1917 года.

Ближе к полуночи юнкера Николаевского инженерного училища, вооружившись винтовками, выступили из Инженерного замка и неожиданно для большевистского караула оцепили Михайловский манеж, где находился парк бронированных машин. Солдаты Кексгольмского полка, не оказавшие сопротивления, были разоружены и взяты под арест.

Свидетельствует член дивизионного комитета Демидов, который в ночь с 28 на 29 октября находился в Михайловском манеже:

«В 4 ½ час утра находясь и работая около броневых машин отряда, я услышал лязг оружия, крики, визг собаки и вооруженных людей, одетых в военную форму ворвавшихся через боковые ворота. Будучи уверен в том, что это войска временного правительства я убежал через главные ворота в команду на (Екатерин. д. 3)» [8. Л. 5].

Другой свидетель Шорохов дал следующие показания (стиль сохранен): «Я видел капитана Фельденкрейца утром 29-го октября во главе юнкерей и видел, как кап. Фельденкрейц отдавал распоряжения юнкерям о выводе машин, т.е. являлся начальником отряда юнкерей.

Подпись Показателя: *Подпись*» [8. Л. 6].

Центром восстания стал Инженерный замок (ул. Садовая, д. 2), куда направили один броневик «Борец за право». Этому предшествовали события 25-28 октября. Из показаний комиссара ВРК юнкера Василия Лебедева: «25 числа я заметил, что что-то готовится, юнкера хотели захватить патроны. 25-го я послал солдата в военно-рев. к-т Марченко с тем, чтоб получить ордер на разоружение училища. 26-го было социалистическим коллективом выразило порицание моим действиям. 26-го состоялось собрание социалистич. коллектива (юнкера – члены социалистических партий – *прим. автора*). 18 – за Военно-рев. к-т, 32 – за Комитет спасения. На общем собрании мнение последних получило перевес. 27-го собирали подписи не давать отпусков. 28-го я хотел уйти, но меня и еще 3-х арестовали. 28-го ночью началось приготовление к бою. Появилось много офицеров. Руководство перешло к Комитету спасения. Говорили, что в училище были Кузьмин и Полковников. Были и некоторые из союза социалистов народной армии.

Все офицеры училища принимали деятельное участие – организовывали, руководили, под их командой шли на телефонную станцию за исключением начальника училища, который все время оставался нейтральным и все время свою нейтральность отстаивал. Мне говорили, что Полковников отдал приказание не стрелять в красногвардейцев и сдавать оружие... В училище были гимназисты и студенты, одетые в солдатские шинели... Многие пошли на авантюру из чисто мальчишеского задора, многие-то совсем мальчишки» [9. Л. 43].

Полковник Полковников так подвел итоги ночи с 28 на 29 октября: «Впечатления ночи. Войсками спасения взяты 4 броневика, по телеф. станция ряд весьма важн. учрежд. – наиболее ярые обезоружены. Краснов – казаки. Подходит Керенс. Если будет поддержка, то дело револ. спасено» [11. Л. 27].

Дальше по показаниям юнкеров Николаевского инженерного училища, которые при поддержке броневика были направлены для захвата Центральной телефонной станции на ул. Большой Морской, д. 22, а после восстания содержались в Кронштадтской следственной тюрьме, происходило следующее:

«29 октября в 7 ч. утра мы получили приказ выступать из Инженерного замка для занятия главной телефонной станции. В 7 ³/₄ утра телефонная станция была нами беспрепятственно занята и караул (солдаты Кексгольмского полка – *Прим. Авт.*), охранявший ее был без сопротивления разоружен и через некоторое время отпущен. Около 1 ч. утра в прилегающем к станции районе, начали собираться отдельные группы вооруженных людей и со стороны которых начался обстрел выхода со станции сначала

одиночными выстрелами, а потом пачками. Получив приказ не допускать приближения этих групп к себе, а также относительно рассеивания их, мы от поры до времени, каждый раз после предупреждения давали выстрелы в воздух. Такое положение вещей сохранялось приблизительно до 3 ч. дня. После этого обстрел станции стал более энергичным и угрожающим. Началась перестрелка, которая продолжалась часа 2 два, после чего мы получили приказ сдаться, что нами и было исполнено немедленно. Под конвоем матросов мы были препровождены в помещение 2-го Балт. Флотск. Экипажа, откуда были переправлены на пароход и доставлены в морскую следственную тюрьму в Кронштадте.

Баранов, Бебус, Биркган, Бурмин, Беляков, Беляев, Василенко, Васильев, Воробьев, Гуревич, Юдин, Кучеренко, Пономарев, Саутин, Флоринский, Павловский, Пивоваров, Корпук (школа прапорщиков инженерных войск), Хохлачев, Рачковский, Яковлев, Нидзян, Воробьев, Баронкин, Фетисов, Федоров, Пономарев, Лыткин, Зайцев, Шостак, Хватчинский, Тубин. Всего 35 подписей» [9. Л. 37-37 об.].

Это свидетельство дополняется показаниями еще нескольких юнкеров, принимавших участие в занятии телефонной станции.

Юнкер Николай Федоров: «Ночью 29-го октября нами был получен приказ идти и занять телефонную станцию. В составе около 70 человек наш отряд занял в 8-ом часу утра без выстрела и сопротивления телефонную станцию. Караул был обезоружен и почти немедленно отпущен. На углах улиц нами были выставлены посты, которые и уговаривали публику не собираться и расходится. Несколько раз мы для этой же цели делали выстрелы в воздух. После 12 часов красногвардейцами был ранен наш юнкер. Тогда мы стали обороняться более интенсивно, к тому же с 3-х часов начались по нам выстрелы с окружающих крыш. Ввиду этого мы вошли во двор и устроили баррикады, а затем по приказанию начальника поднялись наверх. В 5 часов вечера мы получили приказ Полковникова сдаться, что нами и было исполнено. Нас обезоружили и под конвоем отвели во 2-й Балтийский экипаж, а затем препроводили в Кронштадскую тюрьму, где я лично и находился 2 недели. 12 ноября. Юнкер Н.Н. Федоров» [9. Л. 22].

Юнкер Александр Беляев: «...Около 3 часов эта перестрелка стала весьма интенсивной. Уже стали обстреливать с крыш соседних домов. В 5 или 5 ½ часам мы были вынуждены отойти от ворот и скрыться за баррикадами внутри двора станции. Около 5 ½ часов был получен приказ по телефону вступить в переговоры с матросами и сложить оружие, что и было нами тотчас выполнено. После ареста мы были доставлены во 2-ой Балтийский экипаж, а оттуда в следственную часть в Кронштадт. Юнкер Николаевского Инженерного Училища Александр Беляев. 12 ноября 1917 года» [9. Л. 30].

А вот сообщения об этом же событии из эсеровской газеты «Дело народа» от 29 октября: «**На телефонной станции...** В руках юнкеров телефонная станция находилась до 7 часов вечера. В течение дня группами солдат,

матросов и красногвардейцев были сделаны неоднократные попытки к освобождению станции, но каждый раз юнкера огнем броневика и винтовок отбивали наступающих. В начале 8 часа... после ожесточенной перестрелки юнкера отступили, спасаясь бегством... В Мариинскую и Обуховскую больницы с телефонной станции было доставлено несколько убитых и 8 человек раненых» [14].

Итак, очевидно, что газетное сообщение разнится с показаниями самих юнкеров-участников захвата станции и прежде всего во времени окончания боя и сдачи юнкеров революционным матросам. В то же время, становится ясным, почему в 7 утра отряд состоял из 70 юнкеров, а в плен было взято всего 46. Часть юнкеров была убита и ранена в ходе боя, но небольшой отряд юнкеров-николаевцев в 4 часа дня отступил с телефонной станции в здание Министерства земледелия на Исааковской площади, которое было тут же обстреляно большевиками из орудий, а броневик Комитета Спасения, прикрывавший станцию пулеметным огнем, попытался прорваться через группы атакующих на набережную Невы. Однако, на Исааковской площади заглох мотор, матросы выволокли командовавшего броневиком подпоручика и членов экипажа из машины и сразу убили их [19].

Неудача в центре города значительно уменьшала шансы восстания на успех.

Около 12.30. войсками Военно-Революционного Комитета был окружен Инженерный замок, где, как уже отмечалось выше, находился штаб полковника Полковникова, солдатами Павловского полка при поддержке четырех трехдюймовых орудий. В ответ, после переговоров, Полковников неожиданно сообщил, что во избежание напрасных жертв среди юнкеров Николаевского инженерного училища приказывает всем очистить замок и прекратить сопротивление, с чем было согласно руководство училища.

А вот как описывают это событие сами юнкера Николаевского инженерного училища, которые были арестованы 29 октября и содержались на гауптвахте электротехнического батальона Инженерного замка. Все они дали подписку и были отпущены 31 октября 1917 г. по домам.

Юнкер Георгий Ходунов: «29-го сего месяца я был в училище. В 2 часа комитет спасения состоящий из полковника Полковников и статских лиц, про которых говорили, что это переодетые штабные офицеры, скрылись, куда неизвестно, после того, как только они скрылись комитетом нам было приказано снять погоны, после этого я ушел на Садовую улицу, где и был арестован солдатами электротехнического батальона и был препровожден в батальон, но не в строевую команду, где просидел два часа.

Даю честное слово, что против революционного правительства и органов демократии вооруженно выступать не буду. Георгий Ходунов» [9. Л. 51].

Более подробно о том, что происходило в Инженерном замке в течение 29 октября, рассказывают юнкера Георгий Баженов и Петр Доценко: «Я, Георгий Баженов, юнкер Никол. Инженерного училища в субботу в 1 ч.

дня, заступил в караул по училищу, и должен был быть в карауле до 1 часа дня воскресенья. В воскресенье в 1 ч. дня нас почему-то не сменили вовремя. После обеда я лег отдохнуть, и в 4 ч. вечера вступил на пост 5 или 6 (не помню), во двор для охраны броневика и грузовика. Часов в 5-6 я заметил выходящую толпу юнкеров, идущую скорым шагом из Замка, и направляющуюся на улицу. Стрельбы в это время еще не было. Юнкера были в возбужденном настроении при выходе из училища. Тут же я заметил разводящего с портфелем. На мой вопрос «что такое происходит у нас?» он ответил, что «я снимаю вас с поста!». Я исполнил его приказ и ушел с поста... Придя в училище я спросил, что делать? Мне ответили многие юнкера, «что надо уходить из училища». Я пошел в камеру, собрал свои вещи и вышел из училища. Выходя из ворот замка, меня задержали солдаты, находящиеся у ворот. Меня обыскали и выпустили на улицу. Только я спустился с аппарели, меня задержал патруль Красной гвардии и отвели в электротехнический батальон, Инженерная, 6, где и находимся до сего времени, т.е. до 31-го Октября, когда я был доставлен в следственную комиссию.

Подписываю, причем даю честное слово, что против Революционного Временного правительства и органов демократии вооруженно выступать не буду. Георгий Баженов» [9. Л. 56-56 об.].

Петр Доценко: «... Утром было... отправится в Манеж и часть юнкеров училища туда и караулы поставлены. В замке оставалось ч-к 200. В 3 ч. утра Михайловский манеж был взят юнкерами. К-т привели шоферов и др. солдат в училище, кот потом отпустили. Кто был в Манеже должны были и пойдут брать телефонную станцию. Было построено 70 ч-к, которые и ушли. В 5 часов нам было приказано снимать погоны, сдавать оружие в козлы и расходиться по домам. Караулы побросали посты и начали расходиться. По Садовой меня задержали отправили в электротехн. батальон» [9. Л. 54].

Около 2 часов дня красногвардейцы, матросы и солдаты Павловского полка вступили в Инженерный замок, разоружив юнкеров и захватив броневик «Ахтырец», а также трехдюймовое орудие. Фактическая капитуляция штаба Комитета Спасения перед большевиками обрекала все восстание на провал.

И все же центром вооруженного противостояния сил Военно-Революционного комитета и Комитета Спасения стало Владимирское училище на Петроградской стороне.

Предоставим слово самим юнкерам Владимирского военного училища, участникам этого боя, которые после подавления восстания, содержались в 66-й камере Петропавловской крепости Трубецкого бастиона: «26 октября 1917 года юнкера Владимирского военного училища были обезоружены по приказанию комиссара от революционного комитета. Оружие было сдано команде солдат, находящихся при училище. Караул при училище был также занят командой солдат. Всем юнкерам было предоставлено право от-

пуска по совету комиссара училища и с разрешения училищного комитета. Отпуском незначительная часть не могла воспользоваться из-за неимения средств на поездку и дальность расстояния. Занятия были прекращены, так как много уехали в отпуск. В училище было все время спокойно – 29-го октября утром, когда все еще спали, в училище ворвалась какая-то команда, оказавшаяся впоследствии 3-м отрядом увечных воинов, во главе с каким-то штатским человеком, который именовал себя полковником Куропаткиным или Куропаткиным (3). Этой командой был обезоружен солдатский внутренний караул. Часовые были временно арестованы. Шумом мы были разбужены. В начале никому не было известно, что у нас происходит, покуда не было объявлено полковником некоторым им арестованным о том, что он послан центральным исполнительным комитетом. Часть солдатской команды в это время открыла ураганный огонь из пулеметов во дворе училища. Юнкера были очень встревожены и бросились оружием. Было предложено команде сдать оружие, на что последовал ответ, что они сдают оружие. Когда команде солдат стало известно, что юнкера будто вооружены, она частью сдалась, а частью разбежалась. После этого было некоторое время, примерно 20-30 минут спокойно. Вдруг по зданию училища открылась стрельба с улицы, на что юнкер Волосов 1 роты вышел и предложил не стрелять, но вскоре юнкера Волосова принесли сильно раненым. В училище в это время уже тоже было несколько раненных юнкеров. В это время полковником было отдано приказание открыть стрельбу своему отряду, к отряду присоединилось некоторое количество юнкеров, после чего началась осада училища, начали появляться броневые автомобили, которые стреляли и орудийные выстрелы, которые попадали в здание училища, производили разрушения. Видя, что многие из юнкеров совсем не принимают участия, полковник объявил, что войска Временного правительства на Каменноостровском проспекте, что вблизи казаки и что все в городе уже занято войсками с фронта. Когда и это не привлекло всех стрелять и в училище начали попадать снаряды, то было предложено прекратить стрельбу и вступить в переговоры. Стрельба была прекращена, и юнкер Глейзерд с белым флагом направился на улицу для переговоров, но вместо переговоров был ранен тремя пулями. После некоторого времени юнкерами еще раз было предложено полковнику вступить в переговоры, на что последовал решительный отказ с его стороны. Когда часть здания училища была уже занята матросами и красногвардейцами юнкера уже сами сдались, а полковник был убит одним из матросов. *Показания составлены от всех 14 юнкеров камеры № 66. Подписи»* [6. Л. 57-58].

Дежурный офицер по Владимирскому военному училищу – прапорщик Орехов Г.Н. дополняет картину обстановки внутри училища: «29 октября 1917 г. я должен был быть дежурным офицером по училищу. Проснулся я в 7 ½ часов от выстрелов. Кто стреляет, почему стреляют, совершенно не знал и не мог даже предположить. Пройти в училище никак не мог, так

как стрельба происходила на дворе, и мне нужно было пройти через двор. Раза два слышал крик «Прекратите стрельбу, идут переговоры». Около 10 ½ часов стрельба немного стихла, а во дворе прекратилась. Я пробрался через двор в приемный покой, а оттуда в училище. Дежурный офицер предыдущего дня (28-го октября) поручик Фон-Вах передал мне дежурство и на мои вопросы: «Что за лица в папахах и почему происходит стрельба?» сказал, что это солдаты отряда увечных воинов, прибывшие по распоряжению Комитета Спасения, что они сняли караул химической роты, прибывший накануне в училище. Стреляют потому, что кто-то осаждает училище: руководит стрельбой какой-то полковник в штатской форме, прибывший вместе с ударниками по распоряжению Комитета Спасения. Приняв дежурство, я распорядился поставить часового у дежурного ящика, сам во время стрельбы был около комнаты, где был дежурный ящик и в самой комнате. Когда на пост, где стоял часовой, стал подвергаться обстрелу. Я приказал караульному начальнику снять часового. Вскоре ворвались матросы, и все стали сдаваться. Я был в это время на площадке у комнаты дежурного офицера. Ко мне подбежали матросы и потребовали сдать свое оружие. Я отдал им свой кортик, а револьвера у меня не было. Я его оставил в училище, когда вернулся с юнкерами в училище 25 октября с телефонной станции, придя же на дежурство, я свой револьвер не нашел и остался без него. Прапорщик *Орехов. 4 ноября 1917 г.*» [6. Л. 11-11 об.].

Обратимся к бюллетеню от 29 октября газеты «Новая жизнь»:

«9 ч. 40 м. На углу Гребецкой улицы и Большого проспекта Петроградской стороны – ружейная перестрелка между красногвардейцами и юнкерами Владимирского училища...

10 ч. 10 м. Владимирское училище обстреливается броневиками; подвезены легкие пушки. Идет осада...

1 ч. 30 м. Обстрел училища продолжается...

3 ч. 30 м. С Петроградской стороны получено срочное сообщение, что войска и красногвардейцы ворвались в здание Владимирского училища; началось избиение юнкеров. Среди юнкеров много тяжелораненых» [17].

«...С обеих сторон оказалось свыше 200 человек убитыми и ранеными. При обезоружении юнкеров многие из них были избиты. Арестованные юнкера были отправлены в Петропавловскую крепость. Орудийной стрельбой повреждено несколько домов на Гребецкой и Спасской улицах...» [14]. Так подводила итоги выступления эсеровская газета «Дело народа». Подсчитать погибших юнкеров крайне сложно. Всего, по некоторым оценкам, в ходе уличных боев 29 октября погибли или были ранены две сотни юнкеров [18. С. 55]. Такую цифру приводит А. Рабинович в своей книге «Большевики у власти», со ссылкой на газету «Новая жизнь» от 1 ноября 1917 года. Другой историк – С.В. Волков, ссылаясь А.Г. Кавтарадзе, пишет о том, что только во Владимирском училище помимо полковника Куропаткина был убит 71 юнкер и еще 130 ранено [3. С. 39].

Таким образом, итоговая цифра может быть не совсем корректна, поскольку вечером 29 октября и в последующие дни по данным антибольшевистских газет имели место самосуды со стороны революционных солдат и расстрелы юнкеров небольшими партиями у Петропавловской крепости и в других местах.

Можно согласиться с мнением А. Рабиновича о том, что «даже сегодня отделить правду от вымысла в том, что касалось раннебольшевистского «террора», довольно трудно. Многие оппозиционные газеты, закрытые в первые послеоктябрьские дни, поспешили возобновить выпуск под слегка измененными названиями. Их страницы были полны шокирующих подробностей о большевистских эксцессах, о повальных обысках и арестах, о повсеместных грабежах, об опасности ходить по улицам, о стрельбе, продолжающейся глубоко за полночь. Много было статей о том, что женщины-военные, состоявшие в охране Зимнего дворца и арестованные в ходе штурма, подверглись изнасилованию, что своих узников ВРК расстреливает прямо на улицах и что положение всех задержанных не поддается описанию» [3. С. 39].

Так вот, к вопросу о задержанных, а вернее арестованных юнкеров в дни антибольшевистского восстания. Все дела о контрреволюционных действиях, а именно так квалифицировалось выступление юнкеров, на стадии предварительного следствия находились в Следственной комиссии при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов (впоследствии при Петроградском Революционном трибунале). Из них следует, что арестованные юнкера содержались в различных тюрьмах Петрограда и Кронштадта. Так, юнкера Николаевского инженерного училища – в Морской следственной тюрьме в Кронштадте, на гауптвахте электротехнического батальона Инженерного замка, в Екатерининской куртине и в Трубецком бастионе Петропавловской крепости; Владимирского военного училища – на гауптвахте Гвардии Гренадерского полка, в Трубецком бастионе Петропавловской крепости [6; 7; 8; 9]. Там же содержались и юнкера других военных училищ, не принимавших участие в выступлении.

Следствие по делам о контрреволюционных действиях сводилось к допросу арестованного. Если выяснялось, что он не был захвачен с оружием в руках, не оказывал сопротивления во время ареста или находился не в местах ведения боевых действий и был близкий человек или общественная организация, которая брала его «на поруки», то с него и родственников брались подписка. Вот такие документы на юнкера Федорова Н.Н.:

Подписка. Я, нижеподписавшийся юнкер НИУ Николай Николаевич Федоров выдал настоящую подписку Военно-следственной комиссии Правительства Совета Рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в том, что я даю честное слово не выступать вооруженной силой против означенного Правительства и не призывать к тому других и явиться по первому требованию вышеуказанной комиссии. 12 ноября 1917 г.

Адрес. Казань, 2-я Солдатская, д. Чернышова, кв. № 3. Подпись [9. Л. 21а].

ПОДПИСКА

Дана сия Следственной комиссии при Исполнительном Комитете Совета Рабочих и Солдатских Депутатов города Крондштата *гражданкой Александрой Федоровой* в том, что она берет на поруки юнкера Николаевского Инженерного училища *Николая Николаевича Федорова* и обязуется доставить в Военно-Революционный Комитет в Военный отдел Следственной Комиссии, если это потребует вышеуказанная Комиссия, в чем и подписуюсь: *Подпись* 12 Ноября 1917-года город Кронштадт.

Адрес: *г. Казань 2-ая Солдатская д. Чернышова, кв. Федоровой* [9. Л. 21].

9 ноября 1917 года в газетах появилось сообщение, что «по распоряжению в.-революционного комитета сегодня освобождены из Петропавловской крепости все арестованные за последнее время юнкера».

Вооруженное выступление юнкеров военных училищ в Петрограде потерпело поражение. И все же, кто ответит за кровь молодых ребят, этих юношей, которые поверили в установление демократии в России, пошли за своими лидерами в надежде на новое будущее?

Безусловно, это люди, стоявшие во главе этого антибольшевистского восстания. Сегодня мы можем их назвать. Это прежде всего член ЦК партии правых эсеров А. Гоц, командующий войсками Комитета Спасения полковник Г. Полковников, его начштаба подполковник В. Хартулари, штабс-капитан М. Броун, полковник Б. Муфель, непосредственно руководивший юнкерскими операциями по захвату Михайловского манежа и телефонной станции и А. Брудерер, назначенный Комитетом спасения Родины и Революции комиссаром Владимирского училища.

Восстание было первой отчаянной попыткой выражения со стороны юнкеров, а не их руководителей, протеста против установления пролетарской диктатуры в России. Часть из них вернулись к своим семьям, но большая – влилась в ряды Белого движения, начало которому было положено именно в эти дни.

Александр Вертинский в стихотворении «То, что я должен сказать», написанным им в октябре 1917 года под впечатлением похорон юнкеров на Братском кладбище в Москве, передал те чувства, которые возникают после прочтения этой страницы российской истории:

Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недрожавшей рукой,
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в Вечный Покой!

Осторожные зрители молча кутались в шубы,
И какая-то женщина с искаженным лицом
Целовала покойника в посиневшие губы
И швырнула в священника обручальным кольцом.

Закидали их елками, замесили их грязью
И пошли по домам – под шумок толковать,
Что пора положить бы уж конец безобразью,
Что и так уже скоро, мол, мы начнем голодать.

И никто не додумался просто стать на колени
И сказать этим мальчикам, что в бездарной стране
Даже светлые подвиги – это только ступени
В бесконечные пропасти – к недоступной Весне!

Октябрь 1917
Москва [1. С. 289].

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Благонравов Георгий Иванович (1895-1938) из семьи чиновника. Прапорщик запасного полка, г. Егорьевск; пред. Полкового комитета запасного полка, г. Егорьевск, 1917; комиссар Петроградского ВРК; комендант Петропавловской крепости 11-12.1917; чл. Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрревол. Петроградского ВРК. Арестован в 1937 по обвинению в заговоре НКВД во главе с Г.Г. Ягодой. Расстрелян. Реабилитирован посм. в 1956 г.

(2) Здесь и далее все даты указаны по старому стилю.

(3) Куропаткин Павел Николаевич (1861-1917). В службу вступил в 1879. Полковник. Убит солдатами 29 окт. 1917.

(4) Полковников Георгий Петрович – (1883-1918) из дворян Области Войска Донского. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1904) и Николаевскую академию Генерального Штаба (1912). Офицер артиллерии Донского казачьего войска. Повешен большевиками в марте 1918 г. в Задонской степи.

(5) Подвойский Николай Ильич (1880-1948) из семьи священнослужителя. Член Военно-революционного комитета, его бюро и оперативной тройки по руководству Октябрьским вооруженным восстанием, а в дни восстания – зам. председателя ВРК и один из руководителей штурма Зимнего дворца. В период ликвидации мятежа Керенского-Краснова командовал Петроградским военным округом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Вертинский А.Н.* Дорогой длиною... / сост. и вступ. ст. Ю. Томашевского; Послесл. К. Рудницкого. М.: Правда, 1990.

2. *Волков С.В.* Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога: в 2-х т. М.: Изд-во «ФИВ», 2012. Т. 2.

3. *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М.: ЗАО Центрполиграф, 2002.

4. Военная столица Российской империи. В фотографиях конца XIX – начала XX века. Альбом. 3-е изд. СПб.: «Лики России», 2010.
5. ВЧК. 1917-1922. Энциклопедия / авт.-сост. А.М. Плеханов, А.А. Плеханов. М.: Вече, 2013.
6. Государственный архив Российской Федерации. (далее – ГА РФ). Фонд Р-336. Опись 1. Дело 13.
7. ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 14.
8. ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 15.
9. ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 17.
10. ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 215.
11. ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 272.
12. ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 277.
13. *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР: В 2-х т. М.: Политиздат. Т. 1.
14. Дело народа. 29 октября 1917. № 194.
15. *Ерыкалов Е.Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л.: Лениздат, 1966.
16. *Митрофанов А.* За спасение родины, а не революции: Восстание юнкеров в Петрограде 29 октября 1917 г. // Посев. 2005. № 12.
17. Новая жизнь. 29 октября 1917. № 167.
18. *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М.: АИРО-XXI, Новый хронограф, 2007.
19. Рабочая газета. 1 ноября 1917. № 200.
20. Революция и гражданская война в России: В 4-х т. М.: Терра, 2008. Т. 2.

DOI 10.35775/PSI.2021.67.2.004

УДК 94 (470.40/43).796

Е.А. ИСТЯГИНА-ЕЛИСЕЕВА

кандидат исторических наук, директор

Государственного музея спорта,

Россия, г. Москва

СПОРТИВНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматривается проблема спортивно-исторического наследия как важной составляющей исторического прошлого и настоящего государства, подтверждается, что целенаправленного исследования спортивно-исторического наследия в нашей стране не проводилось, но отдельные его особенности освещены в работах, посвященных истории физкультуры и спорта. В статье проводится анализ историографических работ, отражающих специфику развития спорта в разных регионах и в различные исторические периоды, посвященных отдельным видам спорта и некоторым разделам спортивной работы. Доказывается необходимость историографического анализа становления спорта в каждом субъекте государства на протяжении всей истории его существования.

Ключевые слова: спортивно-историческое наследие, физическая культура, спорт, исследование истории спорта, историографические исследования.

E.A. ISTYAGINA-ELISEEVA

Candidate of History, director;

the State Museum Of Sport,

Moscow, Russia

SPORTS AND HISTORICAL HERITAGE: PROBLEMS OF HISTORICAL RESEARCH

The article examines the problem of sports and historical heritage as an important component of the historical past and the present state, confirms that targeted research of sports and historical heritage in our country has not been carried out, but some of its features are highlighted in works devoted to the history of physical culture and sports. The article analyzes the historiographic works reflecting the specifics of the development of sports in different regions and

in different historical periods, dedicated to individual sports and some sections of sports work. The necessity of a historiographic analysis of the formation of sport in each subject of the state throughout the history of its existence is proved.

Key words: *sports and historical heritage, physical culture, sports, sports history research, historiographic research.*

История спорта является важной составляющей истории страны и конкретного народа. Спортивное наследие выступает существенным компонентом исторического и культурного наследия и вбирает в себя все их характеристики. При этом само понятие «наследие», как утверждает Е.Н. Мастеница, «глубоко исторично и имеет множество более или менее широких значений» [5. С. 7].

Мы характеризуем спортивно-историческое наследие как «совокупность материальных и духовных ценностей, созданных в ходе спортивных состязаний, мероприятий спортивной работы, биографиями спортсменов и организаторов спорта, имеющие значение для сохранения и развития самобытности спорта» [2. С. 52]. Спортивно-историческое наследие объединяет материальные и нематериальные ценности. Если материальные ценности (например, спортивные объекты) имеют конкретный срок существования и эксплуатации, то нематериальные ценности (спортивные традиции, спортивные достижения на разных этапах и видах соревнований, методики воспитания чемпионов и не только, физкультурное движение и т.п.) могут быть более долговечны, сохраняться веками и передаваться от поколения к поколению. Условиями существования спортивно-исторического наследия является выявление, сохранение, изучение, актуализация и трансляция ценностей.

Нами проведен анализ историографических работ, посвященных спортивно-историческому наследию с целью выявления проблем исторических исследований. Следует подчеркнуть, что спортивно-историческое наследие рассматривается учеными с позиции исторической оценки уровня и результативности развития спорта в тесной взаимосвязи со становлением физической культуры. Безусловно, исследователи едины во мнении о необходимости изучения вопросов развития спортивного движения в рамках исторических процессов, происходящих в стране и регионе.

С позиций территориального деления нами была определена частота обращения диссертантов к специфике истории спорта в следующих субъектах государства, например:

Алтайский край – В.Я. Ельдепов, О.В. Морковина;

Амурская область – С.А. Кашуба;

Башкирия – Ф.Г. Аминев, Т.П. Котова, Л.А. Кузнецова, О.В. Лисаченко, П.А. Мухаметов;

Воронежский край – А.С. Минаков;
Вятская губерния – М.А. Смирнов;
Горно-Бадахшанская Автономная область – Б. Мавлоназаров;
Дагестан – К.М. Магомедбегов;
Иркутская область – А.Г. Ширшиков, В.В. Шохирев, С.В. Нечаев;
Кемеровская область – Я.Ю. Ратушная, Е.С. Юзупкина;
Кузбас – А.С. Трофимова;
Курский край – О.М. Цуканова;
Московская область – С.Н. Долгов;
Пензенская губерния – В.Г. Волков, Е.А. Нурдыгин;
Сибирь – В.И. Бураков, Б.В. Кимейша, Е.М. Нурписова;
Ставропольский край – А.В. Агеев, В.О. Назаров;
Таджикистан – А.Т. Абдурасулов, А.К. Бабаджанов, И.И. Бабаев,
С.Бахриддинов, Б.С. Махмадрасулов;
Татарстан – Т.Р. Закиров.

Приведенный неполный список свидетельствует о настоятельной потребности штудирования особенностей развития физкультуры и спорта в конкретных регионах с учетом местных особенностей, среди которых можно назвать сложившиеся спортивные традиции, деятельность образовательных организаций по подготовке кадров, взаимодействие с ведущими спортивными школами, наличие и сохранность спортивных сооружений, опыт проведения соревнований различного уровня и т.п. Изучение специфики в крупных городах страны (например, Москва – А.Н. Снятков, Санкт-Петербург – М.А. Солдатова, Томск – Соловьев П.В.) подтверждает необходимость анализа уровня спортивной жизни в конкретных городах, которые становятся центрами, объединяющими в спортивной деятельности близлежащие территории. Полученные данные подчеркивают необходимость проведения подобных исследований на материале всех субъектов государства.

Следует подчеркнуть, что повторное изучение истории развития физической культуры и спорта конкретной местности связано с двумя факторами: во-первых, штудируется другой исторический период, во-вторых, проводится вторичное изучение материала с новых социально-политических позиций, авторы стараются избежать давления партийной идеологии, организуют работу с учетом введения в научных оборот новых архивных документов.

Анализ хронологических рамок проведенных исследований позволяет выделить исторические периоды, изучаемые авторами. Хронологический разброс временных рамок значителен. Ряд авторов берут за основу изучения спорта достаточно продолжительные периоды. Например, С. Бахриддинов – древний мир, Б.С. Махмадрасулов – Средние века, В.О. Назаров – конец XIX – начало XXI вв., А.Т. Абдурасулов, А.К. Бабаджанов – 1917-1980 гг. и др. Подобные работы помогают выявить устойчивые закономерности и рассмотреть проблему в динамике.

Однако в большинстве своем история физкультуры и спорта рассматривается в узких исторических рамках, что обеспечивает рассмотрение многих частных вопросов, глубже изучить заявленный период. Данная тенденция характерна для работ, посвященных советскому периоду. Приведем примеры:

- 1920-е гг. – А.А. Васильев;
- 1920-1941 гг. – С.В. Бутов, А.С. Минаков, П.В. Соловьев, А.Н. Филиппов, А.Г. Ширшиков, О.М. Цуканова;
- 1920-1950-е гг. – К.М. Магомедбегов, С.С. Толстой;
- 1939-1945 гг. – Л.А. Кузнецова, П.А. Мухаметов;
- 1941-1953 гг. – Е.А. Нурдыгин;
- 1945-1991 гг. – В.Я. Ельдепов, О.В. Морковина;
- 1960-1985 гг. – В.И. Бураков, Т.П. Котова, Б. Мавлоназаров, О.Г. Со рокина, А.С. Трофимова и др.

Следует подчеркнуть, что подобные исследования посвящены изучению различных аспектов развития спорта. При этом многие ученые поддерживают позицию В.И. Буракова, который утверждает, что в 1960-1985 гг. «физкультурное движение, опираясь на мощную государственную поддержку, трансформируя опыт прежних лет и проходя важнейшие стадии, стало неотъемлемой составной частью отечественной культуры и заняло прочные авангардные позиции в мировом спортивном движении» [1. С. 11].

В настоящее время изучения технологий организации советской спортивной системы важно для создания и понимания комплексной картины истории СССР. Безусловно, анализ материалов и статистических данных по развитию физкультуры и спорта в этот период, целесообразно осуществлять с учетом современных реалий. Как справедливо подчеркивает Т.Е. Сарычева, во многих регионах, в том числе и в Западной Сибири, «значительная часть научных изысканий принадлежала советским историкам, трактовавшим события на основании марксистско-ленинской методологии, в контексте доминировавшей идеологии правящей партии» [6. С. 11].

Наиболее внимательно изучаются учеными переломные периоды истории страны. Так, спорту в конце XIX – первой четверти (иногда середине) XX в. посвящены изыскания таких авторов как В.Г. Волков, Д.Г. Ефимов, С.А. Кашуба, А.В. Николаев, В.Г. Семенов, М.А. Смирнов, М.А. Солдато ва, С.В. Федорин, В.В. Шохирев и др. Спортивное движение в регионах на стадии перехода от социализма к капитализму изучались авторами с разным временным разбросом. Например: 1952-2008 гг. (О.Ю. Антипцев), 1981-2000 гг. (Б.В. Кимейша, И.И. Бабаев, Е.С. Юзупкина), 1990-2000 гг. (В.В. Бобровский, С.Н. Долгов, В.А. Каверин, О.В. Лисаченко, В.Н. Малиц, Я.Ю. Ратушная, А.Н. Снятков), 60-е XX в. и начало XXI в. (Ф. Аминев, Т.Р. Закиров). Кризисные явления во многих сферах государственной деятельности сказывались и на развитии физкультуры и спорта, проявлялись

во многих областях жизнедеятельности государства. Так, Б.В. Кимейша подчеркивает, что с середины 80-х гг. XX в. «причины надвигающегося кризиса лежали как в ошибках концептуального характера, так и в просчетах организации физкультурного движения страны», среди которых ученый отмечает «смещение акцента развития физкультурного движения от решения задач по гармоничному и всестороннему развитию людей в сторону утилитарных задач (подготовки к труду, службе в армии и т.д.), развития спорта высших достижений, подготовки спортсменов разрядников и централизации всего физкультурно-спортивного движения, включая систему добровольных спортивных обществ» [3. С. 7].

Наряду с общей характеристикой развития физкультуры и спорта в конкретных регионах в различные исторические периоды, историографы сосредотачивают внимание на отдельных аспектах заявленной темы. Так, историческую оценку деятельности государственных и общественных организаций по вопросам развития спортивного, в том числе олимпийского, движения дают О.Ю. Антипцев, В.В. Бобровский, С.Н. Долгов, О.В. Лисаченко, О.В. Морковина, Я.Ю. Ратушная, А.Н. Филиппов и др. История развития физкультуры и спорта в образовательных организациях представлена в работах О.В. Морковиной, А.В. Николаева, А.Г. Пасмурова, О.Г. Сорокиной. Роль физической культуры и спортивных организация в подготовке резервов для Вооруженных Сил раскрывается в работа В.А. Каверина, Л.А. Кузнецовой, П.А. Мухаметова, В.Г. Семенова, С.В. Федорина и др.

Одновременно изучению подвергалась, и история становления отдельных видов спорта. Например, развитие велосипедного спорта анализировал Д.В. Литвинов. С.С. Толстой, С.В. Бутов рассматривали особенности развития футбола как массового спорта в СССР в разные годы. Историю становления технических и военно-прикладных видов спорта изучали В.Н. Малиц. Е.М. Нурписова, тенниса – С.В. Нечаев. Работу спортивных обществ в историческом ключе освещали В.Н. Воронцов, А.В. Маклчков. Достоинством приведенных работ является их обращенность к истории развития видов спорта на конкретных территориях, тем самым определяются спортивные традиции регионов, фиксируется работа спортивных обществ и ведущих тренеров, перечисляются мероприятия по пропаганде спортивных достижений и т.п.

Представленные в статье авторы освещали с разной степенью подробностью создание материально-технической базы физкультуры, вопросы подготовки физкультурных кадров, научно-методическое и медицинское обеспечение, развитие массовой физкультуры в образовательных организациях и производственных коллективах, особенности пропаганды физической культуры и спорта. Тем самым по сути дела давалась характеристика спортивно-историческому наследию территорий и условий его актуализации.

Проведенный анализ историографических исследований, посвященных различным сторонам спортивно-исторического наследия, позволил выявить ряд проблем. Прежде всего, исторический анализ развития физкультуры и спорта дан не по всем субъектам государства, не все периоды спортивной истории страны освещены в полном объеме. Нуждаются в исторической экспертизе и отдельные вопросы истории спорта, как в региональном, так и в государственном масштабе: взаимодействие государственных и общественных структур, взаимосвязь развития массового спорта и спорта высоких достижений, а в целом – изучение и сохранение спортивно-исторического наследия и др. Мы поддерживаем позицию Н.Ю. Мазова, который утверждает: «место спорта, как феномена культуры человечества, до сих пор не соответствует его подлинной роли в целях достижения высокого уровня культуры жизнедеятельности людей и в целом глобального стимула гармонизации векторов развития современной цивилизации» [4. С. 5].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бураков В.И.* Развитие физической культуры в Сибири (1960-1985 гг.) / отв. ред. Л.И. Боженко; Алт. гос. техн. ун-т им. И.И. Ползунова. Барнаул: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 1997.

2. *Истягина-Елисеева Е.А.* Социальные аспекты управления спортивно-историческим наследием Российской Федерации // Вестник спортивной науки. 2013. № 6.

3. *Кимейша Б.В.* Физкультурно-спортивное движение Западной Сибири в 80-90 годы: монография / М-во образования Рос. Федерации. Ом. гос. пед. ун-т. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000.

4. *Мазов Н.Ю.* Спорт и духовная жизнь общества / Монография. Уфа: Изд-е БашГУ, 2009.

5. *Мастеница Е.Н.* История и методология изучения культурного наследия // Культурное наследие и музей в XXI веке: учеб. пособие / М-во культуры РФ, С.-Петерб. гос. ин-т культуры; ред. Е.Н. Мастеница; ред.-сост. А.Н. Балаш. Санкт-Петербург: СКБГИК, 2018.

6. *Сарычева Т.В.* История физической культуры и спорта (краткий курс): учебное пособие. Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2013.

DOI 10.35775/PSI.2021.67.2.005

УДК 392.3 + 364.6

А.И. МАКИНА

*кандидат исторических наук, доцент
кафедры психологии, социальной работы Хакасского
государственного университета им. Н.Ф. Катанова,
Россия, Республика Хакасия, Абакан*

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ДЕТЕЙ В ТРАДИЦИОННОМ ХАКАССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Социальная защита детства – наиважнейшее направление социальной политики современного государства, которое имеет глубокие исторические корни, в том числе в структуре этнической истории российских народов. Дети – особая социальная группа, будущее народа, бытование традиций социальной защиты детей имеет место в жизнедеятельности многих народов, на выявление и характеристику традиций социальной защиты детей в традиционном обществе хакасов направлена данная статья. Задачи исследования: описание отношения хакасского народа к детям; характеристика установления опеки над детьми – сиротами и оставшимися без попечения родителей; описание деятельности по социальному развитию детей. Методы исследования: системный и сравнительный анализ. Исследуемый период: вторая половина XIX – начало XX вв. Результаты исследования: традиционное хакасское общество выработало особую систему отношений к детям, которая характеризуется исключительной любовью и наделением их сакральными свойствами; опека над детьми-сиротами учреждалась родовой общиной и имела свои обязательные к исполнению действия, она распространялась не только на детей, но и на их имущество; община заботилась о социальном развитии подрастающего поколения посредством обеспечения образования. Выводы: описание бытования традиций социальной защиты детей в хакасском этносе позволяет констатировать, что современные социальные технологии поддержки подрастающего поколения функционируют на основе сложившейся системы помощи и взаимопомощи народа.

Ключевые слова: *взаимопомощь, дети, община, опека, род, социальная защита, традиции помощи, Хакасия, хакасский этнос.*

A.I. MAKINA

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Department of Psychology, Social Work Khakas
State University after N.F. Katanov,
Abakan, Russia*

SOCIAL PROTECTION OF CHILDREN IN TRADITIONAL KHAKASS SOCIETY

Social protection of children is the most important direction of the social policy of the modern state, which has deep historical roots, including in the structure of the ethnic history of the Russian peoples. Children are a special social group, the future of the people, the existence of traditions of social protection of children takes place in the life of many peoples, this article is aimed at identifying and characterizing the traditions of social protection of children in the traditional Khakass society. Research objectives: description of the attitude of the Khakass people to children; characteristics of the establishment of guardianship over orphans and children left without parental care; description of activities for the social development of children. Research methods: system and comparative analysis. The study period: the second half of the XIX – early XX centuries. Research results: the traditional Khakass society has developed a special system of relations with children, which is characterized by exceptional love and endowing them with sacred properties; guardianship of orphaned children was established by the tribal community and carried out its mandatory actions, it extended not only to children, but also to their property; the community took care of the social development of the younger generation by providing education. Conclusions: the description of the existence of traditions of social protection of children in the Khakass ethnic group allows us to state that modern social technologies for supporting the younger generation function on the basis of the established system of assistance and mutual assistance of the people.

Key words: *mutual assistance, children, community, guardianship, family, social protection, traditions of assistance, Khakassia, Khakass ethnic group.*

Социальная защита населения, социальная работа, социальные технологии помощи и поддержки – современные дефиниции социальной политики государства, которые имеют глубокие исторические корни, не только в рамках становления государственных механизмов вспомоществования, но и в сфере бытования традиционных форм помощи и взаимопомощи народов, населяющих Российскую Федерацию. Социально-уязвимые группы населения находятся и находились под особой заботой общества, в том числе

традиционного. Становление института социальной работы в России имеет общие элементы развития и функционирования в структуре деятельности государства, но имеет особенности в рамках жизнедеятельности каждого народа. Описание выявленных форм помощи и поддержки слабозащищенных групп населения в традиционном хакасском обществе характеризует архаический этап становления института социальной работы в современной Хакасии, что наряду с введением в научный оборот ряда ранее неопубликованных архивных источников составляет научную новизну данного исследования.

Хакасский этнос сформировал особый механизм социальной защиты социально-уязвимых групп населения, в том числе детей. В традиционном хакасском сознании сложились важнейшие правила этикета, особым из которых является уважение к старшим, женщинам и детям [1. С. 179]. Также старики, женщины и дети считались социально-ущербными субъектами в общине, ее члены сформировали механизмы их поддержки для полноценной жизнедеятельности. Детьми, согласно пункту 13 Свода степных законов в проекте от 1824 года, считаются лица до достижения ими совершеннолетия, то есть 18 лет [3. С. 157]. Губернатор Енисейской губернии так характеризовал отношение местного населения к детям: «татары очень любят своих детей, матери кормят их до 3-4 лет ... дети вообще почитают родителей во все времена жизни своей» [15. С. 92]. Об исключительной любви к детям пишут также исследователи Каратанов И. и Попов Н.: «Забота о воспитании детей лежит на обязанности матери, отцы же заботу об этом считают для себя унижительным, однако детей любят инородцы все без исключения» [12. С. 11]. Ребенок с момента его зачатия и до рождения у него первенца находился под особой опекой рода и общины. Процесс рождения, воспитания и вхождения во взрослую жизнь сопровождался системой особых правил, обычаев и ритуалов. Ребенок по традиционным верованиям хакасов кроме опеки семьи, рода и общины, находился под покровительством богини Умай, его связь с потусторонним миром также влияла на отношение к периоду детства [5. С. 69]. С семилетнего возраста ребенка начинали приобщать к трудовой деятельности и к 16-17 годам юноши и девушки были готовы ко взрослой жизни [4. С. 176]. Сирота в традиционном хакасском обществе пользовался особым отношением к себе. Сирота воспитывался в кругу своего рода, каждый член рода добровольно, по очереди кормил, одевал и обувал сироту в течение месяца, а затем передавал другому родовичу. Традиционное мировоззрение хакасов обязывало произвести особый ритуал перед тем, как отдать детей-сирот на воспитание в другую семью. Так, например, профессор Бутанаев В.Я. отмечает, что если умирали родители, то оставшихся сирот пропускали под гробом и через решетку юрты или окно дома [2]. Хакасский обычай наделял особыми полномочиями в ходе рождения и воспитания детей дядю по матери (тайы), в том числе и в случае сиротства. И в настоящее время «тайызы» является почитаемым

гостем на всех праздниках племянников, как говорят старики, именно дядя со стороны матери всегда преподносил самые ценные подарки.

В случае утраты родительского попечения возникает необходимость учреждения опеки над ребенком. Известный юрист исследуемого периода Лаппо Д.Е. указывал на то, что вопреки общепринятому мнению об отсутствии правовых норм среди местного населения у хакасов имел место вполне сформированный институт опеки над малолетними детьми [2. С. 220]. Институту социальной помощи – опеке посвящен целый раздел Свода степных законов, согласно которому опека подразделяется на: завещательную и учреждаемую. Опека в современном понимании есть правовая форма защиты личных и имущественных прав и интересов граждан [11]. Такой же смысл вкладывался и в понятие опеки в исследуемый период, так как отражал такие же цели: личное право ребенка на полноценную жизнь и защиту наследуемого им имущества от разорения. Князь Костров Н.Н. пишет, что у хакасов для призрения сирот учреждается опека. Он выделяет законную и завещательную опеки. Последняя по содержанию полностью совпадает с указанной в Своде степных законов завещательной опекой, которая устанавливается вследствие словесного завещания или же поручения при жизни покойных родителей какому-нибудь родственнику или знакомому заботиться о воспитании и призрении за имуществом. Законную же опеку Костров Н.Н. характеризует следующим образом: «опека законная имеет место тогда, когда опекуном над малолетним один из родителей их» [13. С. 12]. То есть право на законную опеку имеет лишь один из оставшихся родителей, в Своде же степных законов альтернативой завещательной опеке является учреждаемая опека, которая устанавливается общинно-родовым управлением вследствие ненадлежащего исполнения воспитательных функций оставшимся родителем либо воспитывающим его родственником, или если не осталось ни одного близкого родственника.

Анализ дел книг записей общественных приговоров фондов Степных дум Национального архива Республики Хакасия позволяет выделить такие характеристики учреждаемой опеки над осиротевшими детьми. Если ребенок не является малолетним, то управление спрашивает согласие у подопечного, является ли его решение о принятии опеки добровольным. Так, среди архивных материалов имеется дело «О усыновлении инородцем Петром Тобурчановым инородческого сына Тита». Мать Тита Марфа Харитоновна Павлушкина вышла в замужество за казака деревни Монокской, и Петр Тобурчанов просит родовое управление разрешить ему взять на воспитание Тита. Община постановила: «испросить у Тита подписку о том, согласен ли он на причисление к семейству воспитателя» [6. Л. 1-3]. Назначенные опекуны могли отказаться от исполнения обязательств в силу различных причин. Так, на родовом сходе инородец Захар Иванов Орешков просит уволить его от обязанности опекуна, так как служба его вследствие опекунства обременительна [10. Л. 1-2]. После рассмотрения прошения опекуном

малолетнего Михайла Иванова Орешкова назначается другой член общины. Кроме самостоятельного отказа от исполнения обязанностей опекуна, улусный сход также имел право снять данные функции с человека из-за ненадлежащего исполнения им своего долга. Так, Бакеш Килижекова забрала на воспитание двух из трех детей и все имущество покойного Федора Шибирякова. Вследствие неблагонадежности матери и прошения брата Федора Петра о взятии детей на воспитание. Все дети были переданы Петру Шибирякову, так как он «поведения хорошего, имеющий порядочное состояние» [7. Л. 1-5]. Обязанности опекуна полностью совпадали с обязанностями отца, то есть они включали воспитание и содержание ребенка, сохранение и умножение его имущества, инородная управа могла проверить опекуна и если находила изъяны в исполнении им своих обязанностей, освобождала его от обязательств [14. С. 83]. Также опека учреждается не только над ребенком, но и над имуществом, оставшимся после смерти родителей. Процедура принятия ребенка на содержание и воспитание включала опись всего движимого и недвижимого имущества, причем абсолютно всего имущества, начиная от количества и состояния различной нательной одежды и заканчивая описанием передаваемого скота. Община строго следила за исполнением опекуном своих обязательств. Опекун не мог распоряжаться имуществом в ущерб опекаемому, а только во благо и с соответствующего разрешения рода. Так, инородка койбальского рода Саломея Самсоновна Худякова, являясь опекуном сироты Артемия Петрова Барахтаева и его имущества, просит на родовом сходе дозволить ей продать имущество, обозначенное в записи №1-42. Причина указывается такая: «как за старостею лет, так и могущих прийти в непригодность и лишиться ценности», а вырученные от продажи деньги она предлагает сдать в Минусинскую учредительную сберегательную кассу для приращения капитала «впредь до совершеннолетнего возраста наследника» [10. Л. 57]. Проанализировав все доводы, сход решает разрешить данное действие и поручает проследить за тем, чтобы деньги направлены по назначению. Община поддерживала опекунов, если их деятельность была в интересах детей, и старалась помочь в случае необходимости. Так, житель села Синявского Аскизской Инородной управы Мураш Орешков был назначен опекуном малолетних сирот Павла и Фомы. Их мать вышла замуж второй раз за Пичуру Филатова Орешкова, и отец покойного отобрал детей от опекуна, все имущество и скот и вручил его новому «зятюцу». Пичура Орешков после получения имущества «ведет его по разорению ... и обращается над сиротами по-зверски, ... в ноябре ... Пичура, взяв пасынка Павла в тайгу на охоту ... уморил его ударом». После разбирательства, опроса свидетелей сход постановил: «отдать оставшегося сироту Фому на воспитание просителю и имущество, ежегодно производить и представлять опись имущества» [10. Л. 98]. Ребенок в традиционном хакасском обществе был полностью защищен в рамках семьи, где создава-

лись условия для его успешной социализации, при возникновении трудной жизненной ситуации, когда ребенок оставался без родительского попечения, учреждалась опека и тогда род и община выступали в качестве социального контроля над благополучием и благосостоянием сирот.

Кроме выполнения задачи по жизнеустройству детей-сирот, община заботилась и о социальном развитии детей. Социальное развитие предполагает утверждение личности в обществе, например, посредством получения образования. Дети обучались в церковно-приходских школах, а также в приходских училищах, причем первоначально образование в учебных заведениях получали исключительно мальчики, но к концу XIX века на обучение стали отправляться и девочки. Так, исследователь Ярилов А.А. отмечает, что в Кызыльском ведомстве в 1891-1892 учебном году в церковно-приходской школе обучались 30 учеников, из которых 27 мальчиков и 3 девочки [12. С. 93]. В указанный период общинно-родовое управление начинает заботиться о распространении грамотности среди населения, в том числе и детей. Так, на улусных сходах ставятся вопросы об отправлении детей на обучение в организованные школы, кроме того, устанавливается определенная сумма денег на содержание и обучение ребенка. Постановлением № 5 от 18 мая 1862 года родовой сход выделил 70 рублей на то, чтобы один из мальчиков их рода обучался грамоте в Минусинском приходском училище для получения им впоследствии должности родового писаря [8. Л. 10]. 15 лет спустя, в 1877 году родовые старосты Степной думы постановили произвести сбор с ясачных инородцев на содержание сельского училища (жалование учителю, сторожу, на отопление, на чистоту). Кроме того, средства собирались и на пособие для учеников и, что самое важное для феномена социальной работы – на содержание учеников бедных родителей. Необходимость введения последнего пункта в расходы разъяснена аргументами учителя Катанова, по словам которого «инородческие дети ... желают учиться русской грамоте, но по причине крайней бедности родителей их, не могут нанимать для них квартир в селе Аскыском с харчевым довольствием, почему мальчики эти остаются неучеными...» [9. Л. 8]. Данное решение положило начало системы обучения коренного населения грамоте, родовое управление стало решать задачи не только сегодняшнего жизнеобеспечения детей, но и дальнейшего их жизнеустройства.

Таким образом, отношение к детям в традиционном обществе хакасов характеризуется любовью к подрастающему поколению, заботой о них; забота о детях полностью выполнялась родителями и семьей; особая роль отводилась дяде со стороны матери, который имел преимущественное право и обязанность по уходу за оставшимися детьми; в сложных социальных ситуациях заботу о детях брала на себя родовая община, над детьми и их имуществом устанавливалась опека, родовое управление гарантировало сохранение имущества и воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без по-

печения родителей; родовая община пыталась обеспечить обучение грамоте детей. Выявленные традиции социальной защиты детей в традиционном обществе хакасов характеризуют архаический этап становления института современной социальной работы, что определяет научную значимость проведенного исследования, а использование материала при подготовке социальных работников и его учет в современной практике помощи детям формируют ее значимость прикладного характера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Боргоякова М.П.* К вопросу об изучении хакасского народного этикета // Ежегодник институтата саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Издательство Хакасского Государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 1998. Вып. II

2. *Бутанаев В.Я.* Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири // Сборник статей. Ленинград: «Наука» Ленинградское отделение, 1988.

3. *Бутанаев В.Я.* Степные законы Хонгорая. Абакан: Издательство Хакасского Государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2004.

4. *Бутанаев В.Я.* Этническая культура хакасов: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 020700 «История». Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 1998.

5. *Гладышевский А.* Умай – божество, охраняющее материнство и младенчество // Живая старина (книга для чтения по историческому краеведению). Учебное пособие для учащихся / составитель В.Б. Буров. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1996.

6. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.И.-2. Оп. 1. Д. 1377.

7. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.И.-2. Оп. 1. Д. 1182.

8. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.И.-2. Оп. 1. Д. 648.

9. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.И.-2. Оп. 1. Д. 1177.

10. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.И.-6. Оп. 1. Д. 7.

11. Гражданский кодекс Российской Федерации от 21.1.1994. № 51. Ф3, ст. 32 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

12. *Каратанов И., Попов Н.* Качинские татары Минусинского округа / предисл. Г.Н. Потанина. СПб.: из известий Имп. Русск. Общ. Типография А.С. Суворина, 1885. Т. 20.

13. *Костров Н.* Кизильские татары // Из журнала Москвитянина. 1877. № 11. отдельный оттиск.

14. *Кустова Ю.Г.* Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2000.

15. *Степанов А.П.* Енисейская губерния. Санкт-Петербург, 1835. Ч. 1.

ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЬСКИХ КАДРОВ В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Автором статьи, предпринята попытка ретроспективного анализа проблемы создания, формирования и начала попытки массового строительства начальных школ при активном участии местных органов Симбирского земства. Местное самоуправление являлось значимым элементом в управленческой структуре российского общества, который занимался важными делами и проблемами сельского населения. К сожалению, со сменой власти в России, в ходе революции 1917 года судьба земств была предопределена, хоть оно и пыталось не сдавать своих позиций, и функционировало до последнего, так земство, проработав больше полувека было полностью разбито властью большевиков, и заменено на Советы. Но роль земства, его уникальный опыт не только в зарождающейся демократии, был исключен из жизни страны, но и его реальные дела по формированию и созданию системы земских начальных школ. Вызывает особый интерес, о том какие методы и формы финансовой помощи оказывало земство, было ли это эффективно, а самое главное данный анализ поможет увидеть, в чем польза и плюсы местного самоуправления в данный момент в лице земства. Благодаря финансовым поступлениям Симбирского губернского земства, появилась возможность организовывать новые школы с новым методологическим подходом к образованию, введением новых естественных и точных учебных дисциплин. Кроме того, земство сыграло огромную и эффективную роль в формировании нового учительства, которые по своему уровню образования были на высоком уровне и в культурологическом положении. Тем самым было заложено начало борьбы с неграмотностью среди крестьянского населения Симбирской губернии.

Ключевые слова: начальная школа, Симбирское земство, Симбирская губерния, учитель, училище.

E.G. ANTONOVA

*applicant, Ulyanovsk State Pedagogical
I.N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia*

TRAINING OF TEACHERS IN THE SIMBIRSK PROVINCE IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

The author of the article made an attempt to retrospectively analyze the problem of creation, formation and start of attempts at mass construction of primary schools with the active participation of local bodies of the Simbirsk zemstvo. Local self-government was an important element in the management structure of Russian society, which dealt with important matters and problems of the rural population. Unfortunately, with the change of power in Russia, during the 1917 revolution, the fate of the Zemstvos was a foregone conclusion, although it tried not to surrender its positions, and functioned to the last, so the Zemstvo, having worked for more than half a century, was completely defeated by the power of the Bolsheviks and replaced by the Soviets. But the role of the zemstvo, its unique experience not only in the emerging democracy, was excluded from the life of the country, but also its real work on the formation and creation of the system of zemstvo primary schools. Of particular interest is about what methods and forms of financial assistance the zemstvo provided, whether it was effective, and most importantly, this analysis will help to see what are the benefits and advantages of local self-government at the moment in the person of the zemstvo. Thanks to the financial receipts of the Simbirsk provincial zemstvo, it became possible to organize new schools with a new methodological approach to education, the introduction of new natural and exact academic disciplines. In addition, the zemstvo played a huge and effective role in the formation of the new teachers, which in terms of their level of education were at a high level and in a cultural position. Thus, the beginning of the struggle against illiteracy among the peasant population of the Simbirsk province was laid.

Key words: *primary school, Simbirsk zemstvo, Simbirsk province, teacher, school.*

Симбирская губерния во второй половине XIX века, остро нуждалась в учительских кадрах, поэтому одним из приоритетным направлением работы местных земских органов стала обеспечение учебных заведений всех направлений педагогами. Симбирским земством, в 1867 году в поддержку подготовки учителей, было выделено 1100 рублей на стипендию для обучающихся. До реформенного периода учительских кадров готовили в 2-х

духовных семинариях и в одной гимназии. За последующие 1868-1869 годы были предприняты усиленные меры как со стороны Симбирского губернского управления, так и со стороны местного земства по подготовке учительских кадров, итогом которого стало открытие Учительской семинарии в г. Симбирске. Через три года в Алатырском уезде открывается Порецкая учительская семинария, на строительство и обустройство семинарии земство выделило более 26 тысяч рублей, а также для поддержки будущих учителей, им было выделено стипендии. По ходатайству И.Я. Яковлева, для Чувашской учительской школы в том же году, губернское земское собрание отчислило 15 стипендий [9. С. 67].

До начала 70-х годов XIX века в начальных народных училищах Симбирской губернии не было учителей, имевших специальное педагогическое образование. В подавляющем большинстве школ учителями работали местные приходские священники и дьячки, сельские писари и исключенные со службы чиновники, полуграмотные солдаты и унтер-офицеры и другие случайные, неподготовленные люди [1. С. 53].

Жалованье учителям в мужских училищах, писал И.Н. Ульянов, «доходило до невероятного размера – 25 рублей, в женских – до 15 рублей» в год, поэтому «приходилось довольствоваться таким составом их». Лучшими методами преподавания доморощенные учителя не владели, к делу относились недобросовестно, результаты обучения детей были неудовлетворительными.

С открытием новых учительских семинарий, курсов, гимназий и училищ, качественно изменился не только преподавательский состав но методика преподавания, новые «светские» предметы, точные науки. В конечном итоге благодаря усилиям земства общество получило учителей, которые по своему культурно-образовательному уровню были на самом высоком уровне, даже при сравнении с государственными служащими или и с земскими работниками.

Как видно из таблицы 1 количество педагогов, благодаря новой системы народного образования с активным участием земства, за последние 30 лет выросла в разы и к 1910 году их количество составила 670 человек, а по уездам [7. С. 117]:

Со стороны дирекций было обращено особое внимание на улучшение учебной части. Они предлагали:

- 1) замена слабых и мало усердных учителей более способными и подготовленными;
- 2) более частый осмотр именно неудовлетворительных школ;
- 3) организовать библиотеки в школах и дать возможность учащимся продолжать свое самообразование;
- 4) периодически устраивать учительские съезды;
- 5) увеличить жалованья преподавателям до такого размера, чтобы они могли удовлетворять их необходимые потребности;

Таблица 1

Уезды	Количество учителей
Курмышский	61
Сенгилеевский	59
Буинский	65
Карсунский	107
Алатырский	68
Сызранский	102
Ардатовский	96
Симбирский	112
Итого по Симбирской губернии	670

б) обеспечить будущее таких учителей и учительниц, которые посвящают большую часть своей жизни делу преподавания [2. Л. 23].

Для повышения престижности учительства, с помощью земства заработная плата ежегодно росла, как и количество самих учителей. Министерство просвещения народного образования на поддержку народного образования Симбирской губернии ежегодно выделяла от 35 до 45 тысяч рублей, например, в 1913 году губерния получила 43 тысячи рублей [2. Л. 33].

По поручению губернского земского собрания в 1905-1906 гг. губернская земская управа собрала материалы для разрешения возбужденного губернским собранием вопроса об организации повторных общеобразовательных педагогических курсов для учителей народных училищ. В 1907 году земская управа предоставила на рассмотрение губернскому земскому собранию проект организации курсов. Проект заключался в следующем: проведение в Симбирской губернии курсов для учителей смешанного типа – педагогического и общеобразовательного, проведение курсов за счет губернского земства, выбор и приглашение учителей на курсы производится училищными советами и инспекторами народных училищ, общее количество учителей в Симбирской губернии на 1 января 1907 г. 826 человек [5. С. 141-142].

В целом по подготовке учительских кадров для народных школ Симбирская губерния, по данным М.Ф. Суперанского, стояла впереди многих губерний, но вместе с тем процент педагогов с высшим, средним и педагогическим образованием здесь был ниже, чем в других губерниях России [3].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что земства готовили учителей, заботились об их материальном благосостоянии, проводили для них специальные курсы, которые повышали их педагогическое образование.

Однако не во всех уездах Симбирской губернии процесс развития народного образования с поддержкой земства шел равномерно. Например, земские собрания Сызранского и Симбирского уездов выделяли достаточное количество денежных средств на эти цели, а Сенгилеевское земство совсем незначительно, а по отдельным годам полностью финансирование отсутствовало. В основном, Симбирское губернское земство значительно поддерживали школ нового земского типа. Например, в 1901 году финансирование земской школы по губернии составило 63 тысячи рублей, в том же году церковно-приходские школы получили только 8 тысяч рублей, что в 9 раз меньше [8. С. 160].

Начальные народные училища – земские школы открыли новые перспективы в развитии начального образования в стране. В Симбирской губернии начало этому процессу было положено известным просветителем Ильей Николаевичем Ульяновым. Благодаря ему во второй половине XIX века было открыто большое количество народных училищ, земские школы были встроены в систему народного образования губернии.

В рассматриваемый период Симбирское земство продолжало наращивать расходы на народное образование: в 1901 году они составили 121022 руб. 36 коп., в 1912 году – 324003 руб. 56 коп. Благодаря освоению этих средств на 1 января 1913 года в губернии насчитывалось 727 начальных училищ с 61051 учащимся. В училищах работало 1936 учителей, в том числе 893 женщины. Более 500 человек имели специальное педагогическое образование. Вместе с тем в губернии действовало 6 ремесленных училищ и 19 отделений и классов в школах общего профиля, прививавших навыки токарного, слесарного, кузнечного, а также сапожно-башмачного дела, кройки и шитья [6. С. 1].

С середины 90-х гг. XIX века основная доля расходов на начальные школы легла на уездные земства. В Среднем Поволжье в сметах на начальное образование их расходы составили 98,9% от общей суммы. Подобная картина была и на Урале – на долю уездных земств приходилось 98,6% всех выделяемых земских средств. Губернские земства слабо участвовали в финансировании начального образования в Пензенской и Симбирской губерниях [4. Л. 11].

В 1904 году при участии Симбирского губернского земства был разработан план и принято постановление о введении всеобщего начального образования. Согласно этого постановления в течении десяти лет открыть по Симбирской губернии 3319 школ всеобщего обучения с охватом более 166 тысяч человек, с финансовым обеспечением 1,3 млн. рублей. Бюджет данного постановления формировался из разных источников, кроме земской поддержки участвовали разные сельскохозяйственные общества, частные кооперативные организации, ссудо-сберегательные и кредитные организации, а также государственное ассигнование. Каждый уезд заплани-

ровал открывать первые пять лет не менее 70 школ т.е. ежегодно по 14 школ, а Симбирский уезд – 85 школ. Для реализации данного проекта, кроме разных местных источников финансирования в 1906 году Симбирская губерния получила кредит в сумме 1.3 млн. рублей, который был распределен пропорционально по уездам [4. Л. 43]. Помимо собственно земских школ земства частично финансировали министерские училища. Суммы были небольшими и не могли покрыть всех расходов.

Земские учреждения по возможности способствовали открытию городских училищ. В 1909 году такие училища были во всех уездных городах Симбирской губернии, в них обучалось 1075 человек. В 1914 году в Симбирской губернии насчитывалось 13 высших начальных училищ, 10 из них были преобразованными городскими училищами. На их содержание было затрачено 126 тыс. руб., из них 3497 руб. были земскими средствами [3. Л. 17].

При учреждении профессиональных учебных заведений земства старались учитывать их доступность местному населению. Прежде всего, помощь оказывалась четырехклассным низшим ремесленным училищам и школам. В Симбирской губернии было пять низших ремесленных училищ: Карсунское, Мачкаское, Симбирское имени М.В. Лебедева, Симбирская женская школа кройки и шитья, Буинское училище, Бело-Озерская низшая ремесленная школа. Их специализация была разнообразной: кузнечное, слесарное, столярное, слесарно-токарное, портняжное дело. На их содержание уездные земства ежегодно выделяли деньги. Например, в 1908 году доля уездных земств составила 35% от общей суммы [3. Л. 73].

Земство выделяло каждый год 400 руб. на содержание ремесленных классов учебных заведений [6]. Кроме того, губернское и уездные земства финансировали содержание низшего ремесленного образования. Финансовая доля земств в 1909-1911 гг. составляла чуть более трети всех расходов [3. Л. 51]. В чуть меньшей мере финансовую поддержку земств получили и такие профессиональные учебные заведения как сельскохозяйственные школы, медицинские и торговые образовательные учреждения.

Из всего выше сказанного, можно сделать вывод, что земства принимали активное самое большое участие в финансирование начального и среднего образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Воробьев В.К.* Очерки истории начальных школ Симбирской губернии (70-е гг. XVIII в. – начало XX в.). Ульяновск, 1997.
2. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 99. Оп. 3. Д. 20.
3. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 46. Оп. 2. Д. 3.
4. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 26. Оп. 18. Д. 2.
5. Журналы Симбирского губернского земского Собрания очередной сессии 1908 г. Симбирск, 1909.

6. *Ишерский В.* Учебные заведения для распространения среди населения ремесленных познаний и навыков. Казанский областной съезд представителей губернских земств. 1909 г. // Материалы по народному образованию. Книга 9. Симбирск, 1909.

7. *Кобзева Т.А.* Земские органы самоуправления Симбирской губернии 1905-1918 гг. Ульяновск, 2012.

8. *Константинова Л.М.* Симбирское земство: основные направления деятельности // Ученые записки Ул. Гос. Унив.: Сер. Обр-е / УлГУ. Ульяновск, 2001. Вып. 1 (5).

9. *Овсянникова Н.Б.* Становление и развитие начального образования в Симбирской губернии, 1861-1917 гг.: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01: Ульяновск, 2001.

XX СЪЕЗД КПСС (К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА)

В этом году отмечается 65-летие XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, который неразрывно связан с началом демократизации в СССР. В статье приводится подробный анализ литературы, посвященной подготовке и проведению съезда, а также закрытому докладу «О культе личности и его последствиях». Автор отмечает развитие исторической науки в этом направлении начиная с середины 1950-х годов и заканчивая современностью. Исследователь показывает, что до того момента, пока Н.С. Хрущев находился у власти отношение к его политике и разоблачению культа личности Сталина в литературе было относительно позитивным. С середины 1960-х настроения меняются, процесс реабилитации замедляется, что не могло не сказаться на исторических источниках. В период Перестройки раскрываются архивы, происходит переоценка деятельности Никиты Сергеевича. Современные авторы, делает вывод исследователь, по-разному трактуют политический курс Н.С. Хрущева, выделяя как сильные стороны, так и негативные моменты его деятельности. Автор доказывает, что современные историки дают более объективную оценку политики Хрущева.

Ключевые слова: XX съезд, историография, КПСС, культ личности, оттепель, Хрущев.

N.A. DEGTYAREVA

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor Orenburg State University,
Orenburg, Russia

XX CONGRESS OF THE CPSU (ON THE HISTORIOGRAPHY OF THE QUESTION)

This year marks the 65th anniversary of the XX Congress of the Communist Party of the Soviet Union, which is inextricably linked with the beginning of democratization in the USSR. The article provides a detailed analysis of

the literature devoted to the preparation and holding of the congress, as well as the closed report “On the Cult of Personality and its consequences”. The author notes the development of historical science in this direction since the mid-1950s and ending with the present. The researcher shows that until the moment when N. S. Khrushchev was in power the attitude towards his policies and the exposure of the cult of Stalin’s personality in literature was relatively positive. Since the mid-1960s, the mood has changed, and the rehabilitation process has slowed down, which could not but affect the historical sources. During the period of Perestroika, archives are declassified, and Nikita Sergeyevich’s activities are re-evaluated. Modern authors, the researcher concludes, interpret the political course of N. S. Khrushchev in different ways, highlighting both the strengths and the negative aspects of his activities. The author proves that modern historians give a more objective assessment of Khrushchev’s policy.

Key words: *XX Congress, historiography, the Communist party, the cult of personality, the thaw, Khrushchev.*

Время нахождения у власти Никиты Сергеевича Хрущева – один из наиболее значительных и непростых периодов в истории России. В это время состоялся XX съезд КПСС, определивший новый политический курс страны. На нем были сделаны шаги к возрождению ленинских принципов и очищению идеалов социализма, начался переход от «холодной войны» к мирному сосуществованию.

Научное изучение темы начинается с сер. 1950-х – нач. 1960-х гг. Важное значение на данном этапе играла система исторического образования. В 1957 г. выходит новое учебное пособие для вузов под редакцией М.П. Кима [15. С. 772]. Автор глубоко описывает деятельность Н.С. Хрущева до и после съезда, большое внимание уделяя директивам съезда и секретному докладу, где культ И.В. Сталина подвержен обстоятельной критике. В этом же положительном ключе раскрывают политику Н.С. Хрущева ученые Д.И. Ковалевский [21. С. 304], А.М. Панкратова [20. С. 290], В.И. Виногорадов [14. С. 303]. Данное обстоятельство связано с тем, что лидер еще находился у власти. Постепенно негативное отношение к Сталину сглаживается, власть начинает подстраховываться, боясь, что процесс разоблачения коснется и ее, о чем ярко демонстрируют книги более позднего периода.

С середины 1960-х начавшаяся эпоха застоя отразилась и на исторической науке. В издававшейся в эти годы научной литературе мало упоминается о деятельности Н.С. Хрущева, его заслугах по разоблачению культа личности. На первый план выходит деятельность И.В. Сталина. Среди авторов здесь можно выделить И.Б. Берхина [16. С. 300], Кабанова и В.В. Мавроди-на [19. С. 421], М.П. Кима [17. С. 289], С.А. Сераева [18. С. 560].

Время перестройки вновь позволило ученым обратиться к XX съезду и его переоценке. Первого президента СССР М.С. Горбачева начали сравнивать с Никитой Сергеевичем и считать вторым чудом в кадровой истории высших эшелонов партийной власти. Рассекречиваются архивы, историки получают возможность работать над неизученными документами. В 1987 г. в докладе о 70-летию Октября: «Октябрь и перестройка: революция продолжается» М.С. Горбачев впервые за долгие годы дал положительную оценку политике Хрущева [11. С. 60].

Историк Г.И. Куницын оценил личность Хрущева как яркую, самобытную, противоречивую, как личность, которая начала процесс реабилитации, но сама настоящей реабилитации не подверглась. По мнению автора, Хрущев открыл поход против сталинизма, по сути, являясь демократом. И в этом историк проводит линию сравнения политики Никиты Сергеевича и Михаила Сергеевича Горбачева, а также политики Хрущева и Сталина. Если Горбачев – «прямое порождение съезда», то Сталин – «эгоцентрик», который отвергал на практике проблему человека как таковую. Хрущев же, наоборот, «само олицетворение счастливой энергии молодости, созидание, оптимизма». Автор считает, что если бы не сложился близкий к прогрессивному состав делегатов XX съезда, то ничего не удалось бы сделать. Куницын называет это «коллективным подвигом» [12. С. 4].

В книге «Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии» представлены публикации о советском лидере и его деятельности [33. С. 367]. Ф.М. Бурлацкий в статье «Хрущев. Штрихи к политическому портрету», считает, что Генеральный секретарь партии пришел к власти не случайно, так как он был выразителем демократического направления в партии, которое никогда не умирало [8. С. 9-23]. По мнению Бурлацкого и Федорова, Никита Сергеевич рассматривался как надежда народа, он поставил на карту свою личную судьбу во имя общественных целей. Главное значение, считает Бурлацкий, Хрущев придавал необходимости до конца разоблачить культ личности, но правда о преступлениях 1930-х гг. оказалось неполной. Информация о вине деятелей носила однобокий характер. Хрущев столкнулся с проблемой личной ответственности. Автор указывает главную заслугу генсека – это сокрушение культа личности Сталина, решение о реабилитации, удар по бюрократизму, принцип мирного сосуществования. Но, в целом, концепция его по обновлению социализма не состоялась. Причины этого, по мнению Бурлацкого, в том, что Хрущев был не способен разбираться в кадрах [32. С. 186-188].

«Борец с культом личности сам оказался его жертвой», считает А.Е. Бовин. По мнению автора, Хрущев был непоследователен, верил в собственную непогрешимость, но величие его в том, что он решился сказать правду о сталинских преступлениях и взял курс на обновление социализма [7. С. 24-27]. Обстоятельный анализ подготовки и проведения XX съезда КПСС дает Ю.В. Аксютин [4. С. 32-42].

С.Н. Кондрашов считает, что Хрущев был «человеком мира», выражал мирные устремления советского народа, но его анализ обстановки не отличался точностью, он преувеличивал агрессивность США и Запада. Подход Хрущева к межгосударственным отношениям был предельно идеологизирован [23. С. 57-64].

Г.И. Мирский, напротив, полагает, что благодаря неортодоксальному политическому мышлению Никиты Сергеевича были заложены основы внешней политики СССР [27. С. 88-89]. Говоря о внутренней политике после XX съезда экономическая наука продвинулась вперед, считает Д.В. Вальной. В принятой Программе КПСС были «реабилитированы» товарно-денежные отношения, прибыль. По мнению автора, Хрущев унаследовал от Сталина одну из самых плохих его черт: на словах признавалось и говорилось одно, а на практике делалось другое [10. С. 93-97].

Главным результатом бурного и противоречивого десятилетия, по мнению В.Л. Шейниса и Ю.А. Левады, была невозможность возврата к сталинизму в его подлинных формах. В эти годы появились зачатки нового социального и политического мышления, начали формироваться новые знания и новые нормы социального поведения. Авторы утверждают, что в период перестройки эти процессы набрали силу [24. С. 171-186].

Незавершенными поворотами, по мнению Е.Ю. Зубковой, можно назвать 1956 и 1965 годы. Причина неудачи заключается в ограничении развития и углубления демократического процесса, которое не позволило полностью блокировать активность консервативных сил [13. С. 74-88].

В марте 1989 г., спустя 33 года, в газете «Известия ЦК КПСС» был опубликован секретный доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» [34. С. 128-165].

Основные нововведения съезда и его традиционные положения рассматриваются в книге Ю.В. Аксютин и О.В. Волобуева [5. С. 224].

Таким образом, если в период застоя имя Хрущева и его деятельность были забыты, то в эпоху перестройки произошла реабилитация генсека. Несмотря на то, что авторы придерживаются разных позиций в отношении деятельности Никиты Сергеевича, все они сходятся в одном: имя его не отделимо от XX съезда и именно он поставил вопрос о культе личности.

В начале 1990-х – 2000-х годах происходит дальнейшее рассекречивание государственных архивов, появляются новые сведения, которые позволяют пересматривать политику Хрущева. В 1996 году отмечался 40-летний юбилей XX съезда. Исследователь В.Л. Шейнис утверждает, что XX съезд – это историческая развилка, подойдя к которой страна не выбрала лучший путь. Съезд не канул в историю, подобно многим предшествующим, но и не оказал глубокого влияния. Автор задает вопрос, почему реакция наступила так быстро? Причины этому он находит в антидемократической системе, в экспансионистских претензиях СССР. Шейнис считает,

что М.С. Горбачеву удалось сделать то, что начал Хрущев, а именно: подключить к процессу преобразования народ [35. С. 129-134].

Исследователь Н.А. Барсуков обращается к воспоминаниям Н.С. Хрущева, надиктованным на магнитофон, в которых он не раз касался своего доклада о культе личности. Барсуков попытался показать ретроспективный взгляд Никиты Сергеевича на события того времени, дав ему событийную, фактологическую канву [6. С. 169-177].

А.С. Стыкалин утверждает, что XX съезд вызвал в странах Восточной Европы резонанс и повлек за собой целую цепь событий. В первую очередь это «польские события» осени 1956-го, и в особенности венгерское восстание, которое было серьезным симптомом кризиса сталинской модели социализма в Восточной Европе. Автор считает, что, обозначив пределы хрущевской либерализации, советское военное вмешательство во многом подорвало доверие к прозвучавшим на XX съезде КПСС идеям обновления социализма [31. С. 101-114]. Историк О.Л. Лейбович считает, что события в Венгрии стали поворотным пунктом в развитии внутривосточных реформ, продемонстрировав всему миру пределы возможного либерального курса Хрущева [25. С. 33].

По мнению Л.А. Сидоровой после XX съезда и до середины 60-х годов историческая наука была готова воспринять назревшие перемены, «ставшие возможными благодаря возрождению стремления и дискуссионному поиску истины». Но постепенно партийное руководство взяло под жесткий контроль ход провозглашенных перемен [22. С. 156-158].

Опираясь на документы из бывшего Архива ЦК КПСС Ю.Г. Буртин утверждает, что о волнениях студентов после съезда за пределами ЦК КПСС и верхушки Комитета государственной безопасности имели полное понятие немногие. Буртин считает, что это событие следует рассматривать как серию ранних «подземных» толчков антитоталитарной революции, как отголоски произошедшего в Польше и Венгрии. Объектами критики со стороны студентов оказались основополагающие свойства системы. По мнению автора, XX съезд КПСС шире открыл ворота сталинских лагерей [9. С. 3-23].

В 1998 году в свет выходят две знаковые статьи, в которых повествуется о подготовке доклада «О культе личности и его последствиях» и откликах на него в широких кругах советского общества. Авторы ссылаются на Р.А. Медведева и В.П. Наумова, которые полагают, что именно в последние дни перед началом работы съезда было решено сделать отдельный доклад о культе личности [26. С. 2-9]. Таким образом, этот вопрос был решен еще до съезда, делают вывод Ю.В. Аксютин и А.В. Пыжиков [1. С. 108-121; 2. С. 107-117].

Н.А. Барсуков считает, что работа над текстом доклада велась во время съезда и была подпольной [6. С. 169-177]. Исследователю А.В. Пыжикову самостоятельно принадлежат две публикации, которые, так или иначе, ка-

саются XX съезда: «Внутрипартийная борьба и эволюция системы власти (1953-1957)», «XX съезд и общественное мнение» [30. С. 246-251].

Критика Сталина, стремление использовать борьбу против культа личности в интересах части партийного аппарата, отмечает Р.Г. Пихоя, привели к вовлечению в политическую жизнь огромной массы членов партии, и никакие передачи зарубежных радиостанций не были способны донести до многомиллионной аудитории коммунистов такое количество сведений о конкретных примерах недовольства, критике основополагающих начал советско-коммунистического строя, как это сделал ЦК КПСС [28. С. 151].

В 2004 г. увидела свет работа Ю.В. Аксютин «Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг.». С позиций современного научного знания автор исследует такие проблемы общественно-политической жизни 1953-1964 гг. в СССР как либерализация режима, отношение к этому процессу преемников Сталина в свете развернувшейся между ними борьбы за лидерство, а также меняющиеся взаимоотношения между властью и обществом, реакцию «низов» на исходящие «сверху» импульсы, их отношение к различным внешне- и внутривнутриполитическим инициативам советского руководства, эволюцию взглядов на деятельность Н.С. Хрущева [3. С. 90]. Таким образом, мы видим, что современные исследователи рассматривают деятельность Никиты Сергеевича более объективно, выделяя его сильные и, в то же время, слабые стороны его деятельности.

XX съезд КПСС и события, происходящие вокруг него, достаточно подробно раскрыты в исторической литературе. Однако комплексной работы по освещению исполнения решений XX съезда КПСС в СССР до сих пор нет. Современным историкам еще только предстоит собрать и обобщить весь накопленный материал, абстрагируясь от политической обстановки в мире и России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аксютин Ю.В.* Новое о XX съезде КПСС // Отечественная история. 1998. № 2.

2. *Аксютин Ю.В.* О подготовке закрытого доклада Н.С. Хрущева XX съезду КПСС в свете новых документов / Ю.В. Аксютин, А.В. Пыжиков // Новая и новейшая история. 2002. № 2.

3. *Аксютин Ю.В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М.: РОССПЭН, 2010.

4. *Аксютин Ю.Н.* С. Хрущев. «Мы должны сказать правду о культе «личности» // Н.С. Хрущев. Материалы к биографии. М.: Политиздат, 1989.

5. *Аксютин Ю.В.* XX съезд КПСС: новации и догмы / Ю.В. Аксютин, О.В. Волобуев. М.: Политиздат, 1991.

6. *Барсуков Н.А.* XX съезд в ретроспективе Хрущева // Отечественная история. 1996. № 6.

7. Бовин А. Страна жаждала перемен // Н.С. Хрущев. Материалы к биографии. М.: Политиздат, 1989.

8. Бурлацкий Ф. Хрущев. Штрихи к политическому портрету // Н.С. Хрущев. Материалы к биографии. М.: Политиздат, 1989.

9. Буртин Ю.Г. Студенческие брожения в СССР (конец 1956) // Вопросы истории. 1997. № 1.

10. Валовой Д.В. Н. Хрущев: «Повернуться лицом к экономике» // Н.С. Хрущев. Материалы к биографии. М.: Политиздат, 1989.

11. Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается: доклад на Совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященное 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов, 2 ноября 1987 г. Москва: Политиздат, 1987.

12. Гусейнов Р. Хрущев. Жизнь и судьба // Комсомольская правда. 27 ноября 1988.

13. Зубкова Е.Ю. Опыт и уроки незавершенных поворотов 1956 и 1965 гг. // Вопросы истории КПСС. 1988. № 4.

14. История СССР в документах и иллюстрациях: Пособие для учителей средней школы / под ред. В.И. Виноградова. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1963.

15. История СССР. Эпоха социализма. (1917-1957): Учебное пособие для вузов / под ред. М.П. Кима. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957.

16. История СССР. Эпоха социализма: Пособие для средних школ / под ред. И.Б. Берхина. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РФ, 1966.

17. История СССР. Эпоха социализма: Пособие для средних школ / под ред. М.П. Кима. М.: Государственное издательство политической литературы, 1971.

18. История СССР. Эпоха социализма: Учебное пособие для исторических факультетов педагогических институтов / под ред. С.А. Сераева. М.: Просвещение, 1977.

19. История СССР: Учебник для пединститутов / под ред. В.В. Мавродина, П.И. Кабанова. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1966.

20. История СССР: Учебник для средней школы / под ред. А.М. Панкратовой. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РФ, 1961.

21. История СССР: Учебник для X-XI классов средней школы / под ред. Д.И. Ковалевского. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РФ, 1961.

22. *Кожурин В.С.* Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия / В.С. Кожурин, Л.А. Сидорова // Вопросы истории. 1998. № 10.

23. *Кондрашов С.Н.* Цели и средства, или Экскурс в историю, навеянный событиями дня // Н.С. Хрущев. Материалы к биографии. М.: Политиздат, 1989.

24. *Левада Ю.А.* 1953-1964: почему тогда не получилось / Ю.А. Левада, В.Л. Шейнис // Н.С. Хрущев. Материалы к биографии. М.: Политиздат, 1989.

25. *Лейбович О.Л.* Реформы 1950-х-1960-х гг. в контексте отечественной модернизации // Уральский исторический вестник. 2013. № 7.

26. *Медведев Р.А.* XX съезд: тайна закрытого заседания. Хрущевский перелом? Нет, хрущевская легенда / Р.А. Медведев, В.П. Наумов // Вечерний клуб. 26 декабря 1996.

27. *Мирский Г.* Хрущев и Насер (интервью корреспонденту газеты «А. и Ф.» Д. Макарову) // Н.С. Хрущев. Материалы к биографии. М.: Политиздат, 1989.

28. *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. 40 лет после войны. 1945-1985. М.: АСТ, 2007.

29. *Пыжиков А.В.* XX съезд и общественное мнение // Свободная мысль. 2000. № 8.

30. *Пыжиков А.В.* Внутрипартийная борьба и эволюция системы власти (1953-1957) // Вестник РАН. 2001. Т. 71. № 3.

31. *Стыкалин А.С.* 1956-й: XX съезд и «венгерские события» // Свободная мысль. 1996. № 10.

32. *Фёдоров Г.* Как нам оценивать Хрущева? // Н.С. Хрущев. Материалы к биографии. М.: Политиздат, 1989.

33. *Хрущев Н.С.* Материалы к биографии. М.: Политиздат, 1989.

34. *Хрущев Н.С.* О культе личности и его последствиях // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.

35. *Шейнис В.Л.* Историческое место XX съезда КПСС и современность // Полис. 1996. № 3.

РОЛЬ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК В ФОРМИРОВАНИИ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Современное изучение демографического поведения строится на междисциплинарном подходе, на взаимодействии демографии, социологии и этнологии. Одним из компонентов демографического поведения населения принято выделять репродуктивное поведение, как основополагающее в области воспроизводства населения. Среди русского населения России имеется некая общая универсальная модель репродуктивного поведения, обусловленная общими традициями и нормами. Насколько национальные и религиозные факторы, выраженные традициями и нормами, могут повлиять на репродуктивное поведение и репродуктивные установки, и будут ли региональные различия среди одной этнической группы? Цель статьи – определить общие тенденции репродуктивных установок и их влияние на репродуктивное поведение современного русского населения Республики Татарстан.

Ключевые слова: демографическое поведение, репродуктивное поведение, факторы репродуктивного поведения, репродуктивные установки, идеальное число детей, желаемое число детей.

N.S. KROT

Postgraduate student
Kazan (Volga Region) Federal
University, Kazan, Russia

THE ROLE OF REPRODUCTIVE ATTITUDES IN THE FORMATION OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR (BASED ON THE MATERIALS OF ETHNOSOCIOLOGICAL RESEARCH)

The modern study of demographic behavior is based on an interdisciplinary approach, on the interaction of demography, sociology and ethnology. It is customary

to single out reproductive behavior as one of the components of the demographic behavior of the population, as fundamental in the field of population reproduction. Among the Russian population of Russia there is a certain common universal model of reproductive behavior, conditioned by common traditions and norms. To what extent can national and religious factors, expressed by traditions and norms, affect reproductive behavior and reproductive attitudes, and will there be regional differences among the same ethnic group? The purpose of the article is to determine the general trends in reproductive attitudes and their influence on the reproductive behavior of the modern Russian population of the Republic of Tatarstan.

Key words: *demographic behavior, reproductive behavior, factors of reproductive behavior, reproductive attitudes, ideal number of children, desired number of children.*

Репродуктивное поведение – важнейший компонент демографического поведения и воспроизводства поколений. Ученый-демограф В.А. Борисов дал определение репродуктивное поведение, как «систему действий, отношений и психических состояний личности, связанных с рождением или отказом от рождения детей любой очередности в браке или вне брака» [4. С. 8].

В репродуктивном поведении выделяют:

- 1) репродуктивную установку;
- 2) репродуктивный мотив;
- 3) репродуктивную стратегию.

Исследование репродуктивного поведения находит отклик в разных научных сферах. Его изучали демографы (В.А. Белова, А.В. Борисов, Д.И. Валентей, А.Г. Вишневецкий, Б.Ц. Урланис), социологи (А.И. Антонов, С.И. Голод, И.С. Кон) и экономисты (Н.П. Агафонов, В.В. Воробьев, В.И. Переведенцев, Ж.А. Зайончковская). Если для демографов и социологов репродуктивное поведение выступает как фактор рождаемости, то для экономистов оно является фактором формирования населения и источником трудового резерва.

Исследователи выделили условия, влияющие на репродуктивное поведение: внутренние (потребности самого человека) и внешние (социальные).

К определяющим компонентам репродуктивного поведения относят:

- 1) здоровье населения (М.С. Бедный);
- 2) уровень образования и культуры (М.С. Мацковский и В.Я. Белова);
- 3) женское трудовая занятость (Е.А. Садвокасова);
- 4) государственная демографическая политика (В.В. Воробьев, М.Я. Сонин);
- 5) уровень жизни (В.И. Переведенцев, Ж.А. Зайончковская);
- 6) материальное положение семьи (А.И. Антонов, В.С. Стешена).

Ученый В.В. Бойко в качестве ведущего фактора, определяющего репродуктивное поведение, выделяет «потребность в детях», как потребность реализации одновременно внутренних, и внешних мотивов, личных и социальных [3. С. 7].

И.Я. Стоянова и О.В. Магденко определили репродуктивные мотивы как возможность собственной реализации через рождение ребенка. Таким образом, репродуктивная мотивация некая совокупность внутренних и внешних движущих сил, мотивирующих человека к достижению разного рода целей и смыслов, обусловленных рождением ребенка.

Среди ученых нет единого понимания истоков репродуктивных мотивов. Исследователями выделяются конструктивные и деструктивные мотивы [7. С. 23-29]. А.И. Антонов и В.М. Медков ведущими факторами считают экономические, социальные и психологические мотивы человека при формировании его репродуктивного поведения [1. С. 222], а Ф.Н. Ильясов – непосредственные мотивы и опосредованные [5. С. 17-35].

В российской демографической науке основополагающей в изучении деторождения является «теория репродуктивного поведения», в Европе и Америке исследования проводятся в рамках теории «планируемого поведения».

Репродуктивные установки изучаются в ракурсе идеального, желаемого и ожидаемого числа детей. В.Н. Архангельский сформулировал категории, определяющие репродуктивное поведение.

Потребность в детях выражена в трех категориях:

- 1) идеальное число детей – ориентация на социальные нормы;
- 2) желаемое число детей – эмоциональная установка;
- 3) ожидаемое число детей – установка действия.

Исследователя уверены, что наиболее точную картину можно получить, изучив все три типа установок среди населения. Так, желаемое число детей лучше всего отражает индивидуальную потребность в детях, но при этом оно не может служить в качестве показателя точного количества детей к концу репродуктивного периода человека. Репродуктивные установки являются маркерами траектории репродуктивного поведения населения.

Исследователь А.О. Тындик, изучая репродуктивное поведение, сформулировала вывод о том, что в России доминирует двухдетный идеал. Добровольный отказ от детей отсутствует, а предпочитающих одного или трех детей практическое равное количество. Полученные данные говорят о том, что российское общество достаточно однородно по вопросу репродуктивных установок и существенных региональных отличий среди православного русского населения не имеет [10. С. 361-376]. Таким образом, мы можем отметить, что национально-религиозные нормы и традиции в меньшей степени имеют влияние на репродуктивное поведение современного русского населения, в том числе и Республики Татарстан, чем экономические и социально-политические факторы.

В ходе нашего исследования, проведенного среди русского населения Республики Татарстан в период 2018-2019 гг., были изучены все три типа репродуктивных установок, позволяющих проанализировать репродуктивное поведение. У 80% респондентов имеются дети, у 20% детей нет.

1/3 часть респондентов являются родителями двоих детей, 1/5 часть респондентов отметили, что у них трое детей, 1/10 часть респондентов ответила, что имеет одного ребенка. В опросе участвовали также родители четырех и более детей. Данные этносоциологического опроса подтверждают выводы, сформулированные российскими демографами: в России доминирует модель двухдетной семьи. В качестве положительной динамики стоит отметить, что респондентов с тремя детьми существенно больше, чем с одним ребенком. Принимая во внимание существование демографической ямы конца 1980-1990-х годов, спровоцированная негативной социально-экономической ситуацией в стране, все больше семей не боится рожать второго и последующего ребенка, полагая, что внешние факторы благоприятны. В то же время, многодетные семьи с четырьмя и пятью детьми встречаются так же редко, в опросе они составили всего 3% от общего числа опрошенных. Многодетность в России утратила актуальность, как единственный фактор возможности выжить семье. С изменением понимания экономической функции семьи, произошла трансформация в восприятии многодетности, как необходимого условия выживания семьи. Кроме того, следует учитывать возрастание качества и распространенности медицинских знаний, появление возможности планирования детей, а также распространение методов контрацепции.

В представлении об идеальном количестве детей мнения респондентов разделились. Двое детей в качестве идеального числа на одну семью читает половина опрошенных. Мужчины в большей степени, чем женщины разделяют это мнение. Это может быть связано с тем, что материальное обеспечение семьи ложится на плечи мужчин, они объективнее оценивают свои возможности.

Треть респондентов считает троих детей идеальным числом на одну семью. Голоса между мужчинами и женщинами разделились поровну. Стоит отметить, что ответ «один ребенок» и «четверо детей» в качестве идеального числа на одну семью имеют практически равное количество. Среди ответов «один ребенок» больше зафиксировано среди опрошенных возрастных групп 30-35 лет и 36-42 года [8]. Анализируя возраст респондентов, можно предположить, что их юность пришлась на 1990-е: нестабильные, дефицитные, кризисные. Семьи, решившие родить в это время ребенка, редко решались на второго и третьего. Как следствие, у поколения сложилась установка на одного ребенка, как некая модель, заложенная родителями и ближайшим окружением.

Идеальное число детей, как было отмечено В.Н. Архангельским – это социальная установка. На основании статистических данных среди русского населения Республики Татарстан существует представление, что двое детей – идеальное количество детей на одну семью. Идеал в виде одного ребенка является пережитком 1990-х годов и их последствий, а также может

сопровождаться другими социальными явлениями: низким материально-финансовым достатком, проблемами со здоровьем, возрастными возможностями и стремлением современной молодежи к самореализации (в том числе профессиональной) и свободе от каких бы то ни было обстоятельств.

В ходе интервью, проведенных в рамках исследования, респондентам был представлен вопрос: «Какое, по-вашему мнению, идеальное число детей на одну семью? Из каких соображений (критерий) формируется ваше представление об идеальном числе детей?».

«Я считаю идеальным числом – двое детей. Объясню: с детства эта модель формируется на примере своей семьи. Кроме того, будучи реалистом понимаешь, что один ребенок мало и ему скучно одному, два оптимально, три- много. Соображения достаточно просты: ребенок должен расти в компании близкого (брата или сестры) и возможность нормального обеспечения семьи. В то же время лично у меня всегда присутствует страх за детей. Вдруг меня или жены не станет рано, как он один будет существовать. А с братом или сестрой уже не один».

(Мужчина, 35 лет, женат)

«Я считаю идеальным числом детей в семье троих. Не знаю почему, всегда хотелось троих детей. Нас в семье двое, я и брат. Разнополые дети-сверстники тот еще стресс, всегда хотелось сестру, которая поймет меня и разделит увлечения. Сейчас с возрастом, конечно, все поменялось, так разница не ощущается, но желание иметь троих детей осталось».

(Женщина, 23 года, не замужем)

«Я не могу назвать идеальное число детей. Это как? Во сколько бы хотелось лично мне, тогда понятно. У меня двое детей и всегда хотелось именно двоих. Может, это заложено в детстве, неосознанно, возможно, после рождения сына я захотела испытать, что значит быть мамой дочки».

(Женщина, 42 года, замужем)

«Идеальное число подразумевается при идеальных условиях? Трое, я считаю трое. Опять же, при идеальных условиях: без финансовых, жилищных и прочих проблем. А если их учитывать, то это уже не идеальные условия и число иное» [9].

(Мужчина, 28 лет, женат)

В данном случае невозможно сделать количественный вывод, но мы можем наблюдать качественное объяснение причин сложившихся репродуктивных установок: установки по идеальному числу детей у большинства интервьюируемых сложилось еще в детстве.

Рассмотрим вторую группу репродуктивных установок – желаемое число детей. По определению В.Н. Архангельского, это эмоциональная установка, сколько человеку действительно хочется иметь детей, без учета внешних обстоятельств и социальной оценки.

По данным этносоциологического опроса половина респондентов ориентирована на двоих детей. Здесь стоит обратить внимание, треть респон-

дентов ответили, что у них двое детей, возможно, часть ответов желаемое количество совпало с реальным. Треть респондентов ответили, что хотели бы троих детей. Треть опрошенных отметили, что имеют троих детей. Предположительно, у определенной части респондентов совпали желаемое число детей с реальным.

Стоит обратить внимание на ответ «четверо детей». Среди опрошенных родителями четверых детей являются 39 респондентов, в то время как желаемым числом отметили 48, а идеальным 53. Разница небольшая, но она присутствует. Среди опрошенных есть желающие иметь больше детей, чем одного, двух и трех, но, вероятно, существует сдерживающий фактор. 1% респондентов выразил внутреннее желание иметь пятерых детей. В действительности же из 1500 принявших участие в опросе менее 1% родители пятерых детей.

Одного ребенка в качестве желаемого отметили 8% респондентов (в качестве идеального 6%). Респонденты, выбравшие данный вариант, либо планирует на данный период времени одного ребенка, либо имеют возможность на сегодняшний день растить только одного ребенка и таким образом сдвигают репродуктивные планы на последующие рождения дальше. Рассматривая негативную сторону ответов, не хотелось бы признавать присутствия у респондентов желания иметь детей в меньшем количестве, чем они есть на самом деле.

Вопрос «сколько бы лично Вы желали детей» был открытым. Среди опрошенных менее 1% ответов «ни одного ребенка». 0,5% от общего числа опрошенных призналось в добровольном отказе от детей («чайлд фри»). Нами не ставились рамки в виде внешних условий, подразумевалось исключительно внутреннее эмоциональное желание респондентов.

Респондентам интервью был задан схожий вопрос: «сколько детей Вы лично желали бы иметь при экономической стабильности семьи?».

«Мое идеальное и желаемое число детей совпадает – двое».

(Женщина, 34 года, замужем)

«Я хотел бы троих. Но в реальности пока ни одного».

(Мужчина, 25 лет, не женат)

«У меня четверо детей, и желала бы, наверное, тоже четырех. До рождения детей я не задумывалась об их числе, совсем. Теперь же считаю, что все идеально».

(Женщина, 36 лет, разведена)

«Исходя из своих возможностей, скорее всего я бы одного ребенка желала. Ни морально, ни материально больше одного не потяну, по крайней мере сейчас».

(Женщина, 23 года, не замужем)

«Двоих хотела, двоих родила. Больше пока не хочу» [9].

(Женщина, 27 лет, замужем)

Следующая репродуктивная установка – ожидаемое количество детей. По-другому эту установку интерпретируется как стимул к действию. В понятие «ожидаемое количество детей» входят первые две репродуктивные установки и объективное восприятие внешних условий для рождения. Из 1500 респондентов 66% респондентов не планируют детей на настоящий момент (у 60% согласно анкетным данным есть более одного ребенка). 1/6 часть респондентов всех возрастных категорий планируют одного ребенка, двоих детей планируют в настоящий момент 10% респондентов, троих – 5%.

Модель репродуктивного поведения формируется из нескольких составляющих: окружение человека (ценности, традиции, социальные нормы), финансово-материальное положение и перспективы его улучшения или ухудшения, возраст и возможности здоровья. Как было отмечено участниками интервью, некая идеальная модель количества детей на одну семью была сформирована у них на примере семьи, где они родились и выросли. Респондентам анкетирования был предложен вопрос: «Сколько детей у Ваших родителей?». Данная информация была необходима, чтобы сравнить насколько совпадает или различается репродуктивное поведение у двух поколений. 15% респондентов ответили, что являются единственным ребенком в семье. Треть респондентов имеют родного брата или сестру. Еще треть респондентов выросли в семьях с тремя детьми. Менее 10% респондентов из многодетных семей с четырьмя детьми. 1% респондентов выросли в семьях с пятью детьми. Основная масса опрошенных (70%) выросли в семьях с двумя и тремя детьми. Данные показывают, что идеальная модель количества детей на одну семью спустя одно поколение не получила значительных изменений. Следует отметить, что приоритет в деторождении сместился в сторону рождения двоих детей. (По данным нашего этносоциологического опроса треть респондентов являются родителями двоих детей и 1/5 часть родителями троих детей). Данные опроса подтверждают тенденцию наибольшего распространения двухдетных семей в России [12. С. 24-27; 11].

Выводы. Репродуктивные установки современного русского населения носят двойственный характер. С одной стороны, сильное влияние оказывают социальные установки, которые непосредственно опираются на традиции, нормы и ценности семьи и брака, передаваемые из поколения в поколение существующей, в частности, народной культурой. Как и у этнических групп региона, брак для русских явление исключительно положительное, а рождение детей является важным этапом в жизни каждого человека. При социальной оценке одним из главных достижений каждого человека является отцовство или материнство. Сегодня среди русского населения Республики Татарстан широко распространена установка – 2 ребенка на семью. Данная тенденция не носит этнического характера, она распространена и среди других национальностей Среднего Поволжья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Антонов А.И. Социология семьи. М., 1996.
2. Безрукова О.Н. Репродуктивные мотивы женщин // Социологические исследования. 2000. № 12.
3. Бойко В.В. Репродуктивное поведение семьи и личности (социально-психологическое изучение рождаемости): автореферат диссертации на соискание степени доктора психологических наук. Ленинград, 1981.
4. Борисов В.А. Демография. М.: Изд. дом. «NOTA BENE», 2001.
5. Зверева Н.В. Рождаемость и развитие населения // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 8.
6. Ильясов Ф.Н. Потребность в детях и репродуктивное поведение // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 1.
7. Морозова И.С., Белогой К.Н., Борисенко Ю.В., Отт Т.М. Технологии формирования конструктивной репродуктивной мотивации и профилактики abortивного поведения молодежи: учебно-методическое пособие. Кемерово, 2014.
8. ПМА 1 (Полевые материалы автора). Декабрь 2018 – июль 2019 г. (информант – Крот Н.С.).
9. ПМА 2 (Полевые материалы автора). Август-ноябрь 2019 г. (информант – Крот Н.С.).
10. Тындик А.О. Репродуктивные установки и их реализация в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3.
11. Шелехов И.Л. Гребенникова Е.В. Методический подход к исследованию репродуктивного поведения женщины как системному структурно-уровневому феномену // Вестник ТГПУ. 2015. № 9 (164).
12. Шелехов И.Л. Мотивы деторождения у женщин 19-37 лет // Вестник ТГПУ. 2015. № 3 (156).

РЕАКЦИЯ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ НА РОСПУСК ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ I СОЗЫВА

В статье рассматривается реакция британской прессы различной политической направленности на роспуск Государственной Думы Российской империи I созыва. В британской политической среде данное событие было воспринято весьма негативно. Корреспонденты как либеральной, так и консервативной британской прессы обвиняли царя и российское правительство в содеянном, а некоторые даже усматривали в роспуске причины будущей революции и изменение государственного строя России. В результате исследования было выявлено, что симпатии корреспондентов рассматриваемых изданий находились преимущественно на стороне конституционных демократов и способствовали формированию положительного образа русского либерала у британской общественности. Также, материалы английской прессы значительно дополняют общую картину происходящих событий.

Ключевые слова: Британская пресса, Государственная Дума, парламент, роспуск, аграрный вопрос, конституционные демократы, Выборгское воззвание, всеобщая забастовка.

А.М. PETRUKHIN

Graduate Student of State University
of Management, Moscow, Russia

REACTION OF THE BRITISH PRESS TO THE DISSOLUTION OF THE FIRST STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE

The article considers the reaction of British periodicals of various political orientations to the dissolution of the First State Duma of the Russian Empire. This event was perceived very negatively in the British political environment. Correspondents from both the liberal and conservative British press accused

the tsar and the Russian government for what they had done. Some of the authors even saw in the dissolution the reasons for the future revolution and the change in the state system of Russia. As a result of the study, it was revealed that the correspondents' sympathies were mainly on the side of the constitutional democrats. The articles of the reviewed newspapers contributed to the formation of a positive image of the Russian liberal among the British public. Also, the materials of the English press significantly complement the overall picture of the current events.

Key words: *British press, State Duma, parliament, dissolution, agrarian question, Constitutional Democrats, Vyborg Manifesto, general strike.*

8 (21) июля 1906 г. указом императора Николая II был распущен первый в истории Российской империи представительный орган – Государственная Дума. Несмотря на то, что Дума I созыва просуществовала всего 72 дня, тем не менее, она успела привлечь к своей работе пристальное внимание со стороны мирового сообщества. Роспуск «русского парламента» был воспринят неоднозначно, однако, большинство печатных изданий передовых европейских государств весьма отрицательно отнеслись к данному событию, а некоторые даже усматривали в этом причины будущей революции и изменение государственного строя России. Повышенный интерес к событиям, связанным с Думой, в частности и с ее роспуском, проявляла британская пресса, так как именно в Великобритании зародилось само понятие «парламентаризм», а конституционные обычаи данной страны имели глубокие исторические корни.

Уже за месяц до исследуемого события в британских периодических изданиях начинают появляться первые рассуждения о возможном роспуске Думы. Так, в статье от 3 (16) июня корреспондент консервативной «The Morning Post» Морис Бэринг отмечает, что «политическая атмосфера в последние два дня стала накаляться», что «зловеще возросло напряжения в Думе», а переживания народа все чаще «выражается в увеличивающихся беспорядках» [7]. В сложившихся обстоятельствах Бэринг особенно критикует российское правительство, которое «морально отрицает существование Думы». Корреспондент отмечает, что председатель Совета министров, коим на тот момент являлся И.Л. Горемыкин, «зашел слишком далеко, так как просит корреспондента весьма влиятельной газеты заявить, что созданный Государем парламент, есть не что иное, как революционное собрание, которое возникло благодаря махинациям его непосредственного предшественника на этом посту». Под предшественником в данном случае подразумевается граф С.Ю. Витте, занимавший пост председателя Совета министров до апреля 1906 г. Весьма вероятно, что автор статьи не преувеличивал, так как Горемыкин действительно являлся непримиримым борцом с Думой, что подтверждает его выступлении 13 (26) мая с правительствен-

ным декретом, отвергшем все требования думцев. Об отношении британской прессы к И.Л. Горемыкину более подробно описано в нашей статье [1. С. 1374-1381]. Весьма интересно замечание корреспондента относительно телеграмм, публикуемых официальным органом правительства, которые, «даже если и не были составлены в Петербурге (есть веские основания так полагать) или же написаны по заказу заинтересованных чиновников, могут выражать мнение только малой части населения, так как их авторы подстрекают народ против Думы и умоляют Государя распустить ее». Переказывая примерное содержание этих телеграмм, автор явно насмехается над официальным изданием: «они [телеграммы] не могут представлять широко распространенного мнения, ибо звучат примерно так: «великий самодержец, выслушай нас, истинных русских, распusti стадо мятежников, которые с помощью еврейских денег узурпировали положение народных представителей. Не обращай внимания на их мятежные крики, а лучше слушай нас, чье единственное желание состоит в том, чтобы твое дарованное небом, помазанное, самодержавное правление оставалось неограниченным. Дай нам меньше хлеба и больше налогов. Мы неимоверно счастливы. У нас есть все, чего желают наши сердца, пока ты остаешься неограниченным правителем»».

Продолжая свои нападки на российское правительство корреспондент предполагает, насколько сложившаяся в государственном аппарате Российской империи ситуация могла бы отвечать реалиям Альбиона: «Если бы британский кабинет распространял в армии призывы к уничтожению Палаты общин, а также, своими замечаниями всячески оскорблял ее членов, мы явно бы сочли подобные действия антиконституционным». Однако, именно этим, по мнению автора статьи, и занималось российское правительство в течение всего последнего месяца. Положение парламента, имеющего дело с таким министерством, Бэринг находит «ненормальным». Продолжая свои рассуждения, корреспондент задается вопросом «Каковы гарантии, что министерство не распустит ее [Думу] в любую минуту и не изменит избирательное законодательство?». Тем не менее, автор допускает, что Дума может быть распущена вполне «законным и конституционным путем», что, как известно, соответствует произошедшим в последствии событиям – роспуск «русского парламента» действительно не противоречил Основным Государственным Законам империи (1) [2. С. 460].

Особое внимание Бэринг уделяет мнению простого русского народа, относительно вероятного роспуска Думы. Так, например, в статье приводится разговор корреспондента с извозчиком, который позволяет британскому читателю лучше понять настроения, царившее тогда в среде петербургских обывателей. На предположение корреспондента о близящемся роспуске Думы, извозчик отвечает, что правительство не осмелится сделать этого. «Но если они все-таки осмелятся?» – задает вопрос автор. «Тогда

мы их убьем» – отвечает ему извозчик. Он уверен, что солдаты, в подобной ситуации, окажутся на стороне народа, так как они «тоже крестьяне». Автор замечает, что еще совсем недавно солдаты «стреляли в простых людей». На что кучер отвечает ему: «Раньше они не понимали, о чем идет речь. Теперь же они знают. Зайдите в любой трактир, и вы услышите, о чем толкуют люди». Опросив еще ряд крестьян, автор констатирует, что «вера в Думу повсеместна», однако слухи о ее роспуске способствуют росту тревожных настроений в деревне.

Бэринг, в целом, высоко оценивает деятельность Думы и полагает, что «само ее существование в течение месяца, за который она успела выразить себя полно и ясно, не может не быть чревато последствиями в стране, где еще несколько месяцев назад свобода политического слова была неслыханной вещью».

Говоря уже непосредственно о самом роспуске «русского парламента», стоит отметить статью корреспондента либерального британского издания «London Daily News» от 10 (23) июля под заголовком «Роковой шаг» [5]. С первых слов ясно, что большую часть вины за роспуск Думы автор возлагает на царя, который и совершил этот «роковой шаг». Обвинения в его адрес звучат в статье неоднократно. Автор отмечает, что сильное влияние на Николая II оказывает придворная партия, «возглавляемая никем иным, как его собственной матерью – вдовствующей императрицей». Двор, полагает корреспондент, «полон решимости не допустить уступок по какому-либо из значительных пунктов» предложенных Думой в рамках аграрного вопроса. «Царю пришлось выбирать между родней и новой Конституцией», в результате, как отмечает автор, «родство одержало роковой и зловещий триумф», а Дума «исчезла в ночи, оставив после себя гарнизон и военное положение».

Ни раз репортер сравнивает происходящее с событиями Великой французской революции, что весьма характерно для многих статей британских и иных европейских изданий, касающихся положения в России 1905-1906 гг. Например, отмечается, что, как и во Франции 1789 г., «собравшаяся в Санкт-Петербурге землевладельческая аристократия выступила против реформ, касающихся их поместий». «Однако, – продолжает свою мысль автор, – многие непримиримые, должно быть, осознают, что когда они вернутся в свои владения, их жизнь больше не будет в безопасности, тем более, что некоторые из поместий уже объяты огнем». 9 (22) июля – в день, когда был издан Манифест царя о роспуске, депутаты, явившиеся на заседание в Таврический дворец, обнаружили двери здания запертыми. Данный факт автор статьи также сравнивает с ключевыми событиями французской революции, утверждая, что «как в Париже, так и в Петербурге монарх закрыл здание парламента для представителей народа». Опять же, указывая на ошибки Николая II, корреспондент сравнивает его с Людовиком XVI: «в обоих случаях правители

должны были осознавать, что нельзя выставлять армию против народного собрания». Как и французский король, царь «обратился за помощью к германскому и австрийскому императорам». Эти замечания дают основание полагать, что автор статьи не исключает возможности развития дальнейших событий в России по уже известному французскому сценарию.

Узнав о роспуске Думы, часть ее членов направилась в Выборг в Финляндию, где, после острых споров было составлено обращение к народу, известное как «Выборгское воззвание». В обращении звучали призывы воздерживаться от уплаты налогов и отказаться от исполнения закона о всеобщей воинской повинности [4. С. 231-232]. Сообщая об этих событиях корреспондент «London Daily News» подводит итог своим сравнениям с событиями Французской революции, замечая, что «Россия достигла своей «клятвы в зале для игры в мяч»».

В другой статье, под заголовком «Последняя карта самодержца», автор, в качестве основной причины роспуска, называет «обращение Думы к народу», которое, как он считает, было «хоть и достаточно умеренное по своему характеру, но противоречащее основным законам империи». Под «обращением» подразумевается выступление Думы в печати по аграрному вопросу с изложением позиции в защиту «отчуждения» помещичьих земель. На решение «бюрократии» также, по мнению корреспондента, повлияло «осуждение в Думе незаконий правительства, которые, таким образом, стали известны всей России». В то же время, часть ответственности за роспуск автор возлагает и на самих думцев, которые «в своих длинных речах и дискуссиях на такие несвоевременные темы, как, например, отмена смертной казни, попросту тратили время впустую». Теперь, полагает корреспондент, уже на новой войне, им придется «балансировать между правительством и революционерами».

В завершение статьи, автор рассуждает о возможных последствиях роспуска: «Ожидать всеобщей забастовки не стоит, однако, беспорядки, обычно вызванные местными событиями, скорее всего произойдут». Предположения корреспондента оказались отчасти верны. Массовых выступлений действительно не последовало, не повлекло за собой решительных действий со стороны народа и «Выборгское воззвание». Однако, как отмечает автор, «русские движутся медленно», и в дальнейшем следует ожидать череду убийств, забастовок и беспорядков «в качестве прелюдий к занавесу, поднимающемуся над еще более мрачной сценой ужасной трагедии». Исходя из всего вышесказанного, можно заметить, что корреспондент весьма пессимистично настроен в отношении будущего Российской империи.

Более подробно стоит коснуться и уже не раз упомянутого «Выборгского возвания». Петербургский корреспондент все той же «London Daily News» сам побывал в Выборге в разгар развернувшихся там событий, поэтому его свидетельства представляют особый интерес не только как представителя

либерального британского издания, но и как непосредственного очевидца событий. В статье от 11 (24) июля под названием «Обращение Думы к народу» автор отмечает, что в финский город прибыл весь «руководящий состав» Думы, за исключением представителей от Польши и правых партий. Встречи проходили в обстановке строжайшей секретности в гостинице «Бельведер» [5]. В зал заседаний не пускали журналистов и «даже некоторых членов Совета империи». Тем не менее, корреспонденту все же удалось побеседовать с одним из депутатов. Бывший член «разогнанного русского парламента» сообщил, что если бы какие-либо партийные разногласия нарушили выборгскую конференцию, то роспуск Думы можно было бы считать вполне оправданным. Однако все депутаты, по его мнению, настроены «единодушно и достойно реагируют на остроту ситуации». «Народ – убеждает своего собеседника бывший член Думы, – в нас не разочаруется».

Непосредственно о самом «Воззвании» корреспондент пишет, что заслуга в его составлении принадлежит, в первую очередь, конституционным демократам. Характер документа автор находит весьма дерзким, что «дает прямой ответ тем, кто обвинял кадетов в слабости». По мнению автора, правительство не дало кадетам спасти Россию конституционным путем, поэтому «они объединили усилия с партией рабочих и теперь бесстрашно выступают за энергичное, хотя и пассивное сопротивление».

Помимо прочего, корреспонденту удалось пообщаться и с представителями тех партий, которые по тем или иным причинам отказались подписывать «Воззвание». Так, социалисты не подписали манифест, потому что «желали более активного сопротивления». М.А. Стахович, как один из ведущих представителей Союза 17 октября, сообщил автору статьи, что его партия не желает следовать политике кадетов и «рассчитывает выступить с собственным обращением к народу, где будет призывать спокойно ожидать следующих выборов». Польские члены Думы, не без оснований, также отказались подписывать «Воззвание», в качестве обоснования такой позиции граф В.Ю. Тышкевич, депутат от Варшавы, привел корреспонденту следующие доводы: во-первых, основная цель поляков – восстановить порядок в Польше, и поэтому у них нет никакого желания вступать в ссору с правительством. А во-вторых, «положение польского крестьянина гораздо лучше, чем у его русского брата». Однако, можно заметить, что симпатии самого корреспондента всецело на стороне тех, кто все же подписал «обращение к народу», а именно, партии кадетов. Данное заключение подтверждает следующее высказывание автора: «Невозможно войти в контакт с членами партии (кадетов), особенно с ее вождем Милюковым, не преисполнившись восхищения их блестящей преданностью Отечеству и упорной решимостью».

Подробно осветило исследуемые события еще одно либеральное британское издание «The Guardian». В статье от 10 (23) июля, в качестве основ-

ной причины роспуска Думы опять же называется расхождения между правительством и думцами в отношении аграрного вопроса [6]. Автор статьи осуждает правительство, полагая, что оно «должно было проигнорировать мнения всех несогласных и принять действия конституционных демократов в качестве инициативы всей Думы». Активно выступая в поддержку кадетов, корреспондент подчеркивает, что они были «единственной хорошо организованной и ответственной партией в Думе», которая стремилась проводить реформы строго законными методами и хотела «спасти страну от насильственной революции, минимизировав при этом возможные кровопролития». Отмечается также, что партия кадетов была единственной, на кого могло рассчитывать правительство при формировании ответственного министерства, однако, вместо этого, власти решили ее дискредитировать. Подводя итог своему рассуждению автор приходит к выводу, что вряд ли когда-либо в мировой истории «правительство совершало столь грубую ошибку».

Рассуждая над последствиями принятого царем решения, корреспондент, подобно своему коллеге из «London Daily News», не предвидит положительного исхода. Роспуск Думы – полагает он, – «станет большим несчастьем для России». Автор предполагает, что следующие девять месяцев, до избрания новой Думы, будут для императора «опаснейшими», и он «снова окажется в одиночестве, лицом к лицу с разгневанной и разочарованной страной». Ожидает корреспондент и активных действий со стороны революционеров, способных прибегнуть к радикальным методам. Не исключается и угрозы всеобщей стачки. Однако, замечает корреспондент, «если раньше в восстаниях участвовали представители городского населения и рабочие промышленных предприятий, то в этот раз страну охватят еще и волнения крестьян», которые «лишились всякой надежды». Автор полагает, что гражданская война в России уже идет, но теперь, в связи с роспуском Думы, она «вступит в новую, более жестокую фазу и дополнится ужасами жакерии». Можно предположить, что этим сравнением вероятных событий в России с антифеодальным восстанием во Франции в середине XIV в. корреспондент как бы намекает на то, что в ближайшем будущем империя может окунуться во тьму средневековья. В тоже время, революция, по мнению автора, неизбежна, но «остается вопрос, будет ли она насильственной или пройдет мирно и конституционно. Роспуск Думы чрезвычайно увеличивает шансы первого варианта развития событий». Забегая еще дальше вперед, корреспондент выдвигает интересное предположение о том, что после «периода беспорядков и анархии», вполне возможно возрождение реакции и диктатуры.

В статье того же либерального издания, вышедшей на день позже, были описаны выборгские события [6]. Автор называет день, когда депутаты разогнанной Думы собрались в финском городе, «эпохальным в истории

русского освободительного движения». Что касается «Выборгского воззвания», то, по мнению корреспондента, оно «носит ярко выраженный революционный характер». Автор восхищается отважностью депутатов, отмечая высокий риск их предприятия и указывая на тот факт, что «каждый из них ясно осознает высокую вероятность ареста». Впервые в истории освободительного движения, подчеркивает репортер, «либералы были вынуждены пойти на шаг, который знаменует собой крайний предел пассивного сопротивления». Завершая статью, корреспондент вновь обвиняет российское правительство, которое «в один миг превратило мирных реформаторов в решительных революционеров», что наглядно подтвердил съезд депутатов в Выборге.

Примечательно, что в отечественной периодических изданиях также можно обнаружить некоторые сведения о мнении британской прессы относительно исследуемых событий. Так, в органе конституционных демократов «Речь» № 124 от 12 (25) июля присутствует рубрика «Иностранная печать о России», где приводится перевод сообщений корреспондентов нескольких британских изданий [3]. Наибольший интерес представляют выдержки из статей консервативной «The Times». Еще за несколько дней до роспуска Думы – пишет британский журналист, – «казалось практически достоверным, что конституционалисты-демократы будут призваны образовать министерство для управления русскими делами». Отмечая высокую сложность исполнения данной задачи, автор, явно выступая на стороне кадетов, подчеркивает, что вожди конституционалистов-демократов «были готовы начать великий опыт», прекрасно осознавая, «что неудача погубила бы их партию». Опять же проводятся многочисленные сравнения с событиями Великой французской революции. Так, например, автор замечает: «фазы потрясающего движения в этой стране (России) воспроизводятся с большою парностью, чем большинство из нас отважилось предполагать», поэтому «возрастает вероятность того, что последовательное развитие событий будет в существенных чертах своих походить на те, свидетельством которых мир уже являлся». В еще одной статье, упомянутой редактором «Речи», русское крестьянство сравнивается с французским конца XVIII в. Автор консервативного издания пишет, что «апатия, на которой строилось так много расчетов, исчезла почти столь же быстро, как и приводившая в отчаяние покладистость французского крестьянина, которая обманывала многих наблюдателей слишком сто лет назад». Под «апатией» в данном случае, по видимому, подразумевается политическая пассивность крестьянства, на которое так надеялось правительство империи. Теперь же, завершает статью автор, «Россия охвачена аграрным брожением из конца в конец».

Таким образом, как можно заметить, корреспонденты британских изданий различной политической направленности в целом придерживались единой точки зрения на роспуск первого «русского парламента» и на пред-

полагаемое дальнейшее развитие событий. Как либеральная, так и консервативная британская пресса обвиняли царя и российское правительство в совершенном ими «роковом шаге», который, по мнению авторов статей, неминуемо должен был привести к губительным последствиям. В то же время, симпатии корреспондентов всех газет явно на стороне конституционных демократов. Съезд кадетов в Выборге и составленное ими «Воззвание» были высоко оценены британскими журналистами. Во многих случаях авторы статей, рассуждая о вероятном развитии событий в России, предполагали повторения «французского сценария» конца XVIII в. Можно предположить, что рассмотренные статьи формировали у британской общественности весьма положительный, а, возможно, и героический образ либерально настроенных членов разогнанной Думы, и, несомненно, вызывали сочувствие к русскому народу.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Высочайше утвержденные Основные государственные законы. 23 апреля 1906 г., Глава четвертая, п. 63: «Государственная Дума может быть до истечения пятилетнего срока полномочий ее Членов распущена указом Государя Императора. Тем же указом назначаются новые выборы в Думу и время ее созыва».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Петрухин А.М.* Реакция британской прессы на речь председателя Совета министров Российской империи И.Л. Горемыкина в Государственной Думе I созыва // Вопросы национальных и федеральных отношений. 2020. № 5 (62). Т. 10.
2. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е. (1906). СПб., 1909. Т. 26
3. Речь. 1906. № 124, июль.
4. *Смирнов А.Ф.* Государственная Дума Российской Империи 1906-1917 гг.: Историко-правовой очерк. М.: Книга и бизнес, 1998.
5. London Daily News. 1906, July.
6. The Guardian. 1906, July.
7. The Morning Post. 1906, June.

СТАТУС БОГА В РУССКОЙ (РОССИЙСКОЙ) ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ (ПОСТАНОВКА ВОПРОСА)

Опираясь на нормативные правовые акты, начиная от первого Русско-го кодекса («Русской Правды»), и, завершая ныне действующей Конституцией России, – автор очерчивает правовые возможности создания «картины» статуса Бога в правовой системе России.

Ключевые слова: Бог, божественное право, вера в Бога, идея Бога, статус Бога, законодательные акты, Россия.

V.I. VLASOV

Doctor of Sciences (law), Professor;
Moscow, Russia

THE STATUS OF GOD IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM (FORMULATION OF THE QUESTION)

Relying on various legal acts, starting from the first Russian Code (“Russkaya Pravda”) and up to the current Constitution of Russia, the author outlines the legal possibilities of creating a “picture” of the status of God in the legal system of Russia.

Key words: God, divine law, trust in God, the idea of God, the status of God, legislative acts, Russia.

Начну с того, что сознательно не взял в кавычки слово Статус, хотя звучит, казалось бы, странно: Статус Бога?!

На самом деле, говорить и писать об этом можно, не боясь каким-либо образом «обидеть» Бога. Во всяком случае, мне так представляется. Это представление базируется на анализе норм права в его историческом развитии, даже, включая Советский период, не говоря о сегодняшнем дне.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 13; 21; 23].

Однако, в связи с изменениями в Конституции Российской Федерации 2020 года, проблему нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Современная Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 года, имеет статью (67), одна из частей (2) которой содержит слово Бог. Прочитую: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство».

Какое место уделяется в правовой норме Богу? Во-первых, следует заметить, что через включение в правовую норму явление приобретает статусный аспект. В правовую норму включено не просто слово Бог, а Явление, Сущее, которое связано с тысячелетней историей России, ее объединительным свойством, памятью предков (а они приняли христианскую религию); которое является главным в обеспечении преемственности в развитии Российского государства и его единства. Вера в Бога соединена в правовой норме с идеалами: «сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога» (ч. 2 ст. 67 Конституции РФ). Наши русские (российские) идеалы следуют из веры в Бога. Используя термин «российские», не грешу против Истины: многонациональный народ России (верующая его часть) верит в Бога, поскольку Он один, един, а не в разных богов. Пророки разные, а Бог – один, един. Обрядовая культура разная – а Бог один – един. Поэтому предложение конституировать веру в Бога поддержано было в России представителями всех конфессий.

Итак, идея Бога в части 2 статьи 67 Конституции РФ является главной. Она же (часть 2 статьи 67 Конституции РФ) вводит понятие «вера в Бога» в Российскую правовую систему.

Бытие Бога в Российской правовой системе – не сегодняшнее явление. Это произошло вместе с Крещением Руси (988 г.). По приказанию великого князя Древней Руси Владимира все языческие идолы были брошены в воду и огонь, а вместо них стали строить храмы – святые церкви. С принятием христианства появилась новая (государственная) задача, образовательная, просвещенческая. В системе уголовного права – милосердие. Исходя из Библейских положений, Владимир Мономах, великий князь Древней Руси, ввел в «Русскую Правду» (первый русский правовой кодекс) ответственность феодалов за причинение вреда заупокой (зависимому крестьянину) [19. С. 65].

Прямое отношение к Богу имеет первая статья Устава князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных (XI в.):

«1. Во имя Отца, и Сына, и святого духа» [14. С. 139]. Далее идет текст правовой, начиная со второй статьи.

Иначе, но все же идея веры в Бога закрепляется в правовых источниках других (последующих) князей. К примеру, в Уставе великого князя Всеволода «О церковных суждех и о людех и о мерилах торговых» первая статья изложена так:

«1. Се аз, князь великий Всеволод, нареченный в святем крещении Игфшь, правнук Игорев и блаженныя прабабы Ольги, нареченныя в святем крещении Елена и матере Володимеровы, нареченнаго в святем крещении Василие, и тые господа прияле святое крещение от греческих царей и от Фотия, патриарха цареградскааго, взяша перваго митрополита Михаила Киеву, иже крести всю Русьскую землю» [14. С. 250].

Идею Божественного происхождения власти особенно (на ранней стадии) утверждал Иван III, великий князь Московской Руси. В ответе на письмо Германского императора Фридриха III, русский царь Иван III писал: «А что ты нам говорил о королевстве, то мы Божию милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а постановление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы. Молим Бога, чтобы нам и детям нашим дал довеку так быть, как мы теперь государи на своей земле, а постановление как прежде ни от кого не хотели, так и теперь не хотим» [10. С. 187].

Русская Православная Церковь, обращая ко Христу народы России, передавала им и учение Апостолов о том, что «от одной крови Господь Бог произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию ...» (Деяния: 17/26) [1. С. 1174]; что все верующие в Него – сыны Божии, среди которых «нет ни Еллина, ни Иудея варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 17/26).

Приведу небольшой отрывок из Стоглава – Сборника постановлений церковно-земского Собора, который состоялся в 1551 году в Москве. Глава 2 Стоглава начинается текстом: «Премилостивый и милосердый бог, прехитрый содетель всея твари видимыя и невидимыя, великий промысленик человеческому животу и спасению, и во всей своей твари, якоже на небеси в солнцы и в луне и во звездах, такоже и на земли, и в мори, и во птицах и в зверех, и в скотех, и в рыбах, и в гадах, положил всем естественные нравы – себе на послужение, человеком же в научение, како подражати навыкнуги человецы добрые нравы, а лукавыя и нечестивыя нравы отметати, и гнусны имети всегда ...» [15. С. 259]. Если перевести на современный русский язык, то смысл приведенного фрагмента Стоглава в следующем:

- Бог – содетель всего живого и всего существующего;
- Бог – промысленик жизни человека, птицы, рыбы, зверя и т.д.;
- Бог дал всему живому естественные права;
- Человек должен следовать добрым нравам, а нечестивые – отметать.

Как видим, на правовом уровне в Русском государстве при царе Иване Грозном закрепляется понимание действий Бога, его сути.

Правовой документ Церковно-Земского Собора от 15 января 1580 г., принятый также во время правления Ивана Грозного, начинается словами (текстом): «Благоволением бога и отца, и споспешением сына, и содействием святого духа, в троицы славимаго бога нашего и во единстве покланяемаго милостию, пречистыя и преблагославенные владычица нашия богородицы молитвами, и всех великих чудотворцев молитвами, повелением благоверного царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии ...» [16. С. 26]. Такими же словами начинались другие правовые документы Земских Соборов, менялись иена царей, духовенства.

Соборное определение об избрании царем Бориса Федоровича Годунова (1598 г.) открывается тоже со ссылкой на Бога, но в другой трактовке: «Бог наш троица, иже прежде век сый и ныне есть, отец и сын и святыи дух, милостивый и щедрый, и человеколюбивый, царь царствующим, господь господствующим, господь Саваоф, един бог отец вседержитель, творец небу и земли, видимым же всем и невидимым, ниже начало имеет, ниже конца, о нем же живем и движемся есмы, им же царие царствуют ...» [16. С. 36].

Большая часть последующих правовых документов не содержала таких вступительных слов.

В иной форме Бог упоминался в Соборном Уложении 1649 г.: «в третье лето Богом хранимая своя держава...» [16. С. 83]. Зато в тексте Соборного Уложения божественная тематика отражена объемно. Например, глава 1, в которой 9 статей, посвящена преступлениям против веры: «О богохульниках и о церковных мятежниках». Напомню, что Соборное Уложение 1649 года служило в качестве действующего правового источника более 200 лет. В первые десятилетия оно было как бы Конституцией, настольной книгой чиновников, особенно судей. Рассылалось Уложение бесплатно.

Существует мнение, что Петр I был безбожником. Это неправда. Сотни источников опровергают эти небывлицы. Их анализ – не предмет данной статьи. Мне источники не просто известны, они прочитаны, проанализированы и я им доверяю.

Что касается правовых документов. Приведу хотя бы один пример следования Петром I традициям. Артикул Воинский от 26 апреля 1715 года начинается со слов: «Божиею милостию, мы Петр Первый, царь и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая» [17. С. 327]. Третий раздел документа начинается словами: «Богу единому слава!» Глава 1 озаглавлена: «О страхе божии». Глава 2 озаглавлена: «О службе божии и о священниках». В первой главе 8 статей, во второй главе 9 статей.

Несмотря на объемность, процитирую Артикул (статью) 1, поскольку она способствует раскрытию темы (Статус Бога ...). «Артикул 1. Хотя всем обще и каждому христианину без изъятия надлежит христианско и честно жить, и не в лицемерном страхе божии содержать себя: однакоже сие салдаты и воинские люди с вящшею ревностию уважать и внимать имеют; по-

неже оных бог в такое состояние определил, в котором оныя часто бывають, что ни единого часа обнадежены суть, чтоб они наивящим опасностям живота в службе государя своего подержены не были. И понеже всякое благословение, победа и благополучие от единого бога всемогущаго, яко от истиннаго начала всего блага и праведнаго победодавца происходит. И оному токмо молитися и на него надежду полагати надлежит, и тако сие наипаче всего иметь во всех делах и предприятиях, и всегда благо содержать ...» [17. С. 328-329].

Если коротко прокомментировать, то Петр I пишет (законы он сам писал), что каждому христианину нужно жить честно, но особенно солдату нужен Бог, вера в Него, поскольку солдат каждый час рискует жизнью на службе государевой; Бог и солдата хранит, и победу обеспечивает.

Просвещенная императрица Екатерина II особо подчеркивала тему Бога в правовых документах. Например, Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21 апреля 1785 г. начинается словами: «Божиею поспешествующею милостию мы, Екатерина Вторая ...» [18. С. 23]. Этими же словами начинается Грамота на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 г.

В XIX в. тема Бога в правовых документах не исчезает, но сокращается, и форма ее подачи меняется. Например, император Александр I вывел тему вверх от текста, как бы в Предисловие. Например, после наименования Указа от 1 января 1810 г. «Образование Государственного Совета» сразу, ниже, идут слова: «Божиею милостию Мы, Александр Первый, император и самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая» [19. С. 61].

Прошло почти 200 лет со дня принятия Соборного Уложения и 15 августа 1845 г. было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, в котором также, как и в Соборном Уложении 1649 г., первая глава посвящена преступлениям против веры. Раздел второй Уложения 1845 г. называется: «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений». Глава первая озаглавлена: «О богохулении и порицании веры».

Прочитую хотя бы одну статью: «182. Кто дерзнет публично в церкви с умыслом возложить хулу на славимого в единосущной троице бога, или на пречистую владычицу нашу богородицу и присно-деву Марию, или на честный крест господя бога и спаса нашего Иисуса Христа, или на бесплотные силы небесные, или на святых угодников божиих и их изображение, тот подвергается: ...» [19. С. 211]. Надо отметить, что наказание применялось суровое – каторга до 15 лет.

С такими же словами о Боге, как Александр Первый, начинал важные правовые документы Александр Второй. Например, Манифест от 19 февраля 1861 года об освобождении крестьян начинается как бы предисловием: «Божиею милостью Мы, Александр Второй ...» [20. С. 27].

Современникам (XIX-XX вв.) хорошо была известна набожность Николая II. В то же время он приближал к себе и людей с сомнительной в религиозном плане репутацией. Но сейчас не об этом, а о теме Бога в правовых источниках. В этом контексте можно привести в качестве примера Манифест о восшествии на престол Николая II, подписанный им 20 октября 1894 года, за два часа до смерти императора Александра III: «От Господа Бога вручена нам власть царская над народом нашим, перед престолом его мы дадим ответ за судьбы державы Российской ... Повелеваем всем нашим подданным учинить присягу в верности нам и наследнику нашему ...» [9. С. 25].

Тема Бога в правовых источниках не нашла отражение в законодательстве после социалистической революции. В этом, как и в большинстве других вопросов, преемственности не произошло. Церковь была отделена от государства и школа от Церкви. Но это не означает, что народ в одночасье перестал верить в Бога и следовать его заповедям (идеалам). Некоторые же идеалы перешли в правовые источники в светской обработке. Что-то из Библии вмонтировалось в выступления, доклады, речи Руководителей Советского государства (они хорошо знали Библию), а порой использовались и политические технологии, навеянные Ветхим и Новым Заветом.

Доказательством придания правовой (конституционной) силы Нововетной мысли – тезиса является норма Конституции РСФСР 1918 г., содержащаяся в статье 18: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: «Не трудящийся да не ест» [11. С. 245]. А вот что сказал Святой Апостол Павел: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (Павел к Фессал.: 3/10) [1. С. 1259]. Тот, кто был коммунистом, или изучал историю КПСС, знает, что Моральный кодекс коммуниста вбирает в себя нравственные принципы христианства.

Таким образом, даже краткий анализ правовых источников России в историческом разрезе показывает, что тема Бога явно отображена в досоветский период, косвенно – в советский период и на уровне Конституции РФ – сегодня.

Обращает на себя внимание разная терминология, используемая относительно Бога в зависимости от времени, но одна деталь сохраняется: Бог – Творец всего. Но разность терминологии – не есть противоречие Библии. В этой главной для человечества Книге тоже используются разные слова по отношению, скажем так, сути Бога, его «способностей».

Эту характеристику можно сгруппировать следующим образом:

- Бог, как Отец всего существующего;
- Бог – Отец Света, то есть, лучистой энергии, воспринимаемой глазом. Отсюда – Бог светоносный, излучатель света;
- Бог – Отец духов, то есть Вседержитель всех духовных добродетельных сил, а также гонитель зла;

– Бог – Отец Слова, ибо сказано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Евангелие от Иоанна 1/1);

– Бог – Отец мудрости. Это видно из Послания Святого Апостола Иакова, в котором сказано: «Если же у кого из вас недостает мудрости, да просит у Бога, дающего ... всем просто и без упреков» [12. С. 695];

– Бог – Отец милосердия и всякого утешения. Об этом сказано во Втором Послании Апостола Павла к коринфянам [12. С. 891];

– Бог – Отец деяний добрых и даров совершенных, нисходящих свыше. Это отмечено в Соборном послании Святого апостола Иакова [12. С. 697];

– Бог – Отец создания заповедей будущей Христианской религии;

– Бог – Отец Духов святых, ибо сказано в Первом Послании Иоанна: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога [12. С. 749];

– Бог есть любовь [Первое Послание Иоанна // 12. С. 750];

– Бог представляет Собой мироздание, то есть Вселенную, отсюда – Вседержитель;

– Бог Отец есть всеобъемлющий, всеохватывающий, то есть Всемогущий;

– Бог – Отец Иисуса Христа, Бога нашего и Спасителя.

Перечисленные сущностные «свойства» Бога в совокупности дают то, что сказал о Себе Сам Бог (говоря Моисею: Я есмь Сущий (Исход: 3/14).

В контексте данной статьи важно хотя бы кратко охарактеризовать Бога как Творца всего сущего.

Создать, значит сотворить что-то или нечто ранее не бывшее. Бог – Творец Неба и Земли, ибо до этого согласно Книге книг – Библии, вокруг Него пусто было и лишь Дух Святой носился над водой. Вот этой-то водой Бог Всесильный и Всемогущий воспользовался для сотворения всего сущего в определенной последовательности.

Читаем Библию: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Бытие: 1/1-2). Через несколько строк ниже пишется: «И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. [И стало так]. И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердь, от воды, которая над твердь. И стало так. И назвал Бог твердь небом... И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. [И собралась вода под небом в свои места, и явилась суша]. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями» (Бытие: 1/6-10).

После этого по слову Бога земля произрастила зелень, траву, сеющую семя, дерево плодовитое; произвела пресмыкающихся, душу живую; и птиц, и скотов, и гадов, и зверей земных. После всего созданного Бог сказал: сотворим человека по образу Нашему. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию (Бытие: 1/20-28).

Таким образом, по воле Бога вода стала источником многого из того, что существует.

Еще в XIV веке Архиепископ Иерусалимский Николай разумно рассуждает в одной из своих книг, будучи и религиозным писателем, что вода есть нечто особенное и наилучшее и наиболее распространенное вещество в природе (по современным данным 71% земной поверхности). Небо есть жилище Ангелов, рассуждает далее Архиепископ, но небеса – из воды. Земля есть обиталище людей, но земля – из воды. И далее, так как впоследствии для возделывания земли нужна была вода, Бог поставил водное Небо как шатер, с той целью, если земная поверхность будет иметь нужду в напоении дождем оно (Небо) к этому будет готово. К этому следует добавить, что и 65% человеческого тела составляет вода.

Бог создал целую систему мироздания, включающую ряд планет, кроме Земли, вращающихся вокруг центра – Солнца. Этот феномен представляет собой ярчайшее светило, опускающее на Землю как дневной необходимый свет, так и летнее тепло, позволяющее расти и цвести разнотравью, садам и кустарникам; опять же созданным Богом.

Но и темная ночь не оставлена Им без освещения, ибо для этого божественное провидение предназначило иной светильник – Луну и мириады нечисленных звезд, украшающих небосвод.

Как сказал Святой Апостол Павел: «всякий дом устроится кем-либо; а устроивший все есть Бог» [12. С. 1066]; «Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха» [12. С. 1071].

Бог человеколюбив. Его человеколюбие идет с момента создания первого человека по подобию Своему. Это означает, что людям даны силы и возможности исполнять предначертанные каждому персонально направления деятельности угодные Всевышнему. Отдельным лицам открываются специфические таланты, нераскрытые которых по лености человеческой или по иным неоправдывающим обстоятельствам, есть грех пред Богом. Грех же есть по сущности своей величайшее зло, то есть то, что приносит вред в разных его видах как самому человеку (в первую очередь), так и огорчает святые силы небесные, доходя иногда и до Бога.

Бог как Создатель многогранен в Своих возможностях, неистощим в Своей изобретательности, неутомим в трудолюбии и всеславлен каждой созданной Им тварью, церковной ли проповедью духовных лиц, птичьим ли пением, жужжанием пчел, и так далее, и тому подобное. И особо чтимо Им прославление Его людьми, раскаявшимися в своих грехах, замыслах доподлинно известных Богу со времени совершения их, а не раскаяния.

«И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его. Ему дадим отчет» (Павел. Послание к Евреям // 12. С. 1070).

Поэтому следует жить роду человеческому, независимо от вероисповедания, по правде и истине.

Бог – неустанный труженик все улучшающий, облагораживающий и благословляющий на существование долгое.

Бог есть Творец, поскольку все творит в смысле сверхнаучного проникновения в суть всего существующего по Его же произволению. Отсюда понятна та трудность проникновения в содержание и истинную суть божественных творений, тайны которых не раскрыты до сих пор.

В вещах божественных имеется что-то такое, что показывает человеческое малознание, а отсюда и стремление людское к познанию, изобретениям, рационализаторству, отсюда же и стремление к восхвалению искреннему Бога. Восхвалению нижайше почтеннейшему, ибо Бог есть Творец мест и их Владелец и Заселитель. Но Всевышний не в рукотворных храмах живет, как говорит пророк: «Небо престол Мой, и земля подножие ног Моих ...» (Деяния: 7/48-50).

Бог, как следует из Библии, совершенен до совершенства, благоразумен до сверх благоразумия, свят до бесконечности и мудр до прелепрудости. Славьте Бога, и Он возблагодарит вас.

Богу даны людьми о Нем писавшими такие эпитеты: Он предвечен, и отсюда бесконечен, то есть не имеющий конца; Он существующий, всегда существующий, и отсюда вечный, нескончаемо долговечный; Он не имеющий рождения и, значит не имеющий Отца, так же как и матери; Он всемилостивый, благой, правосудный. Он «один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас», – пишет Святой Апостол Павел в Послании к Ефесеям [12. С. 961].

Бог имеет Сына Иисуса Христа, который также извечен, но имеет начало такое: Он Сын Божий, едиnorodный, от Отца рожденный прежде всех во век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, им же вся быша. В то же время Иисус Христос – сын человеческий, рожденный Девой Марией, Пресвятой Богородицей. Иисус Христос – Спаситель наш, Пресвятая Богородица – Заступница наша.

Однако, повторюсь, Бог – начало всему, в том числе государству и праву. Любой теоретик государства и права, даже если он атеист, не обойдет вниманием вопрос о божественной теории происхождения государства и права, как одной из множества теорий. Можно ее отрицать: кому как нравится, но нельзя не признать существования такой теории (теории божественного происхождения государства и права). Тот факт, что на протяжении тысячелетия идея веры в Бога, категория (слово) «Бог» закреплялись в правовых документах России, а сейчас и в Конституции Российской Федерации закреплена идея (тема) Бога, – является косвенным признанием первичности, вечности Бога и производности от Него всего остального. Осознанием этого, чувством Бога Россия созидалась веками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Российское Библейское общество. М., 2013.

2. Болтенкова Л.Ф. Библия как источник права (часть первая) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 10 (67).
3. Болтенкова Л.Ф. Библия как источник права (часть вторая) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 11 (68).
4. Болтенкова Л.Ф. Библия как источник права (часть третья) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 12 (69).
5. Болтенкова Л.Ф. Библия как источник права (часть четвертая) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 1 (70).
6. Ильин И.С. Основные тенденции формирования государственных структур по взаимодействию с РПЦ // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 12 (64).
7. Ильин И.С. Взаимодействие государственной власти Российской Федерации и Русской Православной церкви в условиях усложнения эпидемиологической обстановки в мире // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 11 (63).
8. Имомов Э.И. Духовная среда: содержание, аспекты и основы формирования // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 11 (63).
9. Ирошников М.П., Процай Л.А., Шелаев Ю.Б. Николай II. Последний Российский император. Санкт-Петербург, 1992.
10. Ключевский В.О. Русская история. М., 2009. Ч. 1.
11. Конституция (Основной Закон) РСФСР. Принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. 2-е изд. М.: Политиздат, 1987.
12. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. М.: Изд-во Московской Патриархии и Русской Православной Церкви, 2012.
13. Пряхин В.Ф. О Боге, о душе, коронавирусе и конституции. Философские заметки политолога // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 1 (31).
14. Российское законодательство X-XX веков. Законодательство Древней Руси. М., 1984. Т. 1.
15. Российское законодательство X-XX веков. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. Т. 2.
16. Российское законодательство X-XX веков. Акты земских Соборов. М., 1985. Т. 3.
17. Российское законодательство X-XX веков. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. Т. 4.
18. Российское законодательство X-XX веков. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. Т. 5.
19. Российское законодательство X-XX веков. Законодательство первой половины XIX в. М., 1988. Т. 6.
20. Российское законодательство X-XX веков. Документы крестьянской реформы. М., 1989. Т. 7.

21. Румянцев О.Г. О некоторых политологических аспектах конституционной реформы 2020 года в Российской Федерации // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 3 (55).

22. Русская Правда. Пространная редакция // Российское законодательство X-XX веков. Законодательство Древней Руси. М., 1984. Т. 1.

23. Слизовский Д.Е., Медведев Н.П. Послесловие к статье Румянцева О.Г. «О некоторых политологических аспектах конституционной реформы 2020 года в Российской Федерации» // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 3 (55).

БИБЛИЯ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА (ЧАСТЬ ПЯТАЯ)¹

Опираясь на часть вторую статьи 67 Конституции Российской Федерации, автор ставит задачу показать взаимопроникновение в правовые системы мира божественного и человеческого начала, имея при этом в виду, что начало возникновению позитивного (человеческого, «искусственного») права было заложено в теологическую стадию развития цивилизации. Реализация задачи потребует анализа различного рода правовых концепций в их историческом развитии; содержания Библии в контексте норм поведения людей, правил жизни (заповедей, притч Иисуса Христа, рекомендаций Святых Апостолов); нормативных документов разных стран, включая Россию, в их историческом развитии.

С учетом объема содержания статья поделена на несколько частей.

Ключевые слова: Бог, божественное право, естественное право, положительное право, Библия, Заповеди, философы, ученые, юристы, нормативные документы, правовые концепции.

L.F. BOLTENKOVA

Doctor of Sciences (law), Professor,
Moscow, Russia

THE BIBLE AS A SOURCE OF LAW (PART FIVE)

Based on the second part of Article 67 of the Constitution of the Russian Federation, the author sets the task to show the convergence in the legal systems of the world divine and human principles, while keeping in mind that the beginning of a positive (human, artificial) rights was embedded in the theological stage of civilization. The implementation of this task requires an analysis of various legal concepts in their historical development; the content of the Bible in the context

¹ Часть четвертая «Библия как источник права» опубликована в журнале «Вопросы национальных и федеративных отношений». 2021. Т. 11. № 1 (70). С. 88-101.

of the norms of human behavior, rules of life (commandments, parables of Jesus Christ, recommendations of the Holy Apostles); regulatory documents of various countries, including Russia, in their historical development.

The article is divided into several parts based on the volume of its content.

Key words: *God, divine law, natural law, positive law, Bible, Commandments, philosophers, scientists, lawyers, normative documents, legal concepts.*

Данную часть статьи начну с напоминания завершающих часть четвертую слов Бердяева Н.А. о религиозной сути революции в России: она есть искупление вины ..., а русский народ устремлен к концу истории, к осуществлению Царства Божьего. Для себя я не нахожу оснований (причин) не соглашаться с Бердяевым. Убеждать в этом других не буду: здесь требуются не столько доказательства (стремление в Царство Божье), сколько внутренняя убежденность, исходящая из веры в Бога. Однако, по большому счету, тезис Бердяева доказуем, но это не является предметом моей статьи.

Странно, что совпадение взглядов моих и Бердяева я обнаружила, работая над этой статьей, хотя читала его работы раньше. Однако тема Бога в праве меня тогда не интересовала, и я не вникала в такие рассуждения. Тем не менее, независимо от Бердяева, я пришла к мысли о наличии в революции Российской (1917-1922 гг.) религиозного элемента. Доказательством тому служат мои публикации, особенно статья «Революции как форма (способ) Божьей кары за грехи» в пяти частях (1). Одним из ключевых моментов статьи является тезис о греховности Церкви как учреждения священнослужителей независимо от ранга. Следовательно, если искать виновных в революции, то взоры нужно обращать в эту сторону тоже. Поэтому, чтобы избежать гнева Божьего, необходимо покаяние прежде всего Церкви, как духовного водителя народа. Таков «в двух словах» вывод названной выше уже опубликованной моей статьи. Напоминаю об этом не только в связи с рассуждениями Бердяева, а и Флоренского П.А., работу которого «У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики)» [29] еще раз прочитала в контексте данной (настоящей) статьи. Как в этой, так и в других научных работах Флоренский П.А. ставил целью содействовать формированию цельного православного мировоззрения, включающего в себя и богословие, и философию, и науку, и искусство [29. С. 5].

В отличие от тех священнослужителей, которые попали под категорию греха с социально-нравственной точки зрения, Флоренский, как мне представляется, был настоящим служителем Церкви Христовой. При этом он читал работы материалистов, воспринимал некоторые идеи. Известен, к примеру, метод диалектического материализма. Флоренский, исследуя вопросы диалектики (всестороннего познания действительности, – с его слов), – пишет: «Следовательно, единственный христианский – смиренный – путь рас-

суждений – это диалектика: говорю то, что сейчас в данной комбинации суждений, в данном контексте речи и отношений истинно, но ни на что более не притязая» [29. С. 153].

Возвращаясь к мысли Бердяева о религиозной сути революции в России (искупление вины), хочу обратить внимание на рассуждения священнослужителя Флоренского (он же инженер, философ, ученый) по поводу судьбы, постигшей Церковь в 20-е годы XX века. В своих статьях, лекциях он затрагивает вопрос о грехах Русской Церкви. 25 декабря 1921 г. он в числе других профессоров, богословов, философов подписал письмо к Архипастырям РПЦ. Письмо озаглавлено: «Обращение московских профессоров, богословов, писателей к Архипастырям Российской Православной Церкви по поводу Послания Синода об Имени Божием от 18 мая 1913 года». Письмо (Обращение) подписано профессором священником П.А. Флоренским, профессором священником Н.А. Заозерским, профессором С. Орловым, профессором М.А. Новоселовым, писателем В. Симанским, писателем Н.М. Соловьевым, профессором Д. Егоровым, философом-литератором Г. Рачинским, писателем Иваном Сотником, писателем Г. Леманом, писателем – духовным историком М. Хитрово-Крамским, философом А.Ф. Лосевым. Всех их поддержали: профессор философ С.Н. Булгаков, В. Кожевников, В. Скворцов, редактор «Колокола» Кн. Е.Н. Трубецкой, юрист В.Н. Муравьев, философ Николай Соловьев.

Прочитую начало Обращения: «Преосвященнейший Владыко, Милостивейший Отец и Архипастырь! Задумываясь над тяжелым положением Православной Российской Церкви, над разрухой в ней царствующей, над поруганием святыни, над бездейственностью церковной молитвы, мы чувствуем во всем этом гнев Божий, над нами тяготеющий ... Конечно, бесчисленные грехи наши перед Господом и недостойны мы носить на нас нареченное святейшее Имя Христово ... Отчего же теперь гнев Божий возгорелся на нас и поразил Церковь Российскую?» [29. С. 374].

Далее по тексту авторы пишут: «**Мы полагаем, что причиной всех наших бедствий является то, что в Церкви Российской** (выд. в тексте) вследствие грехов наших и неисполнения нашего долга, как словесных овец Христова стада **пошатнулось правое исповедание веры** (выд. в тексте), составлявшее драгоценную святыню, переданную ей от Отцов наших. Церковь Православная уже давно начала страдать от рационалистических веяний, заражавших не только мирян, но и пастырей, и архипастырей и проникших даже в самый оплот Православия, в удел Божией Матери, на Св. Гору Афон ... По церковным канонам, анафема, неправильно наложенная, падает на голову наложивших, потому приходится признать, что вся Церковь Российская подпала под действие собственной анафемы ... Нам кажется, что выход из этого страшного положения единственный.

Гнев Божий может быть умиловивлен только покаянием. И Церкви Российской надлежит совершить его ...» [29. С. 376].

Напомню, что Бердяев жил за пределами Советской России, Флоренский жил в Советской России. Далеко не во всем, но в чем-то их позиции были близки, в частности, в вопросе греховности и революционных событий. Флоренский, например, писал в ноябре 1923 г.: «... По Апостолу, требуется детоводительство и кормление молоком, прежде ли станет усваиваться твердая пища. Многие годы в русское общество вводились различные яды, отравлявшие ум, и теперь даже лучшие представители России нередко подобны выздоравливающим от тяжелой болезни. Было бы легко разделаться со злом, если бы можно было свалить всю вину на двух-трех и приурочить ее к определенному году. Но не так обстоит на деле: духовное разложение накоплялось десятками лет и виновных в нем было очень много; мало кто не приложил сюда своей руки... Требуется разносторонняя работа над духовным перевоспитанием» [29. С. 378].

Как видим, автор не указывает на конкретных виновных лиц, ни год, на который следует возложить вину за положение дел в РПЦ, он пишет о десятилетиях отравления и о всем обществе (почти о всех). Если «перевести на русский язык», то скажем так, что не 1917 год и не большевики привели Россию к революции, она зрела десятилетия. Революция раскрыла возможности для перевоспитания людей. Перевоспитанием себя и людей должна была заниматься и Церковь, не только государство (каждый в пределах своих компетенций). Но Церковь к тому же, по мнению Флоренского, должна была и покаяться перед Богом.

О религиозно-историческом смысле русской революции писал С.Л. Франк, который в своей политико-правовой концепции исходил из постулата: Бог укоренен в мире [30; 31. С. 125].

И.А. Ильин, исследуя проблемы тоталитаризма, приходит к выводу, что «Россия получила за грехи «левый» тоталитаризм коммунистов» [6; 7].

Как очищение воспринимали революцию «Сменовеховцы» (Н.С. Трубецкой, Ю.В. Ключников, Н.В. Устрялов, С.С. Лукьянов и др.). «Революция как очищение погрязшей в нигилистических грехах интеллигенции. Перемены, которые она несет, нельзя оценивать поверхностным политизированным взглядом: смысл революции постигают поэты, прозревшие ее «зори», «стихию», «голос» ...» [28].

Считая позицию Бердяева и Флоренского справедливой, соглашаясь с рассуждениями других авторов о грехах России, приведших к революции, буду рассматривать правовые учения революционеров и их последователей: есть ли в них место Богу.

Анализ начну с Лидера революции Ульянова (Ленина).

Прежде отмечу, что все вышеназванные авторы выросли, формировались в дореволюционной России, как и большевики, совершившие революцию. Укажу даты: Булгаков С.Н. (1871-1944), Бердяев Н.А. (1877-1948), С.Л. Франк (1877-1950), Ильин И.А. (1882-1954), Трубецкой Н.С. (1890-

1938), Флоренский П.А. (1882-1943), Ленин В.И. (1870-1924), Сталин И.В. (1879-1953), Троцкий Л.Д. (1879-1940), Бухарин Н.И. (1888-1938), Рейснер М.А. (1868-1928), Стучка П.И. (1865-1932), Курский Д.И. (1874-1932).

Как видим, досоветская Россия (реальная действительность) формировала этих философов, ученых, богословов, политиков. Уже в силу досоветскости им всем было присуще знание Библии в разных степенях. Некоторые из них знали Библию на профессиональном уровне. Неудивительно, что тема Бога им была не чужда, опять-таки в разной степени.

Относительно «религиозности» В.И. Ленина рассмотрю вопрос в опоре на фрагмент моей книги [3. С. 127-128].

Известно, что родители В.И. Ульянова были христианами православного исповедания. 16 апреля 1870 г. (старый стиль) Ульянова крестили. Об этом есть запись в метрической книге Никольской церкви г. Симбирска [23. С. 305]. О том, что Ульянов Владимир во время обучения соблюдал все требуемые церковные правила, свидетельствуют и оценки по предметам, и воспоминания тех, кто знал его в то время. В здании гимназии, где обучался Ульянов, была домовая церковь во имя св. Сергия и ее посещение в праздничные дни было обязательным. Каждое торжество в гимназии начиналось с молебна, следовательно, нужно знать молитвы и участвовать в молебне. За этим строго следил старший законоучитель. В то время таковым являлся П.И. Юстинов, магистр богословия, профессор Симбирской духовной семинарии. В школе также преподавали священники Сорогожский и Кенарский и пастор Курц [11]. В гимназии существовало правило, что возвращаясь с каникул, обучающийся должен был предъявить отпускной билет с пометкой полицейского и священника, что религиозные обряды соблюдались и порядок не нарушался. Каждый учебный день ученики начинали с молитвы. Завершая учебу, Ульянов (Ленин) сдал выпускной экзамен по Закону Божию отлично. Правда то, что он потом выбросил крестик, как ненужный атрибут. Беда в том, что во многих учебных заведениях предмет изучался таким образом, что «выйдя на свободу», бывший ученик отрекался от того, что ему «вдалбливали», что от него требовали. Известно, что Ленин, вступая в брак с Н.К. Крупской, венчался с нею по всем правилам этого Таинства. Отход Ленина от религии не был уникальным явлением конца XIX – начала XX вв. «Образованная» молодежь почти сплошь была неверующей, хотя и крещеной. Крупская Н.К. вспоминала: «Наше поколение росло в условиях, когда, с одной стороны, в школах, в печати строго преследовалось малейшее проявление неверия, с другой – радикальная интеллигенция отпускала насчет религии всякие шуточки, острые словечки. Существовал целый интеллигентский фольклор, высмеивающий попов, религию, разные стихи, анекдоты, нигде не записанные, но передававшиеся из уст в уста. Правда, большинство из них было поверхностно, повторявшие их нередко говорили о величестве и премудрости творца или о воспи-

тывающей роли религии. Но все же это толкало молодую мысль, заставляло очень рано критически относиться к религии, стремиться самостоятельно решать так или иначе вопрос о религии» [16. С. 53]. Обучаясь в Казанском университете, Ульянов (Ленин) записался на лекции по богословию протоиерея, профессора Н.К. Миловидова, хотя после ареста и высылки в деревню занятия прекратились. В 1890 г. Ленин экстерном сдавал экзамены в испытательной комиссии юридического факультета при Санкт-Петербургском университете. Среди предметов был – Церковное право. В объем предмета входили: история церковной организации, источники и памятники церковного законодательства; юридическое положение и управление РПЦ, устройство римско-католической, лютеранской и армяно-григорианской церквей в России. Ленин ответил на все поставленные вопросы, хотя в комиссии состоял протоиерей, профессор церковного права М.И. Горчаков. Ленину выдали диплом первой степени.

В отличие от Ленина, у Сталина семья была бедная и, можно сказать, неблагополучная. В девятилетнем возрасте Сталин поступил в Горийское духовное училище, в котором проучился 6 лет. Окончив училище, он в этом, 1894 г., поступил в Тифлисскую православную семинарию [8]. Нетрудно подсчитать, что ему было в это время 15 лет. В духовной семинарии учились, как правило, дети священнослужителей. В этой семинарии обучались будущие лидеры социал-демократии: Ладо Кецховели и Миха Цхакая. Последний стал потом близким соратником Ленина. Именно в семинарии и формировалось революционное сознание молодежи, в том числе и названных троих семинаристов. О том, что в семинарии царил дух революционного движения, писал сам И.В. Сталин [25. С. 114]. В какой-то мере этому служили и сама обстановка в семинарии: слежка, издевательства, жестокое обращение, шпионаж, шовинизм и национализм. Не случайно сын священника И. Лагиашвили, исключенный из семинарии, убил ректора, за что был повешен. За год до поступления Сталина семинаристы учинили забастовку, требуя увольнения нескольких преподавателей-реакционеров. Среди забастовщиков были названные выше Ладо Кецховели и Миха Цхакая. «Революционеры» требовали открытия кафедры грузинского языка. 87 человек были исключены из семинарии, кафедру не открыли. Литература была в основном на русском языке. На грузинском языке наличествовала только Библия и несколько книг духовного содержания. Газеты, журналы, книги грузинских писателей запрещалось читать. Под запретом были книги Л. Толстого, А. Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гоголя, Чернышевского, Герцена и др. Поскольку запрещенный плод сладок, его и добывали семинаристы тайно. Множились тайные кружки. В самой же семинарии проходили церковные службы и молитвы. Хотя Сталин не блистал оценками, но у него были **две пятерки: по теологии и поведению** [4. С. 24].

Что касается политико-правовых взглядов Ленина и Сталина, то следует отметить, что Ленин, конечно, и теоретик, и практик. Сталин – больше практик. Главное в учении того и другого – диктатура пролетариата, насильственное свержение (сломяк) эксплуататорской государственной машины (системы). Государство, по Ленину, не только орган управления, но и орган господства, выражающий интересы определенного класса, того класса, в руках которого находится экономика. Классовость – это врожденная черта государства. Ленин понимал, что государство должно заботиться и об общенациональных интересах, но писал об этом редко. Его можно понять: перед ним стояла задача взятия власти, удержания власти и создания государства диктатуры пролетариата. На это были направлены его теоретические разработки, которых очень много и нет надобности их называть.

Ленин считал, что сущность любого государства даже самого демократического, – диктатура класса. Ее он называл железным законом бытия государства. Диктатура пролетариата опирается на силу, она не должна быть ограничена никакими законами. Слову подлежит прежде всего бюрократический аппарат: армия, полиция, прокуратура, суды, жандармерия. Хозяйственный аппарат необходимо заставить работать на себя, на новую власть, в интересах пролетариата и беднейшего крестьянства. Формой диктатуры пролетариата, по Ленину, является Республика Советов. Советы объединяют в себе представительный (общественный) и государственный характер. Советы и законодательствуют, и исполняют законы, и организуют их контроль. Деятельность государственного аппарата осуществляется на основе принципа демократического централизма. С точки зрения национального вопроса – выдвинут принцип федерализма. Но и то, и другое (диктатура пролетариата, федерализм) – вещи, по мысли Ленина, временные, переходные – к единству общенародному, бесклассовому, безгосударственному. Отмирание государства – важная идея ленинизма. При перерастании социализма в коммунизм государство как инструмент принуждения перестанет быть необходимым, поскольку люди привыкнут соблюдать правила поведения добровольно. Но в переходных условиях диктатуры пролетариата государство необходимо, при этом не ограниченное формальными законами. То есть, для революции характерно опираться на революционное сознание масс, а не на законы. Напротив, мирный, созидательный процесс опирается на социалистическую законность, которая должна быть единой по всей стране, несмотря на федеративность государственного устройства.

Сталина в основном считают не теоретиком, а главным толкователем ленинских работ в процессе их реализации в жизни. Как практик, Сталин был вынужден теоретические разработки Ленина приспособлять к менталитету широких слоев населения. Он это успешно осуществлял через политическую пропаганду. Он и сам был хорошим пропагандистом. В отличие от Ленина у него не так много работ: «Об основах ленинизма» (1924), «К во-

просам ленинизма» (1927), «О проекте Конституции Союза ССР» (1936), «Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б)» (1939). Основным вопросом ленинизма Сталин считал учение о диктатуре пролетариата. Государство Сталин определял как машину в руках господствующего класса для подавления сопротивления своих классовых противников. Пролетарское государство – это новый тип государства, новый тип демократии, которая во главу угла ставит общие интересы, хотя при этом демократия классовая. Личное тоже должно быть подчинено общему. Главное место в политической системе занимает партия. Как и Ленин, Сталин считал государство преходящим исторически: не было государства – возникло государство – прошло все стадии развития – отомрет на стадии коммунистического общества. То же произойдет и с правом, как инструментом государства в осуществлении им своих функций. Право в условиях строительства социализма рассматривалось как форма защиты интересов пролетариата, беднейшего крестьянства, трудящихся, но не отдельной личности. Права и свободы отдельной личности – не цель и не суть пролетарского права.

Вместо веры в Бога большевики привнесли веру в коммунизм. Потому Бердяев (о чем говорилось в четвертой части данной статьи) и писал, что новое миросозерцание – это есть и политика, и мораль, и наука, и философия, и религия, – идущее на смену христианской религии. Сильный и властвующий над миром, организованный пролетариат, по Бердяеву, – есть земной Бог. В этом ракурсе воспринимаются слова Бердяева о том, что русский народ не может создать срединного гуманистического царства, он не хочет правового государства в европейском смысле слова. Это – апокалиптический народ, по строению своего духа он устремлен к концу истории, к осуществлению Царства Божьего [2. С. 24-25; 84-85]. Бердяев выразил судьбу России в религиозной форме. Если вдуматься, то ленинизм – о том же, только с научной точки зрения: коммунистическое общество – общество равных, свободных, без войн, каждый выбирает себе занятия по желанию, каждый получает по потребностям и т.д. Разве не рай? Государству в этом раю коммунисты не находят места – оно будет лишним в силу высокой сознательности масс. Законы тоже не будут нужны в силу сознательности людей. Разве не в этом смысле высказывался Святой Апостол Павел о законах (см. вторую часть статьи)? – по законам проверяются грехи человека, для праведника законы не нужны.

Однако от мечтаний о будущем необходимо вернуться на грешную землю, в начало XX в.

Правовые вопросы были объектом внимания Наркома юстиции (1918-1928) Курского Д.И. Право – это выражение интересов пролетариата, – считал Курский, а источником нового правотворчества являются революционные народные суды. Государство периода НЭПа Курский считал правовым, но в пролетарском смысле: интересы государства превалируют над интересами личности.

Советская теория права во многом обязана Стучке П.И. Он выделял такие аспекты революционного правопонимания:

- классовый характер;
- революционно-диалектический метод;
- материальные общественные отношения;
- наличие правовой надстройки над материальным базисом.

Стучка определял право, как систему (порядок) общественных отношений, соответствующую интересам господствующего класса и охраняемую организованной силой этого класса. Он был удивлен тем, что отрицая необходимость законов для государства диктатуры пролетариата, на деле, в жизни пришлось разрабатывать новую, небывалую систему законов. Советские законы он считал, как бы вехами, рисующими общие контуры, определяющими границы данного правоупорядка, данной системы правовых отношений [26. С. 100].

Профессор М.А. Рейснер, представитель имперской России, перешедший на сторону Советской власти, был приглашен в Комиссию по разработке первой Советской Конституции (1918). Он считал, что советская правовая система представляет собой сложный конгломерат правосознания различных классов, каждое из которых имеет выражение в одном из кодексов: пролетарское – в КЗОТ, крестьянское – в Земельном кодексе, буржуазное – в Гражданском кодексе. Напомню, что Рейснер это писал в период НЭПа (до 1928 г.).

Среди большевистского руководства теоретиком считался Бухарин Н.И. Ленин В.И. высоко ценил его теоретические разработки. Был Бухарин известен и мировой общественности. В основе его взглядов лежали труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. Поэтому позиция Бухарина относительно государства, права, диктатуры пролетариата, классовости не противоречила ленинской (большевистской). Но Бухарин много писал об экономике переходного периода, мировом хозяйстве, империализме. Право Бухарин отождествляет с законодательством, создаваемым государством. Задачу права он видит в работе по обслуживанию процесса эксплуатации того типа, который соответствует историческому периоду (способу производства). Исследуя государство, Бухарин особо выделяет роль насилия на всем протяжении исторического развития. Присуще насилие и диктатуре пролетариата. Учение о диктатуре пролетариата, о ее роли и формах, о ее значении Бухарин считал «самым гениальным теоретическим построением В.И. Ленина ... «Учение о диктатуре пролетариата и Советской власти – евангелие современного пролетарского движения» [9. С. 632], – писал он. В данном случае вспоминаются слова Бердяева о религиозности Революции в России.

Священный характер приобретает революция у Троцкого Л.Д., но государство он не признает за самоцель. Это только орудие в руках господствующих сил, машина для управления и подавления. Как машина, госу-

дарство имеет двигательный, передаточный и исполнительный механизм. Двигатель – классовый интерес, механизм – агитация, печать, церковная и школьная пропаганда, партия, уличные собрания, полиция, восстание. Передаточный механизм – законодательная организация – кастового, династического, сословного или классового интереса под видом божественной или национальной воли. Если божественной – то абсолютизм, если национальной – то парламентаризм. Исполнительный механизм – это администрация с полицией, суд с тюрьмой, армия [27. С. 94]. Для Троцкого в вопросах революции характерен глобализм, интернационализм, то есть, революция должна быть мировой, а не в отдельно взятой стране. Идею отмирания государства и права Троцкий поддерживал. Коммунистическому обществу государство и право не нужны.

Оказавшись за рубежом, российские философы, теоретики, лидеры партий продолжали писать о России, ее будущем. К примеру, П.А. Сорокин, В.М. Чернов, Г.П. Федотов, И.Л. Солоневич. Сорокин за рубежом приобрел мировую славу как социолог. В будущность России верил Г.П. Федотов, в ее христианское возрождение. И.Л. Солоневич признавал возможной для России две формы власти: монархию или диктатуру. Монархия – по воле Божьей, а диктатура – по Божьему допущению. Главное, чтобы обе эти формы обеспечивали сильную, твердую власть [24].

В Советской России (СССР) к середине 30-х годов XXв. все еще не было общего правопонимания, хотя было принято множество нормативных актов, в том числе и Конституции. Кто-то настаивал на пролетарском праве, кто-то – на советском, кто-то на революционном, а кто-то вообще не считался с правом, надеясь на революционную целесообразность. Но все были едины в отрицании Бога. В 1931 г. состоялся I Всесоюзный съезд марксистов – государственников и правовиков. Хотели выработать правильную линию в вопросах правопонимания. Но единства не получилось. Сошлись на не признании пролетарской классовой сущности Советского права, но не отрицали того, что сохранились остатки буржуазного права. После принятия Конституции 1936 г. была выдвинута идея о формировании советской социалистической системы права. В 1938 г. было созвано I Совещание по вопросам науки советского государства и права. Его организатором был Вышинский А.Я. 600 человек, принявших участие во Всесоюзном совещании, пришли к одобрению определения права: «право – совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу» [9. С. 653-654]. Такой подход к праву и вошел в советскую литературу. С точки зрения деления права на виды, это опреде-

ление следует отнести к позитивному праву (человеческому). О позитивном праве у нас речь шла в первой части статьи.

После смерти Сталина И.В. позитивное право (определение его понятия) было подвергнуто критике. С.Ф. Кечекьян и А.А. Пионтковский предложили новый вариант определения понятия «социалистическое право», которое сути его не меняло.

В 1970-е годы уточнения в правопонимание были внесены существенные: право и закон отделены друг от друга.

В США появилась новая концепция права – «чистая теория права». Австрийский философ Г. Кельзен опубликовал свою работу «Чистая теория права» (1960). Им строилась такая теория позитивного права, которая заранее объявляет об отказе познавать те элементы, которые являются чуждыми позитивному праву. Это означает, что юриспруденция должна отличаться от философии справедливости и социологии. По Кельзену, чистая теория права не способна ответить научно на вопрос о справедливости, что запутывает реальное положение дел, поскольку в юриспруденции людей волнует именно справедливость. Задача же общей теории права, считает Кельзен, – изучать законодательные нормы, их элементы, их взаимоотношения, правопорядок и его структура, отношения между различными правопорядками, сохранение единства права во множестве позитивных законных порядков. Цель теории права – обеспечить юристов, прежде всего судей, пониманием позитивного права (законодательства) своей страны. Такая теория права должна опираться на законодательные нормы, а не на философские категории. Науку права Кельзен предлагает отделить и от политики, то есть реальность закона нужно различать от идеальности закона как цели политики. Реальность позитивного права не зависит от того, соответствует или не соответствует законодательство справедливости. Не следует в реальном праве, считает Кельзен, искать проявления сверхчеловеческой власти. Чистая теория права отказывается быть метафизикой права: то, что не может быть обнаружено в содержаниях позитивных юридических норм, не может войти и в правовое понятие. Но проводить, следовать аналогии в изучении Кельзен считает возможным. К примеру, в любой религиозной системе есть Основная Норма. Верующий человек соразмеряет свою деятельность с Основной Нормой. В системе позитивного права Основную Норму можно предположить в виде Конституции (Основного Закона). Если в божественном праве (религиозном) субъект должен действовать как предписывает Бог, то в позитивном праве субъект должен действовать как «Отцы» – составители Конституции (Кельзен разъясняет, что он имеет в виду самую первую из Конституций). Выдвигая теорию «чистого права», Кельзен осознавал ее несвоевременность (после Второй мировой войны), поскольку даже в великих странах юриспруденция служит политической власти [12; 13; 14].

Вопрос о Боге в праве уже в бытность мировой системы социализма вновь заострил религиозный философ Маритен Жак (1882-1973). Его карьера религиозного мыслителя началась в 1910 году, когда он прочел работу Фомы Аквинского «Сумма теологии». Естественный закон, считал Маритен, восходит к абсолютному вечному закону, который является «рациональным планом управления миром в мысли Бога». А права человека уходят своими корнями в естественный закон. Налицо взаимосвязь прав человека и вечного закона. Идея естественного права, по мысли Маритена, унаследована из христианства. Древние философы естественное право называли неписанным законом. И философы античности, и христианские мыслители знали, что природа отклоняется от Бога, значит неписанный закон (естественное право) отклоняется от вечного закона, который, по словам Маритена, есть сама Созидательная Мудрость. Тот, кто верит в Бога, тот верит и в естественный закон. Но вера не приводит к знанию и пониманию неписаного закона одинаково всеми. Есть, конечно, вещи, которые знают все: нужно делать добро и избегать зла, что является принципом естественного (неписаного) закона. Но даже добро в разное время по-разному понимается. Маритен приводит примеры, когда инцест и мелкая кража некоторыми народами рассматривались как добродетельные действия. Непонимания, несоответствия были и еще будут. Только тогда, – пишет Маритен, – «когда Евангелие проникнет до глубины человеческой сущности, естественное право расцветет во всем его совершенстве» [19. С. 511].

Как ни странно, но вспоминаются и К. Маркс с Ф. Энгельсом, и В.И. Ленин со Сталиным И.В. и все те, кто верил (писал), что государство и право отомрут, люди будут высокосоциальными, высокоорганизованными и добровольно будут жить по неписанным правилам, которые примут форму обычая, войдут в сердце, станут образом жизни. Результат рассуждений один и тот же, только у одних с верой в Бога, у других с верой в коммунизм. Пока человечество находится не на той стадии развития, чтобы сказать, что время без-правового периода жизни скоро наступит. Хотя признаков возвращения людей к религии становится больше, но возрастает и количество тех, кто использует религию в целях насилия.

В процессе строительства первой фазы коммунизма (социализм) насилие тоже применялось, но не именем религии (Бога).

Коммунисты брали ответственность на себя, отделив Церковь от государства. Просматривался ли Бог в практике коммунистического строительства, – исследую позже.

Сейчас вернусь к вопросу теории и коротко охарактеризую советское социалистическое право и современное российское с позиций его исследователей. Изучением советского права занимались А.И. Денисов, М.П. Карева, С.Ф. Кечекьян, А.С. Федосеев, Г.И. Федькин, К.А. Мокичев, Нерсесянц В.С. и другие. Классовый подход в их трудах сохранился [12]. Но в 1985 г.

стали звучать из уст правоведов некоторые новации относительно сущности права и его содержания. Этому способствовала «перестройка», «демократизация», «гласность». Необходим был поиск соединения сложившихся взглядов с новыми концепциями. Помимо отражения правом классовых интересов в праве стали выявлять национальные, групповые, клановые, этнические, личные и т.д. интересы. Одним из первых вопрос поставил профессор Мальцев Г.В. [18]. Эстафету подхватил Байтин М.И. [1]. Эти и другие исследователи показали неразрывную связь между государством и правом при сохранении ими определенной самостоятельности. Они подчеркивали, что право всегда прежде всего является регулятором общественных отношений. Наиболее активно и не обремененно со стороны государства, «без оглядки» на институты государства, стали изучаться вопросы права в постсоветской (современной) России. Можно указать на ряд авторов: Шершеневич Н.Ф., Денисов А.И., Лазарев В.В., Сырых В.М., Иванников И.А., Денисов С.А., Пиголкин А.С., Черданцев А.Ф., Кашанина Т.В., Синюков В.Н., Муромцев С. А. и другие.

Отмечу два учебника по теории государства и права, наиболее читаемые известными мне студентами: «Теория государства и права» Марченко М.Н. и «Теория государства и права» Матузова Н.И. и Малько А.В. [20; 21].

В контексте темы нас интересует не вопрос о праве вообще, в целом, а о божественном (религиозном) в праве.

Какое-то время (советское) данный аспект выпадал из поля зрения ученых. Поле распада СССР в «новой» России стало возможным и с этих позиций изучать проблему. Во всяком случае, если не свою личную точку зрения излагать, то ссылаться на других и рассматривать их позиции. Таким путем тема Бога, божественного, религиозного стала вкрапляться в исследовательские работы. Например, Марченко М.Н., выделяя воспитательную роль права, подкрепляет свой тезис мнением римских юристов, к примеру, Цицерона. Он считал, что закону свойственно также и стремление кое в чем убеждать, а не ко всему принуждать силой и угрозами; каждому закону должно сопутствовать введение (преамбула), цель которого – укрепить божественный авторитет закона и использовать страх божьего наказания для предотвращения его нарушения [20. С. 6]. Далее Марченко пишет: «Воспитательная роль права проявляется и в том, что оно призвано развивать в людях чувство справедливости, правды, добра, гуманности. Закон есть «царь всех божественных и человеческих дел, – с пафосом провозглашали римские юристы» [20. С. 6]. Не буду вдаваться в дискуссии по поводу справедливости и т.д. в праве, на эту тему писал Кельзен, рассуждения которого выше изложены. В данном случае отмечается божественное в праве словами Марченко, ссылавшегося на римских юристов. Имеются рассуждения о Боге и в §3 «Естественно-правовая теория», изложенная в указанном учебнике Марченко. Он отмечает, что естественное право в XIV-XVI вв. особен-

но отчетливо ассоциировалось не с природным, а божественным происхождением. Марченко ссылается на упоминаемого мною ранее Е.Г. Трубецкого, который констатировал точку зрения средневековых схоластов о их убеждении, что существует вечное естественно право – вечные естественные законы, которые вложены Богом в сердца людей и составляют самую природу разума [20. С. 118]. От себя Марченко здесь пишет: «Естественно право соотносилось, таким образом, с неким божественным правом, а место и роль природы занимал и выполнял Бог» [20. С. 118]. С XVIII в., – считает Марченко, – идея божественного права стала опровергаться, подвергаться критике. Это действительно так, с мнением Марченко можно согласиться. Но это не означает, что идея Бога в праве всеми отвергалась. Она продолжала существовать, что доказано мною в четырех предыдущих частях, всегда и в «новой» России опять начинает занимать достойное место. Примером борьбы с Богом в праве является книга Гольбаха П. «Священная зараза. Разоблаченное христианство» [5]. Обращаю внимание, что книга издана в СССР в 1936 г.

В учебнике Матузова Н.И. и Малько А.В. внимание не акцентируется на Боге в праве. Когда дается характеристика естественно-правовой теории происхождения права, то в пункте 3 пишется: «Источник прав человека содержится не в законодательстве, а в самой «человеческой природе», права даются либо от рождения, либо от Бога» [21. С. 151]. О Божественной воле авторы пишут в разделе о теориях происхождения государства. Они рассматривают позицию Фомы Аквинского, что государство – продукт Божественной воли [21. С. 35].

В Завершение пятой части, а значит в целом вопроса о теории и философии права в контексте выявления божественного в праве, коротко рассмотрю позицию профессора Мальцева Г.В. [17]. Хотя указанная в Библиографическом списке книга об истории права и государства, но в ней затрагиваются и теоретико-философские аспекты. Примечательно то, что используя термины «позитивное право», «положительное право», «естественное право», «религиозное право», «обычное право», Г.В. Мальцев никогда не использует термин «божественное право». В силу чего это происходит, непонятно: или он не признает божественное право, или ставит знак равенства между религиозным и божественным правом. По смыслу его книги смею предположить, что ставит знак равенства. Обращает на себя внимание насыщенность рассуждений о раннем праве религиозной терминологией. Слова «религия», «религиозная норма» используются очень часто, зато, если я правильно заметила, практически не используются слова «Бог», «божественное (ый)». И еще одна деталь: о религиозном в праве говорится как бы чужими словами, – автор излагает не свои позиции, указывая при этом труды в примечании. Собственная позиция просматривается, но не так часто. И состоит эта позиция в признании существования религиозности

в праве. Для первобытного человека, – считает автор, – характерно не разделение «социальных норм по видам – религиозные, моральные, правовые, политические, эстетические и другие». Они воспринимались слитно, едино. Такую систему Г.В. Мальцев назвал синкретической [17. С. 33]. Из этой единой системы впоследствии человек вычленяет религиозное, политическое, правовое (юридическое) и т.д. Автор затрагивает вопрос, что появилось первым и, ссылаясь на Э. Дюркгейма, утверждает, что – религия. Из нее вышли мораль и право. Но для этого потребовалось не одно тысячелетие. С этим тезисом абсолютно согласна.

Данным тезисом завершу пятую часть статьи, поскольку логика ее вывела на исторический процесс, то есть, на выявление конкретного божественного начала в правовых нормах разных народов (стран). Что касается теории, то изложенный в пяти частях материал позволяет утверждать о непреходящем, непрерывном характере существования концепции божественного права, либо наличия элементов божественного в праве. Даже в атеистические времена появлялись публикации на эту тему. А в период до XVIII в. об этом и говорить не приходится.

Продолжение статьи читайте в следующем номере.

ПРИМЕЧАНИЕ:

(1) Статья опубликована в журнале «Вопросы национальных и федеративных отношений». 2019. Т. 9. № 10 (56). С. 1636-1649; 2019. Т. 9. № 11 (56). С. 1859-1873; 2019. Т. 9. № 12 (57). С. 2514-2528; 2020. Т. 10. № 1 (58). С. 44-52; 2020. Т. 10. № 2 (59). С. 266-275.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2002.

2. *Бердяев Н.А.* Новое Средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. Берлин, 1924 // <https://www.litres.ru/nikolay-berdyayev/novoe-srednevekovye-razmyshlenie-o-sudbe-rossii/chitat-onlayn/>.

3. *Болтенкова Л.Ф.* Становление и развитие Российского многонационального государства (VI в. – настоящее время). Кн. 5/2. Русский мир – двенадцать веков: влияние Русской Православной Церкви на формирование и развитие Русского мира. М.: ЭТНОСОЦИУМ, 2017.

4. *Волков Ф.Д.* Взлет и падение Сталина. М.: Спектр, 1992.

5. *Гольбах П.* Священная зараза. Разоблаченное христианство. М., 1936.

6. *Ильин И.А.* Об ограниченном понимании государства и демократии // О грядущей России. Св.-Троицкий монастырь и Нью-Йорк, 1991.

7. *Ильин И.А.* От демократии к тоталитаризму // О грядущей России. Св.-Троицкий монастырь и Нью-Йорк, 1991.

8. Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1951.
9. История политических и правовых учений: Учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Изд. НОРМА, 2001.
10. История политических и правовых учений: Хрестоматия / под ред. О.Э. Лейста. М.: Городец, 2000.
11. *Карамышев А.Л.* Симбирская гимназия в годы учения В.И. Ленина. Ульяновск, 1958.
12. *Карева М.П., Кечекьян С.Ф., Федосеев А.С., Федькин Г.И.* Теория государства и права. М., 1955.
13. *Кельзен Г.* Чистая теория права. 1934. Второе изд. 1960 (США) // http://ivka.rsuh.ru/binary/78809_76.1462732758.46936.pdf.
14. *Кельзен Г.* Общая теория права и государства. Англия, 1945.
15. *Кельзен Г.* Что такое справедливость? Справедливость: Право и политика в зеркале науки. Избр. работы. Лос-Анджелес, 1957.
16. *Крупская Н.К.* О Ленине. Воспоминания, связанные со статьей Ленина «О значении воинствующего материализма» // Крупская Н.К. Вопросы атеистического воспитания. Сборник статей и выступлений. 2-е изд., доп. М., 1964.
17. *Мальцев Г.В.* Очерки истории раннего права и государства: монография. М.: Изд-во РАГС, 2010.
18. *Мальцев Г.В.* Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.
19. *Маритен Ж.* Права человека и естественный закон // История политических и правовых учений: Хрестоматия / под ред. О.Э. Лейста. М.: Городец, 2000.
20. *Марченко М.Н.* Теория государства и права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015.
21. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: Учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. 4-е изд., испр. и доп. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016.
22. *Нерсесянц В.С.* Право и закон. М., 1983.
23. *Смирнов М.Ю.* Религия и религиоведение в России. СПб., 2013.
24. *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М., 1991.
25. *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1951. Т. 13.
26. *Стучка П.И.* Право – закон – техника // Советское государство и революция права. 1930. № 1.
27. *Троцкий Л.* К истории русской революции. М., 1990.
28. *Трубецкой Н.С.* Русская проблема // Евразийская хроника. Прага, 1925. Вып. 1.
29. *Флоренский Павел, священник.* У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). М., 2013. Т. 1.
30. *Франк С.Л.* Большевизм и коммунизм как духовные явления // Русское мировоззрение. СПб., 1996.
31. *Франк С.Л.* Религиозно-исторический смысл русской революции // Русское мировоззрение. СПб., 1996.

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ Т. ГОББСА И СОВРЕМЕННЫЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА

В статье рассматривается эволюция элементов теории общественного договора Т. Гоббса в политической философии современного либерализма Д. Ролза, Р. Нозика и Д. Готье. Автор отмечает, что современные либеральные теории общественного договора заимствуют из философии Гоббса существенные элементы договорной концепции государства, но рассматривают их сквозь призму теории кантианского практического разума, и сама трансцендентальная философия И. Канта является теоретическим резервуаром для переосмысления современными либеральными теоретиками гоббсианской антропологии в русле кантианского морального конструктивизма. Такое прочтение теории общественного договора Т. Гоббса, редуцирует современные либеральные теории общественного договора к определенному модусу аргументации, в рамках которого мыслящий субъект, находясь в идеализированной ситуации, осуществляет моральный выбор будущих институтов государства на основе принципов современной либеральной философии, которые сводятся к тезису об обоснованности любого государственного вмешательства в жизнь индивидов со стороны государства.

Ключевые слова: *Томас Гоббс, политический либерализм, теория общественного договора, Теория справедливости Д. Ролза.*

B.Z. TSANAVA

Postgraduate,

Saint-Petersburg State University,

Saint-Petersburg, Russia

T. HOBBS'S PHILOSOPHICAL HERITAGE AND CONTEMPORARY LIBERAL THEORIES OF SOCIAL CONTRACT

The article examines the evolution of elements of social contract theory of T. Hobbes in political philosophy of contemporary liberal theories of J. Rawls,

R. Nozick and D. Gauthier. The author states that modern liberal theories of social contract use many significant elements from Hobbes's contractual theory of state but viewed them through the prism of Kantian practical reason theory, and the transcendental philosophy of Immanuel Kant itself is a theoretical reservoir of redefining the Hobbesian anthropology by contemporary liberal theorists in terms of Kantian moral constructivism. Such view on theory of social contract reduces these liberal theories to the certain modus of argumentation in which the thinking subject in idealized situation makes a moral choice about future state institutions based on the principles of liberal philosophy which state the justification of each state interference in the life of citizens.

Key words: *Thomas Hobbes, political liberalism, social contract theory, theory of justice of D. Rawls.*

В современной политической философии существует целый ряд авторов договорных концепций государства в русле аналитической философии, открыто принимающих на себя либеральное клише. Основопологающей предпосылкой современных договорных теорий является методологический индивидуализм, что, так или иначе, соотносится с ранними классическими концепциями Гоббса и Локка.

Как отмечает Петтит, современные контрактарианцы используют концепт договора как инструмент обоснования идеальной формы государства: независимо будет ли это, например, минимальное государство, ограниченное с целью обоснования и защиты естественных прав, или государства, ответственного за благосостояния своих граждан [10. Р. 5]. При этом важно, подчеркнуть, что либеральные концепции особенно склонны к актуализации проблем философии свободы и естественных прав. Скиннер видит в этом заметное влияние философии Гоббса, которого он, вслед за Харрингтоном называет «готическим теоретиком»: «Если мы, например, посмотрим на таких ведущих современных теоретиков как Джон Ролз и Роберт Нозик и их последователей, то мы встретим осознанную попытку возрождения и расширения готического видения политики. Видение, согласно которому свобода это естественное право, антоним свободы – это принуждение, и максимизация свободы рассматривается как главная (если не единственная) обязанность просветленных государств» [11. Р. 161]. Следовательно, возникает определенная проблема этической каузальности: можно ли обосновать нормативный порядок, основываясь на субъектно-центрированном обосновании естественных прав и политических институтов?

Ролз выстраивает конструкцию исходного положения, как искусственно созданную ситуацию принятия нравственных решений рациональными субъектами, подвергнутыми ограничениями, способствующие осуществлению беспристрастного выбора институтов [7. С. 122]. В этом положе-

нии субъект не является атомарно отделенным от остальных, а наоборот автоматически вовлекается в процесс употребление разума для выработки принципов справедливости, что в итоге приведет к «перекрывающему консенсусу» [2. С. 24-30] по основным политическим вопросам. При этом субъект выносит суждение по вопросу выбора политических институтов общества, зная о том, что его мнение, как и мнение остальных людей могут не совпадать ввиду разности личных интересов. «Следовательно, гражданин должен решить, какая конституционная организация общества будет справедливой для примирения конфликтующих мнений по поводу справедливости» [4. С. 177]. Таким образом, субъект в теории Ролза является рациональным индивидом, на которого в исходном положении налагаются ограничения, которые, с одной стороны, лишают его эмпирического знания о своем собственном положении в обществе, а с другой, активизируют весь его «чистый» потенциал вынесения моральных суждений. Следовательно, каждое лицо будет предполагать только общие принципы, которые в значительной степени будут наполняться смыслом в ходе их конкретного применения в отдельных случаях, специфические обстоятельства которых остаются неизвестными» [5. С. 41]. Таким образом, теория Ролза, по сути, обнажает кантианский практический разум свободных индивидов, лишенный эмпирических данных, для принятия решения о справедливости государственных институтов. При этом абсолютная изоляция чистого субъекта, осуществляющего нравственный выбор, приводит Ролза к определенному виду этического социального солипсизма, позволяя заменить гоббсианскую метафору «войны всех против всех» вуалью неведения.

Нозик в свою очередь пересматривает идеи Ролза с позиции естественного состояния по Локку, делая оговорку, что он сосредотачивается только «на безгосударственной ситуации, в которой люди в целом соблюдают моральные ограничения и ведут себя так, как должно» [3. С. 23], то есть без нарушения естественных прав. Нозик описывает становление протогосударственных защитных организаций с целью создания общезначимых норм, регулирующих защиту человека и его собственности. Государство же появляется только тогда, когда оно начинает обеспечивать защиту всех на определенной территории независимо от того, заключили ли они договор с первоначальным защитным агентством или нет. Особое значение для Нозика является то, что приобретение собственности регулируется отдельным принципом – правом на труд и результаты своего труда, что приближает его к Локку. Однако сам смысл государства у Нозика редуцируется к тем инструментальным целям, ради которых оно было создано. «Любое государство, которое больше минимального, нарушает права людей» [3. С. 193] – подытоживает Нозик. Можно согласиться с Чалым, что он «пытается показать, что основные положения классического либерализма можно восстановить и на деонтологическом этическом основании, истолковав в его тер-

минах теорию естественного права» [6. С. 47]. Поэтому для Ролза и Нозика имеет особенную важность философия Канта. При этом Нозик имплицитно ставит под вопрос необходимость государства как такового, что возвращает ключевой вопрос его политической философии частично к Гоббсу, так как Нозик проводит сравнение государственного состояния и анархии, то есть естественного состояния. Однако в отличие от Гоббса, Нозик заимствует антропологическую позицию Локка, признавая, что в естественном состоянии у людей все же имеются изначальные моральные сентенции. Тем не менее, Нозик также как и Ролз находит собственную замену гоббсианской метафоры «войны всех против всех» в виде мира конкуренции между охраняемыми предприятиями в условиях отсутствия насилия.

Одним из ключевых философов, также подвергших пересмотр идей Д. Ролза является Д. Готье. Ключевым вопросом для него является вопрос о природе рациональности моральных ограничений. Он отмечает, что хочет показать практическую роль разума, связанную с индивидуальным интересом, но превосходящую его так, что принципы действия, предписывающие превосходство обязанностей, могут быть рационально обоснованы [8. Р. 2]. Иными словами, как отмечает К. Вестфаль, «согласно теории общественного договора Готье, социальные институты и практики оправданы только контрафактическими, гипотетическими соглашениями между независимыми друг от друга акторами, которые рационально оценивают условия своего взаимодействия, и одобряют и принимают соглашения только тогда, когда считают их для себя имеющим смысл» [1. С. 244]. Иначе говоря, Готье делает еще один шаг ближе к индивидуализму, в отличие от Ролза и Нозика: теперь принятие моральных норм зависит от эгоистической выгоды конкретных индивидов, что больше приближает его к философии Гоббса.

Мораль в данном случае выводится как рациональное ограничение не основанных на морали предпосылок рационального выбора. Готье продолжает, «мы утверждаем, что в определенных ситуациях, связанных с взаимодействием с другими, индивид поступает рационально только в той мере, в которой он противоречит преследованию своих собственных интересов или стремлению соблюдать принципы, выражающие беспристрастность, характерную для морали» [8. Р. 4]. При этом, Готье также, как и Ролз, предлагает представить моральный выбор, как сделку или соглашение между лицами, которые не знают своей личности. Но Готье в отличие от Ролза стремится показать почему именно индивид, исходя из не моральных предпосылок, принял разумные моральные ограничения. Готье предлагает примирение теории общественного договора с возможностями формирования конкретных жизненных проектов и удовлетворения конкретных интересов индивидов [9. Р. 132]. Это позволяет Готье не отстранять от индивидов их социальный контекст. Но существенным ограничением является то, что сторонами переговоров могут быть только индивиды, готовые и имеющие воз-

возможность к равному сотрудничеству. При этом Готье делает очень важную оговорку: индивиды не могут максимизировать собственную выгоду посредством ухудшения положения других сторон договора.

Таким образом, все три рассмотренные теории Д. Ролза, Р. Нозика и Д. Готье продолжают в той или иной степени в традиции кантианского конструктивизма, с возведением теоретических конструкций догосударственного и государственного состояния, а также разработкой морального инструментария для индивида по вопросу о принятии ограничений и выработке мнения о справедливости тех или иных институтов. В связи с этим, можно заключить, что эти теории имплицитно приходят к нормативно-оценочному солипсизму, который ограничивает рассмотрение проблемы соотношения власти и свободы, сводя последнюю к базовой предпосылке морального обоснования справедливых институтов за счет редуцирования гражданских обязанностей к субъективным правам. Как отмечает Хабермас: «будучи носителями субъективных прав, «граждане пользуются защитой государства, пока преследуют свои частные интересы в границах, очерченных законом, и защитой от государственного вмешательства, когда оно превышает оговоренную законом меру» [7. С. 383]. Поэтому Ролз будет мыслить концепцию свободы как отсутствие от внешнего вмешательства.

Аргументация этих теоретиков остается в той или иной степени кантианской, используя ее, чтобы продолжить линию Гоббса по вопросу понимания концепции свободы. При этом Ролз, Нозик и Готье повторяют общую линию аргументации Гоббса, заключающаяся в поиске морального обоснования выбора политических институтов посредством апелляции к догосударственному состоянию общества с помощью метафоры, вводящей определенные моральные и когнитивные ограничения выбора политических институтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Вестфаль К.* Моральный конструктивизм, теория общественного договора и основные обязанности: Кант против Готье // Историко-философский ежегодник. 2016.
2. *Макаренко В.П.* Аналитическая политическая философия // Очерки политической концептологии. М.: Праксис, 2002.
3. *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008.
4. *Ролз Д.* Теория справедливости. Новосибирск: Издательство Новосибирского Университета, 1995.
5. *Ролз Дж.* Справедливость как честность // Логос. 2006. Т. 52. № 1.
6. *Чальй В.А.* Философские идеи Канта в политической теории Нозика // Кантовский сборник. 2014. № 2.
7. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого // Очерки политической теории. М.: Наука, 2008.

8. *Gauthier D.* *Morals by Agreement.* Oxford: Clarendon Press, 1986.
9. *Gauthier D.* *Political Contractarianism* // *Journal of Political Philosophy.* 1997. № 5 (2).
10. *Pettit P.* *An Overview / Contemporary Political Theory.* Edited by Philip Pettit. NY.: Macmillan Publishing Company, 1991.
11. *Skinner Q.* *Visions of Politics. Renaissance Virtues.* Cambridge: Cambridge University Press, 2004. Vol. 2.

DOI 10.35775/PSI.2021.67.2.013

УДК 316.334

Н.Н. РАВОЧКИН

кандидат философских наук,

*доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин
Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии;*

*доцент кафедры истории, философии и социальных наук
Кузбасского государственного технического университета
имени Т.Ф. Горбачева, Россия, г. Кемерово*

ВЛАСТНЫЕ ПРАКТИКИ В СТРАНАХ МИРОВОЙ ПЕРИФЕРИИ

В современном мире социальный успех и эволюционные траектории развития государств больше несмотря на активность новых акторов до сих пор напрямую зависят от оптимального моделирования властных практик, имеющих институциональные основания. В странах мировой периферии, лишь недавно полностью включившихся в современную систему международных отношений все еще можно зафиксировать разнообразные элементы, анализ которых позволяет понять, почему целые (макро)регионы отстают от остального мира. В статье, продолжающей серию работ автора по изучению институциональных порядков стран полупериферии, на примере Африки рассматриваются особенности современных властных практик. Рассмотрены исторические аспекты обособления региона как социосферы. Показаны примеры, в соответствии с которыми установлена несамобытная природа властных институтов (импорт), а также механизмы трансферта власти.

Ключевые слова: *власть, политико-правовые институты, периферия, международные отношения, государство, Африка, культура, религия.*

N.N. RAVOCHKIN
*PhD in Philosophy, Associate Professor of the
Department of Humanitarian and Legal Disciplines
Kuzbass State Agricultural Academy; Associate Professor at the
Department of History, Philosophy and Social Sciences
Kuzbass State Technical University
named after T.F. Gorbachev,
Kemerovo, Russia*

WORLD PERIPHERALS AUTHORITIES PRACTICES

In the modern world, social success and evolutionary trajectories of development of states, despite the activity of new actors, still directly depend on the optimal modeling of power practices that have institutional foundations. In the countries of the world periphery, which have only recently fully integrated into the modern system of international relations, it is still possible to record various elements, the analysis of which allows us to understand why entire (macro) regions lag behind the rest of the world. The article, continuing the author's series of works on the study of the institutional orders of semi-peripheral countries, examines the features of modern power practices using the example of Africa. The historical aspects of the isolation of the region as a sociosphere are considered. The examples are shown, according to which the non-original nature of power institutions (import) has been established, as well as the mechanisms of power transfer:

Key words: *power, political and legal institutions, periphery, international relations, state, Africa, culture, religion.*

Политические и, говоря шире – властные, практики в различных регионах мира имеют специфику хотя бы по той причине, что на их реализацию влияет большое количество оснований, к которым можно отнести исторические, культурные, экономические, социальные и даже религиозные причины. Европейские политические и властные практики свою природу имеют в развитии социальных связей и отношений, что способствует укреплению их демократизации, основанной на диалоговой природе общественно-политических отношений. Иной представляется природа и проявление властных практик на африканском континенте.

Природные, культурно-этнические, религиозные факторы, самобытность этногенеза народов, проживающих в странах Африки, исторические судьбы народов африканского континента сформировали специфику властных практик, реализуемых на Черном континенте. С определенными оговорками можно утверждать, что социосфера в регионе несовершенна,

что влияет на формы политических практик и способов взаимодействия как на внутренней политической арене, так и в процессе взаимодействия с государствами всего мира.

Властные практики на Африканском континенте ощущают на себе огромное влияние различных социальных особенностей региона. Так, одним из существенных оказывается религиозный фактор. Можно говорить о ряде взаимодополняющих элементов религиозного фактора властных практик. Так, некоторые исследователи утверждают, что подавляющее большинство жителей Африки относят себя к авраамическим религиям, в частности – к христианству (40% от населения региона) и исламу (45% от населения региона), однако первобытные формы религий, такие как анимизм, тотемизм, магия и так далее, все же остаются в сознании людей в качестве значительного и важного элемента общественной культуры. Ранние формы религии часто определяют принципы взаимодействия между людьми, в том числе и в рамках властных отношений и практик. Тот факт, что многие жители континента относят себя к христианству и исламу не означает, что они отреклись от местных верований [8. С. 36].

Кроме того, высокую роль во властных практиках сыграли христианство и ислам. Некоторые ученые показывают, что еще в XIX веке на территории африканского континента религиозные воззрения были напрямую связаны с политическим объединением целых государств. Так, «государственный и религиозный исламский деятель Осман дан Фодиосоздал Халифат Сокото и подчинил себе большую часть современной северной Нигерии» [6. С. 103]. Таким образом, ислам, прочно закрепившийся на территориях африканского континента, открыл для колонизаторов возможности для инструментального использования религии в качестве одной из манипулятивных технологий, которая позволила усилить политическое влияние на данный (макро)регион. Более того, религиозный фактор стал едва ли не определяющим в процессе взаимодействия по двум направлениям: (1) в процессе взаимодействия между колонизаторами и коренным населением; (2) в рамках взаимодействия между мусульманским и христианским населением страны, а также политическими партиями, представляющих их интересы на внутривластной арене.

В рамках понимания первого направления может говорить о том, что метрополии с помощью религиозного фактора ослабляли политическую самостоятельность стран африканского континента как своих колоний. По этой причине политические в целом и властные в частности практики стран Черного континента оказываются европоориентированными. В значительной степени такие властные практики представляли собой результат заимствования или копирования европейского политического опыта, адаптированного к актуальным социальным, этническим, политическим процессам. Второе направление реализации религиозного фактора повлекло за собой форми-

рование политических институтов, таких как политические партии, лидеры и иные институты, которые реализовывали интересы соответствующих групп верующих. С середины XX века в странах Африки на политической арене можно обнаружить довольно жесткое противостояние между сторонниками христианского и мусульманского мира. Так, к примеру, северная часть Нигерии была преимущественно исламской, а юго-западная – христианской, в результате чего мусульмане юга и запада страны обращались к собратьям по вере из северной части страны для оказания политического содействия и борьбы с дискриминацией со стороны христианской части населения.

В результате религиозных столкновений и противоборства формируются различные политические партии, среди которых можно выделить этнорегиональную партию Группа Действия, Северный Народный Конгресс и ряд других. Постоянные столкновения политических партий, основанных на религиозной вере, не способствовали, с нашей точки зрения, стабилизации политической ситуации в стране и в определенных случаях приводили к ослаблению властных практик всех политических институтов стран Африки [7. С. 14-20]. Можно утверждать, что религиозная разобщенность и затруднения в поиске решений общенациональных, общегосударственных проблем и вопросов приводило к ослаблению политического положения стран Африканского континента.

Кроме того, существует иное негативное влияние религиозного фактора на политические процессы и властные практики в странах Африки. Выход ислама на политическую арену государств континента привело к официальному принятию части шариата в качестве законодательной и судебноправовой базы функционирования общества. Законы шариата принимались как на уровне административно-территориальных единиц, так и в общегосударственном масштабе [10. С. 136-142]. На практическом уровне проблема состоит в том, что процесс перевода законов шариата в юридическую плоскость и создание национальных правовых систем способна вызвать целый ряд трудностей. В частности, важно отметить, что правительства государств поистине испытывают колоссальный прессинг со стороны, например, различных групп адептов политического ислама. Как правило, эти объединения имеют цель возвести религиозные предписания в статус правовых норм, которые бы стали обязательными абсолютно для всех граждан государства. Проблемным становится не только политическое взаимодействие общества и государства, то есть практическая реализация властных полномочий органов государственной власти в странах северной Африки. Сложности возникают в формах социального взаимодействия между представителями различных конфессий, а также атеистов. Это приводит к повышению социальной напряженности в стране, а также поиску политических компромиссов для разрешения различного рода конфессиональных, социальных и прочих конфликтов.

Однако в начале XXI века законы шариата все более проникают во властные практики африканских государств. Так, в рамках судебной власти увеличивается число шариатских судов. При этом светские государственные судебные органы продолжают существовать, тем не менее, граждане государств Африки все больше предпочитают обращаться в шариатские суды, поскольку полагают, что растущая преступность, коррупция и падение нравственности могут быть искоренены с помощью суровых наказаний, которые предусмотрены исламскими законами.

Таким образом, можно сказать, что происходит интеллектуальное преобразование социосферы африканского общества, основанное на религиозных принципах ислама. Однако, такое преобразование приводит к тому, что возникают политические изменения, которые связываются некоторыми исследователями с тем, что формируются различные формы противостояния между верующими. Отражение противостояния христиан и мусульман реализуется в осознании необходимости преобразования конституционных принципов построения государственности стран Африки. На политической арене это приводит к тому, что общество не находит общих оснований для корректного бесконфликтного существования различных своих частей, в результате структура законодательных, исполнительных и судебных институтов разобщается, приводится к конфронтации. Развиваются внутренние противоречия, способные деморализовать внутреннюю политику и не позволить исполнения властных практик в мирном русле.

Таким образом, властные практики в странах периферии, к которой можно, безусловно, отнести Африканский континент, основываются не на верховенстве политических и государственных институтов, а на приоритете религиозных оснований. Это говорит о несовершенстве социосферы африканских властных отношений и практик, что не дает в полной мере реализовать основные принципы и положения политических и властных практик. Последние оказываются порой неэффективными при решении внутренних и внешних вызовов и проблем.

Функционирование властных институтов достаточно несовершенно по ряду других причин. Так, в качестве очень важной можно считать наличие больших залежей полезных ископаемых и минералов на территории стран африканского континента. Суть данной причины заключается в том, что в процессе и сразу после признания на генассамблее ООН независимости стран Африки бывшие метрополии стремились сохранять за собой влияние на страны – бывшие колонии ради возможности добывать и использовать природные ресурсы африканских государств [2. С. 22-38]. С одной стороны, европейские государства инвестируют в страны Африки довольно внушительные ресурсы для развития инфраструктуры, с другой – реализуют экономическое давление для продвижения собственных интересов в регионе.

Кроме того, сами африканские государства проводят весьма невнятную экономическую политику. В регионе издавна существует и реализуется си-

стема традиционных отношений, реализуемых в политической и экономической сфере. Государство длительное время участвовало в экономической жизни общества. Как показывают некоторые ученые, изучающие различные процессы в Африке, стремительная либерализация африканского общества в самых разных государствах, а также отказ от участия государства в экономической деятельности и жизни общества далеко не всегда оборачивается позитивными результатами [4. С. 80-87]. В докладе, который был подготовлен Всемирным банком, отмечается ограничения узколобого рыночного перехода, а также необходимость существования сильного государства в экономике.

Мы видим, что особенность властных практик в Африканских государствах заключается в том, что политические институты не получили достаточного опыта самостоятельного регулирования всеми процессами, протекающими в обществе. Так, в экономической сфере, по данным того же Всемирного банка, существует огромное число жителей Африки из числа местного населения, кто получает менее одного доллара в день, что отражается на уровне жизни и возможности удовлетворения хотя бы минимальных потребностей человека. Политические институты в африканских странах зачастую заимствуют модели деятельности из опыта других, в частности – европейских стран и стремятся адаптировать полученный опыт в существующих социально-политических условиях. Именно это происходит в экономической сфере, когда был реализован переход от системы не капиталистических отношений к рыночным, однако сделано было это некорректно, без учета специфики местного менталитета. В результате деятельность властных структур не позволяет реализовывать большие экономические проекты. Как показывает Н.Д. Косухин, власти африканских государств должны участвовать в крупных проектах, таких, как, развитие инфраструктуры экономической, социальной, политической и прочих сфер африканского общества. Причиной необходимости участия государства в развитии инфраструктуры является высокая затратность проектов по ее развитию, невозможность мгновенной окупаемости, а также отсутствие интереса со стороны частных инвесторов.

Точно такая же ситуация существует и в сферах образования и здравоохранения. Таким образом, можно сказать, что государство в странах Африканского континента практически не инвестирует в перспективные направления своего существования, не реализует проекты по улучшению благосостояния своих граждан. По этой же причине не увеличивается производительность труда, а также конкурентность предприятий на мировом рынке. Описанное положение дел, с нашей точки зрения, представляет собой выражение традиционного понимания властных практик в форме незаинтересованность политических и властных элит государств Африки в развитии собственного социального, экономического и прочего простран-

ства, что делает социосферу африканского культурно-социально-властного пространства малоэффективным и в некотором роде даже неэффективным и бесперспективным.

Не менее важным фактором традиционно ориентированных форм реализации властных практик становится этнический вопрос. В качестве причин формирования проблемы межэтнических конфликтов можно считать два факта. Один из них состоит в том, что на территории Африки существует огромное количество наций, народностей и этносов со своими традициями и интересами. Другой базируется на формировании государственных границ африканских стран. Дело в том, что искусственно созданные границы африканских государств порождали огромное количество разнообразных, в том числе этнических конфликтов [11. Р. 305-341], что мягко говоря, не способствовало развитию стабильности и укреплению государственности в регионе. Более того, политические и властные институты стремились выражать интересы определенных этнических групп, что усугубляло раздробленность не только на уровне этническом и общесоциальном, но также и на уровне политическом. Таким образом, имеет смысл говорить о том, что властные практики в ряде государств имеют не просто этнически ориентированный, но также традиционалистский характер. Властные субъекты в форме политических институтов выражают интересы отдельных групп, порой противоречащих друг другу, что порой приводит к открытой конфронтации между социальными и этническими группами.

Традиционалистский характер этнически ориентированных властных практик состоит также в том, что властные институты ориентируются в значительной степени:

(1) на этнические предрассудки и стереотипы мышления местного населения. Речь идет о том, что в массовом сознании этносов, проживающих в конкретном африканском государстве, распространены этнические предрассудки и предубеждения, на которые властные структуры ориентироваться в процессе реализации властных практики, а также могут манипулировать для достижения поставленных ими целей;

(2) на сохранение традиционных структур, в первую очередь – этнической стратификации. Положение этноса и каждого его члена в обществе позволяет определить понимание места человека в мире и сформировать картину его мировосприятия и мироощущения [3. С. 100-108]. Изменение социальной стратификации влечет за собой ломку мировоззрения и, как следствие, способно привести к социальным преобразованиям, в том числе к резким социальным трансформациям. Ориентация на традиционные ценности и ориентиры дает возможность членам этнической группы сохранять себя в течение длительного промежутка времени.

Использование этнического ресурса в политических и властных целях приводит к возможности применения традиционной схемы мышления де-

ления мира на «мы» и «они», которая реализуется не по принципу государственности, а на основании этничности. В глобально-государственном масштабе не происходит миксации этнических групп, в результате чего происходит обострение этнических конфликтов как в отдельных государствах Африки, так и на межгосударственном уровне.

В качестве причин последних некоторые исследователи, в частности В. Микаэль Ныгуссие Кассае и В.Е. Сауляк выделяют:

(1) ограниченность доступа к ресурсам, в том числе к властным, а также постоянно возникающие требования их перераспределить [5. С. 48-58]. Проблемным представляется тот факт, что на территории северных африканских государств расположено меньше ресурсов, чем в других государствах, более того, распределение таких ресурсов на территории одной страны далеко не всегда равномерно. Это приводит к постоянным раздорам между этносами. Властные практики актуальных политических режимов в каждом отдельном государстве должно учитывать актуальную этническую и ресурсную ситуацию для проведения эффективных политических практик;

(2) существующие и нарастающие тенденции по возрождению этнических традиций, языка, культуры, конфессий и так далее;

(3) этно-демографическая ситуация в регионе. Проблемным остается соотношение высокой рождаемости и высокой смертности в различных этносах. В зависимости от двух этих факторов появляются столкновения интересов различных этнических образований и их претензии на ресурсы, в том числе территориальные;

(4) внешний фактор – политическое влияния на другие государства [5. С. 48-58].

Все представленные факторы приводят к значительным затруднениям в процессе формирования и практической реализации модернистских политических и властных практик и к ориентации на традиционные формы политических взаимодействий. На основании представленных причин экономического, социально-политического, культурного, этнического толка в странах Африки формируется определенная политическая культура, основанная на традиционных формах взаимодействия между субъектами власти – участниками политического процесса, источниками властных полномочий, субъектами властных отношений, и объектами власти и властных отношений. Отметим, что культура и традиции в африканских политических формах взаимодействия преобладают над собственно властными типами взаимодействия.

Можно говорить о том, что преобладающие республиканские формы правления являются скорее результатом насаждения со стороны метрополий, нежели итогом многовековой выработки политической культуры целого континента. Свидетельством тому ученые считают постоянные военные столкновения, крайне частые свержения и смены власти, крайне накален-

ные политические отношения, основанные на стремлении этнических и религиозных групп к получению властных ресурсов.

Достижение государствами независимости не принесла решения проблем распределения (порой скудных) ресурсов, этнического распределения труда, преодоления разрыва между экономически разнородными районами региона [9]. Однако обретение независимости государствами сформировало иную проблему: с одной стороны, традиционалистская модель воспроизводства власти отчасти утратила легитимность, а с другой – рациональные и легальные способы ее функционирования еще не приняты, не усвоены интеллектуально. Такое положение дел приводит к внутренним противоречиям, к раздорам этнического и религиозного основания [1. С. 103-116].

Каждая из политических сил стремится традиционалистскими методами обосновать демократичность и легальность собственной власти и реализовать соответствующими методами законность собственных властных практик. По этой причине, как показывают А.Г. Гуляева и В.П. Панов, не существует четкого понимания, как должна передаваться власть в африканских государствах. Местные главы государств воспринимаются в традиционном смысле как традиционные правители и в современном смысле как «отцы нации», которые включают в себе образ идеального правителя.

Таким образом, властные структуры формируются как гремучая смесь между демократией, военной деспотией и олигархатом, что в подавляющем большинстве случаев трансформируется в форму авторитарного общества, использующего в себе традиционалистские и рационально-юридическое механизмы реализации властных практик. Смена власти может осуществляться разными путями, среди которых есть и демократический, в ходе которого к власти приходит оппозиция путем победы на конкурентных выборах, революционный, в ходе которого контр-элита приходит к власти путем государственного переворота, а также через преемничество.

Последний, третий, путь в некоторых странах появились весьма интересным образом. Известная политизация этнического вопроса в африканских государствах привела к формированию политических сил, выражающих интересы конкретного этноса. Решением проблемы столкновений этнических интересов на политическом уровне становится деление страны (к примеру – Эфиопии) на административно-территориальные структурные элементы, которые позволяют на текущий момент снять общественно-политическое напряжение с общества и определить территорию, в которой будет проживать титульный этнос по своим традициям и принципам. Такое решение позволяет, с одной стороны, сохранить традиционность общественных отношений, а с другой, – реализовать демократические принципы функционирования общества и государства. Как следствие, форма преемничества в рамках властных практик позволяет объединять между собой традиционалистские и демократические формы взаимодействия.

В целом же мы видим, что властные практики в странах Африки имеют глубокие культурные, традиционные истоки, на которые были наложены, порой силком, демократические формы общественных отношений. Такие наложения не позволяют в настоящий момент формировать и претворять в жизнь современные актуальные, эффективные и признанные мировым сообществом пути и методы реализации властных отношений.

На процесс реализации властных практик в странах Африканского континента влияют внешнеполитический, исторический, этнический, религиозный, экономический, а также ресурсный вопросы. Именно эта группа вопросов (затруднений) привела к уникальным методам политического взаимодействия и реализации властных отношений и практик.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Гуляева А.Г., Панов В.П.* Преемничество как практика воспроизводства власти в «Черной Африке» // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. № 3 (19).

2. *Кассае Ныгусие В.М., Ивкина Н.В.* Особенности политического развития Африки в постколониальный период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1.

3. *Косухин Н.Д.* Африка политизация этничности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2006. № 1 (6).

4. *Косухин Н.Д.* Политическая власть и политический процесс в Африке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2001. № 3.

5. *Косухин Н.Д.* Этнополитические конфликты в Африке: истоки и типология. Часть 1 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2011. № 1.

6. *Курнаков А.В.* Роль религии в политической жизни Нигерии // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410.

7. *Мирзеханов В.С.* Религия, политика и поиск идентичности в постколониальном обществе (на материалах черной Африки) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2 (32).

8. *Ныгусие Кассае В.М., Сауляк В.Е.* Этническая сегментация африканского общества в начале XXI века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. № 1.

9. Политические культуры стран Африки // https://studme.org/159707/politologiya/politicheskie_kultury_stran_afriki.

10. *Саватеев А.Д.* Африка: исламский фактор во властных отношениях // Россия и мусульманский мир. 2010. № 4.

11. *Berman B.J.* Ethnicity, Patronage and the African State: The Politics of Uncivil Nationalism // African Affairs. 2018. Vol. 97.

DOI 10.35775/PSI.2021.67.2.014

УДК 32.323

В.В. ЗУБОВ

*кандидат исторических наук, доцент,
доцент Департамента политологии Финансового
университета при Правительстве РФ,
Россия, г. Москва*

М.Е. РОДИОНОВА

*PR & GR Директор Celebrium Labs,
кандидат социологических наук, доцент,
доцент Департамента политологии Финансового
университета при Правительстве РФ,
Россия, г. Москва*

А.А. ЕМЕЛИН

*младший PR & GR аналитик Celebrium Labs,
магистрант Финансового университета при
Правительстве РФ, Россия, г. Москва*

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К ВАКЦИНАЦИИ ОТ КОРОНАВИРУСА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья раскрывает краткий ход распространения коронавируса, начиная с Китая и до распространения по всему миру. Более детальный анализ представлен по зарегистрированным вакцинам, с акцентом на Россию, как первую страну, представившую зарегистрированную вакцину от коронавируса «Спутник V». Материал анализирует и сравнивает итоги исследований по готовности населения России к вакцинации, проведенные компанией Celebrium Labs и ВЦИОМ. При относительно схожих вопросах, получены практически одинаковые результаты, что подтверждает экономичность во временных и финансовых затратах, качество полученных данных при значительно меньшей выборке запатентованных технологий Celebrium-X международной аналитической компанией Селебриум Рус.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, вакцинация, инновационные технологии, Celebrium-X.

V.V. ZUBOV

*Candidate of Sciences (history),
Associate Professor at the Department of politology,
University of Finance of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

M.E. RODIONOVA

*PR & GR Director at Celebrium Labs,
Candidate of Sciences (sociology), Associate
Professor at the Department of politology, University
of Finance of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

A.A. YEMELIN

*junior PR & GR analyst at Celebrium Labs,
Master's Student at the Russian University of Finance,
Moscow, Russia*

POPULATION ATTITUDES TO CORONAVIRUS VACCINATION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF STUDIES

The article reveals a brief course of the spread of the coronavirus, from China to the spread around the world. A more detailed analysis is presented for registered vaccines, with a focus on Russia, as the first country to introduce Sputnik V, a registered vaccine for coronavirus. The material analyzes and compares the results of studies on the readiness of the Russian population for vaccination conducted by Celebrium Labs and VTsIOM. With relatively similar questions, almost identical results were obtained, which confirms the economy in time and financial costs and the quality of the data obtained with a significantly smaller sample of the patented technologies Celebrium-X by the international analytical company Celebrium Rus.

Key words: *COVID-19, pandemic, vaccination, innovative technologies, Celebrium-X.*

Коронавирус стал одной из ключевых проблем XXI века. Началось все в Китае в конце 2019 года, когда Всемирная организация здравоохранения получила уведомление о новом типе вируса в городе Ухань. Спустя пару недель, 9 января 2020 года, была зарегистрирована первая смерть от коронавируса, а спустя еще 4 дня заболевание вышло за пределы Китая. В конце января 2020 года в Китае впервые были приняты меры по ограничению передвижения населения – закрылась вся провинция Хубэй. Тогда же на фоне

новостей о распространении вируса цены на нефть начали снижаться (они опустились ниже \$60 за баррель), а глава российского правительства Михаил Мишустин создал оперативный штаб для контроля за эпидемиологической ситуацией в стране. Тогда же были закрыты первые границы – российско-китайская граница на Дальнем Востоке – и прекращено любое сообщение между странами. 30 января 2020 года ВОЗ признала распространение коронавируса чрезвычайной ситуацией, а 31 января в России был зарегистрирован первый зараженный. В Европу вирус пришел через Великобританию, но очагом стала Италия. Начавшееся было в мае 2020 года смягчение карантинных мер в странах Европейского Союза привело к усугублению обстановки в условиях отсутствия вакцины [4. С. 2985-2990]. Первой, кто зарегистрировал вакцину от коронавируса, стала именно Россия, представив в августе 2020 года «Спутник V».

Страны оказались не готовы к тому, что вирус будет распространяться столь стремительно (за год более 150 миллионов зараженных). Следствием этого стало беспрецедентное закрытие границ и сообщения между государствами, а также отмена или перенос мероприятий, где должно было скапливаться большое количество людей (как, например, Чемпионат Европы по футболу 2020 года или Олимпиада в Токио) [3. С. 142-146].

В этой связи многие правительства обеспокоились созданием вакцины и прививки от вируса. Разработки велись в США, Германии, Великобритании, Франции, в «виновнике» пандемии Китае. Россия не стала исключением и одной из первых предложила свой препарат «Спутник V» различным странам, включая Европейский Союз.

Как видно из таблицы 1, разные страны предлагают свои варианты вакцины, и местами даже по несколько видов (это практически все представленные государства, кроме ФРГ и Великобритании). На момент написания статьи не все из них прошли третью фазу клинических испытаний, а те, которые прошли и поступили в массовое производство, показывают разные цифры по показателям эффективности и смертности. При этом важно отметить, что не все разработчики предоставляли данные о смертности. И если с препаратом Sanofi и Glaxo понятная история – компании объявили о прекращении разработок, то, например, разработавший «КовиВак» Центр имени Чумакова отказался от предоставления данных о смертности в ходе испытаний.

В подобном контексте особенно актуальным становится отношение населения к вакцинации, их страхи перед прохождением процедуры или наоборот причины желая привиться. Многие социологические компании начали искать ответы.

ВЦИОМ проводил в декабре 2020 года исследование на тему отношения к вакцинации у россиян. Согласно их результатам, точно определились в вопросе делать/не делать вакцину от коронавируса 45% процентов. Так,

Сравнение вакцин против коронавируса

Страна	Название вакцины	Фаза испытаний	Эффективность	Смертность
Россия	Спутник V	3	92%	Менее 0,1% [6]
	ЭпиВакКорона	3	100% (по итогам второй фазы)	0% (по итогам второй фазы)
	КовиВак	3	90% (по итогам второй фазы)	н/д
Германия/США	Pfizer / BioNTech	3	95%	н/д
Великобритания	AstraZeneca	3	70% [7]	0% [7]
США	Novavax	3	90%	н/д
	Janssen Pharmaceuticals	3	66%	н/д
	Moderna	3	95%	0,02%
Франция	Valneva	3	н/д	н/д
	Sanofi / GSK	1	н/д	н/д
Китай	Sinovac	3	59%	0%
	CanSino Biologics	3	93%	0%
	CNBG	3	79%	0%

Составлено авторами на основании данных из средств массовой информации и научных и отраслевых изданий.

13% точно готовы привиться, а 32% не готовы это сделать. 55% респондентов не уверены в своем ответе, однако 25% скорее склоняются к ответу «сделаю», а 20% склоняются к ответу «не стану делать». 38% опрошенных в принципе готовы прививаться от коронавируса: 13% респондентов точно готовы сделать это, а 25% думают, что будут делать прививку. Вместе с этим 32% выражают полную неготовность делать прививку от коронавируса. Большую роль в этом вопросе играет возраст респондентов. Нежелание делать прививку от коронавируса становится выше, чем меньше возраст респондентов. Так 43% опрошенных в возрасте 18-24 года точно не станут делать прививку от коронавируса, в возрасте 25-34 года – 41% [1]. Среди причин нежелания прививаться респонденты центра назвали следующее:

**Сравнительная таблица проведенного исследования по COVID
двумя исследовательскими компаниями ВЦИОМ и СелебрумРус**

Критерий	ВЦИОМ	Селебрум-Рус
Методика	Традиционная (телефонный опрос)	Инновационная методика сопряженной идеомоторики с использованием приложения
Выборка	1600	50
Сроки	1 неделя	1-2 дня
Стимульные материалы	Вопросы с вариантами ответов	Изображения и утверждения
РЕЗУЛЬТАТЫ		
Осведомленность в целом	97%	100%
Осведомленность (возраст)	35-44 (56%), 45-59 (67%) и 60+ (66%)	100% по всем возрастным группам
Осведомленность (МЖ)	Столицы (68%), города-миллионники (57%) и города 500-950 тыс.чел (65%)	100% по всем городам свыше 1 миллиона человек населением
Склонность к вакцинации (сделают/сделали)	38%	53%
Несклонность к вакцинации (не сделают)	52%	47%
Склонность к вакцинации (возраст)	45-59 (45%) и 60+ (49%)	35+ (79%)
Несклонность к вакцинации (возраст)	18-24 (63%) и 25-34 (70%)	18-24 (50%) и 25-34 (71%)
Доверие российской вакцине	84%	44%
Соблюдение людьми мер профилактики Ковида	Нет информации	77%

новая вакцина плохо изучена/слишком быстро изобретена/не прошла все испытания/посмотрю, как будет работать – 23%; страшно – не доверяю – 16%, наличие противопоказаний – 13%, не за чем/не хочу – 11%, не верю в ее эффективность/не панацея – 9%, есть побочные эффекты, боюсь осложнений – 8%.

Фонд общественного мнения выпустил целую книгу о коронавирусе и отношении к нему у населения по различным индикаторам [5. С. 319]. В ноябре 2020 года Левада-центр провел исследование о страхах населения перед COVID-19 [2].

Компания Селебриум-Рус также провела исследование на тему отношения россиян к вакцине и вакцинации, но используя не традиционные методы, а собственную инновационную технологию, основанную на сопряженной идеомоторике, доступной в приложении компании Celebrium-X.

Платформа Celebrium-X позволяет анализировать непровольную микромоторику рук, используя обычный смартфон. Полученные данные отражают реакцию человека на представленную информацию на экране смартфона (текстовую, графическую, видео). Платформа Celebrium-X автоматически обрабатывает ответы респондентов и убирает влияние когнитивных искажений, что делает результаты максимально объективными и достоверными, а также – собирает данные, связанные с глубинным мозговым механизмом «Уверенность»: насколько респонденты уверены, выражая свое согласие или не согласие на вопросы и утверждения исследования. Все это делается максимально быстро в мобильном приложении «Celebrium-X» в смартфоне респондентов нашей панели.

За счет использования инновационной технологии Celebrium-Labs/Селебриум-Рус было опрошено 50 человек за срок в 2 дня. При проведении опроса вместе с текстовыми блоками были использованы фото- и видеоматериалы, которые доступны респондентам в специальном приложении Celebrium-X.

Селебриум-Рус проводил исследование с осведомленной аудиторией, вследствие чего респонденты в той или иной степени информированы об обстановке с коронавирусом в стране и мире, а также о том, что ведется вакцинация и наличии в России препаратов от COVID-19.

Селебриум-Рус за счет опросов более осведомленной аудитории дает достаточно четкий ответ на вопрос о склонности или несклонности людей к вакцинации. Исследование показывает средний уровень уверенности целевой аудитории в том, что респонденты сделают прививку, и он составляет 53%. Однако если смотреть на детализацию по половому признаку, то можно увидеть, что существует серьезный разрыв в ответах. Мужчины абсолютно уверены в необходимости вакцинации, демонстрируя 83% уверенности. Во многом это связано с тем, что представители «сильного» пола верят в эффективность прививок (83%) и не опасаются побочных эффектов

(67%). Обратная ситуация со «слабым» полом: с показателем в 43% уверенности женщины будут вакцинироваться. Основными причинами такого положения вещей является боязнь побочных эффектов (74% уверенности), следствием чего является неверие женщин в эффективность вакцинации (46% уверенности). В результате в гендерном разрезе мы наблюдаем, что мужчины уверенно (79%) будут рекомендовать вакцинироваться своим знакомым, а женщины – нет (42%).

Анализируя ответы респондентов в возрастном разрезе, мы наблюдаем, что уверены в том, что сделают прививку люди в возрасте от 35 лет (79%). Молодежь в возрасте 18-24 года находится в колеблющемся состоянии (50% уверенности), так как боится побочных эффектов (67%) и слабо верит в эффективность (50%). Самая скептически настроенная по отношению к вакцинации часть населения находится в возрасте 24-35 лет: они не верят в эффективность вакцины (55% уверенности), видят большое количество негативных последствий данного мероприятия (68% уверенности) и, как результат, не будут делать прививку сами (71%) и не будут рекомендовать это делать своему окружению (68%). Однако, тенденция носит вполне очевидный характер: с увеличением возраста респондентов увеличивается и уверенность в том, что они сделают прививку от коронавируса.

На этом моменте мы получаем вопрос: «Почему респонденты хотят сделать прививку? И почему для них это важно?» Давая ответы на эти вопросы, респонденты указали, что для них очень важна шаговая доступность пунктов вакцинации (80% уверенности) и положительные рекомендации представителей окружения, кто уже сделал прививку (70% уверенности). Особенно важно, чтобы процедура была бесплатной (84% уверенности). Кроме этого, респонденты хотели бы видеть вакцину российского производства (64%). В половом разрезе мы имеем единогласное согласие по обеим категориям, а вот по возрасту выделяется группа респондентов 25-34 года, так как для них не важна страна производства вакцины (47% за иностранную, 42% за отечественную).

Отдельный вопрос – доверие к вакцинам. В России разработано 3 препарата: «Спутник V», «ЭпиВакКорона» и «КовиВак». В среднем респонденты очень скептически настроены по отношению ко всем вакцинам: доверие к двум первым находится на одном уровне 50%, а «КовиВаку» люди не верят (36% доверия). Скорее всего, это связано с тем, что в основу «КовиВака» положен деактивированный вирус COVID-19, и неважно что он безвредный, важно, что это полный вирус.

Однако, уровень недоверия разнится по гендерным группам. Мужчины куда больше доверяют что «Спутнику V» (67%), что «ЭпиВакКороне» (62%), в то время как женская часть выборки не верит ни первой (45%), ни второй (46%). А «КовиВаку» не доверяет никто (42% мужчины и 34% женщины).

Отдельного внимания в данном аспекте требует распределение доверия к вакцинам по возрастным группам, поскольку у каждого препарата свои «поклонники». Некоторой стабильностью отличается «КовиВак», которой не верят ни в одной возрастной группе (33% у молодежи 18-24, 32% у людей среднего возраста 25-34 и 42% у людей старше 35 лет). «Спутнику V» больше доверяют респонденты до 25 и от 35 лет (58% и 53% соответственно), в то время как население в возрасте 25-34 доверяет вакцине на 42% (надо отметить, что это самый высокий уровень доверия среди всех вакцин). Связать можно такие показатели, что препарат был разработан одним из первых и показал весьма неплохие результаты по эффективности и безопасности [6]. У «ЭпиВакКороны» еще более интересная ситуация: ей не верят ни в среде молодежи 18-24 (46%), ни среди людей среднего возраста 25-34 (37%), но сильно доверяют среди людей старше 35 лет (66%). Подобные цифры происходят из того момента, что разработчиком вакцины является государственный центр «Вектор», что для населения, чей осознанный возраст выпал на времена СССР, где все было государственным, является маркером качества и надежности.

В данном контексте респонденты также дают ответ на вопрос «Остановит ли вакцинация эпидемию?». И с общей уверенностью 66% они отвечают «Да». При это все полагают, что высока вероятность повторно заразиться коронавирусом (67%). Единственная группа, которая не уверена в том, что с помощью вакцинации эпидемия будет остановлена – люди в возрасте 25-34 лет (они уверены в этом только на 47%). И при этом они обладают наибольшей уверенностью (79%), что после вакцинации они повторно заразятся. А люди за 35 лет, наоборот, меньше других уверены в повторном заболевании коронавирусом (55%).

Когда идет разговор о том, как человек принимает решение, то непосредственную роль в данном процессе играют «агенты влияния». В нашем случае речь идет об окружении, а конкретнее о том, как влияет присутствие сделавших прививки на желание индивида вакцинироваться. Наличие у респондентов родственников, сделавших прививку от коронавируса, позитивно влияет на их мнение о вакцине (люди с 59% уверенностью сделают прививку и на 71% порекомендуют пройти процедуру). Наличие у респондентов окружении знакомых, сделавших вакцину от коронавируса, влияет только на веру в эффективность (55%) вакцины и желание ее сделать (50%), но все равно остается в подвешенном состоянии. В случае, если респондента нет в окружении людей, сделавших прививку от коронавируса, то его мнение о вакцине будет негативным (44% уверенности в том, что сделают прививку и 40% уверенности в ее эффективности).

Следующий важный блок – соблюдение мер профилактики коронавируса. Все респонденты носят маску и перчатки в общественных местах (84% уверенности в ответе) и дезинфицируют руки более одного

раза в день (63%). Также они следят за рекомендациями врачей, чтобы обезопасить себя от COVID-19 (77%). Только респонденты сомневаются в том, что им удастся соблюдать социальную дистанцию (50% уверенности по группе). Остальные респондентов уверены в том, что они исправно исполняют данную рекомендацию (74% уверенности в ответах у лиц старше 25 лет). Никто из респондентов не контактирует с людьми, болеющими COVID-19. В данной ситуации вполне применимо выражение «Сам себе не поможешь – никто не поможет».

И коронавирус, конечно же, оказал сильное влияние на жизнь населения. Все респонденты, возрастной группы 35+ (48%), не согласны с тем, что эпидемия коронавируса закончится в этом году. Кризис из-за коронавирусной инфекции негативно повлиял на финансовое положение большинства респондентов (64%). Тем не менее, мужчины сомневаются (50% уверенности) в том, что финансовое положение их семьи существенно изменилось из-за эпидемии коронавируса. Только респонденты в возрасте 35+ согласны с тем, что после COVID-19 страна вернется к тому состоянию, которое было до эпидемии (58%).

На основании исследования были авторами приняты следующие выводы:

Респондентам важно, чтобы прививка от коронавируса была бесплатной и российского производства. При этом желательно, чтобы пункт, где можно привиться, находился в шаговой доступности от дома. Также респондентам важно, чтобы отзывы друзей/знакомых/родственников/членов семьи о вакцине от коронавируса были положительными.

Российская вакцина «КовиВак» вызывает недоверие у всех групп респондентов в силу того, что в ее основу положен мертвый, но все же полный вирус. Все респонденты согласны с тем, что существует риск повторного заражения коронавирусом после вакцинации. Все респонденты согласны с тем, что вакцинируются от коронавируса, тем не менее боятся возможности появления побочных эффектов после прививки. Москвичи не доверяют ни одной из существующих вакцин «российского производства» на данный момент. Наличие в окружении респондента родственников, сделавших прививку от коронавируса, позитивно влияет на восприятие вакцины. В случае, если у респондента нет в окружении людей, сделавших прививку от коронавируса, то его мнение о вакцине будет негативным.

Вне зависимости от пола/возраста/места жительства все респонденты носят маску и перчатки в общественных местах и дезинфицируют руки более одного раза в день. Также они следят за рекомендациями врачей, чтобы обезопасить себя от COVID-19. Только респонденты от 18 до 24 сомневаются в том, что им удастся соблюдать социальную дистанцию. Никто из респондентов не контактирует с людьми, болеющими COVID-19.

Респонденты не согласны с тем, что потеряли работу из-за коронавируса, а также с тем, что им приходится работать на нескольких работах, для того

чтобы им хватило денег на проживание в условиях пандемии. Однако респонденты соглашались с тем, что экономика страны будет долго восстанавливаться до прежнего уровня после завершения эпидемии коронавируса. Большинство респондентов, кроме возрастной группы 35+, не согласны с тем, что эпидемия коронавируса закончится в этом году. Респонденты 35+ согласны с тем, что после COVID-19 страна вернется к состоянию, которое было до коронавируса.

В качестве результирующего итога был разработан перечень рекомендаций для ответственных за проведение информационной кампании по вакцинации. Для увеличения числа привившихся, необходимо увеличить число пунктов вакцинации от коронавируса, необходимо повышать информированность граждан о вакцинах российского производства посредством проведения информационных кампаний о доступности каждой из вакцин, в рамках которых особое внимание уделять таким показателям, как эффективность и безопасность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Вакцинация: ключ на старт! // Всероссийский центр изучения общественного мнения // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vakcinacija-kluch-na-start>.

2. КОРОНАВИРУС: СТРАХИ И МЕРЫ // Левада-центр // <https://www.levada.ru/2020/11/02/koronavirus-strahi-i-mery/>.

3. *Осинин А.Д.* Адаптация национальной экономики к мировому экономическому кризису: банковский сектор РФ vs коронавирус // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 10 (3). DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-142-146.

4. *Родионова М.Е.* Экономические и социальные последствия пандемии в Европейском союзе (от Китая до Европы) // В сборнике: Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса / отв. редактор В.А. Мансуров. 2020.

5. Социология пандемии. Проект корона ФОМ / Рук. авт. колл. А.А. Ослон. М.: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021.

6. Safety and efficacy of an rAd26 and rAd5 vector-based heterologous prime-boost COVID-19 vaccine: an interim analysis of a randomised controlled phase 3 trial in Russia // *The Lancet* // [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(21\)00234-8/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(21)00234-8/fulltext).

7. Safety and efficacy of the ChAdOx1 nCoV-19 vaccine (AZD1222) against SARS-CoV-2: an interim analysis of four randomised controlled trials in Brazil, South Africa, and the UK // *The Lancet* // [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(20\)32661-1/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(20)32661-1/fulltext).

DOI 10.35775/PSI.2021.67.2.015

УДК 32.323

Н.А. ТЮКОВ

*кандидат исторических наук,
исполнительный директор Центра
общественно-политических проектов и коммуникаций;
доцент кафедры социально-политических
исследований и технологий Московского педагогического
государственного университета,
Россия, г. Москва*

Е.Р. НИКУЛИН

*студент факультета прикладной политологии
Института истории и политики Московского
Педагогического государственного университета,
Россия, г. Москва*

РОССИЙСКИЙ ПЕДАГОГ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ДИСКУРСИВНАЯ ПОВЕСТКА, ЦИФРОВАЯ АКТИВНОСТЬ И МЕХАНИЗМЫ КОММУНИКАЦИИ¹

В статье рассматриваются проблемы цифрового поведения российских педагогов в онлайн пространстве. На основе анализа дискурсивного поля, создаваемого или ретранслируемого контента определена сфера цифровых интересов педагогов, ценностные ориентации учителей. Проанализирован уровень вовлеченности в гражданские и политические онлайн практики, сетевая аудитория, потребляющая контент релевантной профессиональной группы.

Ключевые слова: *цифровое поведение, интернет-активность, дискурсивное поле, коммуникативное пространство, учителя, педагоги, политическая активность, гражданская активность.*

¹ Статья подготовлена в рамках совместного гранта РФФИ и АНО ЭИСИ № 20-011-31630 «Педагогическое сообщество: механизмы и мотивация участия социально значимой профессиональной группы в педагогических и гражданских процессах».

N.A. TYUKOV
*Candidate of Historical Sciences,
Executive Director Center for Socio-Political
Projects and Communications; Associate Professor
of the Department of Socio-Political Research and Technology
Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia*

E.R. NIKULIN
*Student of the Faculty of Applied Political Science
Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical
University, Moscow, Russia*

RUSSIAN TEACHER IN SOCIAL NETWORKS: DISCURSIVE AGENDA, DIGITAL ACTIVISM AND COMMUNICATION MECHANISMS

The article deals with the problems of digital behavior of Russian teachers in the online space. Based on the analysis of the discursive field, created or retransmitted content, the scope of digital interests of teachers, and the value orientations of teachers are determined. The level of involvement in civil and political online practices, the network audience consuming the content of the relevant professional group is analyzed.

Key words: *digital behavior, Internet activity, discursive field, communication space, teachers, educators, political activity, civic activity.*

Согласно данным федеральной статистики, на сегодняшний день в РФ насчитывается немногим менее 2,3 млн. работников общеобразовательных учреждений [11], что указывает на серьезный численный массив данной профессиональной группы в электоральных процессах, составляющей более 2% общей численности избирателей в нашей стране [20].

Педагоги как профессиональная группа активно вовлекаются в политические и гражданские процессы РФ. Традиционно из педагогического состава формируются низовые участковые избирательные комиссии, учителя становятся муниципальными депутатами. Данная профессиональная группа активно участвует в голосованиях различного уровня. Педагоги традиционно являются организаторами и участниками социально-значимых мероприятий. В тоже время в медийном поле РФ их представляют как главных «виновников» фальсификаций результатов [12] и «политического застоя» [24].

Учитывая факт недовольства данной профессиональной группы условиями труда, можно предположить, что педагогические кадры общеобразова-

тельных учреждений в скором времени могут дистанцироваться от традиционных политических акторов и конвенциональных методов политического участия [28].

С другой стороны, в рамках выполнения своих профессиональных обязанностей, педагоги по сути призваны сформировать будущего гражданина. При этом, в обществе существует серьезный запрос на воспитательную функцию учителей. По данным социологического опроса, проведенного ФОМ, 62% респондентов, высказались за то, чтобы у педагога, помимо образовательной функции, была ещё и воспитательная, т.е. общество готово расширить уровень влияния педагога на ценностный набор учащихся [28].

Опрос фиксирует сохранение высокого уровня авторитета учителя при формировании ценностных ориентаций, в том числе гражданских и политических. На вопрос: «Вспомните, пожалуйста, ваши школьные годы: был ли у вас учитель, который повлиял на ваши взгляды, убеждения, которого вы могли бы назвать «учителем жизни», или такого учителя не было?» 66% респондентов ответили утвердительно [25].

Для современного общества характерно наличие двух одновременно существующих информационно-коммуникационных пространств – онлайн и офлайн, при этом цифровая коммуникация активно влияет на политическую гражданскую и социокультурную адаптацию молодежи [2].

Исходя из этого, изучение цифрового поведения педагогов, определение уровня их гражданской и политической сетевой активности и степень и механизмы участия в социальных и политических процессах в сети, следует считать не менее важным направлением исследований. Для понимания направленности этого участия необходимо изучение контента, продуцируемого учителями в социальных сетях, а также анализ аудитории аккаунтов представителей данной профессиональной группы.

Теоретическим объектом является сетевой профиль (цифровая субличность) пользователя социальных сетей, а предметом исследования – цифровое поведение пользователя сетевого пространства, представляющего релевантную профессиональную группу.

Таким образом, вопрос: каковы основные характеристики цифрового поведения педагогов общеобразовательных учреждений является вопросом исследования.

Исследования в объектно-предметной области настоящей работы – цифровое поведение пользователя сетевого пространства, представляющего российских педагогов как релевантную профессиональную группу – основываются на теоретико-методологических подходах, связанных с исследованием «сетевого общества», информационного пространства «новых» медиа, являющихся платформой формирования смыслов и трансляцией их на те или иные аудитории.

Это, прежде всего, М. Кастельс, разработавший концепцию « сетевого общества», в рамках которой он утверждал, что современная социальная архитектура формируется через социальные сети, коммуникационные узлы, создающие и успешно транслирующие новые смыслы [29]. Также необходимо отметить работы Я. ван Дейка, посвященные анализу современного информационного общества, где автор отмечал, что новые информационные структуры не просто транслируют те или иные ценности, но и формируют вокруг них новые сообщества и идентичности [31. Р. 6-40], а также подходы дискурсивной психологии [30. Р. 103-118], предполагающие, что дискурс косвенно создает реальность с помощью лингвистических средств.

Это определяет значимость дискурсивных полей и каналов трансляции ценностных ориентаций в «новых медиа».

Следует отметить, что роль и значение сетевого пространства для различных слоев населения современной России рассматривалось, например, в работах Е.В. Бродовской и А.Ю. Домбровской, где исследовательская команда акцентирует внимание на средствах, необходимых для более точной интерпретации и оценки полученных в процессе реализации исследования данных [3. С. 283-296].

Цифровое поведение пользователя в различных сегментах блогосферы в последнее время активно анализируется исследователями. Отметим некоторые работы, направленные на анализ цифрового поведения как социально-общественного явления. Так М.В. Жижина понимает под поведением индивида в цифровом пространстве «форму социального поведения личности в различных медиаконтекстах – медиавосприятие, медиапотребление, медиапроизводство» [9]. И.Р. Погожина со своей командой определила основные типы и характеристики цифрового поведения в современной России, что необходимо учитывать при составлении параметров для анализа цифрового поведения учителей [17]. Кроме того, особый интерес представляет для нас статья О.В. Бузовой, поскольку в ней автор приводит различные формы поведения индивидов в сети и их мотивы [6]. Необходимо учитывать результаты исследования И.К. Стригуненко, в котором автор описывает неприемлемые кейсы цифрового поведения, способного привести к негативным последствиям как для того, кто производит контент, так и для того, кто его потребляет, для более полной характеристики поведения в сети анализируемой профессиональной группы [23].

Исследования характеристик ценностных установок и поведения российских учителей в онлайн и офлайн средах составляют третью группу работ, актуальных для целей нашего исследования. Следует отметить работы Е.В. Бродовской и ее исследовательской группы, где определены основные характеристики роли педагогов в процессе становления конвенционального цифрового поведения подростков в Интернет-пространстве [4]. С.В. Проноза рассматривает социальную деятельность учителей в контексте их про-

фессиональной деятельности, отмечая, взаимообязательные связи [18]. Также необходимо отметить работу Л.Н. Гавриленко, изучающую актуальную в рамках нашего исследования тему, связанную с проблемным полем в процессе воспитания школьников путем трансляции им тех или иных ценностных установок [8].

Однако следует отметить, что в указанных работах (исходя из целей исследований) педагог рассматривался только в рамках заданного проблемного поля. В работах не ставилось задачи рассмотреть цифровое поведение педагога «как есть», включая практики неучастия или участие в других коммуникациях, что позволяет объективно оценить уровень их гражданской и политической сетевой активности.

В рамках анализа и интерпритации данных использовался также необихевиористский подход (Б. Скиннер, Э. Толмен, К. Халл) что связано с определением поведенческих мотивов и механизмов принятия решений.

Платформой сбора данных для проведения эмпирических исследований была выбрана социальная сеть ВКонтакте (далее ВК) и находящиеся в ней аккаунты пользователей – педагогов.

Согласно данным статистики социальных сетей ВК является наиболее популярным сегментом блогхостинга в РФ [15], наиболее сбалансирована по возрастному критерию (2). Кроме того ВК, является социальной сетью, характеризующейся одним из самых высоких уровней коммуникации в Рунете [22]. Совокупность этих данных позволяет считать ВК в наибольшей мере подходящей для реализации цели настоящей работы.

Особенности структуры ВК позволили выделить аккаунты, однозначно определяемые как аккаунты действующих педагогов. В качестве маркеров использовались: участие в «официальных» группах школ, самоидентификация в профиле, характер контента и т.п. Была проведена дополнительная проверка через списки учителей на сайтах школ. Все это позволяет сказать, что все исследовательские случаи, отобранные для анализа, являются релевантными.

В работе использована сплошная выборка исследовательских случаев с учетом заданных параметров и квотирования по месту проживания и работы учителей по двум субъектам РФ (Томская и Брянская область). Выбор субъектов был определен случайным образом из «средних регионов России по совокупности показателей (в т.ч. численность населения – 48 и 42 место, размер бюджета – 41 и 50 место, и т.д.) с учетом уровня заработной платы учителей [10].

Непосредственно для исследования была сформирована база из 200 релевантных теме работы аккаунтов, позволяющая по заданной методике сформировать наборы эмпирических объектов для направлений исследований, в том числе:

- для анализа аккаунта (профиля) – все 200 аккаунтов;
- для анализа контента – 600 единиц анализа текста (контента) в виде записей на стене в отобранных аккаунтах;

Итоговое квотирование исследовательских случаев

Населенный пункт	Исследовательских случаев	Численность населения	Квота
Брянск	34	402798	Областной центр
Томск	34	543596	
Клинцы, Брянская область	33	62992	Средний населенный пункт
Северск, Томская область	33	106516	
Унеча Брянская область	26	22820	Малый населенный пункт
Асино, Томская область	14	24346	
Доброе, Липецкая область	7	5463	
Каликино, Липецкая область	19	3346	

– для анализа связей и комплексного анализа – 50 исследовательских случаев (аккаунты, пользователи которых определены по своему сетевому поведению как «Активисты» и «Вовлеченные»).

При формировании выборочной совокупности, последовательно учитывалась однозначная идентификация пользователя как педагога, информационная полнота аккаунта и квоты, прежде всего территория проживания владельца аккаунта. В случае удовлетворения всех отмеченных параметров исследовательский случай оценивался в качестве информативного и вносился в базу. Для дополнения квот применялся метод «снежного кома».

Поскольку квота, связанная с релевантными аккаунтами в населенных пунктах с населением менее 40000 человек, в рамках отобранных субъектов не заполнялась в полном объеме, она была дополнена случайным образом населенными пунктами, удовлетворяющим параметрам. Итоговое квотирование по региональному параметру выглядит следующим образом (Таблица 1).

После первичного отбора из числа релевантных аккаунтов были исключены «закрытые» и «пустых», отобрано 200 исследовательских случаев, удовлетворяющих всем параметрам отбора, для дальнейшего изучения в рамках данного исследования. Выборка в целом соответствует половому распределению в профессии – мужчины 11% (для России показатель примерно соответствует 15%) [16. С. 5].

Отметим, что при количестве исследовательских случаев равном 200, погрешность результатов настоящего исследования равна 6,3% [27].

Методика данного исследования носит гибридный характер: для анализа объектно-предметной области работы нами были использованы количественные и качественные методы.

Применяемые методы позволяют решить проанализировать собранные данные по трем направлениям.

Во-первых, типологизировать профили пользователей релевантных аккаунтов: после их отбора нами в рамках метода когнитивного картирования была разработана и заполнена матрица исследования, состоящая из 200 единиц анализа, после чего с помощью программы обработки статистических данных SPSS Statistics и, применения в рамках данной программы осевого и кросс-табуляционного методов, а также кластеризации k-средних, выделены 6 основных типов пользователей-учителей в социально-медийном пространстве по социально-демографическим и поведенческим (активность в сети и в среде офлайн) параметрам и исследованы тематические и содержательные характеристики содержащиеся в профиле (Матрица представлена в Таблице 2).

Первые три параметра матрицы позволяют описать социально-демографические черты пользователя, отраженные в профиле. Следующие четыре – отражают ценностную базу (1), остальные характеризуют поведение владельца аккаунта как в онлайн, так и в офлайн пространстве.

С нашей точки зрения, необходимо пояснить последний параметр «Характер типа контента» поскольку типологизация сетевого поведения – «активист», «вовлеченный», «зритель» является значимой для отбора данных для других видов анализа. В данной работе использовались типологические характеристики, применявшие в работе Е.В. Бродовской и Н.А. Тюкова: «Активисты» характеризуются инициативным использованием сетевого пространства в рамках их гражданской или политической активности, «Вовлеченные» выполняют функцию «ретранслятора», а «Зрители» являются потребителями контента, зачастую не оставляя каких-либо цифровых следов [5].

Во-вторых, отобрать контент, размещаемый пользователями-учителями и проанализировать описать его дискурсивные характеристики, проанализировать медийное поведение пользователей и «отклик» со стороны потребителей контента.

Для отбора и анализа данных была создана матрица дискурс-анализа (Таблица 3), в которую были включены 600 единиц анализа (единиц контента разного типа) за период 2019-2020 гг.

Отбор единиц анализа проводился с учетом кластеризации профилей релевантной социальной группы. Использовались профили пользователей кластеров «Активисты» и «Вовлеченные» большого населенного пункта (БНП) и «Вовлеченные» среднего населенного пункта (СНП), представля-

Макет матрица для описания профиля

Матрица анализа аккаунта для характеристики профиля пользователя-педагога			
Параметр	Показатель		Характеристика профиля
Социально-демографический	Пол	Мужской	Отражают социально-демографические характеристики профиля пользователя социальной сети.
		Женский	
	Возраст	До 30 лет	
		31-45 лет	
		От 45 лет	
Место проживания	Областной центр		Отражают социально-демографические характеристики профиля пользователя социальной сети
	Город средней величины		
	Малый город		
Количество друзей аккаунта (Отражает степень социально-медийной активности через охват аудитории профиля пользователя)	1. До 50 – низкое		1. Низкая степень социально-медийной активности
	2. От 51 до 150 – среднее		2. Средняя степень социально-медийной активности
	3. От 151 – высокое		3. Высокая степень социально-медийной активности
Характер фотографий (Отражает степень социальной активности в офлайн пространстве)	1. Картинки/фотографии (один владелец)		1. Не публичный
	2. Фотографии владельца не мероприятиях, фотографии владельца с другими людьми		2. Публичный
Характер сообществ и видео-контента (тематика 1 и тематика 2) Поскольку именно сообщества наполняют новостную ленту аккаунта, то логично предположить, что она коррелируется с интересами владельца аккаунта.	1) гражданский активизм (включает в себя контент, связанный с волонтерством, продвижением гражданских ценностей (например, ЗОЖ)); 2) провластная политическая тематика (включает в себя контент, связанный с поддержкой со стороны владельца аккаунта политики руководства страны, включая, в первую очередь, патриотизм); 3) оппозиционная политическая тематика (включает в себя контент, связанный с критикой со стороны владельца аккаунта политики руководства страны); 4) экологическая тематика (включает в себя контент, связанный с продвижением «зеленой» повестки: помощь животным, борьба с загрязнением окружающей среды и т.д.); 5) профессиональная тематика (включает в себя контент, связанный с образовательной деятельностью: проведением уроков, проверкой домашнего задания, информированием о важных событиях в рамках школы или образовательного процесса);		

<p>Характер сообществ и видео-контента (тематика 1 и тематика 2)</p> <p>Поскольку именно сообщества наполняют новостную ленту аккаунта, то логично предположить, что она коррелируется с интересами владельца аккаунта.</p>	<p>6) религиозная тематика (включает в себя контент, связанный с религиозными ценностями владельца аккаунта);</p> <p>7) развлекательная тематика (включает в себя контент, связанный с проведением досуга владельца аккаунта в социальной сети);</p> <p>8) бытовая тематика (включает в себя контент, связанный с хозяйственной деятельностью аккаунта (например, «лайфхаки» для строительства или кулинарные рецепты));</p> <p>9) «местная» (включает в себя контент, связанный с сообществами, транслирующими «местную» повестку изучаемого населенного пункта (например «Барахолка...», «Подслушано...» и т.д.)</p>	
<p>Характер типа контента</p>	<p>1. Продуцирование собственного контента, связанного с тематикой, обозначенной в предыдущем параметре</p>	<p>1. Активист (продуцируют собственный контент и комментируют контент иных медийных акторов)</p>
	<p>2. Репост контента, связанного с тематикой, обозначенной в предыдущем параметре</p>	<p>2. «Вовлеченный» (транслируют контент референтных медийных агентов)</p>
	<p>3. Отсутствие контента, связанного с тематикой, обозначенной в предыдущем параметре, но наличие сообществ и видео контента с данной тематикой</p>	<p>3. «Зритель» (активно потребляет контент референтных медийных агентов)</p>
<p>Ссылка на аккаунт</p>		

Таблица 3

Макет матрицы для описания дискурса

<p>Матрица дискурс-анализа для исследования контента</p>		
<p>Основной тип контента</p>	<p>1. Текст</p>	<p>Широкий спектр значения данного параметра объясняется тем, что контент исследуемых аккаунтов разнообразен. Изучая один тип контента, мы не сможем достичь поставленной цели исследования.</p>
	<p>2. Картинка с текстом</p>	
	<p>3. Фото</p>	
	<p>4. Видео</p>	
	<p>5. Репост записи того или иного сообщества с комментарием владельца аккаунта</p>	
	<p>6. Ссылка на статью или видео</p>	
	<p>7. Репост</p>	

Адресат	1. Ученическая аудитория	Аудитория адресации поста исследуемого аккаунта определяется либо по наличию обращения в тексте поста в той или иной аудитории, либо по основному посылу единицы исследуемого контента
	2. Учительская аудитория	
	3. Родительская аудитория	
	4. Иная аудитория	
Политическая позиция	1. Провластная	Позиция поста определяется либо прямым указанием собственной политической позицией в посте (в большинстве случаев, с помощью хештегов) либо в результате анализа основного посыла записи.
	2. Оппозиционная	
	3. Аполитичная	
Тематические особенности единицы анализа	1. Волонтерство	(Характеристику см. в Таблице 3)
	2. Политический проправительственный дискурс	
	3. Политический оппозиционный дискурс	
	4. Экологический дискурс	
	5. Профессиональный дискурс	
	6. Религиозный дискурс	
	7. Развлекательный дискурс	
	8. Бытовой дискурс	
	9. «Местный» дискурс	
Основной прием воздействия	1 – рациональность;	Стоит отметить, что пост в социальной сети включает в себя как рациональные приемы воздействия, так и эмоциональные. Однако в рамках данного исследования нами анализировался пост на предмет его основного прищеска воздействия на аудиторию.
	2 – иррациональность;	
Основной механизм воздействия	<p>Поскольку контент «Активистов» и «Вовлеченных» представляет собой совокупность различных типов информации (см. первый параметр), то необходимо для характеристики механизмов воздействия владельца профиля на аудиторию рассмотреть их сквозь призму типов изложения контента, подходящего для всех значений первого параметра.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Повествовательный (нарративный) тип, который характеризуется механизмом воздействия через повествование определенного кейса (завязка-кульминация-развязка). 2. Описательный тип главным образом включает в себя эмоциональный прием дескрипции (описания того, что может вызвать у потребителя контента определенную эмоцию). 3. Объяснительный тип разъясняет потребителю контента те или иные явления и процессы с выгодной для владельца аккаунта точки зрения. 	

Основной механизм воздействия	<p>4. Инструктивно-поведенческий тип призывает потребителя контента к каким-либо действиям, а также устанавливает алгоритм достижения целей (т.е. инструктирует).</p> <p>5. Убеждающий тип определяется наличием выраженного тезиса и его аргументации, с помощью которой владелец аккаунта «навязывает» его потребителю контента</p>	
Количество лайков	Указывается число того или иного параметры	Отражает реакцию аудитории профиля на продуцируемый им контент
Количество комментариев		
Количество репостов		
Количество просмотров		
Дата публикации		
Ссылка на единицу анализа		

ющие для нас наибольшей интерес, поскольку именно их представители активно используют социальные сети для коммуницирования с различными аудиториями.

При помощи методов средних значений, осевого и кросс-табуляционного анализов в рамках программы обработки статистических данных SPSS Statistics определены основные дискурсивные характеристики контента, практики и механизмы взаимодействия профилей с аудиторией, а также определены наиболее активные пользователи, коммуницирующие с исследуемыми нами профилями.

В-третьих, для анализа связей и комплексного анализа сетевого проведения методом социального графа с помощью инструмента 3D Social Graph были изучены взаимосвязи «Активистов» и «Вовлеченных» с иными участниками коммуникации в социальных сетях в рамках своего аккаунта (взаимосвязи владельца аккаунта с «друзьями» и «друзей» между собой).

Было отобрано 50 исследовательских случаев, удовлетворяющих одновременно критерию «Активист»/«Вовлеченный» и максимальным для совокупности параметрам сетевой активности: число центров и число разветвлений (определяющиеся с помощью анализа визуализированной модели аудитории профиля) плотность аудитории (равно отношению числа связей к числу вершин), а также число друзей в целом и открытых аккаунтов.

Метод позволил выявить и определить, плотность коммуникационной среды и охват аудитории, средние значения «ответвлений» и «центров».

В дополнение к методу социальных графов для определения внешние взаимосвязей пользователей, были проанализированы комментарии к постам.

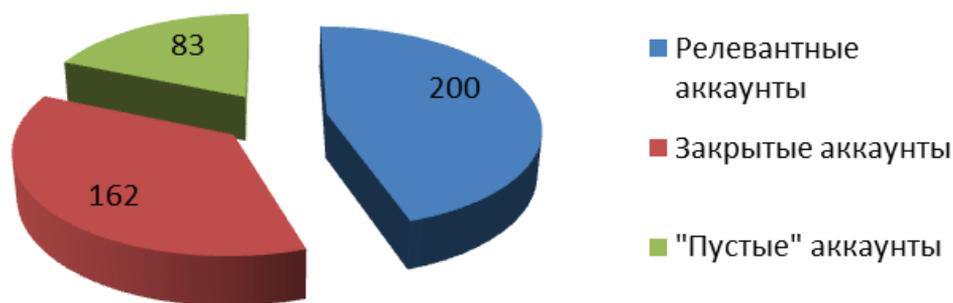

Рис. 1. Соотношение типов аккаунтов

Соотношение типов аккаунтов в социальной сети ВКонтакте. В рамках данного исследования считаем необходимым проанализировать в том числе результаты, полученные нами в процессе формирования базы релевантных аккаунтов.

При формировании выборочной совокупности нами была отмечена низкая информативность подходящих по формальным критериям релевантных аккаунтов (445 аккаунтов): более половины являются либо «пустыми» (162), либо «закрытыми» (83) (Рис. 1). Подобного рода ситуация, с нашей точки зрения, свидетельствует, что для более 50% российских учителей, зарегистрированных в социальных сетях, характерно использование социально-медийных платформ сугубо для личного общения, либо формальное создание страниц.

Можно предположить, что уровень «открытости» данной профессиональной группы в социальных сетях связан с укоренившимися в общественном сознании стереотипами об учителе, его образе и поведении, ставшим в последнее время предметом скандалов и общественных дискуссий [7]. Тенденции педагогов «закрывать» в рамках формально-юридических границ своей профессиональной деятельности, отмечалось в проведенных ранее исследованиях [14. С. 2690-2699]. Стремление сохранить «личное пространство» снижает степень активности педагогов в сетевом пространстве.

Характеристики профилей учителей в социальной сети ВКонтакте. Блок ценностных характеристик по первоначальному плану исследования, должен был выявить ценностные самоопределения, которые декларирует пользователь, подразумевая, что ими регулируется их собственное поведение и транслируемая ими жизненная позиция.

Ценностные ориентации профиля

Политические предпочтения (%)	Мировоззрение (%)	Главное в жизни (%)	Главное в людях (%)
Не указано 90%	Не указано 93%	Не указано 91%	Не указано 91,5%
Индифферентный 1%	Иудаизм 0,5%	Семья и дети 7%	Доброта и честность 6,5%
Умеренные 6%	Православие 6%	Саморазвитие 1,5%	Смелость и упорство 0,5%
Либеральные 2%	Светский гум-зм 0,5%	Красота и иск-во 0,5%	Юмор и жизнелюбие 1,5%
Монархические 0,5%			
Ультраконсерват. 0,5%			

Однако ценностные характеристики (отраженные на странице пользователя, «Информация о себе») не подлежат содержательному анализу. В 90% и более исследовательских случаях не указывают ни политических предпочтений, ни мировоззренческих особенностей, ни основополагающих ценностных ориентаций (см. Таблица 4). На наш взгляд, пользователь-педагог, игнорирует ввод таких данных или «закрывая» личную информацию, или рассматривая социальные сети как инструментарий.

Незначительный уровень представленности в параметре «Политические предпочтения» (умеренных политических взглядов придерживаются 6% владельцев аккаунтов, либеральных – 2%), все же дает, на наш взгляд приближенное к реальности значение акцентированной политической самоидентификации, что заметно при соотнесении значений с тематической направленностью контента, размещаемого пользователями.

Тематические особенности контента пользователей-учителей. Анализ тематических особенностей контента появляющегося на странице пользователя позволит нам определить тематическое «поле» (интерес владельца аккаунта и потребляемый им контент), в рамках которого происходит цифровое существование учителей.

Доминирующие темы, во многом отражающие интерес пользователя-педагога, характеризуются политически нейтральным и общественно «спокойным» содержанием.

Как видно из представленных данных (Рис. 2) в аккаунтах доминируют «Профессиональная», «Развлекательная», «Бытовая» тематика. «Местная» занимает устойчивые позиции как вторая тема интересов. Проявляющаяся триада работа-отдых-дом показывает реальное поле интересов «массового педагога», в том числе о «закрытости» учителей, нежелании выходить за рамки в виду профессиональной загруженности и потенциального обще-

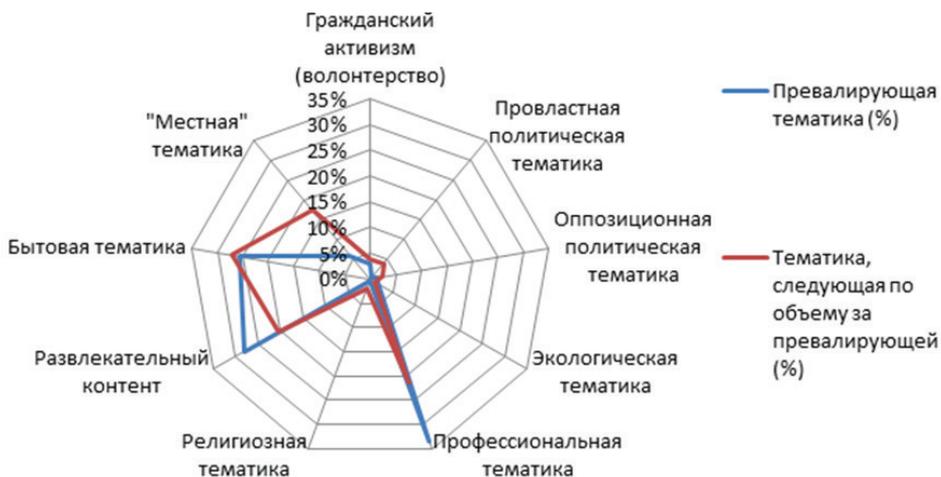

Рис. 2. Тематические особенности профиля

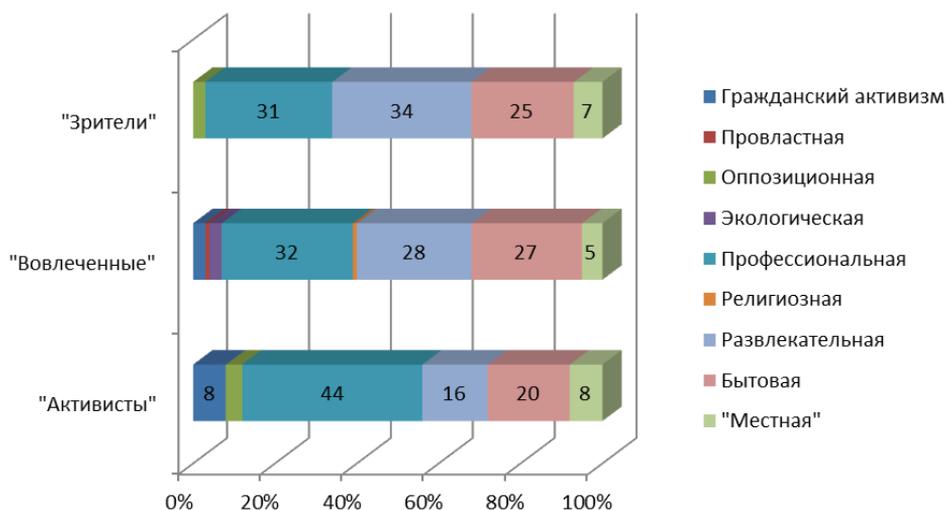

Рис. 3. Соотношение тематических значений внутри типа сетевого поведения

ственного порицания. Тематики контента для всех кластеров пользователей демонстрирует фактическое выражение утилитарного набора ценностей.

Гражданские активности вызывают меньше интереса, чем политические.

Невысокий уровень представленности политической тематики (как провластной, так и оппозиционной) не соотносится с муссированием в медий-

ной среде чрезвычайно высокой политической ангажированности данной профессиональной группы, использование ее политическими акторами (в том числе в административном порядке). Стратегия избегания политики как неприятного и ненужного (одновременно с открытостью профессиональной информации и ресурсам развлечения и саморазвития) как характерная для педагогов, выявлялась ранее в исследованиях [1. С. 2604].

Опираясь на соотношение тематические блоков с профилем (Рис. 3), подчеркнем, что серьезных различий цифрового интереса «Активистов», «Вовлеченных» и «Зрителей» мы не наблюдаем. Значения менее 10% при анализе рассматривались справочно из-за низкой представленности в выборке.

Место развлечений (в среднем 28%) последовательно снижается в зависимости от общей активности сетевого поведения.

Можно отметить что «активисты» большее значение передают профессиональной тематике (44% при 33,5% по всей выборке). Среди них относительно больше гражданских активистов и интересующихся оппозиционным контентом.

Вовлеченные демонстрируют большой лоялизм («провластная повестка») и разнообразие интересов, хотя и выражающееся в малых числовых значениях.

Кластеризация релевантных аккаунтов. Для более детального исследования дискурсивных практик и механизмов сетевого участия необходимо сегментирование изучаемой профессиональной группы и их характеристика полученных кластеров.

Сегменты отобранных нами аккаунтов были сформированы автоматически методом *k*-средних в программе анализа статистических данных SPSS Statistics по ряду параметров (представлены в Таблице 5).

Как видно из данных Таблицы 5, программой было определено 6 кластеров, 4 из которых – «Вовлеченные», 1 – «Активисты» и 1 – «Зритель». Несмотря на то, что половая структура каждого кластера представлена женщинами коррелируется с данными статистики [11], возрастные характеристики по кластерам представлены равномерно. Данная ситуация, на наш взгляд, объясняется тем, что в социально-медийном пространстве существует зависимость уровня пользования социальными сетями от возраста и практически ее отсутствие от пола [19].

Отметим некоторые особенности характеристик кластеров. Прежде всего, следует обратить внимание на избегание «Вовлеченных» (параметр «непубличный»), несмотря на то, что проживают в городе областного значения или средней величины, где, казалось бы, имеется больше возможностей для презентации себя в различных проектах образовательного, гражданского или культурного толка. Причины подобной ситуации могут скрываться как в высокой степени занятости в профессиональной сфере, так и в отсутствии мотивации к публичности. Четыре кластера «Вовлеченных» имеют разли-

Кластеры профилей и их характеристика

	Профиль	Место проживания	Количество друзей	Характер фото	Пол	Возраст
Кластер № 1 (36)	«Вовлеченный»	Населенный пункт средней величины	Средний охват аудитории в соц. сетях	Не публичный	Женский	Старше 50
Кластер № 2 (28)	«Вовлеченный»	Населенный пункт средней величины	Высокий охват аудитории в соц. сетях	Не публичный	Женский	Старше 50
Кластер № 3 (29)	«Вовлеченный»	Областной центр	Средний охват аудитории в соц. сетях	Не публичный	Женский	От 35 до 50
Кластер № 4 (27)	«Активист»	Населенный пункт малой величины	Высокий охват аудитории в соц. сетях	Публичный	Женский	От 35 до 50
Кластер № 5 (39)	«Вовлеченный»	Областной центр	Высокий охват аудитории в соц. сетях	Не публичный	Женский	Моложе 35
Кластер № 6 (41)	«Зритель»	Населенный пункт малой величины	Высокий охват аудитории в соц. сетях	Не публичный	Женский	Моложе 35

чия по формальным признакам: место проживания (областной центр или город средней величины) и возрастные характеристики, отчасти по размеру охвата аудитории (средняя или высокая).

Кластер «Активист» сформировался как житель малого населенного пункта с высокой активностью в социальных сетях и публичностью. Это свидетельствует о том, что педагоги малых городов, сел и деревень активно формируют и транслируют собственную повестку в социальных сетях на широкую аудиторию (выше 200 друзей) и, скорее всего, их активность и значимость для тех или иных аудиторий коррелируется с пространством онлайн в силу особенностей коммуникативной среды малого населенного пункта. Владельцы данного профиля активно публикуют информацию в сети (фото) о различных мероприятиях, в которых принимают участие, то есть занимают активную жизненную позицию

и в пространстве офлайн. Обращает на себя внимание и возраст «Активистов» – 35-50 лет.

Резюмируя, отметим, что исследуемая нами профессиональная группа в основном замкнута и в социальных медиа ведёт себя достаточно сдержанно: четко выраженные ценностные ориентации практически отсутствуют, тематические поле ограничивает профессиональными интересами, развлечениями и бытовой тематикой, а из шести представленных кластеров только один формирует и транслирует собственный контент, а четыре транслируют повестку сообществ.

Характеристики дискурсивного поля «Активистов» и двух типов «Вовлеченных». Для анализа контента, продуцируемого и транслируемого пользователями-педагогами нами использовались кластеры «Активисты» (как единственные генераторы контента) и два кластера «Вовлеченных» (активные ретрансляторы): большого населенного пункта (БНП) и среднего населенного пункта (СНП), Выбор двух кластеров был обусловлен предположением, что различная коммуникационная среда, сформировавшаяся под влиянием размером города, оказывает ключевое влияние на характеристики представленных типов данного профиля.

Выявление основных черт дискурсивного поля, механизмов и приемов продвижения собственного или потребляемого из сообществ контента и «отклика» аудитории позволит нам более полно определить основные черты цифрового поведения изучаемой нами профессиональной группы.

О дистанцировании педагогов в сети от общественно-политических тем свидетельствуют анализ отображения политической тематики в единице контента (записи на стене отобранных профилей): большая часть контента связана с аполитичной тематикой (см. Рис. 4).

Анализ тематических особенностей контента по кластерам также подтверждает, что порядка двух третей всего контента, как для продуцирующих «Активистов» так и для ретранслирующих «Вовлеченных» БНП и СНП, занимают «Развлекательная», «Бытовая» и «Профессиональная» тематики.

Провластный контент относительно широко представлен у «Активистов» (24%) и «Вовлеченных» СНП (5%). В его числе, например, призывы к голосованию по Конституции и дискуссии вокруг Великой Отечественной войны. Представители данных профилей ведут наиболее активную политическую жизнь, замещая мандаты муниципальных депутатов и места в ТИК и УИК. Одновременно «активисты» являются генераторами и ретрансляторами и оппозиционной повестки (хотя и в значительно меньшем объеме) в основном выражая несогласие с внутренней и внешней политикой РФ, и показывая большой интерес к политике в принципе.

Следует отметить практически нулевое значение контента, относимого к практикам гражданского активизма. Однако следует учитывать, что среди транслируемого «Вовлеченными» БНП достаточно много пограничных

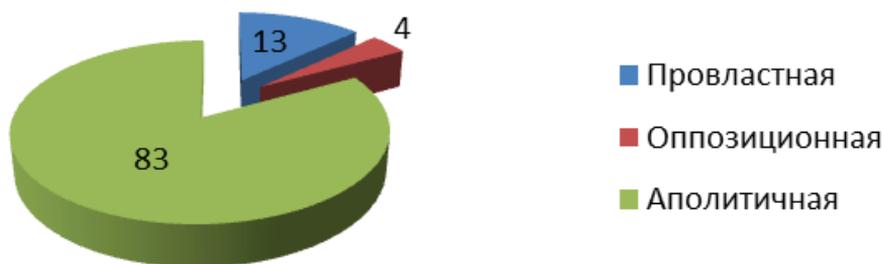

Рис. 4. Политическая окраска контента изучаемых профилей

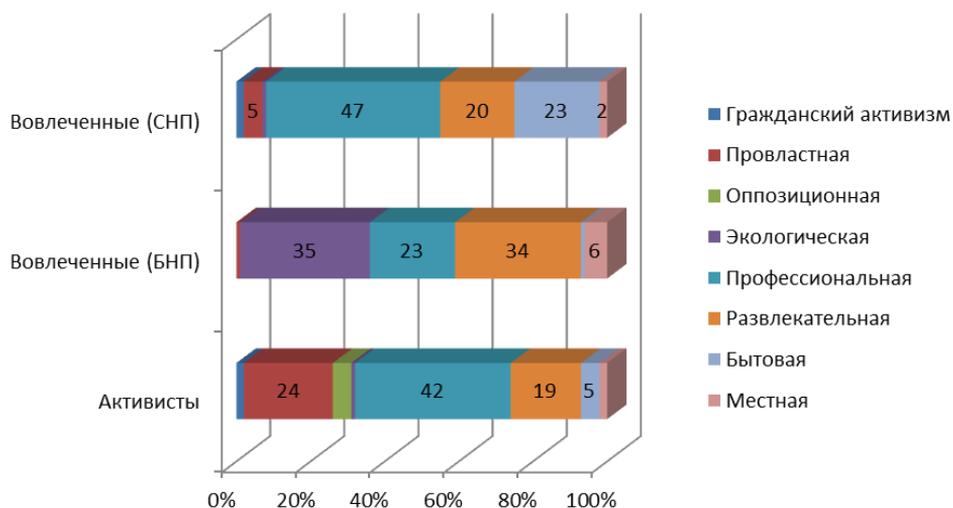

Рис. 5. Тематика продуцируемого изучаемыми профилями контента

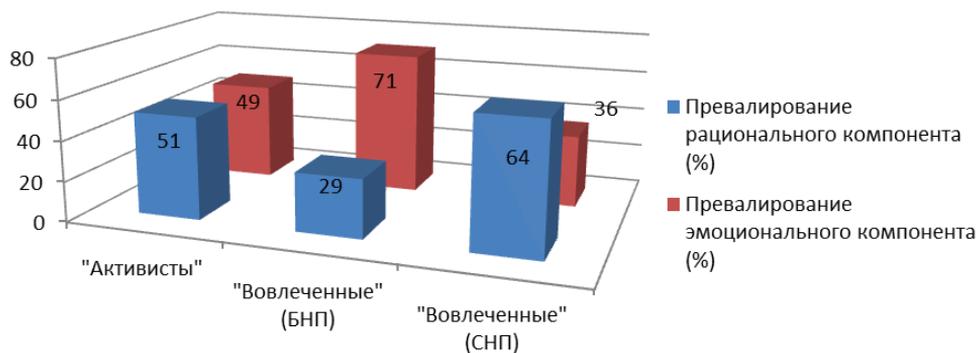

Рис. 6. Соотношение компонентов изучаемых профилей

проблем, например, помощь домашним животным, экологическая повестка, что отражает стремление данного кластера к активизму, но абстрагированию от политических или околополитических тематик.

Механизмы и практики транслирования контента и коммуницирования. Рассматривая **стилевые особенности** коммуникативных приемов, используемые в подаче материала для аудитории, выделим соотношение рациональной и эмоциональной составляющей в контенте (см. Рис. 6). Здесь наблюдается схожесть, между «Активистами» и «Вовлеченными» СНП (выражено в большей степени): в контенте этих профилей превалирует рациональный компонент, что коррелируется с тем фактом, что чуть менее половины их контента занимает профессиональная тематика, в рамках которой неуместны эмоциональные приемы.

Иным образом ситуация обстоит с «Вовлеченными» БНП: ярко выраженное превалирование эмоционального компонента, на наш взгляд, связано с продвигаемой ими экологической и околоэкологической повесткой, при которой основным приемом коммуникации с аудиторией служат технологии, ориентированные на эмоциональную оценку содержания потребителем контента (жалость, сострадание и т.д.).

Данные результаты показывают, что тематика контента в значительной мере формирует стилистику коммуникаций и влияет на сетевое поведение.

Среди **стилистических приемов подачи** собственного контента «Активисты» и контента сообществ «Вовлеченные» БНП используют нарративизацию, а затем, примерно в равных пропорциях, иные механизмы (см. Рис. 7). На наш взгляд, в первом случае превалирование повествования объясняется тематическими особенностями, поскольку для профессиональной и провластной повестки, исходя из описанного дискурсивного поля тем, наиболее приемлемо именно повествование, как и во втором случае – экологическая повестка, о чем говорили выше, заключается в чрезмерно эмоциональном нарративе.

Иные механизмы транслирования контента используют «Вовлеченные» СНП. Для них характерна ориентация на «Объяснение» и «Повествование», что также коррелирует с тем, что немногим менее половины транслируемого ими контента составляет профессиональная тематика.

Формат представления контента особенно интересен для нас, поскольку выражает «язык» коммуникации владельца профиля со своей аудиторией.

Подавляющую часть контента составляет «Репост», как наиболее простой в использовании формат использования. Этим же следует объяснить и присутствие в равных пропорциях в представленных аудиториях схожего с предыдущим типом «Ссылка на статью или видео». Отметим, что речь идет о безоценочной ретрансляции чужого мнения – «репост с комментарием» составляет ничтожную величину.

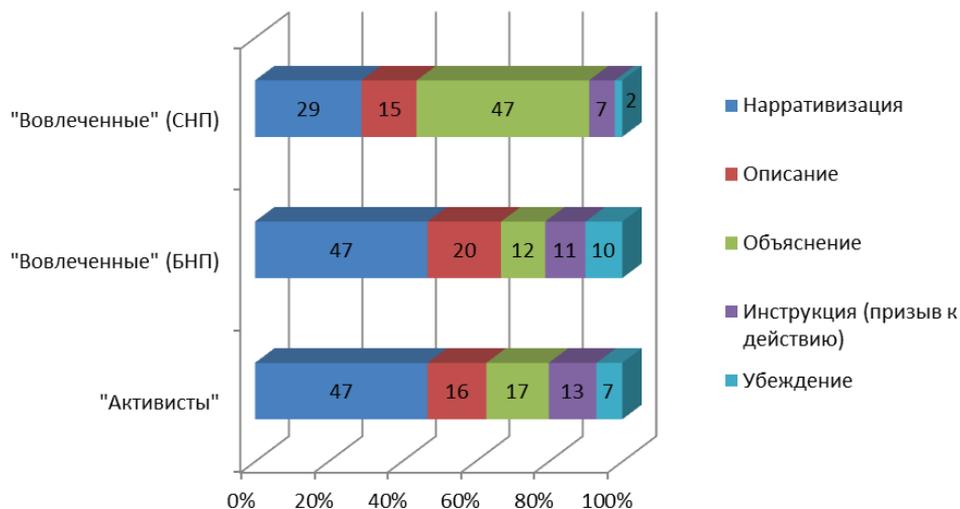

Рис. 7. Соотношение механизмов коммуникации изучаемых профилей с аудиторией

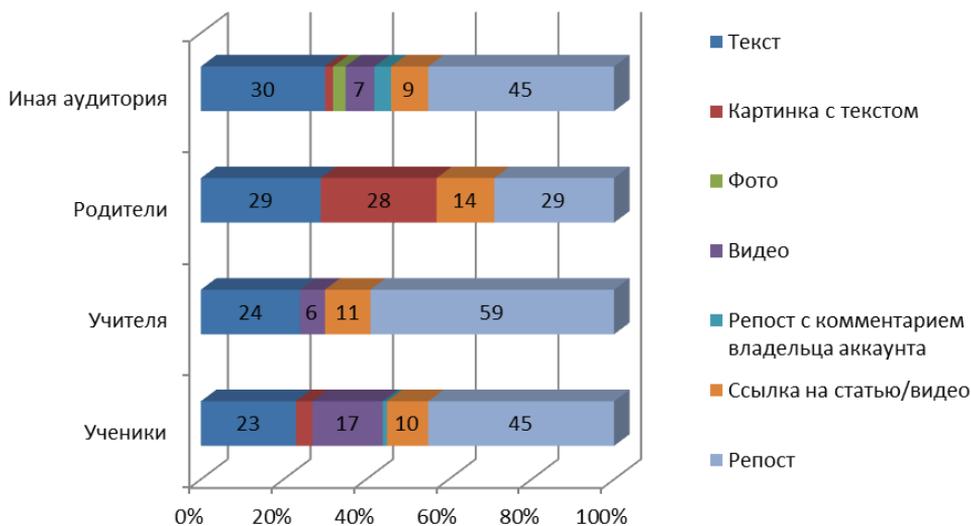

Рис. 8. Соотношение типов контента, ориентированного на изучаемые аудитории

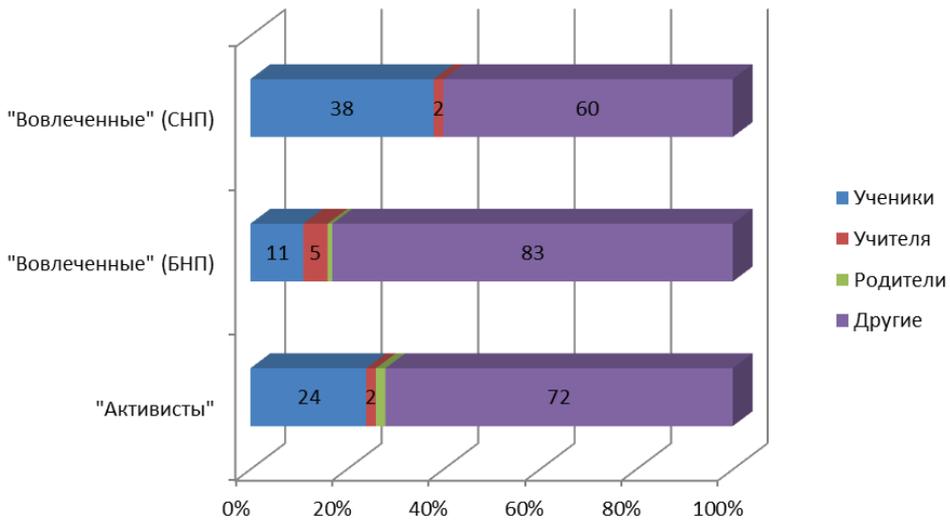

Рис. 9. Ориентация на сегменты аудитории изучаемых профилей

Текстовый формат занимает примерно равную пропорцию (от 23% до 30%) в контенте, адресованном всем аудиториям, что, связано с простотой использования для создания контента и его эффективностью (см. Рис. 8).

Особенно примечательно, что для родительской аудитории используются «Картинки с текстом». Возможно, это связано с тем, что по большей мере на родительскую аудиторию ориентируются «Активисты», транслирующие политическую повестку (провластную и в меньшей степени оппозиционную), которую более продуктивно транслировать с помощью мемов.

Остальные форматы представления контента представлены в незначительной пропорции, что, по нашему мнению, свидетельствует об отсутствии у педагогов навыков продуцирования специализированного контента, в том числе и для молодежной аудитории. Например, при анализе контента нами редко встречались мемы, которые являются наиболее приемлемой формой для коммуникации с молодежью [13].

Таким образом, можно отметить, что в аккаунтах педагоги используют самые простые в создании и трансляции форматы.

Анализ социальных связей.

Целевые и активные аудитории.

Рассматривая аудитории пользователей-педагогов в социальных сетях, были определены основные группы. Однозначно можно выделить такие группы в аудитории как «ученики», «родители», «учителя». В отношении

остальной аудитории, в виду невозможности четкой стратификации использовалось определение «иная аудитория».

Как видно из Рис. 9, подавляющая часть продуцируемого или ретранслируемого контент адресована «Иной аудитории», что связано, с использованием социальных сетей для личной коммуникации или сторонней (не связанной с профессиональной) деятельностью.

«Ученики» занимают вторые позиции по объему после «Иной аудитории» у всех профилей, причем у «Активистов» и «Вовлеченных» СНП доля ученической аудитории значительно больше, что коррелируется с долей профессиональной тематики их контента.

Учителя и родители, являются в наименьшей степени референтными аудиториями для всех исследуемых профилей.

Об использовании социальных сетей преимущественно для личных коммуникаций говорит иерархия тем, вызывающих интерес аудитории.

Наиболее интересными для аудитории (количество просмотров и лайков) являются «Развлекательная», «Бытовая» «Местная» и «Провластная» тематики (см. Таблицу 6).

Таблица 6

**Средние значения лайков, комментариев, репостов
и просмотров на значения наиболее репрезентативных параметров**

Параметр	Значения параметра	Среднее кол-во лайков	Среднее кол-во комментариев	Среднее кол-во репостов	Среднее кол-во просмотров
Интерес аудитории к темам	Бытовая тематика	15,08	0	0,05	669,5
	Провластная тематика	17,77	1,33	0,1	474,38
	«Местная» тематика	13,95	0,21	0,14	462,3
	Развлекательная тематика	19,8	0,11	0,19	441,81
	Профессиональная тематика	9,76	0,18	0,13	278,49
	Гражданский активизм (волонтерство)	3,33	0	0	211,33
	Оппозиционная тематика	3,06	0,18	0	187,71
	Экологическая тематика	2,15	0	0,21	92,3
Активность аудитории в изучаемых профилях	«Активисты»	22,59	0,54	0,22	596,18
	«Вовлеченные» (БНП)	1,46	0	0,05	94,55
	«Вовлеченные» (СНП)	0,6	0	0,02	61,48
Активность разных аудиторий на странице	Ученики	4,89	0,09	0,07	217,37
	Учителя	3	0	0,12	124
	Родители	23,43	0	0,43	1129
	Иная аудитория	15,61	0,38	0,15	403,24

Именно первые три темы были наиболее широко представлены при анализе профилей (см. Рис. 2), что свидетельствует о схожести интересов владельца профиля и его аудитории и, возможно, об отнесении их к одной социальной группе.

Интересно, что провластная повестка обладает высокой степенью интереса, обсуждения (наивысшее среднее число комментариев) и одобрения аудитории, несмотря на отмеченную нами аполитичность поведения исследуемой профессиональной группы в сети, что также может свидетельствовать не только об общности социальной группы владельца профиля и аудитории, но и схожести их политических ориентаций и ценностей, а, учитывая факт относительно высокой политической активности «Активистов», также об определенной степени политического лидерства в рамках собственной аудитории.

Стоит отметить высокий уровень «отклика» на «Местную» тематику аудитории «Активиста», учитывая факт того, что основной характеристикой данного профиля является проживание его владельца в малом населенном пункте.

Профессиональная тематика занимает четкую среднюю, и в принципе коррелирует с «учениками». Однако активность последних значительно ниже чем «родителей», «иной аудитории» что показывает в основном одно-канальный характер коммуникации.

Средние значения лайков коррелируются со средним числом комментариев и репостов. Экстремумом является число репостов на тему о помощи животным. Дискурсивное поле данной тематики: эмоциональная подача и призывом распространить информацию находят отклик аудитории. Можно сделать вывод, что ситуативно пользователь-педагог может оказаться в центре общественной дискуссии, стать активным ретранслятором информации.

Для определения наиболее активных комментаторов и ретрансляторов информации, соотнесем значения параметра, определяющего аудиторию и «отклика» со стороны его читателя. Тем самым мы определим, до каких целевых групп пост «доходит» и одобряется потребителем.

Следует отметить в целом крайне низкий уровень комментаторской активности. Тем не менее, опираясь на данные Таблицы 7, мы можем отметить, что наиболее активными комментаторами являются представители «Ученической» и «Иной аудитории». Отметим, что уровень комментаторской активности учеников, связан, скорее всего, с дистанционным форматом обучения.

Можно сказать, что в разных аудиториях наблюдается разная модель одобрения. «Иная аудитория», активна по комментариям, но проваливается по просмотрам и репостам. Можно сказать, что эта самостоятельная аудитория, склонная более к обсуждению.

«Родители», не комментируют, но лайкают, репостят и просматривают посты. С этой точки зрения они оказываются самым благодарным потребителем и распространителем контента пользователя-педагога. Подобного

рода ситуацию можно объяснить дистанционным форматом обучения (исследование проводилось в 2020 году), когда аудитории, связанные с профессиональной деятельностью владельца профиля, вынуждены просматривать и оставлять цифровые «следы» на стене релевантного теме исследования аккаунта.

Наиболее вероятно, что устойчивой основной аудиторией является все-таки «Иная».

Механизмы взаимодействия владельца профилей с потребителями контента, – медийный менеджмент, – применяемы ими осознанно или нет, возможно описать с помощью сопряжения аудитории, на которую нацелен тот или иной пост, и основного механизма, с помощью которого владелец аккаунта стремится воздействовать на свою целевую аудиторию.

Данный анализ был также проведен для четырех отобранных кластеров, его результаты приведены на рис. 10.

В рамках «Ученической» и «Учительской» аудитории мы наблюдаем превалирование объяснительного и инструктивного механизмов. Скорее всего это связано с дистанционным обучением, поскольку коммуницирования в рамках созданных для онлайн-взаимодействия учителей и учеников платформ, судя по отзывам родителей, учеников и учителей, недостаточно. Часть образовательного процесса перешла в социальные сети, где педагог разъясните урок и методику выполнения домашнего задания [21]. Примерно такая же ситуация и с «Учительской аудиторией»: как отмечалось ранее,

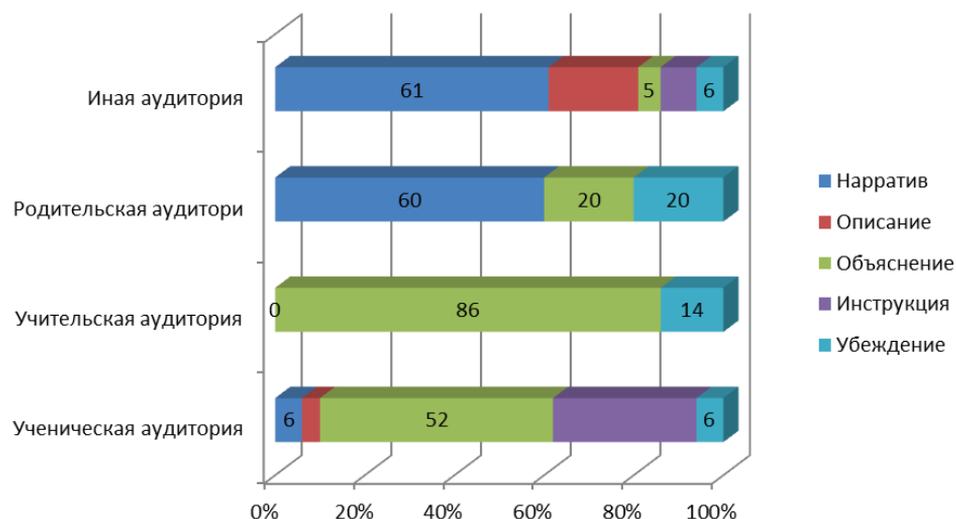

Рис. 10. Соотношение механизма воздействия на представленные аудитории

большинство учителей в РФ относится к возрастной категории, являющейся не самыми активными пользователями Интернет-пространства. В этой ситуации более молодые и «продвинутые» учителя помогают осваивать сетевые технологии своим старшим коллегам.

Несколько иное положение дел с «родительской» аудиторией: большая часть контента транслируется через повествование, объяснение и убеждение. Объяснительный механизм можно интерпретировать с точки зрения издержек дистанционного обучения, а вот нарративизацию контента и убеждающие конструкции, как и в «Иной аудитории», на наш взгляд, следует рассматривать сквозь призму манипулятивного воздействия [26].

В «Иной аудитории», включающей в себя совокупность разных в социальном, экономическом и профессиональном аспекте групп, представлен весь спектр механизмов трансляции контента.

Подводя итог, отметим, что дискурс релевантных аккаунтов пользователей носит по большей части аполитичный, прагматичный характер. Более того, именно данные тематические блоки находят наибольший «отклик» у потребителей контента, которые, в большинстве случаев не принадлежат к аудитории, каким-либо образом связанной с профессиональной деятельностью владельца аккаунта (во всяком в социальной сети эти связи не отслеживаются).

Характеристики аудитории и внешние коммуникационные связи. Для определения **внешних коммуникационных связей** исследуемых аккаунтов необходимо проанализировать структуру друзей и его плотность. Количество «центров» можно условно считать той или иной аудиторией аккаунта: отсутствие «центра» указывает на аудиторию, которая, во-первых, является малочисленной, а, во-вторых, владелец аккаунта не является центром коммуникации

Количество ответвлений характеризует степень «четкости» ее границы, а плотность коррелируется с уровнем взаимосвязей коммуникации внутри аудитории. Отсутствие «ответвлений», наоборот, указывает на четкие границы аудитории, что все «друзья» профиля – элементы одного коммуникационного пространства (возможно, не только в рамках социальной сети).

В рамках исследования были проанализированы связи пользователей кластеров «Активисты» и «Вовлеченные» в собственных аккаунтах и внешних сообществах.

Данные анализа представлены в Таблице 7.

Число центров варьируется от 0 до 3, а количество ответвление – от 0 до 5, что говорит о широком спектр возможных вариантов организации аудитории.

Плотность аудитории имеет достаточно высокую амплитуду, что свидетельствует о неоднородности аудитории. Однако среднее значение плотности, несмотря на то, что оно «склоняется» в сторону минимального показателя, определяет, в целом, как достаточно высокое, что, учитывая один

Характеристики аудитории «Активистов» и «Вовлеченных»

	Среднее кол-во центров коммуникации профиля	Среднее кол-во ответвлений в аудитории профиля	Средняя плотность коммуникации	Среднее число друзей для аккаунта	Среднее число открытых аккаунтов друзей
«Активисты»	1,36	2,04	6,68	485,2	387,08
«Вовлеченные»	1,39	2,68	5,56	308,52	215,28

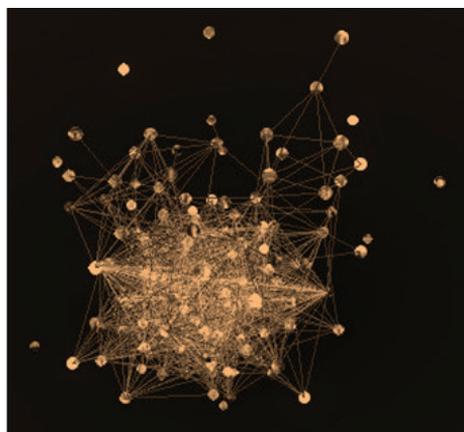

Рис. 11. Социальный граф «Активист»
Один центр при среднем значении 1,36
2 ответвления при среднем значении 2,04

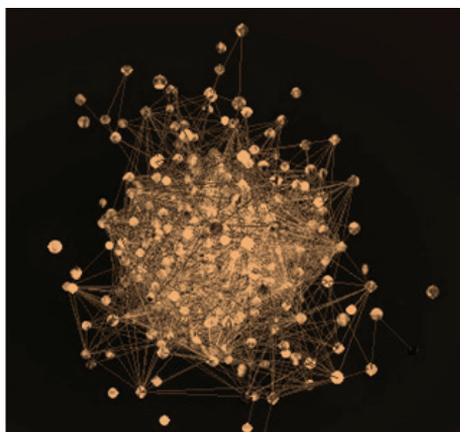

Рис. 12. Социальный граф «Вовлеченный»
Один центр при среднем значении 1,39
3 ответвления при среднем значении 2,68

центр и два ответвления, указывает на развитую коммуникативную среду в рамках исследуемых аккаунтов.

Показатели параметров «Вовлеченных» акцентирует наше внимание на больший уровень «рыхлости» аудитории, что вполне логично, учитывая тот факт, что «Вовлеченные» в меньшей мере активны в цифровом пространстве.

Как видно из Таблицы 8, среднее количество комментариев у «Вовлеченных» выше, чем у «Активистов», что свидетельствует о более активном взаимодействии первых с внешней аудиторией, что коррелируется с харак-

Среднее число комментариев и их адресат изучаемых профилей

	Среднее число комментариев	Среднее число личных комментариев	Среднее число комментариев в сообществах
«Активисты»	5,76	1,6 (27,7%)	4,16 (72,3%)
«Вовлеченные»	7,76	1,12 (14,4%)	6,6 (85,6%)

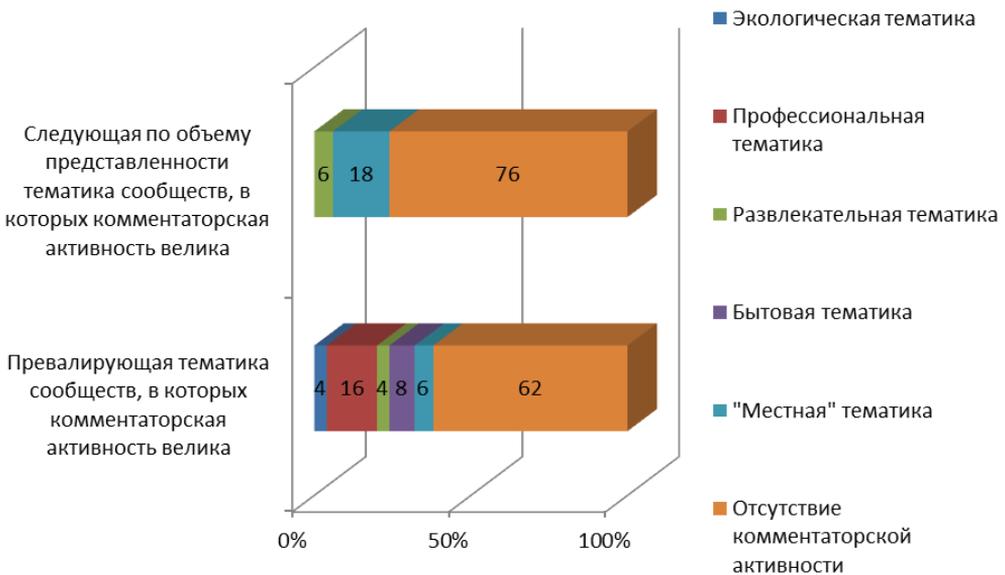

Рис. 13. Тематические особенности комментариев изучаемых профилей

теристикой структуры аудитории (среднее число ответвлений и плотность взаимосвязей внутри коммуникативного пространства). О том же свидетельствует и процентное соотношение личных комментариев и комментариев в сообществах: более высокая доля комментариев, адресованных «друзьям» указывает на более тесную коммуникационную среду.

Однако стоит заметить, что, в целом, оба кластера взаимодействуют по большей части с внешними коммуникативными узлами, поскольку в обоих случаях имеет место быть превалирование комментариев в сообществах. Однако заметим также, что столь малое количество комментариев за определенный нами промежуток времени (2 года) свидетельствует, в целом, о низком уровне активности как «Активистов» так и «Вовлеченных».

Тематические особенности комментариев или сообществ, где они были оставлены владельцами аккаунтов, также коррелируются с данными о тематических предпочтениях «Активистов» и «Вовлеченных»: большая их часть связана с профессиональной либо с «местной» повестками.

При этом необходимо указать, большая часть исследуемых нами профилей не оставляют цифровых следов в тех или иных сообществах (см. Рис. 12), что подтверждает высказанные в начале исследования тезис о пассивности и закрытости в сетевом пространстве изучаемой профессиональной группы.

Таким образом можно констатировать, что «Вовлеченные» имеют более «рыхлую» структуру своей аудитории, чем «Активисты». Однако последние в меньшей степени направляют свою активность во внешние коммуникативные узлы. Большая часть исследуемых нами профилей либо не комментирует события дискурсивного поля сети, либо делает это в узком тематическом диапазоне (профессиональная и «местная» повестки).

Экстремумы в рамках исследования. Хотелось охарактеризовать «крайние» исследовательские случаи, выделяющиеся своей тематикой, способом взаимодействия с аудиторией или своей активностью. Поскольку определение гражданской и политической активности педагогов в сетевом пространстве, являлось темой, излучавшихся в рамках исследования, следует указать не только типичное «массовое» поведение пользователей, но и описать контент профилей, отражающий политическую активность. Мы зафиксировали единичные, но разнообразные случаи среди пользователей «активистов»:

- аккаунт, владелец которого на данный момент времени является депутатом муниципального собрания, активно транслирует провластную позицию с помощью фото, видео и хештегов;
- пользователь активно репостит контент сообщества «За правду»;
- пользователь продуцирует оппозиционный контент, не определяя себя в качестве сторонника какого-либо политического актора.

Из «Вовлеченных» хотелось отметить случай экологического активиста, который не только с высокой частотой (до 7-10 постов в день) репостит записи с обозначенной тематикой, но и является автором постов в сообществе, связанного с повесткой помощи животным.

Указанные экстремумы показывают, что пользователи-педагоги оказываются менее политически и социально активными, чем представляется. Подчеркнем, что данное исследование происходило сугубо в рамках социально-медийного пространства, поведение владельца аккаунта в реальной жизни и в социальной сети может быть как схожим, так и не соответствующим друг другу.

Основываясь на результаты проведенного исследования и их интерпретацию, подведем итоги работы по изучению цифрового поведения педагогов общеобразовательных учреждений в РФ.

Российские учителя в социальных сетях «замкнуты» и используют социальные сети, по большей части, для личной коммуникации, а не для формирования и трансляции на ту или иную аудиторию ценностных ориентаций, несмотря на запрос со стороны общества.

Данная профессиональная группа практически не выражает собственные ценностные ориентации в социально-медийном пространстве. Примечательно, что подобная ситуация характерна не только для политического ценностного поля, но и для социальных ценностных ориентаций. Доминирующие тематики контента для всех кластеров пользователей демонстрирует фактическое выражение утилитарного набора ценностей.

Согласно результатам кластерного анализа, выделяется три основных кластера пользователей-педагогов. «Активист» является учителем, проживающий в малом населенном пункте среднего возраста и ведущий активную общественную жизнь. Именно такой портрет педагога является самым активным пользователем социальных сетей, создающим и транслирующим те или иные ценностные ориентации. Портрет «Вовлеченных», являющихся пассивными ретрансляторами контента, достаточно разнообразен и вариативен (но основное отличие, на наш взгляд, заключается в месте их проживания: средний и большой населенные пункты). «Зритель» – педагог малого населенного пункта, непубличный и моложе 35 лет.

Наибольшую активность на страницах релевантных аккаунтов демонстрируют не ученическая, а «Иная» и «Родительская» аудитории (которую, исходя из механизмов трансляции информации на родителей, можно охарактеризовать как «пограничную» между профессиональными и иными потребителями контента).

Несмотря на низкое значение политический окрашенного контента в общем объеме, материалы с провластной повесткой обладает высокой степенью интереса, обсуждения и одобрения аудиторией.

Узкий спектр основного типа контента свидетельствует о неспособности учителей коммуницировать с молодежью на их «языке». Возможно отсюда столь низкая активность ученической аудитории на страницах «Активистов» и «Вовлеченных» разных типов.

Для профессиональных аудиторий «Активист» использует преимущественно объяснительный и инструктивный механизм трансляции контента, что логично, исходя из продолжительного дистанционного формата обучения. Однако для «Родительской» и «Иной аудитории» используется нарративизация и инструктирование. Для «Вовлеченных» нарративизация также важный инструмент, но если «Вовлеченные» БНП используют нарративизацию в 47% случаев, а объяснение в 17%, то для СНП пропорция практически обратная (29% и 47%) – ключевые механизмы взаимодействия со своей аудиторией. Отметим что зачастую повествованию, если оно вне рамок профессиональной тематики, присуща превалирующая доля эмоциональности.

Несмотря на то, что аудитория «Активистов» носит сегментированный характер, анализ социальных графов свидетельствует о наличии в среднем одного центра коммуникации. Возможно, поскольку «Активисты» – жители малых населенных пунктов, в которых плотная коммуникация среда офлайн, то она транслируется на онлайн пространство, что, на наш взгляд, формирует один плотный коммуникативный узел, который внутри подразделяется на различные аудитории. Обратная ситуация у «Вовлеченных» (размытые границы аудитории, то есть большее число ответвлений, большая частота двух и более центров, нежели у «Активистов»), поскольку более высокая численность населения места проживания педагога предполагает больший уровень сегментации коммуникативного пространства. Плотность связей внутри аудитории демонстрирует незначительную разницу у «Активистов» и «Вовлеченных».

Активность изучаемых пользователей на внешних площадках, как показывает анализ комментариев, схожа и, в целом, низка, а их тематический диапазон узок и ограничивается профессиональной и местной тематиками.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) В первоначальную матрицу исследования были включены также пункты самоидентификации пользователя (политические предпочтения, мировоззрение, ценностные ориентации) однако эти пункты, (что отмечено в работе), в подавляющем большинстве случаев в своих профилях в социальных сетях пользователи учителя не заполняют.

(2) ТОП-10 РЕСУРСОВ // Web-index // <https://webindex.mediascope.net/top-resources>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ананченко А.Б., Тюков Н.А., Шаповалов В.Л. Ценностные ориентации студентов педагогических вузов и молодых педагогов в контексте формирования российской политической идентичности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 12 (57).

2. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А. Стратегии цифрового поведения российской молодежи в контексте формирования гражданских и профессиональных компетенций // Свободная мысль. 2019. № 4 (1676).

3. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Стратегии использования социальных сетей в современной России: результаты многомерного шкалирования // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 1.

4. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Синяков А.В. «Цифровое детство»: риски интернет-коммуникации школьников, их родителей и учителей (по материалам прикладного исследования в Ставропольском крае, 2020 г.) //

Власть. 2020. № 5 // <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-detstvo-riski-internet-kommunikatsii-shkolnikov-ih-roditeley-i-uchiteley-po-materialam-prikladnogo-issledovaniya-v>.

5. Бродовская Е.В., Тюков Н.А. Методология и методика прикладного политического исследования гражданского активизма в социальных медиа современной России // Власть. 2020. № 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-i-metodika-prikladnogo-politicheskogo-issledovaniya-grazhdanskogo-aktivizma-v-sotsialnyh-media-sovremennoy-rossii>.

6. Бузова О.В. Культура поведения в сети Интернет: мотивация, формы, осмысленность // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2015. № 3 // <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-povedeniya-v-seti-internet-motivatsiya-formy-osmyslennost>.

7. В России учителей увольняют за фото в соцсетях. Что происходит с ними потом? // BBC News // <https://www.bbc.com/russian/features-47695672>.

8. Гавриленко Л.Н. Проблема готовности учителя к патриотическому воспитанию учащихся // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-gotovnosti-uchitelya-k-patrioticheskomu-vozpitaniiyu-uchaschihsya>.

9. Жижина М.В. Медиаповедение в объективе социальных наук // Психология и социология. 2012 // http://www.rusnauka.com/17_AVSN_2012/Psihologija/12_112318.doc.htm.

10. Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за январь – сентябрь 2020 года // Росстат // <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fiSmaFOg/itog-monitor04-20.htm>.

11. Кадры школьного образования: возможности и дефициты. Мониторинг экономики образования // <https://clck.ru/SCjzk>.

12. Как учителя в школах в наглуемую призвали голосовать родителей за единокоросов. Все что нужно знать о выборах в РФ // Рамблер Новости // https://news.rambler.ru/education/44835538-kak-uchitelya-v-shkolah-vnagluuyu-prizyvali-golosovat-roditeley-za-edinorosov-vse-chto-nuzhno-znat-o-vyborah-v-rf/?article_index=1&updated.

13. Лысенко Е.Н. Интернет-мемы в коммуникации молодежи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. № 4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-v-kommunikatsii-molodezhi>.

14. Львов С.В., Максимова А.А., Тюков Н.А., Шаповалов В.Л. Ценностный профиль студентов педагогических вузов и молодых педагогов // Вопросы политологии. 2019. № 12 (52).

15. Медиапотребление в России – 2020 // Deloitte // <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/media-consumption-in-russia.html>.

16. Отчет по результатам международного исследования учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения TALIS-2018 // <https://fiooco.ru/Media/Default/Documents/TALIS/20TALIS-2018.pdf>.

17. *Погожина И.Н., Подольский А.И., Идобаева О.А., Подольская Т.А.* Цифровое поведение и особенности мотивационной сферы интернет-пользователей: логико-категориальный анализ // Вопросы образования. 2020. № 3 // <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-povedenie-i-osobennosti-motivatsionnoy-sfery-internet-polzovateley-logiko-kategorialnyu-analiz>.

18. *Проноза С.В.* Методологические основания изучения социально-профессиональной активности учителей // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (59) // <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osnovaniya-izucheniya-sotsialno-professionalnoy-aktivnosti-uchiteley>.

19. Руметрика: половозрастная структура Интернета в России // Hostinfo // <http://hostinfo.ru/articles/search-engine/rambler/1542>.

20. Сведения о численности зарегистрированных в Российской Федерации и за пределами территории Российской Федерации избирателей, участников референдума Российской Федерации по состоянию на 1 июля 2020 года // ЦИК РФ // <http://www.cikrf.ru/izbiratel/quantity/01072020.php>.

21. Семья, дети // Сахалинский форум // <https://forum.sakh.com/family/>.

22. Статистика социальных сетей в России 2020 // LiveDune // https://livedune-ru.turbopages.org/livedune.ru/s/blog/statistika_socsetej_v_rossii.

23. *Стригуненко И.К.* Особенности девиантного поведения в глобальной сети интернет // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 10 // <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-deviantnogo-povedeniya-v-globalnoy-seti-internet>.

24. Учителя и выборы: «Традиционный козел отпущения отвязался и убежал» // RFI // <https://www.rfi.fr/ru/rossiya/20190823-uchitelya-i-vybory-traditsionni-kozel-otpushcheniya-otvyazalsya-i-ubezhal>.

25. Учителя и школа // ФОМ // <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14268>.

26. Учителя призывают рязанских родителей голосовать «за» поправки в Конституцию // Комсомольская правда // <https://www.ryazan.kp.ru/online/news/3922912/>.

27. Численность учителей государственных и муниципальных общеобразовательных организаций (без вечерних (сменных) общеобразовательных организаций) // Росстат // https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b14_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-09.htm.

28. Эксперты ОНФ: Дефицит учителей в российских школах за год увеличился // ОНФ // <https://onf.ru/2019/06/24/eksperty-onf-deficit-uchiteley-v-rossiyskih-shkolah-za-god-velichilsya/>.

29. *Manuel Castells*. The Rise of The Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture (англ.). John Wiley & Sons, 2000. ISBN 978-0-631-22140-1.

30. *Potter J. and Edwards D.* Discursive social psychology. In W.P. Robinson and H. Giles. (eds). The New Handbook of Language and Social Psychology. London: John Wiley, 2001.

31. *Van Dijk Jan*. The Network Society: Social Aspects of New Media De netwerkmaatschappij Bohn Stafleu Van Loghum, Houten; The Netherlands, 1991.

ОСОБЕННОСТИ ФЕДЕРАЛИЗМА В АРАБСКИХ СТРАНАХ (НА ПРИМЕРЕ ИРАКА)

В статье проведен всесторонний анализ арабских стран, расположенных на Ближнем Востоке. Продемонстрированы ключевые и актуальные теоретические точки зрения зарубежных ученых на природу федеративных отношений в арабских странах. Также автором затрагиваются вопросы критериев и признаков федеративных отношений. По мнению автора, именно в предпосылках к федеративной форме территориально-политического устройства государства заключена степень долговечности и эффективности федеративных отношений.

Вместе с тем проведенный сравнительный анализ показал, что арабские страны, как ОАЭ, Ирак, Ливан и др., обладают целым рядом черт и особенностей, которые затрудняют реализацию федеративных элементов в политическую систему стран данного региона. Как, например, стремление к чрезмерной централизации.

Также в статье приведены точки зрения таких специалистов, как Д. Кристофер, Д. Элейзер, С. Айзенишад и других.

Автором исследованы длительные конституционные изменения в Ираке, касающиеся трансформации федерализма. Представлены, какие именно сферы территориально-политического устройства были подвергнуты реформам, и каким образом это сказалось на дихотомии централизации и децентрализации власти в Ираке. Показаны, какие исторические особенности Ирака до сих пор продолжают влиять на характер взаимоотношений внутри Ирака, например, существование Иракского Курдистана и резкое изменение политического устройства после вторжения США и союзников в 2003 г.

В данной статье приведены основные типологии деволюционных процессов применительно к иракскому опыту федеративных отношений.

Автором сделаны предположения и прогнозы относительно развития центростремительных процессов в Ираке.

Ключевые слова: федерализм, асимметричный федерализм, Ирак, региональные противоречия, сепаратизм, типология, Курдистан.

E.E. KOCHETKOV
Candidate of Political Sciences,
Associate Professor at the Chair of Russian history,
Russian University of Transport (MIIT),
Moscow, Russia

FEATURES OF FEDERALISM IN ARAB COUNTRIES (ON THE EXAMPLE OF IRAQ)

The article provides a comprehensive analysis of the Arab countries located in the Middle East. The key and actual theoretical points of view of foreign scientists on the nature of federal relations in Arab countries are demonstrated. The author also touches upon the issues of criteria and signs of federative relations. According to the author, it is in the preconditions for the federal form of the territorial-political structure of the state that the degree of longevity and effectiveness of federal relations lies.

At the same time, the comparative analysis showed that Arab countries like the UAE, Iraq, Lebanon and others have a number of features and characteristics that complicate the implementation of federal elements in the political system of the countries of this region. For example, the desire for excessive centralization.

Also, the article provides points of such specialists as D. Christopher, D. Elizer, S. Eisenstad and others.

The author investigates the long-term constitutional changes in Iraq concerning the transformation of federalism. It presents exactly which spheres of the territorial-political structure were subjected to reforms and how this affected the dichotomy of centralization and decentralization of power in Iraq. It shows what historical features of Iraq still continue to influence the nature of relations within Iraq, for example, the existence of Iraqi Kurdistan and a sharp change in the political structure after the invasion of the United States and its allies in 2003.

This article presents the main typologies of devolutionary processes in relation to the Iraqi experience of federal relations.

The author has made assumptions and forecasts regarding the development of centripetal processes in Iraq.

Key words: *federalism, asymmetric federalism, Iraq, regional contradictions, separatism, typology, Kurdistan.*

В середине 90-х гг. XX в. и вслед за вторжением в Ирак возглавляемой США «Коалицией доброй воли» федерализм как государственный организационный принцип стал для арабского мира «en vogue» (2). В силу насиль-

ственной смены режима страна попала в фокус исследовательской литературы [3], занимающейся конкретно вопросами потенциала федерализма как институционализированной формы разрешения конфликтов, тем более в условиях сильно выраженной этнической и конфессиональной внутренней дифференциации иракского общества. Если проанализировать опыт федерализма в Ираке в XXI в., то можно заметить следующее, что многочисленные центробежные силы распада страны и дефицит политико-правовой практики демонстрируют с точки зрения конституционных целей очень немного субстанциональных результатов организации децентрализованной государственности. Напротив, Масуд Барзани (Masud Barzani), бывший президент автономной иракской провинции Курдистан, предпринял в 2016 г. попытку проведения референдума о независимости Курдистана (1).

Иракский пример демонстрирует нам, что федерализм требует множества условий. Согласно классическому определению Дж. Элейзера, федерализм – это совокупность «self-rule» (или «self-government») (самоуправления) и «shared-rule» (или «federal-government») («разделенного управления» или «федерального управления»). Еще в 1979 г. он писал: «Почти каждая попытка федерации на Ближнем Востоке потерпела неудачу. Единственная на данный момент существующая – Объединенные Арабские Эмираты, федерация нефтяных эмиратов в Персидском заливе. Это функционирует, потому что это – конфедерация (нефедерация) эмиров, а не народов» [5]. Другими словами, привлекательный федеративный пример в регионе, как объединившие в федерацию ОАЭ, следует другой логике. Отдельные эмираты пришли к объединению в федерацию, исходя из собственного понимания (имея до этого предгосударственную сущность) и с тех пор следуют обратной, по сравнению с процессами децентрализации, логике смещения полномочий централизованной государственной власти с целью повышения эффективности политических решений и ее регулирующих полномочий.

В арабском мире – регионе с сильными традициями централизованного государства, управление – это проблема (обязанность) не только столиц. Везде государственные обязанности распределены и по нижестоящим уровням. Федерализм, однако, это больше чем децентрализация власти. Децентрализация смещает полномочия в имплементацию (реализацию) политики. Но она не смещает источники легитимной власти. Федеральные структуры основываются на региональном волеизъявлении народа, региональной конституции и признании центральным правительством процессов волеизъявления. В противовес этому децентрализация – это только делегирование в широком смысле. Последнее оправдывается такими понятиями как эффективность, экономическая эффективность, проблемно-ориентированность. В соответствии с буквой закона децентрализация не может принимать идентичных форм. Вариации возможны, и они охватывают диапазон от «деволюции», т.е. передачи обязанностей региональным прави-

тельствам (административная деволюция) через региональные правительства (деволюция исполнительной власти) и до региональных парламентов (парламентская деволюция). Чем больше децентрализация связана с отчетностью на местах и набором местного персонала, тем вероятнее парламентаризация деволюции. Децентрализация касается отдельных политических областей в разной степени. Особенное значение имеют вопрос децентрализации финансового законодательства и вместе с тем совместное решение задач и их финансирование на местах. Менее сложной (амбициозной) задачей, чем децентрализация государственных обязанностей, является их деконцентрация. Она возлагает обязанности не как нечто целое на регионы и коммуны, а сортирует (классифицирует) административно-управленческие расходы. Здесь никогда не возникнет региональной или локальной политики. Регион или административная единица – это только продолжение пространства центральной власти. Демократизация и федерализация идут рука об руку, т.к. федерализм строит политический порядок власти снизу, в соответствии с принципом субсидиарности. Если субсидиарная власть отсутствует, то власть может осуществляться только через контролируемые централизованным государством каналы. Федерализм здесь поэтому понятию невозможен, но возможна децентрализация на фоне существенного расширения ее, требующих исследования стратегий в арабских странах с начала 1990-х. Политический порядок власти «снизу», изнутри вплетенный в федерализм, вряд ли распознаем на фоне устойчивого авторитарного правления в арабском мире. Эти выводы подтвердили свою истинность и через призму «арабской весны» 2011 г. Несмотря на моменты открытости и множественные смены режимов, автократии регионов прикладывают массу усилий и инвестируют в различные способы воздействия автократической власти на региональный уровень.

Но, как нам представляется, арабское общество связано в значительной степени с государственностью, даже если оно организовано децентрализовано (например, ОАЭ или Ливан). Государство – не единственная сила, объединяющая общество. Куда более важны на локальном, региональном и центральном уровне неопатримониальные связи патронажа и протекционизма, которые в разном выражении обращены к этническим, конфессиональным и/или родовым связующим силам. Неопатримониализм мы понимаем в духе концепции Вебера (неформальной) патримониальной и (формальной) рационально-легальной власти как соединение неформальной и формальной власти [1. С. 67]. Понятие, таким образом, согласно Айзенштадту, употребляется для внедрения патримониальной логики в современную государственную бюрократию [4. Р. 94]. В то же время региональные государственные институты – прежде всего интервенционные (посреднические) инстанции, которым могут мешать эти связи, но влиять на них они не могут. В силу пространственной ограниченности этих связей не возникает демократических

структур, но появляется определенная доля автономности и самоконтроля, которые частично определяются трайбализмом и традиционным/родовым качеством действующих лиц (монархии Персидского залива), этнической гетерогенностью (Иордания) и религиозной вариативностью (Ливан). Региональная власть в арабских странах поэтому больше, чем концентрация обязанностей. Это гибкая и неформальная форма решения проблем, которая включает в себя адаптивность и силы государственной власти. Каждый политический порядок, все равно демократический или автократический, нуждается в легитимационной основной идее. Это касается больше всего автократий XXI века, во времена биполярного мира близость к идеологическому гегемону (США или СССР) была достаточной гарантией выживания во властно-политическом смысле. Легитимность при этом надо понимать, как величину достаточно изменчивую. Кризис легитимности не всегда при этом ведет к смене режима и краху действующего порядка. Легитимация – результат постоянных переговорных процессов и нуждается в непрерывном согласии, и, что еще важнее, – фундаментальном консенсусе относительно принципов политического порядка и его обоснования, откуда берет начало и институциональный комплекс: государство – общество – связи. Автократии сегодня более чем в прошлом нацелены на легитимационные стратегии и предпочитают стратегии повышения властной привлекательности и эффективности легитимность, а также стратегию консолидации политических соотношений лояльности. Последнее достигается прежде всего с помощью «плотной» концепции национальной идентичности.

В контексте повышения эффективности политической власти с начала 1990-х наблюдается усиление стратегий децентрализации. Они все чаще служат инструментом для достижения цели выровнять социорегиональные дихотомии, а также способствуют соответствию условиям международных организаций – спонсоров. Это, с одной стороны, объясняет значительное пространство деятельности и функциональные требования со стороны международных организаций – доноров, когда они в рамках «Washington Consensus» требуют дерегуляцию, приватизацию и либерализацию; а с другой стороны – готовность автократического режима заранее признать социально-региональные дихотомии опасными для режима, простимулировать рост посредством стратегий децентрализации и тем самым добиться гарантий сохранения власти. Другими словами, децентрализация развивается все больше как эффективно воспринятая правительством стратегия в целях решения проблем управления. В то же время здесь необходимо четко разграничивать децентрализацию и федерализм.

Реальный внутригосударственный федерализм был насажден в Ираке после совершенной извне смены режима в 2003 г. Федерализм был призван избежать следующего шага – сепарации (прежде всего курдов) и религиозного конфликта между суннитами и шиитами. Поэтому федерализм

был связан с моделью «общественной демократии» [2. Р. 331]. Это позволяет «shared-rule» дефинировать еще более узко. В Ираке надо управлять не только раздельно, но и через формулу власти – равноправие возможностей вето у всех (схожей с моделью, функционирующей в Боснии и Герцеговине). Для того, чтобы крушение федеративной идеи было более значительным, вместо ослабления децентрализованных структур в пользу центра, выгодного для одной из политических сил, в Ираке (как следствие отказа от «shared-rule») наблюдалась массированная политическая борьба. Формальный опыт федерализма и прежде всего общественной демократии был аннулирован. В терминах Хиршмана [6. Р. 10]: «Лояльность» всегда под вопросом, но поиски «права голоса» в Ираке в контексте возникших институтов в значительной мере, на наш взгляд, предполагают сецессию провинции Курдистан и потенциальную гражданскую войну. Общественная демократия «сверху» потерпела фиаско, что не мешает тому, что сегодня на международном уровне дискутируется подобная модель для Ливии, чтобы избежать потери целостности или даже краха государственности по примеру Сомали 1990-х. Для этого не должен быть упущен из виду опыт Ирака: федерализм не найдет консенсуса; он основывается на консенсусе «shared-rule», который отягчен тремя специфическими факторами: 1) колониальным/предгосударственным прошлым; 2) неопатримониализмом; 3) отсутствием территориализации этнического/конфессионального плюрализма.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Более 90 процентов жителей Курдистана высказались за независимость данной провинции, но результаты не были признаны ни Ираком, ни мировым сообществом.

(2) Данное выражение в переводе с французского языка означает очень модный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Социология. М.: ВШЭ, 2016.
2. Beetham D. The Legitimation of Power. N.Y., 2013.
3. Christopher D. The Vulnerability of Success. L., 2019.
4. Eisenstadt S.N. Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism. L., 1973.
5. Elazar D. Self-rule and Shared rule. Two Peoples – One Land: Federal solutions for Israel, the Palestinians and Jordan. N.Y., 1979.
6. Hirschman A. Exit, Voice and Loyalty. Cambridge, 1970.

СЛОЖНОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА: ВНЕШНЕЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО И «ЛИБЕРАЛЬНЫЙ» ПОДХОД К МИРОСТРОИТЕЛЬСТВУ¹

Война в Сирии породила гуманитарный кризис, начавшийся в 2011 г. и продолжающийся по сегодняшний день, который требует политического решения. Сирийский конфликт и его урегулирования – процесс многосторонний, поскольку в нем участвуют многие местные, региональные и международные субъекты, такие как Россия, Иран, Турция, США и ряд других стран, а также различные международные организации. Они имеют различные интересы в Сирии и по-разному подходят к определению роли международного сообщества в миростроительстве. Все это усложняет и удлинняет процесс разрешения сирийского кризиса. Более того, основной на сегодняшний день подход к миростроительству заключается в «либерализации» политических режимов и экономики стран, находящихся в состоянии конфликта. Этот подход подвергался критике как со стороны ученых, так и со стороны крупных стран, таких как Россия и Китай. Длительный и пока безуспешный «мирный процесс» сирийского кризиса является одним из примеров безуспешности «либерализационного» подхода к урегулированию конфликта и созданию устойчивого мира. Сейчас на замену такого подхода пришла новая тенденция, содействующая «гибридной» форме миростроительства, которая поддерживает создание гибких и устойчивых местных общественных институтов, способных поддерживать устойчивый мир.

Ключевые слова: *Сирия, миростроительство, либерализация, гражданская война, внешнее вмешательство, экономические санкции.*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90011.

RABAT LUJAIN

*PhD Student, Junior Researcher the Institute
for Demographic Research FCTAS RAS,
Moscow, Russia*

DIFFICULTIES IN RESOLVING THE SYRIAN CONFLICT: EXTERNAL INTERVENTION AND “LIBERAL” APPROACH TOWARDS PEACE-BUILDING

The war in Syria has created a humanitarian crisis which began in 2011 and continues to this day. The Syrian conflict and its resolution are multilateral processes as they involve many local, regional and international actors, such as Russia, Iran, Turkey, the United States and a number of other countries, as well as various international organizations. These countries have different interests in Syria as well as different approaches to defining the role of the international community in peacebuilding. All this complicates and lengthens the process of resolving the Syrian crisis. Moreover, the main approach to peacebuilding today is to “liberalize” the political regimes and economies of countries in conflict. This approach has been criticized both by scientists and by major countries such as Russia and China. The long and so-far unsuccessful “peace process” of the Syrian crisis is one example of the failure of the “liberalizing” approach to resolving the conflict and creating sustainable peace. This approach has now been replaced by a new trend that promotes a “hybrid” form of peacebuilding, which supports the creation of flexible and resilient local public institutions that can support sustainable peace.

Key words: *Syria, peacebuilding, “liberalization”, civil war, foreign intervention, economic sanctions.*

Война и кризис в Сирии поставили перед мировым сообществом множество проблем. Сирийский конфликт «стал одним из наиболее продолжительных в современной истории Ближнего Востока и непосредственно затронул или повлиял практически на все страны региона» [4. С. 13]. Более того, его последствия вышли за пределы региона, достигнув Европейского континента. Внутригосударственные конфликты часто представляют угрозу для международного сообщества: потоки мигрантов, распространение терроризма, и т.д. Стремясь положить конец этим конфликтам и восстановить мир в конфликтующих странах, «заинтересованные стороны в международном сообществе увеличивают масштабы многоуровневого участия многочисленных институтов, а также диапазон многоаспектных вариан-

тов политики (5)» [12. С. 29]. На сегодняшний день международное сообщество разработало различные механизмы вмешательства в конфликты с целью восстановления и поддержания мира. Это и отправка миротворческих сил ООН для сдерживания насилия, и содействие диалогу между конфликтующими сторонами, и другие действия (так называемые механизмы «state-building»), направленные на изменение или совершенствование государственных механизмов и институтов путем изменения конституций, проведения выборов и т.д.

Но факты увеличения числа внутригосударственных конфликтов в мире и возвращения некоторых государств к состоянию конфликта после ухода миротворческих миссий (3) свидетельствуют о том, что основные методы и подходы, используемые международным сообществом для восстановления или поддержания мира, часто не достигают устойчивого положительного результата. Соответственно данным, собранным и проанализированным Максом Розером в докладе «War and Peace», с 1946 по 2016 гг. число гражданских конфликтов в мире увеличилось на 288%, а число гражданских конфликтов с иностранной интервенцией – на 800% [10]. Сегодня мы видим, что внешнее вмешательство может усугубить конфликтную ситуацию и затянуть процесс ее разрешения. Это связано с тем, что у каждой страны есть свои интересы и для их защиты одно государство готово вмешиваться во внутренние дела другого. Вмешательство может происходить не только военным путем, но и путем финансирования или оказания дипломатической поддержки той или иной стороны, или введения экономических санкций как инструмента политического давления.

Сирийский конфликт, в котором по приглашению сирийской стороны участвуют Россия и Иран, а также самостоятельно приняли решение об участии в нем Турция, США и ряд европейских стран – служит хорошим примером того, как иностранное вмешательство может продлить кризис и затруднить процесс его урегулирования. Несмотря на ряд инициатив по прекращению конфликта в Сирии, в том числе проведение женевских и астанинских переговоров, принятие резолюции № 2254 Советом Безопасности (СБ) ООН, война продолжается, и страна все еще далека от состояния мира. Международные попытки разрешить конфликт в Сирии до сих пор не увенчались успехом по целому ряду причин:

1) на международном уровне в разрешении сирийского кризиса участвуют силы, принимающие политическое, финансовое и военное участие в конфликте на той или иной стороне;

2) участвующие в процессах миростроительства державы расходятся во мнениях о роли и целях международного сообщества в процессах разрешения конфликтов в современном мире;

3) существуют недостатки «либерального» подхода, господствующего в современных теориях и практиках миростроительства.

Указанные причины отсутствия прогресса в деле миротворчества характерны не только для сирийского конфликта, но и для многих современных конфликтов. В данной статье рассматривается процесс разрешения сирийского кризиса на уровне участвующих в нем стран.

«Либерализация» не единственный путь к миру – «Liberalisation» is not the only path to peace. Основным подходом к миростроительству является политическая и экономическая «либерализация» страны. Такой подход основан на двух предположениях. Во-первых – демократизация государства, страдающего от внутренних конфликтов, перенесет конфликт с поля боя на мирную политическую арену выборов. Во-вторых – создание рыночной экономики снизит напряженность, создав устойчивый экономический рост. Данный подход критикуют многие ученые, такие как Оливер Ричмонд (2018) и Седрик де Конинг (2016). Они утверждают, что осуществление вмешательства международных организаций и стран во внутренние дела национальных субъектов и выставление им условий неблагоприятны сами по себе и несут негативные последствия. Де Конинг пишет: «чтобы мирный процесс был устойчивым, гибкие общественные институты должны быть сформированы на основе местной культуры, истории и социально-экономического контекста (6)» [7. С. 167]. Он не отрицает, что ограниченное международное вмешательство может облегчить процесс создания гибких общественных институтов, однако утверждает, что слишком большое вмешательство может подрвать процессы местной самоорганизации, жизненно важные для поддержания устойчивых общественных институтов. Таким образом, мы можем утверждать, что произошел сдвиг от концепции «правительственного вмешательства», направленного на устранение проблем безопасности, ко все более взвешенному «гибридному» подходу к созданию условий и институтов, которые бы поддерживали стабильность и эффективность. «Гибридный» подход направлен, в первую очередь, на инвестирование в устойчивость местных общественных институтов для предотвращения будущей напряженности и восстановления социально-политических и экономических структур в целях поддержания устойчивого внутреннего мира.

Не только ученые расходятся во мнениях относительно наилучших подходов к разрешению конфликтов, но даже наиболее влиятельные страны мира по-разному рассматривают свою роль в качестве международных арбитров в процессе миростроительства. Максим Братерский (2018) различает цели миростроительства с точки зрения США и европейских стран, с одной стороны, и новых держав, таких как Россия и Китай, с другой. Первые считают, что целью миротворчества и урегулирования конфликтов является защита прав и свобод личности и осуществление «демократического перехода» путем установления либерально-демократических режимов взамен авторитарных. Вторые считают, что целью урегулирования конфликтов и миротворчества является сохранение и укрепление местных государ-

ственных структур, чтобы они могли поддерживать правопорядок на своей территории. Участие обеих сторон в сирийском конфликте «выявило четкие разногласия между Россией, Китаем, Турцией (4), Ираном и официальной Сирией, с одной стороны, и основными западными державами, с другой, относительно принципов и политики современного миротворчества» [1. С. 157]. Отсутствие консенсуса между различными странами-участницами «мирного процесса» в Сирии, выражается в многочисленных трудностях, сопровождающих процесс урегулирования кризиса в стране.

Многосторонний сирийский конфликт – The multilateral Syrian conflict. Сирийскую войну можно считать многосторонней, поскольку в ней участвуют как местные группировки, так и региональные и международные стороны. В настоящее время идут бои между сирийским правительством и его союзниками, с одной стороны, и силами повстанцев и экстремистов (в основном в северо-западном Сирии в провинции Идлиба) с другой стороны. Для разрешения конфликта в Сирии, международное сообщество вмешалось в него, приняв резолюции и попытавшись дипломатическим (и иным) путем урегулировать разногласия между конфликтующими сторонами, посадив их за стол переговоров, но тем не менее страна все еще находится в состоянии конфликта. В ноябре 2012 года «национальная коалиция сирийских революционных и оппозиционных сил» (The National Coalition for Syrian Revolution and Opposition Forces), сформированная в Катаре (из нее исключены исламистские ополченцы), получила официальное признание США, Великобритании, Франции, Турции и стран Персидского залива в качестве «законного представителя» сирийского народа. Это показывает, что с самого начала войны «Западный мир», Турция и страны Персидского залива были настроены против президента Асада. У сирийского государства также есть региональные и международные союзники, такие как Иран и Россия, которые с начала конфликта своими заявлениями и действиями поддерживали президента Асада. С 2015 года они стали более активно участвовать в конфликте из-за повышенной активности Исламского Государства (ИГ) (запрещено в России) и захвата им значительной части сирийской территории (1). В сентябре 2015 года Россия наносила свои первые авиаудары в Сирии, направленные преимущественно на группировку ИГ (запрещена в России). Это помогло ограничить увеличивающееся влияние ИГ (запрещена в России), но также изменило баланс сил в регионе в пользу правительственных сил и побудило противников правительства Асада принять более решительные меры, чтобы помочь поддерживаемым ими группировкам и обеспечить свои собственные интересы. Поскольку «религиозно-политический экстремизм сегодня превосходит по своему охвату и влиянию на большие группы населения все остальные разновидности экстремизма» [2. С. 88], ИГ (запрещена в России) было объявлено общим противником. Тем не менее борьба с ним могла стать и предлогом для продвижения сторонами конфликта своих интересов.

Попытки разрешить конфликт в Сирии начались уже в 2011 году, когда Лиг Арабских Государств (ЛАГ) попыталась заставить сирийское правительство и оппозиционные группы договориться о прекращении боевых действий. В 2012 и 2013 годах Россия предприняла несколько попыток посадить обе стороны конфликта за стол переговоров, но и эти попытки потерпели неудачу. В июне 2012 года в Женеве «Сирийская группа действий» (Action Group for Syria), состоящая из пяти постоянных членов СБ ООН, а также Турции, Ирака, Кувейта и Катара, предложила создать переходное правительство, включающее представителей как сирийского правительства, так и оппозиции. Однако разногласия по поводу участия президента Асада в переходном правительстве привели к провалу этого предложения. Более того, великие державы «Россия и США не прекратили свою дипломатическую, финансовую и военную поддержку сирийских противников. Таким образом, вместо того, чтобы содействовать политическому урегулированию, они поощряли как режим, так и оппозицию в надежде, что они смогут выиграть борьбу военным путем (7)» [6. С. 33]. Уже тогда было ясно, что идеологические и политические разногласия между сторонами, активно участвующими и в сирийском конфликте, и в процессе его разрешения, скорее препятствуют этому процессу, чем способствуют ему.

В ноябре 2015 г. в Женеве состоялись переговоры по урегулированию конфликта в формате «группы поддержки Сирии» (Syrian Support Group, SSG). В декабре 2015г. участниками переговоров была выработана совместная резолюция № 2254, которая легла в основу будущего сирийского мирного процесса. В резолюции № 2254 ООН выражала свою поддержку «ведомого самими сирийцами политического процесса, осуществляемого при содействии ООН и обеспечивающего ... переход к заслуживающему доверия, инклюзивному правлению на внеконфессиональной основе и определение графика и процедуры разработки проекта новой конституции» [3. С. 3]. Резолюция также рекомендовала провести свободные и справедливые выборы под наблюдением ООН в течение следующих 18 месяцев. Осуществление плана шло крайне медленно. В сентябре 2019 (спустя четыре года после принятия резолюции № 2254) была достигнута договоренность о составе комитета по разработке конституции. Комитет состоит из 150 членов, представляющих в равных пропорциях сирийское правительство, оппозицию и гражданское общество. На данный момент комитет провел три заседания, но, как заявляют Карам Шаар и Айман Дасуки (2021), «практически ничего не было согласовано с момента первого заседания комитета более года назад. Предыдущие три раунда переговоров показывают, насколько трудным был путь к сотрудничеству (8)» [11]. В 2016 году отсутствие существенного прогресса в реализации резолюции привело к созданию новой платформы переговоров в Астане. Спонсорами ее выступили Россия, Турция и Иран. В отличие от женеvских переговоров, которые были направлены

на осуществлении политических реформ в Сирии, астанские переговоры были направлены, в первую очередь, на прекращение боевых действий. В результате переговоров в Астане было достигнуто несколько перемирий и созданы буферные зоны, которые должны были привести к завершению активной фазы вооруженного конфликта. Однако эти перемирия были недолгими, и вооруженный конфликт все еще продолжает разрушать жизни и инфраструктуру в стране.

Здесь нельзя не упомянуть санкции, выдвинутые против Сирии США и некоторыми европейскими странами. С 2011 эти санкции неоднократно продлевались и ужесточались. С момента вступления в силу американского «Закона Цезаря о защите гражданских лиц в Сирии» (11) от 2019 года сфера действия санкций расширилась и включила в себя иностранных партнеров сирийского правительства. Хотя целью санкций является преследование ответственных за насилие и разрушения со стороны режима правительства Асада, на самом деле больше всего страдает сирийский народ. Как заявляет Заки Мехчи (2020), это происходит, в первую очередь, в энергетической и финансовой сферах, «поскольку большинство людей внутри Сирии борются за доступ к производным нефтяным продуктам ... и сталкиваются с трудностями при проведении финансовых операций, особенно при получении денежных переводов, которые стали одним из основных источников дохода для многих сирийских домохозяйств (9)» [8. С. 3]. Кроме того, введенные экономические санкции ограничивают возможности Сирии в международной торговле и препятствуют процессу восстановления страны, невозможному без значительного заимствования средств.

Заключение. Сирийский кризис стал не только примером борьбы за власть между местными силами, но и ареной противостояния иностранных держав. Хотя большая часть территории страны теперь возвращена под контроль сирийского государства (2), разрушение экономической и социально-политической инфраструктуры, общественных институтов делает жизнь в стране нестабильной и сложной. По словам Хафеза Ганема, вице-президента Всемирного банка по Ближнему Востоку и Северной Африке, «число человеческих жертв неимоверно, однако война разрушает также институты и системы, необходимые для того, чтобы общество могло функционировать, и их восстановление станет более трудной задачей, нежели восстановление инфраструктуры, – задачей, сложность которой по мере продолжения войны будет только нарастать» [13]. Поэтому план миростроительства в стране должен обеспечивать не только прекращение боевых действий и общую работу над обновлением конституции, но и восстановление общественно-политических институтов как на государственном, так и на местном уровнях. Это само по себе является трудной задачей, которая еще сильнее усложняется из-за участия различных местных, региональных и международных сторон с различными политическими, экономическими и иными интересами.

До сих пор попытки международного сообщества разрешить сирийский конфликт следовали западной либеральной модели миростроительства, которая обычно предполагает изменение конституции и проведение выборов в качестве важнейших шагов к построению мира. Такой подход к миростроительству подвергается все большей критике, поскольку он не способствует устойчивому миру, но, в первую очередь, защищает интересы внешних сил в регионе. Это стало отчетливо заметно в процессе выработки резолюции № 2254, которая «кодифицировала ряд компромиссов между Москвой и Вашингтоном; текст отражает серию примирений, на которые две великие мировые державы готовы пойти в решении сирийского конфликта, а не сами проблемы людей, сражающихся на местах (10)» [5. С. 3]. Для строительства устойчивого мира, необходимо создавать и поддерживать местные социально-политические и экономические институты, которые были бы устойчивыми и гибкими. Поэтому в миростроительстве наметилась и набирает обороты тенденция, поддерживающая «гибридный» подход, основанный на осуществлении миростроительства двумя параллельными процессами – снизу вверх и сверху вниз.

ПРИМЕЧАНИЕ:

(1) В мае 2015 года боевики ИГ захватили исторический город Пальмира в Центральной Сирии, а коалиция суннитских воинствующих группировок «Джейш аль-Фатх» взяла под свой контроль провинцию Идлиб.

(2) В ходе войны террористические и повстанческие группировки взяли под свой контроль значительную часть территории страны. Однако теперь сирийское правительство вернуло себе большую его часть.

(3) Например: Гаити, Либерия и Демократическая Республика Конго.

(4) Несмотря на то, что Братский упоминает Турцию в одном списке с сирийским правительством, здесь важно отметить, что Турция поддерживает различные оппозиционные группы в Сирии для обеспечения своих собственных интересов в регионе.

(5) Текст на оригинальном языке: stakeholders in the international community are increasing the scale of multilayered involvement by multiple institutions, as well as the range of multidimensional policy options.

(6) Текст на оригинальном языке: for a peace process to become sustainable, resilient social institutions need to emerge from within, i.e. from the local culture, history and socio-economic context.

(7) Текст на оригинальном языке: Russia and the USA did not stop their diplomatic, financial and military support for Syria's opponents. Thus, instead of promoting a political settlement, they encouraged both the regime and opposition in the belief that they could win the fight militarily.

(8) Текст на оригинальном языке: virtually nothing has been agreed since the SCC's first meeting more than a year ago. The previous three rounds of talks show just how difficult the path to cooperation has been.

(9) Текст на оригинальном языке: as most people inside Syria struggle to access oil derivatives such as diesel and encounter difficulties in conducting

financial transactions notably receiving remittances that have become one of the main sources of income for many Syrian households.

(10) Текст на оригинальном языке: codified a series of compromises between Moscow and Washington; the text reflects a series of conciliations that brought together two great world powers, but not the concerns of the combatants on the ground, or even the concerns of their regional backers.

(11) <https://www.govtrack.us/congress/bills/116/hr31/text>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Братерский М.В.* Россия и миротворческие операции: концептуальные и практические составляющие российской политики // Вестник международных организаций. 2018. № 1 (13). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-09.

2. *Гаджимурадова Г., Доброхлеб В., Безвербный В., Храмова М.* Религиозно-политический экстремизм в центральной Азии и на Кавказе: Социально-демографические факторы возникновения и возможности противодействия // Центральная Азия и Кавказ. 2017. № 3 (20).

3. Совет Безопасности Организации Объединенных Наций, Резолюция 2254 // Организация Объединенных Наций. 2015 // <https://www.mid.ru/documents/10180/2029205/N1544337.pdf/ce5a8e44-3536-4a89-adb8-20215e3fa454>.

4. Центр Ближнего и Среднего Востока РИСИ. Изменение позиций значимых региональных игроков в ходе сирийского кризиса // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 6 (51).

5. Arab Center for Research & Policy Studies. UN Resolution 2254 and the Prospects for a Resolution to the Syrian Crisis. Qatar, 2016.

6. *Asseburg M., Lacher W., Transfeld M.* Mission Impossible? UN Mediation in Libya, Syria and Yemen. Stiftung Wissenschaft und Politik, 2018 // https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2018RP08_Ass_EtAl.pdf.

7. *De Coning C.* From peacebuilding to sustaining peace: Implications of complexity for resilience and sustainability // Resilience. 2016. № 3 (4). DOI: 10.1080/21693293.2016.1153773/.

8. *Mehchy Z.* Punishing the Regime, Protecting Syrians: The Dilemma of Sanctions on Syria. Arab Reform Initiative, 2019 // <https://www.arab-reform.net/publication/punishing-the-regime-protecting-syrians-the-dilemma-of-sanctions-on-syria/>.

9. *Richmond P.O.* Rescuing Peacebuilding? Anthropology and Peace Formation//GlobalSociety.2018.№2(32).DOI: 10.1080/13600826.2018.1451828.

10. *Roser M.* War and Peace. Published online at OurWorldInData.org. 2016 // <https://ourworldindata.org/war-and-peace>.

11. *Shaar K., Dasouki A.* Syria's Constitutional Committee; The devil in the details. Middle East Institute. 2021 // <https://www.mei.edu/publications/syrias-constitutional-committee-devil-detail>.

12. *Shinoda H.* Peace-building and State-building from the Perspective of the Historical Development of International Society // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2018. № 1 (18). DOI: 10.1093/irap/lcx025.

13. World Bank. Видимые последствия войны в Сирии могут оказаться только верхушкой айсберга. Пресс-релиз 10 Июля 2017 // <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2017/07/18/the-visible-impacts-of-the-syrian-war-may-only-be-the-tip-of-the-iceberg>.

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье показаны истоки федерализма, который воплощен в разнообразных союзах людей, связанных паритетными обязательствами. Свободные общества, проживающие в определенных территориальных границах постепенно осознают более удобный для себя характер существования в рамках единого государства, но при этом сохраняют собственную автономию в вопросах местного значения и право формировать органы власти, которым делегируют право на управление. Одним из властных органов является суд, относящейся к одной из трех независимых ветвей власти, следовательно, так же, как и остальные ветви должен формироваться населением. В ходе судебных реформ начала 90-х гг. XX в. в России были заложены концептуальные и правовые основы влияния населения субъектов федераций на формирование судебной власти: 1) суд присяжных; 2) местная мировая юстиция; 3) региональные правовые системы; 4) региональные конституционные (уставные) суды. Однако к 2021 году указанные демократические судебные механизмы народовластия почти полностью свернуты. Сделан вывод, что такое положение дел умаляет принципы власти народа и федерализма, не позволяя расценивать современную Россию как полноценное федеративное государство.

Ключевые слова: судебная власть, федерализм, народовластие, субъекты федерации.

F.A. VOSCRESENSKY

*Postgraduate student of the Department
of Public Policy, Faculty of Political Science
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

PROBLEMS OF JUDICIAL FEDERALISM IN THE POLITICAL SYSTEM OF MODERN RUSSIA

The article shows basis of federalism, which is embodied in various unions of people bound by parity obligations. Free societies living within certain territorial boundaries are gradually realizing a more convenient nature of existence within the framework of a single state, but at the same time they retain their own autonomy in matters of local importance and the right to form government bodies, which are delegated the right to control. One of the authorities is the court, which belongs to one of the three independent branches of government, therefore, just like the other branches, it should be formed by the population. During the judicial reforms in the early 90s. XX century in Russia, the conceptual and legal foundations of the influence of the population of the subjects of the federation on the formation of the judiciary were laid: 1) the jury; 2) Local Peace Justice; 3) Regional legal systems; 4) Regional constitutional (charter) courts. However, by 2021, these democratic judicial mechanisms of democracy have been almost completely phased out. The conclusion is made that this state of affairs belittles the principles of the power of the people and federalism, not allowing to regard modern Russia as a full-fledged federal state.

Key words: *judicial power, federalism, democracy, subjects of the federation.*

Немецкий мыслитель Иоганн Альтузиус (1557-1638) в своей работе «Politica Methodice Digesta, Atque Exemplis Sacris et Profanis Illustrata» (1603), посвященной теории суверенитета положил начало осмыслению истоков федерализма. Он сделал вывод о том, что суверенитет государства составляется не из монолитной массы народа, а из различного рода самоуправляющихся союзов. Федерализм, по его мысли, воплощен в разнообразных союзах людей, связанных паритетными обязательствами. Эти взаимные обязательства проявляются как внутри каждого союза (внутренние связи), так и между союзами (внешние связи). Переплетение таких внутренних и внешних связей формирует общую волю народа, становящуюся единственным источником нации. Это дало основание Альтузиусу сделать вывод, что политическая воля «народа» происходит не сверху, а на основании восходящих отдельных частно-союзных интересов. На каком-то этапе че-

ловеческого развития данные частные интересы формируют и государство как таковое и соответственно право. Все государственные институты в таком случае, включая судебную систему, формируется восходящим путем, легитимацию им придает народное формирование, одобрение и признание. Властные полномочия, составляющие основную характеристику государства, исходят от народа, что и зафиксирована в основополагающих положениях Конституций все стран и народов, позиционирующих демократический характер своих политий.

Государство, таким образом, представляет собой «организованное общество социальных групп», каждая из которых – «молекулярный» тип общественных отношений или персонификация интересов: семья, добровольная корпорация, местное сообщество (община), область (союз общин, регион), и наконец само государство. Существование и развитие каждой социальной группы предполагает не только независимое друг от друга существование, но и потребность в объединяющем центре. Свободные общества, проживающие в определенных территориальных границах постепенно осознают более удобный для себя характер существования в рамках единого государства, но при сохраняют собственную автономию в вопросах местного значения. Таким образом возникают федеративные государства. Вхождение в общий союз осуществляется на добровольных началах, с сохранением собственных идентичностей. Интересы данных локальных общностей не должны ущемляться или забываться государством, основной функцией которого как раз и является их обеспечение. Такого рода обоюдные интересы и обязательства создают то, что формирует ценностно-правовую основу – «молчаливое право», которое предохраняет рамочное федеративное государство от тоталитарных тенденций, а сам федеративный союз наполняет логикой заинтересованных, взаимовыгодных и ответственных отношений.

По мнению американского политолога Винсента Острома сущностными характеристиками такого истинного федерализма будут являться: 1) договорной подход; 2) плюрализм институтов правления; 3) конституционное правление; 4) состязательность как способ урегулирования и разрешения конфликтов; 5) активное участие граждан в общественной деятельности; 6) установление моделей взаимоотношения, присущих открытым обществам; 7) способность к реформированию в условиях сложно организованного общества. Сущность федерализма, при указанных характеристиках, в разработке такой конституционной системы, при которой граждане могут налагать не меньшие правовые ограничения на должностных лиц, чем должностные лица – на граждан [14. С. 64, 31, 116, 283]. Это соответствует взгляду на федерализм как на установление порядка в самоуправляющемся обществе с частично совпадающими механизмами правления.

Так как гражданское общество и свободный индивид являются источником и природой современного федерализма [18. С. 9], жизненно-важным

для него является наличие гражданского общества. Именно поэтому, делает вывод Дж. Элейзер современный федерализм сущностно не проявляется до тех пор, пока идея гражданского общества не стала основополагающей для политической жизни запада [24].

Свободные местные сообщества, как верховный источник власти, формируют собственные механизмы урегулирования конфликтов, центральным из которых является собственная правовая и судебная система. Право формировать корпус лиц, призванных разрешать конфликты на основе права и выносить вердикт о виновности в отношении граждан своих локальных сообществ и территорий лежит в основе доктрины суда присяжных, а также мировой юстиции. Некоторые страны идут еще дальше, например, в США граждане формируют не только суд присяжных, но и остальные суды в пределах штатов.

В российской правовой доктрине также подчеркивается добровольный договорной характер федераций. Однако в нашей стране в русле европейской традиции упор в понимании и определении федерации сделан не на политические права и интересы свободных индивидуумов, а на отношения исключительно между политическими образованиями. Отличительными признаками федерации называют: 1) территория федерации состоит из территории ее субъектов; 2) субъект федерации обычно обладают учредительной властью, т.е. могут иметь свою конституцию; 3) компетенция разграничивается союзной конституцией; 4) каждый субъект имеет свою правовую и судебную системы; 5) в большинстве федераций единое гражданство [22. С. 31]. Наличие своей судебной и правовой системы и здесь является одними из признаков федерации.

Исходя из «Правил мира» Гоббса [5. С. 156-183] значение судебной власти для самоуправляемых сообществ чрезвычайно высоко. Ключевой признак демократии, по сути, заключается в том, что народ через процессы принятия конституционных решений контролирует разделение и распределение властных полномочий посредством конституционно-правовых механизмов. Если власть должна быть разделена и распределена на основе противоположных и соперничающих интересов, то все люди должны иметь доступ к некоторым полномочиям правления, и никто не должен обладать неограниченными полномочиями. Право на надлежащую правовую процедуру предполагает, что граждане обладают возможностью контроля над деятельностью должностных лиц через судебную власть, что позволяет им требовать от должностных лиц, в том числе и от судей, добросовестности и непредвзятости в работе. Сюда же относится право на суд присяжных, то есть прямое участие граждан в отправлении правосудия.

Таким образом, в мировой практике федеративных государств предполагается наличие на местном региональном уровне законодательных, исполнительных и судебных органов как элементов механизма разделения вла-

стей [4. С. 227; 11. С. 308], то есть расширение процесса разделения властей на уровень субъектов федерации. Д. Тэпс отмечает, что полнота принципа разделения властей на горизонтальном уровне требует разделения власти именно на три ветви, чтобы избежать смещения и совмещения основных функций государственного управления [18. С. 19]. В полицентричной политической системе должны существовать механизмы для регулирования конфликтов и проблем. Следовательно, не только исполнительная и законодательная, но и судебная власть должны формироваться с учетом прямого волеизъявления граждан местных сообществ.

Опираясь на указанные демократические основы, авторы Концепции судебной реформы, после упразднения СССР и создания Российской Федерации провозгласили важнейшим результатом судебной реформы отказ от единства судебной системы: «Взамен унитарной судебной системы возникнут две судебные системы: федеральная и республиканская» (1), то есть судебная система субъектов Федерации. Принципы народовластия и федерализма в судебной сфере активно использовались в ходе судебных реформ начала 90-х гг. XX в. Их основные векторы: 1) Воссоздание Суда присяжных; 2) Восстановление мировой юстиции; 3) Формирование региональных правовых систем; 4) Создание региональных конституционных (уставных) судов. По сути, за исключением последнего пункта, это было восстановление судебно-правовых систем, уже функционировавших в России до 1917 г. [7. С. 2].

Мы можем видеть, что за последние тридцать лет развитие всех указанных векторов судебной реформы было свернуто и фактически сведено на нет. В 90-х гг. наблюдались две взаимоисключающие тенденции – стремление субъектов РФ развить свое правовое пространство и стремление федерации к централизации. Победу одержал второй вектор, тем более, что организация исполнительной и судебной власти способствует общей централизации права [19. С. 156]. Региональные сообщества были лишены почти всех возможностей влиять на формирование судебной власти, которая будет судить их представителей.

Присяжные. Суды присяжных были воссозданы и начали действовать в России с 1993 г., однако количество рассматриваемых ими дел было весьма небольшим. До 1 июня 2018 года они действовали только в областных (краевых) и приравненных к ним судам. В 2007 году рассмотрено 606 дел, в 2008 – 536 дел, осуждено 900 чел., оправдано 236 чел. (2). В 2008-2013 годах произошло сокращение перечня составов преступлений, которые правомочны рассматривать присяжные. Эти поправки привели к еще большему сокращению дел. Так, в 2012 году присяжные вынесли вердикты по 516 делам в отношении 975 лиц, в 2013 – 542 вердикта в отношении 954 лиц, в 2014 окончено 348 дел, за 2017 год с участием присяжных прошло только 224 процесса. В 2015 году Верховный суд предложил ликвидировать в России суд присяжных заменив его коллегией, состоящей из судьи и судебных

заседателей. Это делало полномочия присяжных даже меньшими, чем у советских народных заседателей. С 1 июня 2018 года были введены новые правила работы суда присяжных, они появились в районных (городских) судах, однако количество присяжных было сокращено, они продолжают рассматривать очень мало дел.

Мировые судьи. Правовой статус мировых судей, компетенция, полномочия, порядок их формирования, деятельности, особенности отправляемого ими судопроизводства, общие правила «нарезки» судебных участков получают подробнейшую регламентацию прежде всего в нормах федерального законодательства и только отдельные моменты устанавливаются субъектами РФ [15. С. 2-8]. Идея формирования корпуса мировых судей населением так и не получила развития. Несмотря на формальную возможность формирования корпуса мировых судей путем выборов (3), все субъекты РФ пошли по иному пути – назначению законодательными (представительными) органами субъектов Федерации. Такое положение дел нельзя признать в достаточной мере отвечающим принципу народовластия и федерализма, так как не обеспечивается независимость мировых судей от федеральных и региональных элит. Судьи не имеют внутренних глубинных связей с местными сообществами, «мир» в среде которых они призваны формировать. Только прямые выборы мировых судей станут фактором взаимной ответственности – избирателей, представивших мандат доверия лицам, осуществляющим правосудия и избранных судей [20. С. 181-185]. Федеральный законодатель создал в России не мировую юстицию в традиционном ее понимании, а низшее звено единой судебной системы. Попытки регионов оспорить такую позицию, оказывать влияние на формирование местных судов были пресечены центром. По мнению В.Н. Цыганаша, создав незавершенную с точки зрения управления систему мировых судей, законодатель «фактически ввел ее в систему федеральных судов, полностью похоронив идею независимости местного суда» [21. С. 7].

Правовые системы субъектов Федерации. Полноценные правовые системы в регионах так и не были созданы. Учеными отмечается, что российская модель федерализма характеризуется усилением роли федерального законодательного регулирования и сужением нормотворческой деятельности субъектов РФ [12; 23; 3; 17; 1]. По-другому и не может быть. В условиях жесткой централизации системы государственной власти и федеративных отношений, выражающийся в сосредоточении широких полномочий у федерального центра (в основном Президента РФ), в России происходит процесс унификации нормотворчества. В этой связи уставы и конституции субъектов механически копируют нормы, регламентирующие устройство органов государственной власти субъектов РФ, закрепленные в федеральном законодательстве (4) (которое постоянно обновляется сверху), и происходит это отнюдь не по желанию регионов. Так предписывают федеральные

нормы, изменить которые регионы не в силах. Касается это не только организации и деятельности государственной власти в субъектах РФ. Чрезмерно детальное федеральное регулирование распространяется практически на все сферы совместного ведения РФ и ее субъектов, а потому предопределяет содержание этой области регулирования, делает порой ненужным законодательство субъектов по вопросам совместного ведения. Такая ситуация характерна в рамках общей тенденции унитаризации в современной России. В условиях, когда предметы совместного ведения практически превратились в предметы ведения Федерации, возникают вопросы как о необходимости, так и о юридической силе законов субъектов РФ [15. С. 2-8].

Конституционные (уставные) суды. Цель создания таких судов заключается в рассмотрении, вступивших в противоречие с конституцией (уставом) субъекта Федерации нормативно-правовых актов. По сути, это защита региональных основных законов и фиксируемых в них прав и свобод граждан, от потенциальных нарушений со стороны местных и региональных элит. Наличие таких судов является обязательным условием, обеспечивающим правосудие, а также баланс сдержек и противовесов между представительной и исполнительной ветвями власти. При организации государственной власти на основе принципа федерализма их наличие обязательно [9. С. 60-64]. По мнению некоторых авторов, региональная конституционная юстиция в России уже более пятнадцати лет находится в эмбриональном состоянии, процесс ее становления идет трудно и непредсказуемо, хотя по данному вопросу имеются достаточно высокие общественные ожидания и проведены обширные научные исследования, в которых обосновывается ее необходимость в субъектах [10. С. 9]. Такие суды обогащают правоприменительную практику, развивают правовую и, в частности, конституционную доктрину, стимулируя региональное правотворчество, способствуя повышению его качества [26. С. 19; 6. С. 48]. Поскольку единообразное толкование и применение конституции является основной гарантией обеспечения прав человека, то отсутствие конституционных (уставных) судов ведет к возникновению правовых коллизий, отрицательно сказывается на согласованности действий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов, а также органов местного самоуправления [13. С. 117-118]. Тем не менее по закону создание конституционной юстиции право, а не обязанность субъектов. По состоянию на октябрь 2018 год действуют 13 конституционных и 3 уставных суда всего в 16 регионах РФ и везде судьи назначаются региональной законодательной властью. Их функционирование носит крайне фрагментарный характер, общая загрузка достаточно скромная [2], например, в 2015 году суды Тувы и Чеченской республики не вынесли не одного решения при общей весьма плачевной ситуации с обеспечением и защитой прав граждан. В нескольких субъектах конституционные (уставные) суды были созданы, но потом

упразднены (5), либо их деятельность приостановлена по причине экономии бюджетных средств. В декабре 2020 г. был подписан федеральный закон, который предписывает упразднить к 1 января 2023 г. все конституционные (уставные) суды субъектов РФ (6).

Таким образом, в начале 2000-х гг. началась свертывание многих демократических начинаний судебной реформы 90-х гг., государство повело наступление на независимость и самостоятельность судебной власти, в том числе на упразднение зачатков судебного федерализма. До этого времени председатели региональных судов назначались по представлению руководителей ВС и ВАС, но их кандидатуры в обязательном порядке должны были быть одобрены региональными парламентами. Изменения в законе, отменяющие эту норму, свободно прошли обе палаты федерального парламента. Попытки регионов оспорить новации в Конституционном суде не принесли успеха. Отдельно следует отметить упразднение в 2004 году института народных заседателей – основной формы народного представительства и влияния граждан на судебную власть, выработанной в советский период. В результате суды в субъектах Российской Федерации потеряли всякую связь с населением, их функционирование всецело зависит от усмотрения федерального законодателя [22. С. 209]. Конституционный суд РФ неоднократно подтверждал конституционность такого положения (7). Курс на централизацию позволил уже в 2008 году констатировать, что в целом в России сформировалась централизованная судебная система так как в ее субъектах самостоятельной судебной власти не существует. Также нет никаких оснований говорить об отечественном судебном федерализме [16. С. 87].

Заключение. Государство – это инструмент призванный служить главным образом для управления общественными делами, и поэтому его политическая концепция должна быть систематизирована таким образом, чтобы ни его организационная, ни ресурсная, ни кадровая база не противоречила интересам общества. Если речь идет о федерации, то есть тех региональных сообществ, которые фактически его создали, учредили своих собственных жизненно важных интересах и для обеспечения собственной безопасности [8. С. 815-822]. Однако современная российская доктрина федерализма исходит из совокупности правовых, экономических, социальных и институциональных факторов, призванных обеспечить интересы общества, а управляемость в государстве. Соответственно государство чаще всего применяет методы централизованного администрирования, а не субсидиарные механизмы как в Европе [25. С. 15-18]. Отсутствие полноценной региональной судебной власти, невозможность населения влиять на формирование корпуса судей не позволяют относить современную российскую модель федерации к ее классическому идеальному типу. Правда заключается в том, что государственный интерес не всегда находится в конвергентных отношениях с интересами общества в целом (интересами гражданского сообщества).

При отсутствии действенного механизма сдержек и противовесов, одним из которых как раз и является судебная власть, призванная защищать права и интересы как отдельных граждан, так и шире локальных местных сообществ, федеральный центр не имеет ограничителей в распространении властной экспансии, противоречащей интересам жителей регионов. Конечно, это зависит от обстоятельств и условий, в которых в данный период времени находится государственное формирование, то есть от того, кто фактически правит государством, кто является реальным держателем власти в государстве, контролируя сообщество жителей, проживающих в его территориальных границах. Факты, подтвержденные историческим опытом человечества, заключаются в том, что государство может действовать даже против интересов большинства, против тех, кто его создал. В таком направлении может функционировать и его репрессивный аппарат, то есть и его судебная система, и ее кадровые элементы, реализуя миссию и задачи, поставленные теми, кто захватил институт государства, кто возможно злоупотребляет обществом в своих интересах.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Концепция судебной реформы в РСФСР. Принята Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1. Глава 12. П. 3 // СПС «Консультант-Плюс».

(2) Статистическая справка о работе судов общей юрисдикции за 2008 год // Российская юстиция. 2008. № 3.

(3) В соответствии с п. 1 ст. 6 ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» мировые судьи назначаются (избираются) на должность законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ либо избираются на должность населением соответствующего судебного участка в порядке, установленном законом субъекта РФ.

(4) В первую очередь в Федеральном законе 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ».

(5) В ноябре 2013 года работа Конституционного суда Республики Бурятия была приостановлена до 31 декабря 2016 год. На основании Закона Республики Бурятия от 06.07.2018 № 3072-V суд был упразднен. Запись в единый государственный реестр юридических лиц о прекращении деятельности Конституционного Суда Республики Бурятия внесена 6 сентября 2018 года.

(6) Российская газета. 08.12.20 // <https://rg.ru/2020/12/08/putin-podpisal-zakon-ob-uvolnenii-sudej-za-otkaz-ot-grazhdanstva-rf.html>.

(7) Постановление КС РФ по делу о проверке конституционности положений Устава (Основного закона) Читинской области от 1 февраля 1996 г.; Определение КС РФ от 12 марта 1998 г. № 32-О «Об отказе в принятии

к рассмотрению запроса высших должностных лиц ряда субъектов РФ о проверке конституционности некоторых положений ФКЗ «О судебной системе РФ».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Абдулатипов Р.Г.* Федералогия: учебное пособие. СПб., 2004.
2. *Авакьян С.А.* Юбилей конституционного суда Российской Федерации: некоторые итоги и размышления // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10.
3. *Андерсен Д.Ж.* Федерализм: введение. М.: Экономика, 2009.
4. *Автономов А.С.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник. М.: ТК Велби. Изд-во Проспект, 2007.
5. *Гоббс Томас.* Избранные сочинения. М.: Мысль, 1965. Т. 2.
6. *Демидов В.Н., Мухаметшин Ф.Х.* Конституционная (уставная) юстиция как фактор развития российского федерализма // Государство и право. 2007. № 2.
7. *Илюхина В.А.* Система выборов мировых судей в России по Судебным уставам 20 ноября 1864 года // Выборы как форма представительной демократии: вопросы теории и практики. Рязань, 2009.
8. *Кралик Й., Сурма Л.* Видение процесса демократизации выборов судей // Scientific Collection «Interconf»: Challenges in Science of Nowadays (November 26-28, 2020). 2020. № 3 (36).
9. *Куликов А.В., Городилов А.А.* Какая нужна конституционная (уставная) юстиция? (Ответ профессору С.А. Авакьяну на статью «Юбилей Конституционного суда Российской Федерации: некоторые итоги и размышления») // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 11.
10. *Кряжков В.* Региональная конституционная юстиция в Российской Федерации: состояние и пути развития // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 3.
11. *Марченко М.Н.* Теория государства и права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби. Изд-во Проспект, 2008.
12. *Миронюк М.Г.* Современный федерализм: сравнительный анализ. М.: РОССПЭН, 2008.
13. *Мулланов А.А.* К вопросу о конституционной юстиции // Сб. материалов научных работ студентов вузов. Уфа, 2000.
14. *Остром В.* Смысл американского федерализма. М., 1993.
15. *Петрова Н.А.* Нужна ли субъектам Российской Федерации судебная ветвь государственной власти? // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 21.
16. Статус суда в Российской Федерации: конституционные вопросы / Е.В. Колесникова, Н.М. Селезнева. Саратов, 2008.

17. *Столяров М.В.* Теория и практика федерализма. Курс лекций о федеративном государстве. М.: Изд-во РАГС, 2008.

18. *Тэкс Д.* Концептуальные основы федерализма. СПб., 2002.

19. Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: Юристъ, 2001.

20. *Холодова Е.И.* Прямые выборы мировых судей как легитимация судебной власти / Гражданин. Выборы. Власть: Материалы V Межд. науч. практ. конференции. Пятигорск. 17-20 октября 2018 г. / отв. ред. Л.А. Тхабисимова. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2018.

21. *Цыгани В.Н.* Нужно ли менять функции мирового судьи? К постановке вопроса о комплексном подходе к изучению мировой юстиции (в порядке дискуссии на тему, не нуждается ли мировая юстиция в изменении полномочий) // Мировой судья. 2004. № 6.

22. *Чернов С.Н.* Конституционно-правовое регулирование отношений между Российской Федерацией и ее субъектами. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.

23. *Чиркин В.Е.* Современное федеративное государство. М.: МНИМП, 1997.

24. *Элейзер Дж.* Сравнительный федерализм // Политические исследования. 1995. № 5.

25. *Юсубов Э.С.* Методологические основы исследования проблем российского федерализма // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 24.

26. *Юсупова Е.* Конституционное (уставное) правосудие субъектов Российской Федерации – неотъемлемый элемент в механизме защиты прав человека // Право и экономика. 2006. № 12.

DOI 10.35775/PSI.2021.67.2.019

УДК 32.327

П.В. ДЕНИСЕНКО

аспирант факультета политологии

МГУ им. М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

BIG DATA В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ «ГОСУДАРСТВО-ОБЩЕСТВО»: ПОТЕНЦИАЛ И НЕКОТОРЫЕ СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ США)

В данной работе автор анализирует потенциал применения технологий Big Data в качестве инструмента достижения открытости, прозрачности и подотчетности государства как общественного регулятора. В этом контексте организация доступа граждан к большим правительственным выступает в качестве механизма налаживания обратной связи в системе «государство-общество». Исследуя инициативы правительства Соединенных штатов Америки в области больших данных, автор делает вывод о потенциале технологий Big Data, с одной стороны, поднять уровень вовлеченности граждан в процессы государственного управления, а с другой стороны, повысить качество и эффективность государственной политики, основанной на данных. Особое значение в этой связи имеет формат представления данных, их визуализация для облегчения их восприятия пользователями, не имеющими специальных знаний и навыков анализа данных.

Ключевые слова: *большие данные, открытые данные, прозрачность, открытость, подотчетность, обратная связь.*

P.V. DENISENKO

*Postgraduate student of the Faculty
of Political Science, Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia*

BIG DATA AND RELATIONS BETWEEN STATE AND SOCIETY: OPPORTUNITIES AND SOME AREAS OF APPLICATION (ON THE EXAMPLE OF THE USA)

In this paper, the author analyzes the potential of Big Data use in the public administration. Big Data is regarded as a tool for achieving openness, transparency and accountability of the state as a policy-maker. In this context, the open access

to big government data is a mechanism for establishing feedback between state and society. The case study of the United States Big Data initiatives shows that Big Data technologies give the opportunity, on the one hand, to increase citizen engagement, and, on the other hand, to improve the quality and efficiency of data-driven public policy. The author underlines the importance of Big Data in order to help those users who do not have special knowledge and skills in data analysis.

Key words: *Big Data, open data, transparency, openness, accountability, feedback.*

В настоящее время в процессе государственного управления все более важную роль играет налаживание механизма обратной связи и формирование устойчивых партнерских отношений между субъектом управления в лице государства и объектом управления – обществом. «Внешними параметрами» организации такого взаимодействия являются открытость и прозрачность государства как института политической системы [1. С. 177].

Открытость государственных органов предполагает обеспечение для всего спектра экономических, политических и социальных сил общества широких каналов взаимодействия с государством и механизмов воздействия на него. Прозрачность деятельности государства, в свою очередь, подразумевает возможность беспрепятственного доступа граждан к максимально полной и актуальной информации, касающейся деятельности государства и его структур, а также результатов государственной политики [2. С. 44].

Реализация принципов открытости и прозрачности государственного управления позволяют, во-первых, повысить уровень доверия общества к власти, во-вторых, сформировать фундамент для налаживания эффективной обратной связи и, наконец, обеспечить стабильное функционирование как системы государственного управления, так и политической системы в целом [1. С. 178].

Не менее важным фактором в данном контексте является технологическая основа государственного управления: в условиях постоянно меняющегося мира государство должно использовать потенциал современных инновационных решений для повышения качества и эффективности процессов реализации государственной политики [5. С. 3].

Так, стремительное развитие технологий сбора, хранения, обработки и анализа больших данных открывает перед государством новые аналитические возможности и расширяет спектр доступных инструментов управления. Технологии Big Data позволяют преобразовать наборы разрозненных данных о людях, экономике, финансах, природных и социальных процессах в полезные знания. Так же, как предпринимательский сектор использует технологии Big Data для повышения качества бизнес-аналитики и извле-

чения дополнительной прибыли, государство может использовать их для своевременного выявления рисков, принятия более взвешенных решений, качественного выполнения своих функций, оценки результатов своей работы и продвижения общественного блага. Ключевым преимуществом внедрения технологий больших данных для государства является возможность аналитической интеграции и координации государственной политики между всеми элементами системы государственного управления.

Кроме того, мы утверждаем, что технологии Big Data – в их применении к управлению правительственными данными – могут внести существенный вклад в реализацию концепции открытости и прозрачности государственной власти.

Ярким примером в данном контексте являются Соединенные Штаты Америки, где был инициирован ряд проектов в сфере больших данных с целью повышения эффективности и прозрачности деятельности государственного аппарата, лучшего понимания потребностей и проблем граждан и, следовательно, повышения качества принятия решений.

В 2009 году правительство США запустило сервис Data.gov в качестве инструмента, направленного на развитие прозрачности и подотчетности правительства. В настоящий момент (по состоянию на февраль 2021 года) ресурс содержит свыше 218 тысяч наборов данных из миллионов источников [9], охватывающих вопросы экономики, промышленности, энергетики, образования, транспорта, здравоохранения, образования, безопасности и многие другие. Даже не обладая специальными навыками поиска и анализа данных и знаниями в области структуры государственных учреждений, на сайте Data.gov гражданин может найти любую интересующую его информацию: от карты расового и этнического многообразия США до статистики данных о жалобах, поданных в Федеральное бюро финансовой защиты потребителей (Federal Consumer Financial Protection Bureau) по различным вопросам [4. С. 13]. Что немаловажно, эти данные сопровождаются визуализацией и инфографиками для облегчения их восприятия даже неподготовленными пользователями.

Концепция данной платформы состоит в обеспечении открытого, равного, недискриминационного доступа граждан к правительственным данным. В 2010 году Совет при Президенте США по науке и технологиям (the President's Council of Advisors on Science and Technology) в докладе «Проектирование цифрового будущего: федеральные исследования и разработки в области сетевых и информационных технологий» [7] (Designing a Digital Future: Federally Funded Research and Development in Networking and Information Technology) представил свою стратегию использования больших данных в рамках деятельности правительства.

Данная стратегия включает в себя два ключевых направления. Первое, как упоминается выше, заключается в гарантии открытости и доступности

государственных данных для всех граждан страны. Второй элемент стратегии, с другой стороны, предполагает предоставление каждому гражданину прав доступа к информации, имеющей к нему непосредственное отношение, при обеспечении безопасности хранения «чувствительных» данных и организации максимально упрощенного доступа к ним. Для этого Администрация Барака Обамы, начиная с 2010 года, запустила серию инициатив My Data («Мои данные»).

В рамках My Data было разработано несколько интерфейсов. В частности, чтобы помочь людям решить вопросы, связанные с медицинским обслуживанием, и грамотно управлять финансами в этой сфере, был создан ресурс Blue Button (Синяя кнопка), предоставляющий гражданам доступ к их медицинским данным. В 2010 году Департамент по делам ветеранов США (U.S. Department of Veterans Affairs) запустил «Синюю кнопку» для ветеранов, и с тех пор более 5,4 миллионов ветеранов воспользовались этим инструментом для доступа к своей личной медицинской информации. Частный сектор также принял активное участие в развитии и продвижении данной инициативы: более 500 компаний поддержали идею расширения с использованием Blue Button доступа пациентов к своим медицинским данным, хранящимся у поставщиков медицинских услуг, медицинских лабораторий, розничных аптечных сетей и государственных реестров. В настоящий момент аудитория «Синей кнопки» значительно увеличилась, и уже более 150 миллионов американцев имеют возможность получить доступ к своим медицинским данным [4. С. 14].

Другой сервис – Green Button («Зеленая кнопка») – предоставляет гражданам и бизнесу быстрый и легкий доступ к их данным об энергопотреблении и энергоэффективности. Для этого в 2012 году Администрация Президента заключила партнерские соглашения с предприятиями в сфере электроснабжения. Сегодня предоставить своим клиентам «зеленую кнопку» для повышения энергоэффективности и стимулирования экономии обязались 48 компаний отрасли, обслуживающих более 59 миллионов домов и предприятий [4. С. 14].

Инструмент Get Transcript («Получить выписку») представляет налогоплательщикам онлайн-доступ к их налоговой информации за последние три года [4. С. 14].

В продолжение данных инициатив, в 2014 году Барак Обама подписал Закон о цифровой подотчетности и прозрачности (Digital Accountability and Transparency Act) [3], известный также как DATA Act, который обязует, начиная с мая 2017 года, Министерство финансов и Белый дом установить стандартизированную структуру всех правительственных данных, касающихся расходов государственных органов, исполнения бюджета, заключенных контрактов, предоставляемых грантов. В соответствии с Законом, Казначейство и Белый дом должны опубликовать имеющиеся наборы данных

для всеобщего изучения в открытом доступе. Цель данной меры – обеспечить полную подотчетность правительства в том, что касается расходования денег налогоплательщиков.

Развитие платформ, открытых больших правительственных данных открывает и для муниципальной власти новые перспективы и возможности повышения открытости, прозрачности и подотчетности их деятельности. За последние два десятилетия в США был внедрен ряд инициатив в этом направлении.

Так, в Новом Орлеане, штат Луизиана, есть платформа открытых данных, которая не только позволяет пользователям загружать данные по разным темам – от финансов и бюджета до здоровья и образования, но также, чтобы обеспечить большую ценность этих данных для граждан, предоставляет удобные инструменты визуализации и представления информации в виде графиков и карт. Таким образом, созданы равные возможности для всех пользователей, и каждый гражданин – вне зависимости от его навыков в области поиска и анализа больших данных – может наблюдать тенденции и закономерности в конкретных наборах данных и даже адаптировать их к тем или иным проблемам и интересам [8. С. 20].

Веб-сайты муниципальных органов власти сами по себе стали ценным источником полезных данных и платформой для взаимодействия между правительством и гражданами, задействующей разнообразные формы обратной связи: отправка запросов и жалоб, контакты с местными должностными лицами, получение услуг, оплата налогов и сборов, загрузка форм и отчетов. В свою очередь, органы местного самоуправления используют данные о посещаемости своих веб-сайтов для выявления наиболее актуальных общественных интересов, проблем и приоритетов. В соответствии с этими данными власти могут корректировать свою информационно-коммуникационную политику и наиболее эффективно удовлетворять потребности общества. В частности, для жителей Бостона было разработано мобильное приложение для оценки состояния дорог, благодаря которому городские власти в режиме реального времени могут собирать данные о потребности в ремонте конкретных улиц и использовать их при планировании долгосрочных инвестиций [8. С. 14]. Аналогично жители Детройта могут информировать власти о локальных проблемах – прорывах водопроводных магистралей, выбоинах, поврежденных дорожных знаках через мобильное приложение под названием «Сделай Детройт лучше» (Improve Detroit) [6]. В процессе составления отчетов приложение использует функцию определения местоположения телефона, чтобы точнее и быстрее определить очаг проблем.

Таким образом, как показывает опыт США, целенаправленная и системная политика на всех уровнях власти по реализации в различных форматах концепции общедоступных больших правительственных данных по-

зволяет не только обеспечить открытость, прозрачность и подотчетность власти, сформировать устойчивые механизмы обратной связи и стимулировать вовлеченность граждан в процессы государственного управления, но также повысить качество и релевантность принимаемых управленческих решений, эффективность государственной политики в различных областях – от здравоохранения и образования до экономической и финансовой политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Нисневич Ю.А. Государство XXI века: тенденции и проблемы развития. М.: КНОРУС, 2012.

2. Чуклинов А.Е. «Прозрачная» государственная политика: некоторые проблемы теории и практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. 2006. № 8.

3. Digital Accountability and Transparency Act // <https://www.congress.gov/113/plaws/publ101/PLAW-113publ101.pdf>.

4. Executive Office of the President. Big Data: seizing opportunities, preserving values. The White House, 2014.

5. Government Trends 2020. Deloitte insights // <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/lu/Documents/public-sector/lu-government-trends-2020.pdf>.

6. Improve Detroit. City of Detroit // <https://detroitmi.gov/ImproveDetroit>.

7. President's Council of Advisors on Science and Technology. Designing a Digital Future: Federally Funded Research and Development in Networking and Information Technology. Washington, D.C., 2010 // <https://www.cis.upenn.edu/~mkearns/papers/nitr.pdf>.

8. Tat-Kei Ho A., McCall B. Ten Actions to Implement Big Data Initiatives. A Study of 65 Cities. IBM Center for Business of Government, 2016 // <http://www.businessofgovernment.org/sites/default/files/Ten%20Actions%20to%20Implement%20Big%20Data%20Initiatives.pdf>.

9. U.S. Government. Data.gov // <https://www.data.gov/about>.

DOI 10.35775/PSI.2021.67.2.020

УДК 32.323

К.А. ПИЛЯГИН

аспирант факультета государственного и
муниципального управления Северо-западного института
управления – филиал РАНХиГС,
Россия, г. Санкт-Петербург

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ (АСПЕКТЫ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АНАЛИЗА)

Статья посвящена вопросам трактовки и анализа категории «политический механизм» в специфике научного дискурса. Приводятся примеры политических механизмов, раскрывается их действие через объективные предпосылки, условия возникновения политического механизма, его направленность и структуру (составляющие элементы, связи, уровни, их взаимообусловленность), участие и роль в формировании политического механизма ведущих политических акторов, ценностные приоритеты их деятельности, установления и нормы, инструменты (средства и методы, их неизменность или вариативность), стратегию как вектор развития (масштабы решений и мер, которые призваны определять ведущие направления развития на какой-либо временной отрезок), характер и скорость изменения политической конъюнктуры и место в ней политического механизма на национальном, региональном, мировом уровнях, наличие или отсутствие внутренних противоречий, последствия действия политического механизма, прогнозы на вероятностное будущее. Рассмотрев точки зрения исследователей по ключевым моментам анализируемого понятия, автор останавливается на существующих противоречиях и недостаточно проясненных вопросах. Новизна исследования заключается в том, что в нем предлагается универсальный алгоритм категориального анализа «политического механизма» с учетом всех его значимых сторон.

Ключевые слова: политический механизм, виды, функции, структура, уровни, социальные условия, политическая стратегия, государственное управление, акторы, алгоритм анализа.

K.A. PILIAGIN
Postgraduate student,
North-West Institute of Management-branch of the
Russian Presidential Academy of National Economy and public
Administration, Saint Petersburg, Russia

POLITICAL MECHANISMS (ASPECTS OF CATEGORICAL ANALYSIS)

The article is devoted to the issues of interpretation and analysis of the “political mechanism” category in the specifics of scientific discourse. Examples of political mechanisms are given, their influence is revealed through objective prerequisites, conditions for the emergence of a political mechanism, its direction and structure (components, elements, connections, levels, their interdependence), participation and role in the formation of the political mechanism of leading political actors, value priorities of their activities, establishments and norms, - tools (means and methods, their invariability or variability), strategy as a vector of development (the scale of decisions and measures that are designed to determine the leading directions of development for any time period), the nature and speed of changes in the political environment and place in its political mechanism at the national, regional, world levels, the presence or absence of internal contradictions, the consequences of the political mechanism, forecasts for the probabilistic future. Having considered the points of view of researchers on the key points of the concept, the author dwells on the existing contradictions and insufficiently clarified issues. The novelty of the study lies in the fact that it offers a universal algorithm for categorical analysis of the “political mechanism”, taking into account all its significant aspects.

Key words: *political mechanism, types, functions, structure, levels, social conditions, political strategy, public administration, actors, analysis algorithm.*

Введение. Категориальный анализ «молодого» в плане включения в научный дискурс и не получившего до сегодняшнего дня единого фундаментального толкования понятия «политический механизм» является одним из актуальных вопросов политологии. Термин «механизм», как известно, заимствован политологией у технических наук (греч. *mechané*, что значит «орудие», «сооружение») вместе с аспектами его содержания: множество составных элементов, неоднородность содержания, структурность, конструкция, назначение, функциональность. В социальных науках социальные механизмы, соответственно, раскрывают специфику отношений в обществе, их элементы, связи, взаимовлияние звеньев «цепей», многообразие

(правовые механизмы, обеспечение политической безопасности, формирование правовой культуры или государственной молодежной политики, разработка стратегий деятельности и пр.). А.В. Козлова определяет механизм как совокупность неких структур, определенным образом взаимодействующих между собой в целях изменения состояния или положения социума, или его отдельных образований и сторон [8. С. 29]. На основе ряда работ исследователей, может быть, сделано обобщение теоретических подходов к данному понятию в широком политическом поле стратегии государства и характера институтов гражданского общества, его политической культуры. В этом смысле алгоритм анализа «политического механизма» позволяет концептуально раскрыть категориальность понятия.

Специфика социальных механизмов. Социальные механизмы есть, по сути, само общество, его сущность, структура, ход регулировки различных социальных отношений. Т.И. Заславская поясняет, что они определяются институциональной структурой того или иного социума, его функциональными потребностями, воспроизводством и коррекцией отношений и связей под влиянием социальных изменений [6. С. 200]: организационная структура в социальном управлении, социальные технологии и принципы организационной культуры, системы экономического поведения различных социальных групп в экономической сфере, их взаимодействия между собой и с самим государством по распределению, обмену, потреблению материальных благ и услуг. Исследователь понимает под категорией «социальный механизм» «устойчивую систему взаимодействия социальных акторов разных типов и уровней, конечным результатом которых служит удовлетворение определенной общественной потребности» [6. С. 429] в процессе динамики, изменений общественного устройства.

Разнообразие, сложность, многогранность социальных механизмов подчеркивают их неотъемлемые качественные характеристики:

- 1) принадлежность к сфере общественных отношений;
- 2) наличие социального назначения, которое выражается в выполняемых функциях;
- 3) структурность, то есть включение взаимосвязанных и взаимообусловленность элементов.

Предельно обобщенная модель «социального механизма» раскрывает признаки совокупности (системы) взаимообусловленных социальных институтов в их взаимодействиях, которые обеспечивают реализацию социально значимых целей в той или иной сфере социальных отношений. И особым типом социальных механизмов являются относящиеся к области политики (политической власти, политических отношений). «Корень» политических отношений заключается в управлении обществом со стороны государства, его влиянии, и для современного глобализованного мира данная сфера является важнейшей в научном дискурсе. В.И. Даниленко

в «Современном политологическом словаре» определяет механизм власти как систему, внутреннее устройство, слагаемые структуры власти, которые приводят ее в действие, поддерживают функционирование в прямой и обратной связи [4. С. 492], определяют возможности функционирования, целенаправленного движения, развития управляемой системы [16. С. 131]. Исследователь Р.Р. Алиуллов включает в «механизм управления» управленческие средства, обеспечивающие принятие научно обоснованных управленческих решений, его эффективную реализацию [1. С. 98]. А.И. Жучков исследует механизм государственного управления как систему деятельности участников-субъектов госвласти, опирающихся на государственную политику, кадрово-управленческие процессы, которые направлены на объекты госуправления [6. С. 16]. У А.И. Баврина находим описание механизма государственного управления в совокупности структур, предпринимаемых действий, процедур выработки решений, их реализацию, анализ и контроль результатов и последствий [2. С. 13].

Исследовательские мнения являются презентативными в плане формирования научного дискурса – категориального анализа политического механизма – и демонстрируют необходимость обсуждения его единого алгоритма, на который можно было бы ориентироваться, в том числе, молодым исследователям, студентам-политологам для понимания нюансов.

Политический механизм в современном научном дискурсе и возможность создания универсального алгоритма его анализа. В отечественном научном дискурсе понятие «политический механизм» относительно новое, вследствие этого продолжается его разработка. Как научная категория он уже закреплен в политологических энциклопедиях, словарях. В частности, И.И. Санжаревский в словаре-справочнике «Политическая наука» дает трактовку: «механизм политический – система действий политических институтов и организаций, предназначенная для преобразования свойств, характеристик, др. параметров общественного (социального, экономического, собственно политического) развития в требуемом направлении. Структурно-политический механизм имеет входное звено – политические организации и институты, получающее установку на направление развития, выходное звено – политические организации и институты, соединенные с рабочими общественными (социальными, экономическими, политическими) организациями и институтами, обеспечивающими преобразование свойств, характеристик, др. параметров общественного (социального, экономического, собственно политического) развития в требуемом направлении. Организация обратной связи является неотъемлемой частью политического механизма» [10].

Мнения авторов требуют обобщения, учета форм и каналов, обеспечивающих «политическую артикуляцию» желаний и интересов граждан, институтов, обеспечивающих принятие и исполнение решений, способов контроля

за выполнением, присутствие и представление «ветвей власти», конкретных органов и их взаимодействий, показателей стабильности и устойчивости функционирования, экстремальных, кризисных ситуаций [11. С. 704]. По нашим наблюдениям, в ряде случаев понимание политических механизмов сужается до государственных механизмов, принятия и исполнения официальных решений и выполнения контрольных функций. Например, у Г.П. Лесникова понятия «политические механизмы» и «механизмы политического управления» трактуются как синонимичные [9. С. 15-16].

Структурность и принципы классификации политических механизмов тоже понимаются авторами по-разному. В.А. Титаренко включает в механизм политического управления в значении политического механизма принятие решений, их выполнение, урегулирование возникающих конфликтов [13. С. 21]. В механизме госуправления А.И. Бавриным выделяются три уровня – институциональный, административный и технологический [2. С. 13-14]. Д.В. Степанков добавляет правовой уровень [12. С. 8-9]. По сути, отдельно друг от друга существует ряд классификаций политических механизмов, имеющих общие черты. В.А. Титаренко рассматривает политические механизмы в соответствии с политическими режимами и их признаками: демократический, авторитарный, тоталитарный и др. [13. С. 32].

Чтобы избежать смешения неравнозначных понятий «политический» и «государственный», сужения политической жизни, в которой, кроме государства, участвуют как акторы политические партии, общественные движения и организации, бизнес-сообщества, муниципальные образования и т.д., и в целях прояснения самой природы возникновения политических механизмов, раскрытия существа исследуемого предмета, предлагается алгоритм анализа политического механизма:

1. Объективные предпосылки, условия возникновения политического механизма.

2. Его структура (составляющие, элементы, связи, их взаимообусловленность).

3. Уровни: институциональный, административный, технологический, правовой.

4. Сфера или сферы применения: экономика, право, культура и т.д.

5. Участие и роль в формировании политического механизма ведущих политических акторов:

– ценностные приоритеты их деятельности, установления и нормы;
– инструменты (средства и методы, их неизменность или вариативность);
– стратегия как вектор развития (направленность, масштаб решений и мер, которые призваны определять ведущие направления развития на какой-либо временной отрезок).

6. «Входное» и «выходное звено» (по И.И. Санжаревскому).

7. Формы и каналы, обеспечивающие «политическую артикуляцию» желаний и интересов граждан.

8. Методы мобилизации людей.
9. Институты, обеспечивающие принятие и исполнение решений, способы контроля за выполнением.
10. Присутствие и представление «ветвей власти», конкретных органов и их взаимодействий.
11. Характер и скорость изменения политической конъюнктуры, и место в ней политического механизма на национальном, региональном, мировом уровнях.
12. Наличие кризисных, экстремальных, экстренных ситуаций.
13. Наличие или отсутствие внутренних противоречий.
14. Результативность действия политического механизма и его последствия.
15. Показатели стабильности и устойчивости функционирования политического механизма.
16. Прогнозы на вероятностное будущее.

Заключение. Проведенный анализ научных источников, наблюдения за современными политическими процессами, обобщения собственных размышлений позволили автору данной статьи выработать собственное представление об алгоритме научного анализа политических механизмов. Установлено, что в источниках отсутствует единое понимание по вопросам и компонентам, включаемым в категорию «политический механизм», который трактуется либо сужено, через ряд процедур, либо расширенно и при этом недостаточно конкретно. Авторский анализ в данной статье позволяет объединить разрозненные, порой противоречивые суждения и умозаключения о политических механизмах, учитывая их генезис, развитие, современное состояние и перспективы на будущее. Кроме того, алгоритмизация рассмотрения политического механизма как научной категории позволяет охватить все его стороны, при необходимости включить дополнительные актуальные аспекты, учитывая отсутствие статичности, динамику, многокомпонентность и сложность политических процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Алиулов Р.Р. Проблемы механизма государственного управления (вопросы теории и методологии) // Государство и право. 2005. № 3.
2. Баврин А.И. Пути совершенствования механизма государственного управления в современной России: политико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007.
3. Горбачева Е.В. Политический дискурс как механизм формирования государственно-гражданских отношений: дис. ... канд. полит. наук. М., 2007.
4. Даниленко В.И. Современный политологический словарь. М., 2000.
5. Жучков А.И. Механизм государственного управления в чрезвычайных условиях на опыте Великой Отечественной войны: политологический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007.

6. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М., 2004.

7. *Заславская Т.И.* Социентальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М., 2003.

8. *Козлова А.В.* Политические механизмы обеспечения безопасности государства в экономической сфере: автореф. дис. ... д-раполит. наук. М., 2009.

9. *Лесников Г.П.* Трансформация социально-политических отношений современного российского общества: системно-функциональный анализ: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2006.

10. Политическая наука: Словарь-справочник / сост. проф. пол. наук Санжаревский И.И. 2010 // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/1772/BC>.

11. Политическая энциклопедия. В 2-х т. Нац. обществ.-науч. фонд / рук. проекта Г.Ю. Семинигин. М., 1999. Т. 1.

12. *Степанков Д.В.* Государственно-правовой механизм обеспечения финансовой безопасности: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2000.

13. *Титаренко В.А.* Политические механизмы управления в российском государстве: автореф. дис. ... д-раполит. наук. Саратов, 2005.

14. *Фомин О.Н.* Политические механизмы регулирования общественных отношений. Автореф. диссертации на соиск. доктора полит. наук. 2002 // <https://www.dissercat.com/content/politicheskie-mekhanizmy-regulirovaniya-obshchestvennykh-otnoshenii>.

15. *Шабров О.* Политическое управление: проблема стабильности и развития. М., 1997.

16. Энциклопедия государственного управления в России: в 4-х т. М., 2005. Т. 1.

СОВРЕМЕННАЯ СТРУКТУРА НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НЕПРИЗНАННЫХ РЕСПУБЛИКАХ КАК ОСОБЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТАХ

В статье приводятся основные подходы, связанные с пониманием проблематики непризнанных государств и территорий со спорным статусом, как особых политических институтов. Предлагается как обобщенный разбор концепций, затрагивающих непризнанные республики, так и уникальные особенности непризнанных государств, отличающие их от других политико-территориальных образований.

Рассматриваются такие понятия как сецессия, индекс нормализации и другие.

Ключевые слова: *политические институты, непризнанные государства, непризнанные республики, территории со спорным статусом, сецессия, ООН.*

D.A. SEMIBOKOV

Post-graduate student of Lomonosov

Moscow State University,

Moscow, Russia

THE PRESENT STRUCTURE OF SCIENTIFIC IDEAS ABOUT UNRECOGNIZED UNRECOGNIZED REPUBLICS AS SPECIAL POLITICAL INSTITUTIONS

The article presents the main approaches associated with understanding the problems of unrecognized states and territories with a disputable status as special political institutions. It offers both a generalized analysis of the concepts affecting the unrecognized republics and the unique features of unrecognized states that distinguish them from other political-territorial entities.

Such concepts as secession, normalization index and others are considered.

Key words: *political institutions, unrecognized states, unrecognized republics, territories with disputable status, secession, UN.*

В основе данной статьи лежит необходимость для современного исследователя политической науки наиболее конкретно понимать смысловые и терминологические рамки самого понятия «непризнанные республики». В данном вопросе наблюдаются определенные сложности, так как имеет место быть так называемая проблема «исчезающего объекта» [2. С. 7] – невозможно сосчитать точное количество непризнанных государственных образований, так как оно постоянно меняется. Статус даже тех непризнанных государств, которые существуют в течение достаточно долгого времени, по-разному трактуется как членами мирового сообщества, так и отдельными исследователями.

Так, Н.А. Добронравин выделяет около 50 различных определений государств с неопределенным статусом, которые условно можно разделить на три группы по принципу отношения (негативное/позитивное/объективное) к этим образованиям тех, кто дает эти определения [2. С. 19]. При этом подавляющее количество определений относятся как раз к первой группе, что лишь подтверждает в большинстве своем негативное отношение большинства субъектов мирового сообщества к данным политическим образованиям.

Однако для современного исследователя довольно важно выстроить такую систему знаний, которая будет способствовать с одной стороны обобщенному, с другой стороны объективному пониманию описываемой проблематики. Поэтому основной задачей в рамках статьи будет не просто перечислить существующие подходы, а выделить общее и уникальное, что позволит в итоге понять, чем же на самом деле являются непризнанные государства.

По мнению А.Г. Большакова «непризнанным может быть названо государственное образование, лишенное международной правосубъектности, но обладающее всеми другими признаками государственности» [1. С. 88]. В основе проблемы политических систем непризнанных государств Большаков видел проблему конкурирующих принципов в международном праве: принципа права народов на самоопределение, а также принципа нерушимости государственных границ и территориальной целостности государств [1. С. 84].

Подобный термин использует и Н. Касперсен, которая дает такое определение подобных политико-территориальных образований: «Непризнанные государства – это места, которые не существуют в международных отношениях; они достигли независимости де-факто, часто военным путем, но не смогли добиться международного признания, либо их признают лишь несколько государств. Они настаивают на своем праве на самоопределение, но сталкиваются с более сильным принципом территориальной целостности...» [6. С. 49].

З.В. Силаева, определяла непризнанные государства как «политико-территориальные образования, обладающие в большинстве случаев ключевыми атрибутами государственности и, в первую очередь, способностью к эффективному внутренне легитимированному контролю над основной

территорией при отсутствии международного признания, без которого они не могут полноправно вступать в правовые отношения с другими государствами» [3. С. 135].

В данных определениях можно увидеть наиболее общие особенности непризнанных республик, такие как «политико-территориальное образование с неопределенным/спорным статусом», «самопровозглашенное государственное образование», «отсутствие международного признания», а также «достижение независимости де-факто» т.к. в них с одной стороны отмечается непризнание политического субъекта рядом суверенных государств, а с другой – факт наличия или отсутствия полноценной государственности на его территории.

В общем и целом, приведенные определения выражают мысль, озвученную Л. Оппенгеймом еще в 1905 г. в его книге «Международное право». А именно, что для международного права государство не существует до его официального признания другими государствами [10. С. 110]. То есть государство до его признания не может обладать соответствующими правами, как и нести ответственность в качестве субъекта международного права.

Может сложиться впечатление, что данный подход демонстрирует исчерпывающее понимание особенности непризнанных государственных объединений. Однако, стоит отметить, что на сегодняшний день, в науке сложилось несколько теорий признания государств.

Согласно декларативной теории признания государств любое суверенное государство, основанное на принципе самоопределения нации, – полноправный субъект международных отношений независимо от его признания другими. Иными словами, для существования государства неважно признает его международное сообщество или нет – важен сам факт его существования. Первые упоминания данной теории можно найти в книге теоретика права Дж.Л. Брайерли «The Law of Nations: an Introduction to the International Law of Peace» [5. С. 54-56].

В противовес данной концепции выделяется конститутивная теория признания. Профессор Университета Тафтса Герхарт Эразмус связывает включение определенной территории в члены мирового сообщества с признанием его большинством других государств [9. С. 12]. Поэтому, если говорить о современной мировой ситуации, то признание государства на международной арене зависит от его признания ООН.

Ключевые особенности формирования непризнанных государств описывал современный политолог Деон Гельденхёйс [8. С. 29]. В основе каждого непризнанного государства лежит свойство его возникновения, а именно то, что оно происходит в одностороннем порядке, т.е. против воли центральных управленческих структур, с чьим сопротивлением им приходится столкнуться (чаще всего с вооруженным). Подобный процесс носит название сецессии.

Для достижения независимости необходимо существование организованного сообщества внутри определенной территории, стремящегося к автономии, а также имеющего своих политических лидеров, настроенных на отделение и организующих данный процесс.

Кроме того, у каждой непризнанной республики существует мотив обособления. Чаще всего им является стремление к независимости из-за резкого несогласия с существующим на территории государства порядком вещей. Однако оно должно быть настолько сильным, что заставит население предпочитать борьбу за независимость спокойной жизни. К мотиву можно отнести так же религиозные и этнические элементы.

В качестве дополнительного фактора можно также указать расчет времени. Сепаратисты могут ожидать слабости центрального аппарата прежде, чем начать борьбу за обособление.

Кроме того, Д. Гельденхёйс отмечает, что стремление к независимости не всегда является целью для организаторов процесса обособления. Некоторые сообщества стремятся отделиться от одного государства, чтобы присоединиться к другому [8. С. 36]. В этом плане важно также отметить, что даже при условии, когда непризнанное государство существует самостоятельно и независимо от других государств, для него свойственно стремление вступать в набор отношений, характерных для полноправных государств, т.е. государств без спорного статуса. Однако последние самым фактом своего непризнания демонстрирует невозможность полноценных отношений между признанными или непризнанными государствами. Это может проявляться по-разному: как намеренное нежелание заключать торговые отношения, так и отказ в признании гражданства непризнанных государств. Последнее, в свою очередь накладывает ограничения на возможность передвижения граждан, официально проживающих на сепаратистской территории.

Говоря о сепаратизме, некоторые исследователи отмечают также существование «несепаратистских спорных государств», которые даже при частичном признании мирового сообщества не рассматриваются в качестве отдельной от «большого» государства территории [11. С. 20]. Актуальным примером является существование непризнанной территории ДНР и ЛНР на востоке Украины.

В отношении оценки потенциала того или иного политико-территориального образования с неопределенным статусом быть признанным мировым сообществом, Э. Берг и Р. Тоомл предложили группу показателей [4. С. 32-33], благодаря которым исследователи выводят предложенный ими так называемый «индекс нормализации». Данный индекс показывает открытость определенного государства, а, следовательно, и его возможность получить статус признанного государства. Эти показатели делятся на три группы:

1) интеграция в мировое сообщество (сюда входят следующие показатели: количество государств, признавших данное образование, количество

его зарубежных представительств, вовлеченность международных организаций в конфликт, членство в международных организациях и наличие внешнего покровителя);

2) внешняя торговля (внешнеторговый оборот на душу населения, число внешнеторговых партнеров);

3) коммуникации (наличие воздушного сообщения внутри образования и за его пределы, наличие почтового сообщения, наличие пограничного режима, наличие телекоммуникаций).

На основе значения «индекса нормализации» определяется положение государства в международном сообществе: отрицание, бойкот, терпимость и, наконец, квазипризнание, обозначающее наивысшую степень близости к полноправному признанию, ограниченную лишь частичным непризнанием ряда государств (по мнению исследователей наиболее близким к полноценному признанию мировым сообществом частично признанным государством является Тайвань).

А.Г. Большаков для рассмотрения феномена непризнанных государств, считал уместным использование адаптированного для нужд исследования ряда классифицированных параметров [1. С. 84]:

– история возникновения непризнанных государственных образований, описание этнополитических конфликтов, ведущих к их появлению;

– формирование государственности и хозяйственного комплекса непризнанных государственных образований;

– особенности политического устройства непризнанных государств, степень его демократичности;

– шансы для существования того или иного политико-государственного образования в качестве независимого государства;

– заинтересованность и возможность внешних сил изменить или законсервировать статус непризнанного государственного образования.

Под заинтересованностью внешних сил изменить или законсервировать статус непризнанного политико-территориального образования скрывается проблема наличия страны-покровителя или отсутствия таковой. Большинство самопровозглашенных территорий постсоветского пространства так или иначе имеют государство, косвенно заинтересованное в существовании подобной самопровозглашенной территории и старающееся открыто или втайне поддерживать его существование. Подобная гуманитарная, экономическая и даже военная поддержка может быть вызвана различными причинами: от этнической общности с населением непризнанного государства до реализации определенных геополитических стратегических интересов. Однако, как отмечает Н. Касперсен [7. С. 58], подобная помощь может вылиться во взаимозависимость государства-покровителя и самопровозглашенной территории. С одной стороны, патронаж одного государства способен заменить непризнанному государству весь спектр внешнеполитических

сношений с прочими странами и поставить вопрос о целесообразности его независимого существования как такового. С другой стороны, само государство, осуществляющее патронаж, может стать жертвой излишней геополитической привязки к объекту покровительства, прекратить поддержку которого в одночасье будет невозможно без негативных внутри- и внешнеполитических последствий.

Стоит, однако, упомянуть, что помимо национальных государств поддержку непризнанным политико-территориальным образованиям могут оказывать такие негосударственные акторы как диаспоры (Нагорный Карабах и армянская диаспора) или же международные организации (гуманитарная помощь Абхазии и Приднестровью). Очень часто источником поддержки признания одного непризнанного государства может являться другое непризнанное политическое образование. Этим объясняется наличие такой организации как UNPO (Организация Непредставленных Наций и Народов), где рассматриваются проблемы непризнанных государств мира.

Таким образом, позиции относительно определения непризнанных государств могут кардинально отличаться. Для ряда авторов достаточным является констатация факта существования непризнанного государства как такового. В тоже время наибольшее распространение имеет теория, согласно которой для официального признания государства необходимо его одобрение международным сообществом. На сегодняшний день речь идет в основном об Организации Объединенных Наций.

Несмотря на наличие целого ряда трудностей с определением понятийных и смысловых рамок проблемы непризнанных государств в целом, в работе был использован универсальный метод для характеристики непризнанного политико-территориального образования или их совокупности в целом. Можно утверждать о наличии целого ряда характеристик, свойственных большинству самопровозглашенных государственных образований вне зависимости от их местоположения на политической карте мира. Они касаются, во многом, специфики их возникновения, наличия схожего процесса формирования государственности и контроля над занимаемой территорией. Стоит отметить, что конфликтный фактор возникновения непризнанных государств является доминирующим, оказывая доминирующее влияние на политическую систему политико-территориальных образований со спорным статусом. Внешне- и внутривнутриполитическое функционирование последних, а также их перспектива возможного международного признания напрямую зависит от наличия государства-покровителя или прочего международного актора, косвенно заинтересованного в существовании подобных образований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Большаков А.Г.* Непризнанные государства европейской периферии и пограничья // *Международные процессы.* 2007. № 3 (15). Сентябрь-декабрь.

2. *Добронравин Н.А.* Модернизация на обочине: выживание и развитие непризнанных государств в XX – начале XXI века. СПб.: Издательство Европейского университета в СанктПетербурге, 2013.

3. *Силаева З.В.* Признание независимости спорных государств в современной мировой политике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13).

4. *Berg E., Toomla R.* Forms of Normalisation in the Quest for De Facto Statehood // *The International Spectator*. 2009. Vol. 4.

5. *Brierly J.* The Law of Nations: an Introduction to the International Law of Peace. N.-Y., 1963.

6. *Caspersen N.* Playing the Recognition Game: External Actors and De Facto States // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. 2009, 44:4.

7. *Caspersen N., Stansfield G.* Unrecognized States in the international system. Routledge, 2010.

8. *Deon Geldenhuys.* Contested States in World Politics. Palgrave Macmillan, 2009.

9. *Erasmus G.* Criteria for determining statehood: John Dugard's Recognition and the United Nations.

10. International Law. By L Oppenheim. 7th ed. by H. Lauterpacht. Vol. I Peace: Longmans, Green & Co., 1948.

11. *James Ker-Lindsay.* The Foreign Policy of Counter Secession: Preventing the Recognition of Contested States. 1st ed. Oxford: Oxford University Press, 2012.

DOI 10.35775/PSI.2021.67.2.022

УДК 32.323

П.В. ИВАНОВ

*аспирант кафедры политического анализа и
управления Российского университета дружбы народов,*

член СМП РАПН, Россия, г. Москва

ORCID: 0000-0003-1788-8811

Д.И. ПЛОТНИКОВ

*аспирант кафедры политического анализа и
управления Российского университета дружбы народов,*

член СМП РАПН, Россия, г. Москва

ORCID: 0000-0001-9545-079X

СТАБИЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЧЕРЕЗ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРИМИРЕНИЯ

Анализируется роль и место государственной политики в вопросах стабилизации политической системы путем восстановления внутреннего диалога между субъектами с целью достижения национального примирения. Многие политические системы, на фоне глобальных факторов, становятся нестабильными и сталкиваются с кризисными проявлениями в экономической, политической и социальных сферах. В таких условиях системе требуется дополнительная общественная поддержка, однако современность показывает, что многие системы находились в состоянии замороженных национальных конфликтов, которые обострились в последние годы. Из-за нерешенных споров внутри общества, при определении понятия политической справедливости, затрудняется выбор пути развития государственности, что вкупе с поляризацией общества делает невозможным мобилизацию гражданских масс в рамках единого государства. Целью данной статьи является анализ методов государственной политики по установлению национального примирения для стабилизации политической системы. Объектом является политика стабилизации политической системы, а предметом государственная политика национального примирения. В статье приводится обзор различных стратегий национального примирения. Особенностью данной статьи является компаративное исследование, которое проводилось с опорой на данные из ряда мировых регионов таких как Европа, Африка и Азия. Подобный мировой охват позволил выявить наиболее типичные закономерности в вопросах национального примирения, а также позволяет проследить эффективность различных политических систем. На основе проведенного обзора

делаются выводы о наиболее эффективной модели государственной политики национального примирения.

Ключевые слова: политическая система, политические партии, медиация, национальное примирение, политический кризис, стабилизация, арбитраж.

P.V. IVANOV

*Postgraduate student of the Department
of Political Analysis and Management of the
Peoples' Friendship University of Russia,
member of the SMP RAPN,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-1788-8811*

D.I. PLOTNIKOV

*Postgraduate student of the Department
of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship
University of Russia, member of the SMP RAPN,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9545-079X*

STABILIZATION OF THE POLITICAL SYSTEM THROUGH THE STATE POLICY OF NATIONAL RECONCILIATION

The article analyzes the role and place of state policy in stabilizing the political system by restoring internal dialogue between the subjects in order to achieve national reconciliation. Modern conditions show that many political systems, against the backdrop of global factors, become unstable and face crisis manifestations in the economic, political and social spheres. In such conditions, the system requires additional public support, but the present shows that many systems were in a state of frozen national conflicts that have escalated in recent years. Due to unresolved disputes within society, when defining the concept of political justice, it is difficult to choose a path for the development of statehood, which, coupled with the polarization of society, makes it impossible to mobilize the civilian masses within the framework of a single state.

The purpose of this article is to analyze the methods of state policy to establish national reconciliation to stabilize the political system. The object is the policy of stabilizing the political system, and the subject is the state policy of national reconciliation.

The article provides an overview of various strategies for national reconciliation. A feature of this article is a comparative study based on data from a number

of world regions such as Europe, Africa and Asia. Such a global coverage made it possible to identify the most typical patterns in matters of national reconciliation, and also allows us to trace the effectiveness of various political systems. On the basis of the review, conclusions are drawn about the most effective model of state policy of national reconciliation.

Key words: *political system, political parties, mediation, national reconciliation, political crisis, stabilization, arbitration.*

В современных условиях многие политические системы сталкиваются с последствиями замороженных национальных кризисов и конфликтов, это проявляется в кадровой нестабильности органов государственной власти, низком уровне доверия к политическим институтам, сбоями в работе электоральных систем, в росте проявлений политического экстремизма. Данная ситуация является характерной не только для переходных режимов, но и для стабильных демократических. Главной причиной подобных флуктуаций является отсутствие гомогенного общества. В ряде стран сложилась ситуация, когда после окончания политического кризиса, который сопровождался вооруженным конфликтом, не были проведены эффективные мероприятия по национальному примирению. Вместо этого, ряд государств заморозили конфликт и направили свою деятельность на построение новой политической системы без ликвидации последствий конфликта. В результате, когда многие страны сталкиваются с кризисными условиями, в них происходит обострение застарелых политических конфликтов, что приводит к существенной дестабилизации политической системы [8].

Основу методологии данной статьи составляют работы Томильцевой Д.А., которая исследует вопросы национального примирения в России с точки зрения переосмысления религиозных традиций [6]. И Медведева Н.П., в центре внимания, которого находятся вопросы достижения политического консенсуса, вопросы стабильности политической системы [3; 4]. Среди зарубежных авторов значительный вклад в изучение национального примирения внес Д.П. Ледерах. Он определил примирение как восстановление отношений, пострадавших во время конфликта, и указал на четыре компонента (истина/правда, справедливость/правосудие, прощение и мир), которые в целом обеспечивают социальную среду, необходимую для примирения [11].

Политика национального примирения есть регенерация утраченных коммуникационных каналов взаимодействия гражданского общества и государства. Оно относится к категории так называемого «дистрибуционного права» и осуществляется посредством редистрибуционного политического курса. Он подразумевает пересмотр правительством вопроса о поддержке той или иной социальной группы, а в его основе лежит принцип обеспечения справедливости.

Ключевой вопрос, с которым сталкиваются государственные институты в процессе восстановления справедливости, находит отражение в работах С. Хантингтона. Он обозначает его термином «Проблема палачей». После преодоления кризиса у каждого правительства есть альтернатива – наказание или прощение: следует ли судить и карать либо нужно простить и забыть о правонарушениях совершенных представителями предшествующей власти [7. С. 229].

Существуют две наиболее радикальные модели восстановления справедливости: «карательная», ориентированная только на осуществления правосудия без национального примирения и «реститутивная», исходной точкой которой, является установление истины, в рамках проведения компенсаторной политики жертвам преступлений. Яркие примеры первой модели: Руанда, ЮАР, Камбоджа, Югославия, второй – страны Латинской Америки. Особый пример был продемонстрирован в Испании. Национальное примирение в стране было достигнуто на основе договоренностей между сторонниками Х.П. Де Риверы и Ф. Франко, идеологически «уступившими» право оппозиционерам получить возможность вмешательства во внутреннюю политику и вести ревизионизм, в рамках демократического транзита от авторитарного государства к конституционной монархии с политическим плюрализмом [2. С. 32-44]. Данный факт сочетал в себе как элементы «карательной», так и «реститутивной» модели. Подобный пример уступает в эффективности консенсусной модели национального примирения.

Преимущество комплексного консенсусного решения над базовым прекращением конфликта путем договора сторон, выражается в том, что оно имеет долгосрочную перспективу, так как ориентировано на массы, нежели на элиты [9]. Переход от акцентированной консолидации среди групп интересов на надобщественный уровень становится предпочтительным для политической системы, так как способен влиять на поступающие к ядру системы импульсы всего социума, а не отдельных сегментов.

В вопросах выбора стратегии политической медиации, существуют два концептуальных варианта: реалистическая парадигма и плюралистическая [12]. Если реалистическая базируется на этноцентристской точке зрения в вопросах разрешения конфликтов в рамках негомогенного социума, то плюралистическая – полисубъектна по умолчанию. Рассмотрение медиации через плюралистический подход позволяет достичь «качество» диалога через преодоление полярностей.

В вопросах стабилизации, одного медиаторства недостаточно. Консолидации сторон должна уделять внимание и государственная сфера, и аккредитованная партийная. Политическая система, пребывающая в транзиторном состоянии вынуждена опираться не только на демократические методы, но и на авторитарные. В вопросе рассмотрения авторитарных методик ведения диалога, стоит подчеркнуть роль патернализма государственных

структур. Стоит принимать во внимание патерналистское воздействие как на авторитарную форму медиации, предшествующую мягкой силе. Для репрезентативной, не дебелиративной демократии, диалог через плюралистическую парадигму будет неполноценным, так как для мониторинга за процессом медиации, агрегирования социальных импульсов внутрь системы, необходимо партийное или организационное посредничество.

Вопрос национального примирения в РФ в определенной степени является значимым. До сегодняшнего дня существует ряд неразрешенных вопросов вызванных событиями революций и гражданской войны. В период советской власти вопрос о национальном примирении не являлся наиболее актуальным в политической повестке. Государство в период революции и двух десятилетий после 1917 года в основном реализовывало «карательную» модель, которая была направлена не на установление мира, а на фактическую ликвидацию всех политических противников правящего режима, что лишь углубляло политический раскол в обществе. Во второй половине XX века произошел определенный пересмотр событий революции и Гражданской войны, были реабилитированы ряд участников тех событий, а так же был открыт частичный доступ к архивным документам. Но вопрос о примирении советского общества и потомков «русской эмиграции» не поднимался широко вплоть до конца XX века.

Вопрос национального примирения стал более актуален в политической повестке середины 90-ых годов, когда государство сменило курс на «реститутивную» модель. Были открыты доступы ко многим архивным документам, которые освещали события Гражданской войны в России и последовавшие политические репрессии. Данная смена модели отразилась и в нормативно правовой сфере, 7 ноября 1996 года Президент РФ Ельцин издал Указ «О дне согласия и примирения» (1). В этом указе основное внимание уделяется вопросу национального примирения между потомками участников гражданской войны, как «красных» так и «белых».

Несмотря на проводимую государственную политику примирения, она во многом носила директивный характер и была лишена широкой общественной поддержки. В результате чего, 20 лет спустя после публикации закона, Путин в конце декабря 2016 года на большой пресс-конференции, напомнил россиянам о событиях Революции и Гражданской войны в России, и призвал их к консолидации и терпимости [5]. Вопросы последствий Гражданской войны в России имеют определенную актуальность и могут быть использованы для эскалации национального конфликта, который существенно повлияет на дестабилизацию политической системы. Поэтому, необходимым представляется корректировка государственной политики по вопросам национального примирения.

Достижение общенационального согласия всецело зависит от взаимного влияния экономических, правовых, духовных, социальных процессов

и условий. Значительную роль в этом процессе играет деятельность органов государственной власти, в том числе на региональном уровне. Власть на местах призвана всесторонне изучать общественные настроения и своевременно находить пути решения возникающих проблем [1].

Подводя итоги, необходимо сказать, что целью национального примирения является прекращение гражданского сопротивления, установление национального согласия и формирование гомогенного общества. Соответственно, создание необходимого климата для национального примирения можно рассматривать как некую базисную (подготовительную) точку по ликвидации последствий политического кризиса и изменения контекста, сформировавшегося в результате конфликта.

В отличие от моделей управления и разрешения конфликта, в которых акцент делается на снижение эскалации противостояния, трансформационная модель подразумевает построение мира путем восстановления отношений. Соответственно, национальное примирение — процесс, охватывающий не только формально-институциональные изменения, но и изменение отношений в обществе [10].

Проанализировав основные методы и механизмы по стабилизации политической системы через реорганизацию внутреннего диалога, осуществимого путем деэскалации общественного кризиса с помощью концепции «национального примирения», авторы полагают, что необходимым условием по нивелированию конфронтационных флуктуаций, становится не заморозка самой кризисной ситуации, а достижение консенсуса среди граждан. Именно поэтому, для преодоления кризиса, важно отсутствие этатизма в вопросах диалога, обязательно наличие информационных импульсов не только по вертикали, но и по горизонтали. Коэргитивная семантика в решениях исполнительной власти, в рамках поиска консенсуса обречена, запустить обратный процесс, стимулируя рост поляризации.

Политика национального примирения, инициированная государством, бывает недостаточно эффективной, так как не включает в себя интересы социальных групп и не способствует установлению исторической справедливости. Мероприятия, инициированные государством, не находят общественной поддержки и лишь частично минимизируют кризисные риски. Причиной, по которой поиск консенсуса невозможен, становится наличие в прошлом воздействия одной из сторон на другую путем негуманных, экстремистских инструментов. Значит, на начальной ступени формирования поля для диалога необходимо признание противоправных действий вне идеологической составляющей.

После признания противоправных действий, государству, для создания необходимых условий для национального примирения, важно обеспечить прозрачный инклюзивный процесс, с привлечением медиации в виде общественных инициатив. Необходимо развитие каналов коммуникации и граж-

данского общества, частично делегируя свои полномочия по преодолению кризиса негосударственным акторам, которые будут участвовать реализации диалога внутри субъектного поля. Государству отводится консолидирующая роль в рамках общественных, партийных и иных аккредитованных групп по вопросам примирения, т.е. государство способствует формированию общественного запроса на примирение, а не директивно реализует его. Именно при таких условиях, возможно, говорить о полноценном национальном примирении и преодолении кризиса политической системы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) О Дне согласия и примирения: Указ Президента РФ от 7 ноября 1996 года № 1537.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Буторов С.А.* Национальное примирение как компонент политической культуры: о границах приемлемости зарубежного опыта // Вестник МГУКИ. 2017. № 5 (79).
2. *Витюк В.В., Данилевич И.В.* Национальное согласие и переход от авторитаризма к демократии (испанские уроки) // Общественные науки и современность. 1999. № 2.
3. *Медведев Н.П.* Политический консенсус: теория и практика. М., 1999.
4. *Медведев Н.П.* Стабильность политической системы: теория и Российская практика // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2007. № 17.
5. Путин напомнил о событиях 1917 года и призвал к примирению // <https://ria.ru/society/20161223/1484449347.html>.
6. *Томильцева Д.А., Красавин И.В., Вагнер А.К.* Национальное примирение в России: трансформации религиозных традиций: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013.
7. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века / пер. с английского. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003.
8. *Ake C.* A Definition of Political Stability // *Comparative Politics*. 1975. № 7 (2).
9. *Bar-Siman-Tov Y.* From Conflict Resolution to Reconciliation. From Conflict Resolution to Reconciliation. 2011.
10. *Hauss Ch.* Reconciliation. Beyond Intractability. Posted, 2003.
11. *John Paul.* Lederach Preparing for Peace: Conflict Transformation Across Cultures. Syracuse. N.Y.: Syracuse University Press, 1995.
12. *Michelle Polato.* Mediation in Political Conflicts: Soft Power or Counter Culture. *Arbitration Law Review*. 2012. № 40 (4).

DOI 10.35775/PSI.2021.67.2.023

УДК 32.323

С.В. ЛЬВОВ

*кандидат социологических наук,
директор по стратегическому развитию
Всероссийского центра
изучения общественного мнения,
Россия, г. Москва*

А.А. МАКСИМОВА

*социолог-аналитик,
Россия, г. Москва*

С.В. НЕЧАЕВА

*кандидат социологических наук, доцент,
доцент Ставропольского филиала
Московского педагогического
государственного университета,
Россия, г. Ставрополь*

МЕХАНИЗМЫ И МОТИВАЦИЯ УЧАСТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКИХ И ГРАЖДАНСКИХ ПРОЦЕССАХ¹

В статье анализируются результаты проведенного исследования форм и механизмов участия педагогов в политических и гражданских процессах.

***Ключевые слова:** политическое и гражданское участие, педагогическое сообщество, мотивация.*

¹ Статья подготовлена в рамках совместного гранта РФФИ и АНО ЭИСИ № 20-011-31630 «Педагогическое сообщество: механизмы и мотивация участия социально значимой профессиональной группы в педагогических и гражданских процессах».

S.V. LVOV
*Candidate of Sociological Sciences,
Director for Strategic Development
All-Russian Center for the Study of Public Opinion,
Moscow, Russia*

A.A. MAKSIMOVA
*sociologist-analyst,
Moscow, Russia*

S.V. NECHAEVA
*Candidate of Social Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Stavropol branch
Moscow State Pedagogical University,
Stavropol, Russia*

MECHANISMS AND MOTIVATION FOR THE PARTICIPATION OF THE PEDAGOGICAL COMMUNITY IN POLITICAL AND CIVIL PROCESSES

The article analyzes the results of the study of the forms and mechanisms of teachers' participation in political and civil processes.

Key words: *political and civil participation, pedagogical community, motivation.*

Педагогическое сообщество выступает одним из ключевых звеньев в функционировании гражданских и политических процессов современной России. Во многом определяющим вектором развития социально-экономического положения страны является деятельность педагогов, административного состава учебных заведений в вопросах активного участия в формировании у учеников системы ценностных ориентаций. Школа по-прежнему остается для детей центральным инструментом политической социализации и местом, где преподавательский и административный составы наделены обязанностью сформировать у подрастающего поколения представления о базовых политических ценностях общества, принципах функционирования политической системы, ее институтах, отношении государства и личности, комплексе гражданских и политических прав и свобод человека, роли гражданина в принятии политических решений и его возможном участии в политической деятельности.

В силу постоянной вовлеченности педагогического сообщества в электоральный процесс данная профессиональная группа имеет наибольшее влияние в «трансляции» политических и гражданских идей не только на учеников

образовательных учреждений, но и в некоторой степени на рядовых гражданах, прямо или косвенно вовлеченных в образовательный процесс (к примеру, на родителей учеников). Проявление гражданских инициатив со стороны учителей, директоров и т.п. зависит не только от их общественной (формальной) функции, но и от личных убеждений, ценностей по отношению к действующей власти (лояльное либо оппозиционное отношение к ней).

Участие педагогического сообщества в делах гражданской и политической сфер требует обозначения и анализа мотивации их действий, а также механизмов, которые реально применяются на практике. Необходимо также выяснить являются ли педагоги лидерами общественного мнения для жителей населенного пункта, в котором они проживают.

Проблема участия учителей в общественных и политических процессах современной России на всех уровнях сложна и многогранна, поскольку определена наличием целого ряда позитивных и негативных тенденций и противоречий.

Во все времена педагоги выполняли важнейшие социальные функции. В условиях глобальных преобразований российского общества и государства именно социально-профессиональная группа педагогов выполняет важнейшую задачу воспитания и обучения, социализации новых поколений россиян, ориентированных на демократические ценности, оказывает влияние на формирование политической культуры граждан. Это также актуализирует задачу осмысления общественно-политического участия педагогов в реформируемом современном российском обществе.

Наиболее широкую теоретическую базу для изучения проблемы политического участия представляют работы западных политологов. Проблематике политического участия как деятельности групп лиц, руководствующихся политическими интересами, посвящены работы С. Вербы, М. Гоэла, Г. Алмонда, Р. Даля, Р. Кловарда, М. Конвей.

Наряду с понятием «политическое участие» отечественные ученые используют понятие «гражданское участие», под которым понимается один из принципов гражданского общества, построенного на началах конституционной демократии. Идея гражданского участия предполагает включение и вовлечение управляемых в управление, влияние на принятие решений и контроль за их исполнением, самоуправление на местном уровне. В обобщенном виде участие рассматривается как неотъемлемое свойство не только политической, но и любой управляемой (или самоуправляемой) общности людей и служит одним из средств выражения и достижения их интересов [2. С. 6].

Формы, практики политического и гражданского участия на муниципальном уровне проанализированы в работах А.А. Желниной, Е.В. Тыкановой, А.В. Соколова, А.А. Фролова, Б.С. Гладарева, Е.Е. Секирина. Необходимо отметить, что исследовательских работ по проблематике механизмов

и мотивов участия педагогического сообщества в политических и гражданских процессах практически нет.

Для определения актуальных механизмов участия педагогов в политических и гражданских процессах, внутренней и внешней мотивации участия под воздействием динамично меняющейся информационно-коммуникационной среды в Ставропольском крае проведены 5 фокус групп и 10 глубинных интервью с действующими учителями и представителями администрации средних образовательных школ. Участники равномерно распределены по полу, возрасту, стажу работы. Респонденты были отобраны из городов трех типов: краевого центра; городов с численностью населения от 100 тысяч до 500 тысяч человек и города с численностью населения до 100 тысяч человек.

Нами было выяснено, что представители педагогического сообщества осуществляют в большом объеме общественную работу, касающуюся строго их профессиональной деятельности. По мнению почти всех респондентов, их общественная работа сводится к регулярному проведению классных часов, экологических, волонтерских мероприятий среди учащихся. В отдельных общеобразовательных учреждениях городов Ставропольского края (г. Михайловск, г. Ставрополь, г. Пятигорск) учителями организуются экскурсии в музеи, театры, музыкальные концерты, ведутся аккаунты в социальных сетях по вопросам просветительной деятельности (исторические блоги и т.п.). Немаловажную роль в образовательном процессе играют и классные часы с представителями ГИБДД, пожарными, направленные на формирование у учеников правил поведения вне школы. Как отмечают большинство опрошенных, такого рода активность у преподавательского состава носит в подавляющем случае принудительную форму.

Представители управленческого звена образовательных учреждений чаще всего выступают инициаторами подобных мероприятий в рамках профессиональной активности. Этой группе присущи такие формы участия в общественной жизни общества:

- мастер-классы, научные конференции, семинары;
- организация военно-патриотических объединений;
- организация участия учеников в акциях по поводу празднования Дня

Победы и т.п.

Как выяснилось участие в общественной деятельности вне профессиональной работы, никто из преподавательской группы участия не принимает. Единицы из управленческого звена отметили о своем участии, среди которых:

- оказание помощи местному музею в описании археологической коллекции;
- деятельность по развозу гуманитарной помощи в период пандемии коронавирусной инфекции.

Подавляющее большинство респондентов свою низкую вовлеченность в общественную работу объясняют чрезмерной нагрузкой при выполнении

основной – учительской работы. Из-за низкой оплаты труда им приходится брать дополнительную нагрузку, из-за чего складывается ситуация, когда на участие в гражданских и политических мероприятиях вне учебного процесса попросту не хватает времени. Данная ситуация характерна на всей территории нашей страны вне зависимости от уровня образовательной организации.

Из-за чрезмерной нагрузки на учителей, дополнительных часов работы, большого объема «бумажной волокиты», мотивация на участие в общественной жизни у данной группы исключительно принудительная (внешняя). В силу нехватки времени у учителей отсутствует возможность физически и морально проявлять собственную инициативу для реализации общественных задумок. Нами было выяснено, что опрошенные учителя города Ставрополя включались бы в добровольном, а не принудительном порядке в реализацию гражданских инициатив, при наличии свободного времени и достойной оплаты своего труда.

Несколько иная ситуация обстоит с мотивацией у представителей администрации школ образовательных учреждений. По их словам, они реализуют свои общественные инициативы самостоятельно, без какого-либо «толчка» со стороны. Мотивация у большинства из них – внутренняя. Как правило, ключевую роль для такой группы имеет возможность самореализации и саморазвития. Данная группа опрошенных старается использовать все предоставляемые возможности интеграции в общественную работу, в т.ч. и в онлайн формате, особенно актуальном в период коронавирусной инфекции. В ходе исследования определено, что и рядовые учителя стали активно использовать онлайн площадки (WhatsApp, Instagram, Яндекс.Класс, Zoom) в рамках реализации школьных активностей: освещение образовательных мероприятий, обучение учеников, профессиональный обмен опытом с коллегами и т.д. В общественной жизни вне профессиональной деятельности учителя в формате онлайн участие не принимали.

Огромное значение имеет в нашем исследовании и выявление особенностей внутренней и внешней мотивации участия педагогов в политических мероприятиях. Для начала отметим, что в этом вопросе респонденты в подавляющем большинстве заявили о своем повышенном интересе к политическому процессу в стране. В силу специфики преподавательской деятельности они стараются быть в курсе современных политических тенденций, настроений и ценностей, но при этом понимают, что, по их словам, должны отстаивать консервативные, патриотические, государственные ориентиры при взаимодействии с учениками. Данный феномен так же характерен для большинства образовательных учреждений России, что подчеркивается недавней инициативой представителей власти о том, что в российских школах вскоре появятся советники по воспитанию, которые будут говорить с детьми о митингах. В 2021 году конкурс проведут в десяти пилотных регионах,

в том числе и Ставропольском крае. Об этом пишет «Коммерсант» со ссылкой на заявление министра просвещения Сергея Кравцова [1].

Большинство респонденты признают, что используют разные источники для получения информации о политической обстановке в стране и в регионе. Причем использует эти сведения не только при общении с учениками, но и непосредственно для себя. Популярными источниками новостей для лояльно настроенных к представителям текущей власти учителей стали новости о президенте В. Путине, губернаторе Ставропольского края В. Владимирове и некоторых других чиновников, активно освещающих свою деятельность в социальных сетях.

Выяснилось, что респонденты склонны высказывать критические оценки действующей власти (в основном из числа рядовых педагогов) в социальных сетях чаще наблюдают за представителями оппозиции. Среди основных – Николай Бондаренко, Алексей Навальный, Николай Платошкин, Сергей Фургал. Эти политики вызывают у респондентов сочувствие, эмоциональное присоединение к их идеям, любопытство.

Примечательно, что за деятельностью Алексея Навального внимательно следят все – как «недовольные», так и лояльно настроенные педагоги.

При относительно высоком уровне осведомленности преподавательского состава о текущем политическом положении в стране, только незначительная часть среди них непосредственно принимает участие в политической жизни. За редким исключением, такого рода деятельность является принудительной, т.е. мотивация в данном случае снова внешняя. Основная форма участия остаются выборы. Согласно результатам нашего опроса, у представителей административного состава спектр политического участия несколько шире по сравнению с рядовыми учителями:

- участие в выборных компаниях в качестве избирателей;
- членство в партиях;
- участие в выборах в качестве доверенного лица кандидата.

Определено, что все политические мероприятия, в которых задействованы учителя и представители административного состава школ, сводятся к поддержке отдельно взятых про властных политиков и партии «Единая Россия» непосредственно. Например, как отмечают учителя одной из общеобразовательных школ г. Пятигорска, работа на избирательных участках в период выборов большинством из них не воспринимается как политическая активность, самостоятельное волеизъявление граждан России, а ощущается лишь в призме «принуждения» под угрозой дальнейших негативных последствий в случае отказа.

Большинство из учителей недовольны необходимостью принимать участие в принудительных выборных кампаниях, работать на избирательных участках за крайне низкую оплату труда. Ситуация же с административным персоналом – обратная, т.е. в свою очередь, позитивно воспринимают возможность стать частью политического процесса.

О своем участии в выборах заявили все без исключения представители педагогического сообщества вне зависимости о политических взглядах. Многие из опрошенных убеждены, что выборы – долг каждого педагога. Для лояльно настроенных к власти учителей такой политический инструмент скорее традиция, пришедшая из времен СССР, когда политическая стабильность и отсутствие перемен – это возможность сохранить себя от социально-экономических потрясений. Как показало исследование, оппозиционно настроенные учителя видят в выборах единственный из оставшихся рычагов политического воздействия граждан.

Участие в выборах в качестве кандидатов скорее свойственно людям из административного звена образовательных учреждений, чаще всего – директорам. Из всех опрошенных нами респондентов, только двое заявили о имеющимся у них релевантном опыте. В обоих случаях инициатива выдвижения не принадлежала самим кандидатам и сам процесс выборов носил исключительно формальный характер.

Сугубо формально так же происходит вступление учителей в политические партии по просьбе руководства образовательных учреждений. Вступив в партию, педагоги никаким образом не реализуют возможные политические мероприятия, контактов с парторганизацией не поддерживают. Вновь ситуация с внешней мотивацией.

Однако среди опрошенных нашлись учителя, вступившие в партию «Единая Россия» и регулярно реализующие свои политические права в данной политической ячейке. Они отмечают, что мотиватором вступить во властную партию для них стала возможность в положительном ключе повлиять на жизнь города, в котором они живут и работают. В данном примере явно прослеживается внутренняя мотивация преподавательского состава, без какого-либо внешнего принуждения.

В вопросе своего отношения к партиям и политикам, представляющим власть в настоящий момент, у опрошенных респондентов мнение разделилось. Положительно настроенные к действующей власти учителя поддержали существующее положение дел и заявили о правильном векторе реализации программы политической партии «Единая Россия», представляющей большинство в Государственной думе РФ. По их мнению, партия обеспечивает безопасность и стабильность в стране, оберегает от экономических и социальных потрясений, сохраняет политическую стабильность после «тяжелых 90-х».

Преподавательское сообщество с оппозиционными взглядами заявило о вынужденном, мотивированном не собственным желанием, а сторонним принуждением, участии в политических процессах политиков и властной партии «Единая Россия». Учителя обязаны призывать к голосованию за «Единую Россию» в обмен на материальную помощь школам от региональных депутатов. Принимая от депутатов «Единой России» разовую ма-

териальную помощь для школы, респонденты не связывают с ними надежд на улучшение общего социально-экономического положения граждан страны. Большинство не лояльных к действующей власти учителей обозначили несколько основных проблем государственной политики в РФ:

- коррупция чиновников;
- социальное неравенство граждан;
- некачественная бесплатная медицинская помощь;
- социальная незащищенность;
- повсеместная бюрократия.

Примечательно, что большинство респондентов в исследовании – так сторонников власти и приверженцы оппозиционных взглядов – не относят партии «системной» оппозиции (ЛДПР, КПРФ, Справедливая Россия) к оппозиции как таковой. Такое мнение опрошенные объясняют совместным, консолидированным рассмотрением и принятием законов всеми указанными партиями в Государственной/региональной думах. По сути оппозиционными считаются отдельно взятые политики – Николай Бондаренко, Алексей Навальный, Сергей Фургал.

Сдержанно негативным можно назвать и отношение среди лояльно настроенных к власти учителей к представителям оппозиционного движения. Главным аргументом такая группа опрошенных называет «бездействие противников власти», «попытки разрушить существующую стабильность», а не сделать что-либо полезное для общества и государства.

«Недовольных» текущей властью в настоящем исследовании связывает мнение о том, что государство искусственно «зачищает» политическое поле от возможных конкурентов. Это, по их мнению, подтверждают убийство в 2015 г. оппозиционного политика Б. Немцова, отравление и несколько сфабрикованных уголовных дел против А. Навального, а также репрессии по отношению к другим политикам с отличными от государственной линии мнениями и идеями.

При этом сдержанный интерес к возможному появлению политической альтернативы присутствует не только у «недовольных» педагогов, но и у «лоялистов»: *«Да не то что за эту партию, а других кандидатов пока не видим, поэтому голосуем. Чего-то более яркого нет на горизонте».*

По мнению опрошиваемых, причинами отдаленности в создании и реализации гражданских и политических инициатив являются уязвимость их положения (боязнь под угрозой отказа участия в мероприятиях подвергнуться наказанию, вплоть до увольнения), а также законопослушность и нежелание портить отношения с начальством.

В улучшение собственного социально-экономического положения, связанного с повышением зарплаты, снижению «бумажной волокиты» и т.п. посредством участия в политической жизни страны, учителя не верят. Как отмечают многие из респондентов, их мнение ничего не изменит и суще-

ствующее положение дел останется на прежнем месте. Участвовать в различных протестных акциях они не намерены из-за «не результативности» и «возможных негативных последствий» для них в виде штрафа, увольнения и т.п.

На вопрос «Что бы вынудило преподавательское сообщество выйти протестовать?» самыми частыми ответами оказались:

1. Принудительная вакцинация от коронавируса.
2. Введение на постоянной основе дистанционного образования.
3. Снижение зарплат.

Что касается представления педагогического состава как лидера общественного мнения, стоит сделать следующий вывод: формально, при наличии внутренней мотивации у административного состава учебного заведения, а также у некоторых рядовых учителей существует возможность быть представителями депутатов местной власти, в период выборов оказывать им всяческую поддержку.

Только единицы указывают о наличии неформального лидерства, например, в роли председателя уличного комитета или организатора местного музея.

Респонденты солидарны во мнении, что в настоящий момент теряется тенденция «учитель – лидер мнений» в силу появления и активного развития современных медиа. Респонденты отмечают, что ученики школ сейчас видят авторитетов в интернет-блоггерах, а не в своих преподавателях. Преподавательское же сообщество все больше «утопает» не в основной своей деятельности – учебной, просветительской, творческой, а скорее в формализации процесса получения образования, где бумажная работа и принудительное участие в различных гражданских и политических инициативах носит зачастую исключительно принудительный характер.

Основными запросами у учителей и административного состава образовательных учреждений для изменения текущего положения является:

- обеспечение учителям достойной оплаты труда;
- отсутствие давления на участие в реализации своих гражданских и политических инициатив.

Исследование мотивов, механизмов, факторов, форм политического и гражданского участия населения представляет значительный научный интерес. Как уже отмечалось ранее, представители преподавательского состава не часто принимают участие во вневыборных и гражданских мероприятиях, что непосредственно связано с непростыми моральными и физическими условиями их труда: большая рабочая нагрузка в купе с низкой оплатой труда влияют на их возможность самостоятельно принимать участие и организовывать по своему желанию гражданские мероприятия и осуществлять политическую работу вне рабочего процесса. Существующий социальный дискомфорт, о котором заявили в период исследования многие

преподаватели, не может выступать для них тем мотиватором, ради которого они начали бы независимо решать профессиональные и социально-экономические проблемы.

За последние три года прослеживается тенденция снижения уровня доверия власти. В актуальный список критериев эффективности работы глав регионов, органов власти, утвержденных Президентом РФ, вошли: уровень образования, эффективность системы поддержки талантливых детей и молодежи, доля волонтеров, условия для воспитания социально ответственной личности.

Именно поэтому актуальным остается вопрос поиска наиболее эффективных форм общественно-политического участия учителей в процессах самоорганизации местного сообщества, их оптимизации на основе повышения уровня своей гражданской активности и политической культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Массовики-идейники. В российских школах появятся советники-воспитатели // Газета «Коммерсантъ». № 17 от 02.02.2021 // <https://www.kommersant.ru/doc/467207>.

2. *Прятелева Л.Г.* Общественно-политическое участие педагогов в условиях реформирования российского общества (на материалах Вологодской области). Автореферат дис. кандидата социологических наук / Сев.-Зап. акад. гос. службы. Санкт-Петербург, 2009.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ВНЕШНЕЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2021.67.2.024

УДК 32.327

А.А. ТУШКОВ

*доктор исторических наук, профессор
кафедры международных отношений и права
Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток*

С.С. СТЕПАНОВА

*бакалавр кафедры международных отношений и
права Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток*

ПРОТИВОРЕЧИЯ И ДИХОТОМИИ КОНФЛИКТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

В рамках настоящего исследования авторы рассматривают конфликтный потенциал Восточного Средиземноморья. При этом основное внимание фокусируется на двусторонних отношениях и нынешнем соперничестве между странами Арабского Востока. В связи с возрастающей значимостью борьбы за ресурсы в современных международных отношениях, предложенный конфликт является основным предметом исследования. Играв важную роль в понимании противоречий и существующих дихотомий в политическом ландшафте Восточного Средиземноморья, важно уяснить весь спектр факторов, характерных для ближневосточного региона.

Ключевые слова: *Ближний Восток, конфликтный потенциал, Восточное Средиземноморье, альянсы, антитурецкие альянсы.*

A.A. TUSHKOV

*Ph.D., Professor of International Relations
and Law, Vladivostok State University of Economics
and Service, Vladivostok, Russia*

S.S. STEPANOVA

*Bachelor, Department of International Relations
and Law, Vladivostok State University of Economics
and Service, Vladivostok, Russia*

CONTRADICTIONS AND DICHOTOMIES OF THE CONFLICT POTENTIAL OF THE EASTERN MEDITERRANEAN

As part of this study, the authors look at the conflict potential of the Eastern Mediterranean. At the same time, the focus is on bilateral relations and the current rivalry between the countries of the Arab East. Due to the increasing importance of the struggle for resources in modern international relations, the proposed conflict is the main subject of the study. Playing an important role in understanding the contradictions and existing dichotomies in the political landscape of the Eastern Mediterranean, it is important to understand the full range of factors characteristic of the Middle East region.

Key words: *Middle East, Conflict Potential, Eastern Mediterranean, Alliances, Anti-Turkish Alliances.*

На сегодняшний день конфликтный потенциал Восточного Средиземноморья один из наиболее интересных с точки зрения исследовательских позиций современных международных отношений. В связи с тем, что данный вопрос является весьма существенным на Ближнем Востоке, регионе, широко известном своей конфликтогенной обстановкой, точная концептуализация причин, лежащих в его основе, и его возможных результатов требует глубокого анализа. В настоящей статье рассматриваются ключевые особенности данного потенциала и дается предварительный прогноз и обосновывается вероятная траектория его развития в ближайшем будущем. Все события, несущие непредсказуемые последствия для региона и рушащие хрупкую стабильность лежат в русле базовых дихотомий [1]. Их значимость в ходе свершающихся в настоящий момент региональных трансформаций неизмеримо возрастает. Ключевая дихотомия здесь – **унитаризм vs децентрализация**. Рассматривая весь спектр регионального конфликтогенного потенциала, можно с уверенностью предположить, что данная дихотомия предопределяет его развитие и перспективу. Противоречие дихотомии под-

талкивает всех региональных игроков к эскалации политического противостояния, граничащего с применением вооруженного насилия. Тем более, что этим обстоятельством мело пользуются внешние силы, весьма умело навязывающие всем противоборствующим силам собственную повестку и собственные интересы. Причем эти интересы зачастую противоречат интересам всех ключевых игроков региона. Предполагаемая децентрализация вполне приемлемое решение для обескровленных войной таких стран, как Сирия, Ливия, Йемен. Это послужило бы преодолению латентной конфликтности других ближневосточных государств. Так, частичная федерализация не привела к стабилизации в Ираке. Однако остановила многолетнюю историю арабо-курдских столкновений и кровопролития в этой стране. Напротив, федеративная модель Объединенных Арабских Эмиратов является устойчивой, что обеспечивает стабильность и высокие темпы развития в этой стране. Говоря об упомянутой дихотомии, есть все основания говорить о некотором оптимизме по поводу возможности преодоления острого противоборства между национальными меньшинствами, выдвигающими требования автономизации своим правительствам. Однако есть и более глубокая проблема. Это права этнических и религиозных меньшинств, имеющая непосредственное отношение к историческому палестино-израильскому конфликту.

Существует еще одна региональная дихотомия – **светское vs религиозное**. Сегодняшний ближневосточный политический ландшафт представлен самым широким спектром политических режимов. Начиная от такого теократического режима, как Исламская Республика Иран, до тех, кто конституционно провозгласил светский характер государства, как Турция. Дихотомия в том и заключается, что именно в Турецкой Республике у власти находится Партия справедливости и развития, т.е. партия умеренной исламской ориентации, получившая поддержку большинства населения в ходе демократических выборов. А в Иране, где организующим принципом государственности является доктрина «правление мусульманского правоведа», существуют и реально работают все институты демократических государств: парламент, политические партии, система выборов и т.д. При этом уникальный характер носит устройство и Ливана. Именно здесь существует квотная система представительства конфессиональных групп во власти. Так, ведущая роль маронитской общины сочетается с влиянием таких военно-политических институтов шиитов, как «Хезболла». Последний институт, как субгосударственный актер, в значительной мере усиливает внутреннюю региональную напряженность. Для подрыва стабильности данное обстоятельство удачно используют внешние политические силы. Значительную напряженность в регионе вызывают радикальные джихадистские группировки, запрещенные в России. Такие как ИГИЛ или десятки тысяч хорошо вооруженных боевиков в сирийской провинции Идлиб. Завершая не полный анализ предложен-

ной дихотомии, необходимо сказать и о тех трансформационных процессах, которые затронули благодаря реформам, проводимых в Саудовской Аравии. Однако ближневосточная традиция заключается в том, что любые реформы всегда сталкиваются с общественным сопротивлением. Даже при наличии таких властных ресурсов, как в Саудовской Аравии, они трудно преодолимы.

Естественно, что не все противоречия, определяющие региональный политический ландшафт, можно описать через бинарные дихотомии. Ближневосточные страны находятся под ударом и других острых проблем, решение которых давно назрело. При наличии данных проблем, прогнозирование развития ближневосточного политического пространства тесно связано еще с одним аспектом. Это – специфика региональной ближневосточной среды, где параллельно действует множество акторов локального и глобального уровня, от местных племенных ополчений и конфессиональных милиций до правительств, от религиозных общин до транснациональных корпораций. Что особенно важно: каждый из этих акторов руководствуется собственным нарративом, а взаимодействие практически не институционализируется.

Все проблемы можно сгруппировать по определенным факторам, характерных для региона [1. С. 6-7].

К **первой группе** можно отнести такие фундаментальные факторы, которые имеют отношение к длительным историческим процессам, связанные с социально-экономическими и экологическими явлениями. При этом не только регионального, но и глобального характера. К ним отнесены ресурсные, демографические и гендерные дисбалансы, нехватка воды и продовольствия и др.

К **второй группе** можно отнести идейно-политические факторы. К ним можно отнести нехватку или слабость институтов, которые закрепляли бы свойства устойчивости политических систем государств к существующим и новым вызовам, и угрозам. С одной стороны, обеспечивали бы готовность к реформам, с другой – постконфликтному восстановлению систем управления.

К **третьей группе** можно отнести такие, которые представляют международные и военно-политические факторы, связанные как с изменением ситуации в конфликтах, так и с внешнеполитическими стратегиями региональных и глобальных акторов.

Четвертую группу представляют факторы, определяющие деятельность экзистенциальных спойлеров, т.е. антисистемных сил и политических лидеров, проявляющих себя в условиях турбулентности и слабости институтов.

И, наконец, к **пятой группе**, с полной уверенностью можно отнести сложившиеся альянсы и объединения сил, которые занимают основополагающее место в понимании механизмов возникновения конфликта. Суще-

ет несколько обоснованных объяснений в отношении данных механизмов, однако, их наиболее полное описание принадлежит известному политологу Кеннету Уолтцу. В своих исследованиях, посвященных процессам выработки политики, он утверждал, что суверенные государства действуют в соответствии со своим желанием сдерживать более сильные альянсы, обеспечивая существующий баланс сил [1. С. 25]. При учете данного фактора, возникновение нового альянса в противовес существующему с целью уравнивания сил, вполне ожидаемо. Надо полагать, что вышеуказанный фактор является первопричиной возникновения соперничающих сторон в Восточном Средиземноморье. Государства региона объединяют свои экономическую и политическую мощь против той страны, которое значительно выросло за последние годы. Этим государством является Турция. Несмотря на различия в политических целях, такие государства, как Греция, Израиль, Египет, Кипр и Сирия объединяет одна общая черта – политическое противостояние с Турцией в разных частях Ближнего Востока.

Взаимодействие правительств Египта и Турции находится на стадии кризиса в течение последних восьми лет после событий военного переворота в Каире. Именно тогда интересы обоих государств начали значительно различаться. Однако за последние несколько лет эта конкуренция значительно возросла. Турция была ключевым сторонником правительства Омара аль-Башира в Хартуме (Судан); в последние годы данное правительство является обусловленным соперником египетской проекции власти [5. Р. 256]. Его поддержка Турцией является средством уравнивания влияния Каира в регионе, в соответствии с турецкой политикой сдерживания соперников.

К тому же, что не менее важно, авторы предлагают обратить внимание на два разных подхода к Гражданской войне в Ливии со стороны этих стран. В то время как Турция снабжала в Триполи правительство национального согласия, Египет предпочитал поддерживать силы Палаты представителей в восточных частях страны. С учетом данных событий, несложно предположить, что при начале развития конфликтной обстановки в Восточном Средиземноморье, Египет занял антитурецкую позицию. За последнее десятилетие турецко-израильские отношения аналогично претерпевают упадок. Предпосылками данной обстановки явились поддержка разных сторон в отношении палестинского вопроса и дальнейшее расхождение интересов, а также проводимой политики, в регионе. Следовательно, правительство Израиля присоединилось к антитурецкой [2].

Что касается Кипра и Греции, то эти страны являются давними противниками турецкого правительства. Однако, с недавнего времени политический конфликт государств перерос в большее противостояние углубляя и обостряя конфликтный потенциал региона. В основе этого лежат события, связанные с открытой поддержкой Турцией Северного Кипра в вопросе получения независимости от юга. Греция и Кипр входят в состав Евросоюза,

таким образом, весьма очевидным шагом правительства Греции стали привлечение европейских стран к конфликту в регионе. Результатом оказания поддержки Греции со стороны Франции стало всеобъемлющим [3].

Наконец, турецко-сирийские отношения являются наиболее напряженными. Подоплекой данного напряжения является продолжающаяся гражданская война в Сирии. Дамаск обвинил турецкое правительство в поддержке террористических группировок на территории страны, однако, турецкая сторона рассматривает данные группировки в качестве умеренной оппозиции. Аналогичным образом, сирийская сторона поддерживает антитурецкие настроения.

Учитывая эти предпосылки, настоящий антитурецкий союз между Грецией, Кипром, Египтом, Израилем и Сирией иллюстрирует партнерство, основанное на уравнивании беспрепятственной власти в регионе. Несмотря на это, Анкара выдвигает весомые аргументы относительно использования континентального шельфа в регионе. Турецкое правительство утверждает, что их доступ к важнейшим средиземноморским ресурсам находится под угрозой и поэтому готово предпринять серьезные меры, с целью сохранения этого доступа [4]. Турецкая промышленность зависит от импорта иностранных ресурсов; следовательно, с целью ограничить импорт данных ресурсов, Турция нуждается в восточно-средиземноморских акваториях, богатых природными ресурсами. С данной точки зрения, позиция Турции напоминает японскую внешнюю политику в период 1930-х годов. В то время Япония аналогичным образом проводила более активную и интервенционистскую внешнюю политику для поддержания своих резервов. Исходя из всего вышесказанного, авторы убеждены в том, что необходимость сохранения доступа к ресурсам может стать основой повышения агрессивной и интервенционистской политики государства.

Подводя предварительный итог, авторы предполагают, что в основе вызревания конфликтного потенциала в Восточном Средиземноморье лежат сложные внешнеполитические отношения между странами региона и Турцией. Для большинства государств данное разногласие обусловлено исторически устоявшимся напряжением отношений с Турцией, в то же время как для турецкого правительства сложившаяся обстановка является борьбой за ресурсы. Для исследования всего деструктивного потенциала и прогнозирования его дальнейшего развития необходимо рассмотреть две возможных траектории его развития: положительную и неблагоприятную. Благодаря их анализу, предполагается установить, насколько существенно может быть изменен характер разногласия в зависимости от решений правительств стран региона.

Положительное развитие конфликтного потенциала заключается в общем взаимном налаживании контактов между странами региона. С целью снижения напряжения между государствами, турецкая сторона должна

стремиться к компромиссному исходу по ряду разногласий с членами анти-турецкой коалиции. К примеру, возвращение к политике поддержки федеративного и единого государственного подхода на Кипре может сократить недовольство греческой стороны. Весьма очевидно, этого было бы недостаточно. Турция также должна вести более конструктивный диалог и с другими своими основными соперниками. Напряженность между Каиром и Анкарой может деэскалироваться в результате достижения компромисса в Ливии и отказа Турции от поддержки политических противников правительства Каира. Подобный подход в отношении Палестины может также означать улучшение двусторонних отношений с правительством Тель-Авива. Обоснованно, разрешение напряженности между Анкарой и Дамаском является наитруднейшей задачей. В связи с тем, что в сирийско-турецкий разделен между более чем двумя государствами, решение данного конфликта носит более сложный характер и требует многостороннего подхода.

Вторым возможным путем развития конфликтного потенциала является его дальнейшее ухудшение. На сегодняшний день, возможно предположить, что данное столкновение уже является довольно напряженным, однако, существует одна «смягчающая» черта – предпринимаемые усилия сторон по деэскалации разногласия. Тем не менее, предпринятые усилия могут обернуться неудачей. Таким образом, Турция и ее соперники окажутся на грани кровопролитной войны в регионе. В данном случае, в связи с геополитическим значением Восточного Средиземноморья, война может затронуть страны других регионов. Сложно предугадать, какой из путей станет действительным. Так как к компромиссу должна прийти каждая из сторон, основная ответственность возлагается на правительства данных стран. Это означает, что наибольшее изменение в углубление конфликтного потенциала может внести турецкое правительство. Таким образом, Турция может, как усилить напряжение, деэскалировать конфликт, так и нести ответственность за региональные военные столкновения, статус которого способен перерасти в мировой. Безусловно, не меньшая ответственность лежит на остальных акторах региона. Тем не менее, по утверждениям Кеннета Уолтца, разрешение международного конфликта возможно при первоначальном «успокоении» наиболее агрессивного государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Наумкин В.В., Кузнецов В.А.* Ближний Восток: к архитектуре новой стабильности? // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Февраль, 2020.
2. *Abdul-Aziz K.* Sudan accepted Economic Assistance from UAE, Russia, and Turkey // Reuters. 2019 // <https://www.reuters.com/article/us-sudan-protests-idUSKCN1PH1TU>.

3. *Bloch A.* What's Driving the Conflict in the Eastern Mediterranean? // Lawfare. 2021 // <https://www.lawfareblog.com/whats-driving-conflict-eastern-mediterranean>.

4. *Smith H.* Greece and Cyprus call on EU to punish Turkey in drilling dispute // The Guardian. 2019 // <https://www.theguardian.com/world/2019/jun/18/greece-and-cyprus-call-on-eu-to-punish-turkey-in-drilling-dispute>.

5. *Theory of International Politics* / K. Waltz. Illinois: Waveland Press, Long Grove Publishing, 1979.

DOI 10.35775/PSI.2021.67.2.025

УДК 32.327

Д.М. КАРЕНИН

второй секретарь МИД России,

Россия, г. Москва

В.А. КУЗЬМИН

доктор исторических наук,

профессор кафедры востоковедения

Уральского федерального университета,

Россия, г. Екатеринбург

ЯПОНИЯ И ЕЭС: ДОЛГИЙ ПУТЬ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Цель данной статьи – подробно проанализировать развитие отношений между Японией и странами Западной Европы во второй половине XX в. Актуальность исследования определяется тем, что изучение развития отношений между ключевыми игроками Европы и Азии во второй половине прошлого века может стать базой для прогнозирования взаимодействия между Востоком и Западом на современном этапе.

Данная тема глубоко и планомерно изучается за рубежом, но исследования российских авторов пока имеют несистематический характер. Используются работы японских, западных и российских ученых, двусторонние и многосторонние японо-европейские соглашения, статистические материалы Еврокомиссии и Правительства Японии.

Автор воспользовался комплексным подходом, позволяющим наилучшим образом отразить многоуровневый характер японо-европейских отношений. Для изучения официальных документов применены элементы контент-анализа и метод изучения документов.

В статье описан процесс разрешения торговых разногласий между Японией и ЕЭС, показан переход от «полярных» позиций к взаимовыгодному сотрудничеству.

Обращение к неолиберализму позволило Японии и ЕЭС к концу XX века преодолеть разногласия, которые было невозможно разрешить в рамках реалистической парадигмы. Благодаря этому была заложена основа всеобъемлющего стратегического партнерства, сохранение и развитие которого возможно только в неолиберальной системе международных отношений.

Ключевые слова: *Евросоюз, экономическое сотрудничество, ГАТТ, ЕЭС, Япония, Еврокомиссия, политический реализм, неолиберализм.*

D.M. KARENIN

*Second Secretary, Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia*

V.A. KUZMIN

*Doctor of Historical Sciences,
Ural Federal University,
Oriental Studies Department Professor,
Ekaterinburg, Russia*

JAPAN AND THE EEC: A LONG ROAD TO COOPERATION

The aim of the present article is to analyze the development of relations between Japan and the West European countries in the second half of the 20th century. This research is highly relevant because predictions of modern day interactions between the East and the West can be based on the analysis of development of relations between the key-nations of Europe and Asia in the second half of the 20th century.

The article is based on research conducted by Russian, Japanese and Western experts on relations between Europe and Japan as well as bilateral and multilateral agreements between Japan and the EU as well as statistical reports of the European Commission, the Ministry of Foreign Affairs and the Ministry of Trade and Industry of Japan.

The author of the article used the complex systems approach, as it is the best way to describe the multidimensional nature of relations between Europe and Japan. Other methods employed in the article are the document and content analysis methods because of many official documents used in the research.

The research in question covers the processes that accompanied the formation of political and economic ties between Japan and the European Community.

The implementation of the neoliberal approach to international relations by the end of the 20th century allowed Japan and the EC to overcome problems that political realism did not allow to solve. This laid the foundation for a transcontinental strategic partnership that can only be maintained and thrive in a neoliberal system of international relations.

Key words: *European Union, economic cooperation, GATT, EC, Japan, European Commission, political realism, neoliberalism.*

Со второй половины XX в. начинается новая страница непростой истории японо-европейских отношений, в которой были периоды сближения и серьезнейших расхождений. Сегодня Европейский союз и Страна Восхо-

дядшего Солнца связаны широким спектром общих интересов в экономической, политической, научно-технической и социально-культурной сферах. Дополнительную динамику в японо-европейских отношениях создают двусторонние связи, действующие непосредственно между Токио и членами Евросоюза.

Для Японии начало второй половины XX в. оказалось сложным периодом. Поражение во Второй Мировой войне поставило страну на колени. Экономика была катастрофически подорвана. Оккупация неминуемо способствовала формированию особых отношений с США. Вашингтон также оказал существенное влияние на развитие контактов Японии со Старым светом. Принято даже говорить о треугольнике США – Япония – ЕС, который начал складываться в уже первые послевоенные годы.

Это было время и первых шагов на международной арене, и преодоления всеобщего недоброжелательного отношения к странам, потерпевшим поражение в войне.

Первые шаги на международной арене. Одним из важнейших шагов на пути к выходу из кризиса и возвращению на международную арену для Токио стало присоединение к Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ). Обстоятельства вступления в эту организацию во многом определили развитие ее отношений со странами Европы. В 1945 году разгромленная Япония даже в вопросах удовлетворения базовых экономических потребностей зависела от помощи Соединенных Штатов. Овальный кабинет видел в Японии не только поверженного врага, но и потенциально-го союзника и торгового партнера [14. Р. 55-69]. В этой связи было решено не просто отпустить Токио в свободное плавание, но и дать ему возможность встать на ноги, поспособствовав его ассоциации с ГАТТ [11. Р. 185-196], что придало бы импульс восстановлению японской экономики. Задача эта оказалась вовсе не из легких, поскольку Вашингтону предстояло заручиться согласием других членов организации. Внесенные в 1948 и 1949 годы американской делегацией предложения о предоставлении Японии статуса наибольшего благоприятствования не нашли широкой поддержки.

После подписания 8 сентября 1951 года Сан-Францисского мирного договора японская сторона испросила разрешение на отправку своего наблюдателя на проходившую тогда 6-ю сессию ГАТТ. Просьба была удовлетворена, несмотря на жесткий протест со стороны Великобритании. В следующем году Япония подала заявку на присоединение к ГАТТ.

Путь Страны Восходящего солнца к вступлению в организацию вполне предсказуемо оказался тернистым. Главной причиной проволочек была внутрисполитическая ситуация в США, которые, по сути, являлись главным локомотивом процесса принятия Японии в организацию. Хотя еще осенью 1953 года при сильном давлении со стороны Соединенных Штатов удалось добиться одобрения японской заявки, перед тем, как приступить к перего-

ворам о присоединении Токио к соглашению, администрациям Г. Трумэна, и Д. Эйзенхауэра необходимо было заручиться поддержкой большинства в Конгрессе. Идея об активном содействии развитию Японии, на первых порах была крайне непопулярна среди конгрессменов. Президенту Д. Эйзенхауэру удалось взять под контроль Конгресс лишь в 1953 г. [11. Р. 185-196].

Обязательные для новых членов ГАТТ переговоры о тарифах, наскоро проведенные в том же 1955 году, разворачивались в основном между Японией и США. Большинство стран Западной Европы и Британского Содружества вовсе не приняли в них участия. В сентябре процесс присоединения Токио к ГАТТ был завершен [11. Р. 185-196].

Уступки, которых Страна Восходящего Солнца стремилась добиться, в первую очередь, сводились к снижению таможенных тарифов для японских товаров и распространению на Японию режима максимального благоприятствования. На первых порах нового члена организации в первую очередь интересовал более открытый и суливший больше перспектив американский рынок. По результатам переговоров Соединенные Штаты пообещали снизить таможенные тарифы на 40% по сравнению с 1953 годом.

После войны большинство ключевых игроков на международной арене придерживались реалистического подхода к внешней политике. Согласно этой доктрине, основоположником которой являлся Г. Моргентау, международная политика может быть определена как «непрерывное усилие, направленное на сохранение и увеличение мощи своей собственной нации и ослабление мощи других наций» [9. Р. 54]. Г. Моргентау также писал: «если государство не может захватить территорию (по различным причинам), то оно может попытаться установить влияние посредством контроля над теми, кто управляет территорией» [9. Р. 55]. Способствовать восстановлению Японии определенно не входило в планы бывших союзников по антигитлеровской коалиции. Более того, сама перспектива усиления одной из стран «оси» внушала им опасения.

Для того, чтобы не позволить Токио начать агрессивную торговую экспансию, группа стран, сплотившаяся вокруг Великобритании, добилась применения к ней статьи 35 ГАТТ [11. Р. 35], согласно которой режим максимального благоприятствования между двумя входящими в Организацию странами мог не действовать в случае, если между ними не были проведены переговоры о тарифах. Эта мера нашла поддержку у 14-и членов ГАТТ, так что принятие Японии «в обход» стран Западной Европы [1. С. 39], стоило ей 40% торгового оборота с членами Организации [11. Р. 185-196].

Великобритания, страна, которая была изначально против принятия Японии в ГАТТ, а потом лоббировала применение к ней статьи 35, во время пребывания у власти администрации Мориса Макмилана первой пробила брешь в тарифной стене, выстроенной на пути Японии к европейским рынкам. Еще в 1959 г. в Лондоне было открыто представительство японской

торговой палаты, в 1976 г. преобразованной в представительство ДЖЕТРО (JETRO – Japan External Trade Organization, которая по сей день занимается привлечением иностранных инвестиций в экономику Японии и укреплением связей между деловыми кругами Японии с их зарубежными партнерами). С 1961 по 1962 гг. товарооборот между Великобританией и Японией вырос на две трети.

В 1963 году между двумя странами был заключен Договор о торговле и мореплавании, снимавший все ограничения, наложенные 35-й статьей договора ГАТТ. К середине 1960-х годов все ведущие государства Европы заключили с Японией аналогичные соглашения [1. С. 41].

За десятилетие с 1966 по 1977 год объем японо-западноевропейской торговли вырос более чем в шесть раз, при этом на ЕЭС в 1977 году пришлось 68% экспорта Японии в Западную Европу и 75,8% импорта из этого региона. Главными партнерами Японии в Западной Европе были ФРГ и Великобритания [3. С. 13].

О том, как Еврокомиссия осаждала официальный Токио, а японские корпорации – европейский рынок. 70-е годы прошлого века стали временем заметной активизации японо-европейских отношений. На протяжении предыдущего десятилетия экономика Японии стремительно развивалась, причем ее экспортная специализация сменилась с текстильной и керамической продукции на автомобиле- и приборостроение.

Подписание Римского договора положило начало серьезным структурным изменениям в Европе. После завершения к 1 января 1970 г. ранних этапов евроинтеграции проведение всех дальнейших переговоров по торговым вопросам третьими странами от имени сообщества возлагалось на Еврокомиссию. Сразу же был поставлен вопрос о замене всех многочисленных разрозненных двусторонних соглашений на общеевропейские.

Первой страной, с которой новой наднациональной организации предстояло провести переговоры, стала Япония. Выдвинутая комиссией концепция соглашения сводилась к практически полной отмене всех существовавших торговых барьеров в обмен на соответствующие уступки со стороны Японии. Европейская сторона также высказывала пожелание создать некий совместный механизм по нейтрализации нетарифных торговых барьеров. Согласно на последнее представителям Еврокомиссии удалось добиться от Японии лишь спустя 23 года. К 1973 году переговоры зашли тупик. Это означало, что нетарифные протекционистские барьеры и хаотичная система двусторонних торговых соглашений между Японией и странами ЕЭС продолжали действовать. Согласно статье 115 Римского договора [12], за странами-участниками Европейского Экономического Сообщества сохранялось право в течение переходного периода самостоятельно принимать меры по регулированию своих внешнеторговых отношений, информируя при этом Еврокомиссию. Это положение легитимизировало стихийно сформированную систему экономических сдержек и противовесов.

Дополнительная конкуренция, создаваемая на внутренних рынках Европы хлынувшим из Японии потоком конкурентоспособных товаров, существенно осложняла жизнь европейским производителям, а довольно быстро сформировавшийся отрицательный торговый баланс в пользу Японии вызывал серьезную обеспокоенность в Еврокомиссии и европейских правительствах. Торговые противоречия продолжали нарастать. Связано это было, главным образом, с особенностями логистической системы Японии и многочисленными административными барьерами, которые противодействовали крупномасштабным поставкам конкурентоспособных товаров извне.

В 1973 г. вице-президент Европейской Комиссии барон Кристофер Соумс и занимавший тогда пост министра иностранных дел Японии Охара Масаёси договорились о проведении раз в полгода регулярных торговых консультаций.

Топливный кризис 1973 г. сильно ударил как по Японии, так и по странам Европейского Сообщества. Ситуация осложнялась еще и тем, что отрицательное торговое сальдо в пользу Японии продолжало расти. В сложившихся условиях Еврокомиссия стала добиваться от Японии расширения доступа на японский рынок для европейских товаров и услуг и отказа от протекционистских ограничений. Японская сторона поддержала этот курс, приняв пакет внешнеэкономических мер, предусматривавший снижение таможенных тарифов и увеличение импортных квот, затрагивавших, в первую очередь, сельскохозяйственную продукцию.

Исторический визит Президента США Р. Никсона ожидаемо привел к похолоданию в американо-японских отношениях. В ноябре 1977 года Еврокомиссия выступила с ультимативным требованием к Японии сократить ее экспорт в страны ЕЭС, угрожая в противном случае разрешить членам Сообщества вводить протекционистские меры на свое усмотрение. На сей раз европейцев поддержали и в Вашингтоне. Уступая нажиму, Япония объявила о смягчении импортного законодательства, ограничении поставок стали и автомобилей в страны ЕЭС и либерализацию рынка капитала.

Изменения мировой экономической конъюнктуры, потрясения начала 1970-х гг. и снижение темпов роста экономики страны подтолкнули правительство к тому, чтобы начать либерализацию законодательства об инвестировании, а с 1975 г. – на стимулирование экспорта капитала. Был разработан «кодекс поведения» и создана система страхования ПЗИ для экспортеров капитала, стала расти доля их кредитования японским правительством [4. С. 42]. В перспективе это должно было привести к снижению объема экспорта с замещением его на производство тех или иных товаров в непосредственной близости от рынка сбыта.

Несмотря на все старания Токио и Брюсселя, на протяжении 1980-х годов торговый дисбаланс в пользу Японии не опускался ниже 20 млрд долл. Более того, с 1970-го по 1980 годы положительное сальдо Японии со Ста-

рым Светом выросло с 926,5 млн долл. до 21,4 млрд долл., из которых больше половины приходилось на ФРГ, Великобританию и Францию. В то же время, в указанный период на Западную Европу приходилось 12-13% внешней торговли Японии, тогда как японская доля в торговле ЕЭС в конце оставалась менее 2% [3. С. 13].

К 1980 г. накопилась критическая масса торговых противоречий. 25 ноября Европейский совет предписал Еврокомиссии противодействовать попыткам Японии компенсировать ущерб, нанесенный ее экономике топливным кризисом путем наращивания экспорта в ЕЭС. Следовало также срочно разработать и привести в исполнение комплекс мер для продвижения европейских товаров на рынок Страны Восходящего Солнца, повышения конкурентоспособности собственных производителей, а также интенсификации всех контактов между европейскими и японскими компаниями по развитию промышленного сотрудничества и обмену передовыми технологиями.

К началу 1981 г. Соединенным Штатам удалось под угрозой введения Конгрессом односторонних рестрикций подписать с Токио Соглашение о добровольном ограничении экспорта, таким образом серьезно снизив квоту на импорт японских машин. Потеря большей части одного из главных рынков сбыта продукции автомобилестроительной отрасли отнюдь не добавила японцам желания идти на какие-либо компромиссы в торговых переговорах с Европой.

При этом нельзя было сказать, что Токио и Брюссель заметно преуспевали в решении уже известных им проблем, большинство из которых были обусловлены понятным отсутствием у японской стороны желания поступиться своим выгодным положением (обусловленным вступлением в ГАТТ в обход соответствующих процедур) и острой нехваткой у европейцев политических рычагов для того, чтобы изменить ситуацию в свою пользу.

Так, например, к началу 1980-х годов особенно остро встал вопрос о сертификации европейской промышленной продукции для японского рынка. По японским законам необходимо было получить сертификат соответствия «Японский промышленный стандарт» (Japanese Industrial Standard, JIS) Японской организации стандартов (ЯОС). Для иностранной продукции это предполагало длительную до крайности бюрократизированную процедуру без какой-либо гарантии положительного исхода. Поскольку это требование ни в коей мере не соответствовало духу и букве соглашения ГАТТ, формально оно не считалось обязательным. Однако, товары, не получившие JIS, автоматически оказывались в проигрышном положении, поскольку не внушали доверия японским потребителям. При этом даже когда европейцы пытались получить необходимые сертификаты, ЯОС крайне неохотно принимала предоставляемые ими данные, настаивая на проведении самостоятельных исследований [5. Р. 59].

Кроме этого знак JIS гарантировал защиту Правительством Японии интеллектуальной собственности производителя. Товары, не прошедшие сер-

тификацию, зачастую копировались местными компаниями и возвращались в Европу уже в японском исполнении. Старания Токио привести положение дел в соответствие с ГАТТ не заходили дальше политических заявлений на уровне профильных министров или оставались на бумаге.

К 1980 г. общая стоимость импорта японской промышленной продукции странами ЕЭС достигала 168 млрд. долл. США. Соединенные Штаты, для сравнения, ввозили таких товаров на сумму 140 млрд. долл. США. Япония же в общей сложности импортировала зарубежной промышленной продукции лишь на сумму 30 млрд. долл. США. Очевидно, что торговый дисбаланс между Страной Восходящего Солнца и Старым Светом продолжал расти [5. Р. 60].

В мае 1981 г. Европейский Совет одобрил предложение Еврокомиссии об ограничении импорта японских автомобилей на текущем уровне. Введение жестких квот со стороны крупнейших торговых партнеров вызвало в Токио беспокойство. В июне в Бельгию отправился Министр экономики торговли и промышленности Росукэ Танака, который «с порога» заявил, что многие европейские рестрикции являются дискриминацией и необходимо срочно обсудить нормализацию ситуации. Решительный настрой министра явно контрастировал с обычной японской линией на «заматание проблем под ковер». Воодушевленные этим европейцы предложили провести консультации в «Формате ЕЭС» (с участием всех членов Сообщества) для того, чтобы можно было разом обсудить все накопившиеся проблемы. В ответ Р. Танака указал на то, что у всех стран Западной Европы совершенно различные требования и претензии к Японии. Поэтому прежде, чем приступить к подобным переговорам, Еврокомиссии следовало бы составить единую повестку дня.

Просьба японского министра была вполне обоснованной. Так, например, в наиболее чувствительном для обеих сторон автомобильном секторе правила импорта существенно отличались во всех странах ЕЭС. Во Франции существовала норма, согласно которой импорт машин из страны, не являвшейся членом ЕЭС, не должен был превышать 3% рынка. В Италии действовала квота в 2200 автомобилей. Между английскими и японскими автопроизводителями было достигнуто соглашение о том, что поставки японских автомобилей в Туманный Альбион составят не более 11% от внутреннего рынка страны.

Комиссии пришлось запросить у Евросовета санкцию на подготовку соответствующего документа. Японии такое положение дел вполне устраивало. Высвободившееся время японские компании использовали для освоения рынков новых членов ЕЭС, таких как Ирландия и Греция.

Несмотря на это, консультации с Р. Танакой были признаны весьма конструктивными и успешными. В Токио впервые признали наличие проблем в области торговли с Западной Европой.

По возвращении на родину Министр экономики, торговли и промышленности издал официальное заявление о планах по стимулированию импорта зарубежной промышленной продукции, которое, хотя и носило в основном декларативный характер, стало первым подобным прецедентом в истории послевоенных японо-европейских отношений. В том же году в Европу была направлена представительная японская бизнес-миссия.

Европейцы также стремились не сбавлять темпа. Каждая страна принимала на свое усмотрение меры по ограничению японского экспорта. Во Франции, например, вообще сочли целесообразным назначить специального министра, ответственного за отношения с Японией, и ввести дополнительные односторонние рестрикции на японские товары.

В декабре 1981 года европейская часть повестки дня была подготовлена и передана японской стороне. Это был крайне обстоятельный документ, в который вошли все вопросы, когда-либо затронутые в ходе консультаций по экономическому сотрудничеству между Японией и ЕЭС за прошедшие 20 лет. Никакой реакции на него из Токио не последовало.

1981 год стал самым тяжелым для экономик стран Сообщества. Темпы роста ВВП и безработица скатились до уровней великой депрессии, а отрицательное торговое сальдо с Японией достигло 21,4 млрд. долл.

В начале 1982 года европейцы решили перейти в наступление. Ассоциация европейских производителей видеоборудования подала в Еврокомиссию жалобу на демпинг со стороны японских конкурентов. Это давало наднациональному органу исполнительной власти возможность ввести ограничения импорта или оштрафовать нарушителей после проведения расследования, однако это было только первым шагом.

В сложившихся условиях Еврокомиссия решилась на отчаянный шаг – подачу в ГАТТ заявления о применении к Японии статьи 23 Соглашения. Пункт 2 данного положения позволял вынести спорные вопросы на рассмотрение других членов Организации, которые были уполномочены дать рекомендацию или предписание по разрешению проблемы. Если же ситуация была достаточно серьезной, указанная статья допускала частичную приостановку установленного Соглашением режима максимального благоприятствования в отношении одного из членов Организации. В апреле Правительству Японии было сделано соответствующее представление. В нем говорилось, что Комиссия пришла к заключению, что консультации с Японией по приведению торговых отношений в соответствие с требованиями ГАТТ не принесли существенных результатов. Было указано, что из-за закрытого характера японской экономики, поддерживаемого правительством страны, и вопреки всем усилиям европейцев, так и не удалось выстроить взаимовыгодных торговых отношений с Токио. Авторами документа был сделан вывод о том, что низкая эффективность усилий Японии по увеличению импорта ставила под вопрос реализацию Соглашения как таковую.

Кроме этого японцам вменили в вину и засилье в стране промышленно-финансовых конгломератов «кэйрэтсу», и высокую степень интеграции японской экономики, максимально затруднявшую доступ на внутренний рынок иностранных товаров, и хроническое бездействие антимонопольных органов, и необходимость проходить сложную процедуру сертификации, и даже строго ограниченную эмиссию японской йены [5. Р. 63].

В течение 1982 г. в Женеве было проведено несколько встреч, в ходе которых обсуждались торговые отношения между Японией и странами ЕЭС. Представители Еврокомиссии хорошо подготовились и очень подробно изложили все, что, с их точки зрения, являлось нарушением принципов свободной торговли. Японская делегация, напротив, заняла оборонительную позицию, давая лишь общие ответы. Представители Страны Восходящего Солнца работали настолько поверхностно, что ГАТТ совместно с Еврокомиссией пришлось инициировать собственное исследование японской экономики, результаты которого весьма озадачили всю организацию. Оно показало, что, хотя Правительство Японии делало то, что было в его силах для продвижения импорта из Европы, доминирование в экономике страны кэйрэтсу оставляло лишь небольшое окно возможностей для массовых поставок зарубежных промышленных товаров. Одна кэйрэтсу, как, например, «Мицубиси» (оборот которой более чем вдвое превышал аналогичный показатель крупнейшей европейской компании «Роял датч шелл») включала в себя не только саму корпорацию, но и всю цепь производства и реализации широчайшего спектра промышленных товаров от разработки запчастей до конечного потребителя. Образующая финансово-промышленную группу компания постоянно оказывала содействие своим клиентам, дочерним организациям и субподрядчикам в виде льготных поставок оборудования кредитов и т.п. Взамен она требовала абсолютной верности и преданности от всех, кто вел с ней дела. При этом между кэйрэтсу существовали договоренности о взаимопомощи в кризисных ситуациях.

После того, как результаты исследования были представлены, японская делегация заявила о неприменимости статьи 23 ГАТТ к японо-европейским торговым отношениям. Рассмотрение ситуации членами организации зашло в тупик. Далеко не все члены ГАТТ поддерживали аргументацию Европейской стороны. Американский же представитель открыто заявил, что в Вашингтоне считали не целесообразным «отлучать» одного из участников Соглашения от режима максимального благоприятствования. Другие страны не хотели создавать прецедент, который в последствии мог быть использован против них. Формально все процедуры ГАТТ были соблюдены, но, в итоге, разбирательства, пролившиеся весь 1982 г., закончились ничем. В начале 1983 г. японо-европейские торговые консультации были возобновлены в привычном формате без участия других членов ГАТТ.

О регулировании японского экспорта. Европейцы провели весьма своеобразную подготовку к новой встрече с японскими партнерами.

В этот раз инициатива исходила не от Еврокомиссии. Зачинщиком и идейным вдохновителем нового европейского подхода стала Франция. Летом 1982 г., пока в Женеве продолжались прения о допустимости применения статьи 23 ГАТТ к японо-европейским отношениям, Министр внешней торговли Пятой Республики Мишель Жобер, который был обеспокоен ростом импорта японской электроники, решил возвести новые протекционистские барьеры. В частности, он издал распоряжение, согласно которому все импортные товары должны были проходить через один единственный таможенный пункт в г. Пуатье, а также ввел дополнительный налог на видеомагнитофоны зарубежного производства. Создавшаяся ситуация могла бы стать украшением лучших французских кинокомедий. Отделение таможни в Пуатье имело чисто номинальный характер. Оно было укомплектовано всего четырьмя сотрудниками и сохранялось главным образом как дань памяти тому, что в 732 г. Карл Мартелл остановил в этом месте вторжение арабов в Западную Европу. Таким образом «нашествие японской электроники» на французский рынок было остановлено в том же месте, где великий франкский майордом сдержал несметные полчища Амейядского Халифата. Данная мера рикошетом ударила и по всему Европейскому экономическому сообществу, так как из-за высокой степени интеграции застопорились поставки товаров в другие страны Западной Европы.

Удовлетворившись результатами, М. Жобер в октябре 1982 года отправился на встречу со своими коллегами по Еврокомиссии, которые указали, что его смелые нововведения, хотя и выглядели весьма многообещающе, являлись прямым нарушением Римского договора и должны быть отменены в кратчайшие сроки. Лучшим способом добиться этого, однако, было признано подписание с Японией соглашения о добровольном сокращении экспорта, аналогичного тому, которого удалось добиться Соединенным Штатам двумя годами ранее. В Брюсселе надеялись, что это даст время на перевооружение европейской промышленности перед предстоящей конкурентной борьбой с японскими товарами. Впервые Комиссия получила от Евросовета полную свободу действий для решения «японского вопроса».

Таможенный «режим Пуатье», при всей его кажущейся комичности, был направлен на то, чтобы продемонстрировать Японии решимость европейской стороны, у которой, явно заканчивались аргументы. Кроме того, он дал странам ЕЭС необходимый импульс для выступления единым фронтом.

Министерство внешней торговли и промышленности Японии было готово к переговорам. Первым шагом Комиссии стало составление списка статей японского экспорта, которые, по мнению европейцев, следовало ограничить. Среди них были цветные телевизоры, кинескопы, высокоточные станки, легковые и коммерческие автомобили, погрузчики, мотоциклы, стереоаппаратура и кварцевые часы.

В Токио были готовы пойти на сокращение экспорта всех упомянутых товаров за исключением станков и автомобилей. В случае несоблюдения Японией взятых на себя обязательств предполагалось провести новую серию консультаций. Переговоры по легковым автомобилям и высокоточным станкам предполагалось продолжать.

Итоговая встреча по ограничению японского экспорта состоялась 10 февраля 1983 г. в Токио. В ней участвовали вице-президенты Еврокомиссии Вилли Хаферкамп и Этьен Давиньён, а также Министр торговли и промышленности Японии Саданори Яманака. Соглашение о добровольном ограничении экспорта между Японией и ЕЭС было заключено 12 февраля 1983 г. [5. Р. 78]. Режим двусторонней торговли, установленный данным документом, должен был продлиться всего лишь до 1985 г. Условиями японской стороны стали отмена таможенного «режима Пуатье» и прекращение расследования по обвинению японских производителей видеотехники в демпинге.

По условиям Соглашения устанавливались предельные допустимые объемы поставок и цены для японских и европейских товаров, произведенных на экспорт. На основании этих цифр выводился целевой показатель годового торгового оборота. Превышение допускалось только для европейской стороны. Параллельно японцы сумели выторговать себе разрешение на запуск «отверточного» производства видеомагнитофонов на заводах в Европе. В целом Совет Европейского Сообщества был удовлетворен результатами встречи в Токио.

Вскоре Еврокомиссия свернула антидемпинговое расследование. На отмену таможенного режима ушло несколько больше времени. Японской стороне даже пришлось выдвинуть ультиматум о том, что свою часть обязательств по новому соглашению она начнет выполнять только после нормализации порядка ввоза товаров в ЕЭС. 28 апреля 1983 года правительство Франции восстановило прежний порядок ввоза в страну импортных товаров разгрузив, наконец, сотрудников таможенного пункта в историческом городе Пуатье, вставших на смерть на защиту европейского рынка и промышленности.

70-е годы прошлого столетия стали временем рождения новой внешнеполитической доктрины – неолиберализма. Его основы были сформулированы американскими политологами Дж. Найем и Р. Кеохейном. Согласно этой концепции, в связи с ростом уровня взаимозависимости отдельных стран в экономической, политической и социальной сферах, национальные государства больше не были способны полностью контролировать все возникающие в этих областях взаимоотношения. По мнению последователей неолиберальной школы международных отношений, международные организации, НПО и транснациональные корпорации могли выступать такими же акторами на международной арене, как и государства. Все они формировали сети экономических и социальных связей между странами, которые,

в конечном итоге, могли влиять на международные отношения в той же мере, что и политические решения государств, а также создавать условия для принятия таких решений.

После состоявшегося в мае 1983 г. саммита Большой семерки в Уильямсбурге (штат Виргиния, США), прошедшего под знаменем развития свободной торговли и неолиберализма, японская сторона почувствовала, что слишком сильно пошла навстречу европейцам и попросила о пересмотре условий Соглашения о добровольном ограничении экспорта. Многие японские фирмы (в том числе Хитати и J-2Т) начали инвестировать в сборку видеомagneтофонов в ЕЭС и пытались пролоббировать выведение этой продукции из-под действия Соглашения. В Комиссии не были готовы на это пойти. В сентябре снова начались переговоры по вопросам регулирования японского экспорта, которые продлились до ноября. По их итогам было решено оставить в силе Соглашение, лишь слегка повысив максимально допустимое количество видеомagneтофонов, которые могли быть произведены в ЕЭС до 1 млн. 300 тыс. шт. Японцам также удалось убедить партнеров не включать собранные в Европе видеомagneтофоны в общую квоту.

На то, что в течение 1983 года экспорт пассажирских и легких коммерческих автомобилей из Страны Восходящего Солнца в ЕЭС в среднем вырос на 20% вновь закрыли глаза. Японцам же, в свою очередь, пришлось закрыть глаза на сохранявшиеся в Италии, Франции и Великобритании односторонние административные препоны продвижению японских товаров.

1984 год ознаменовался стагнацией рынка. Еврокомиссия обратилась к Токио с просьбой скорректировать объемы экспорта, рассчитанные в соответствии с Соглашением. Японцы подошли к этому вопросу формально, что повлекло за собой очередной 13%-ый скачок поставок автомобилей. Кроме этого на 16% увеличился экспорт в Европу японских погрузчиков. Весомый вклад в рост импорта из Японии в ЕЭС внесла, и программа развития двустороннего промышленного сотрудничества, которая предполагала наращивание совместного производства в странах Западной Европы. Японские компании сумели найти «лазейку», существенно увеличив поставки в Старый Свет запчастей под предлогом отсутствия необходимых компонентов на местном рынке.

Переговоры по вопросам регулирования японского экспорта в 1985 году начались еще в феврале 1984 года и завершились в декабре встречей вице-президента Еврокомиссии Давиньёна и Министра внешней торговли и промышленности Японии Хикосабуро Ононоги. В Еврокомиссии явно нарастало раздражение тем, что все усилия прошлых лет по ограничению импорта японских товаров приносили весьма скромные результаты. Поэтому, в частности, было решено в 1985 году ограничить количество импортируемых сборочных комплектов для видеомagneтофонов до 1 млн. 400 тыс. штук.

В остальном квоты на экспорт товаров из Японии в ЕЭС на 1985 год на уровне 1984 года с минимальными изменениями.

Тем временем поставки товаров из Японии продолжали расти. При этом политика по стимулированию вывоза капитала, проводимая МВТП, начала приносить свои плоды. Многие компании (в т.ч. «Акаи» и «Хитати») открывали производства в странах Западной Европы, выводя таким образом свою продукцию из-под действия Соглашения об ограничении экспорта. Параллельно японские корпорации создавали предприятия в Южной Корее и начинали поставки оттуда [5. Р. 84].

В таких условиях поднявшая было голову евросолидарность начала давать первые трещины. Страной, которая первой начала приспосабливаться к новым условиям в ущерб общей позиции, оказалась Великобритания. В 1985 году главы Правительств Туманного Альбиона и Страны Восходящего Солнца – Маргарет Тетчер и Ясухиро Накасонэ договорились о создании исследовательско-консалтинговой организации «Группа Соединенное Королевство – Япония 2000» (UK – Japan 2000 Group), в задачи которой входило изучение новых направлений сотрудничества между двумя государствами. Все результаты этих изысканий должны были направляться напрямую в аппараты Премьер-Министров.

Чуть позже – в 1989 году британское правительство совместно с японскими деловыми кругами запустило программу «Возможности Японии» («Opportunity Japan»), направленную на увеличение британского экспорта в Стану Восходящего Солнца [1. С. 42].

Соглашение о добровольном ограничении экспорта между Японией и ЕЭС 1983 года было временным решением, которое действительно помогло несколько замедлить рост поставок японской промышленной продукции в Западную Европу, хотя, вопреки надеждам европейцев, не позволило выиграть достаточно времени для перевооружения и модернизации промышленности Старого Света. Это соглашение показало японским компаниям, что инвестиции могут стать ключом к успеху на западноевропейском рынке. Фактически, японским инвесторам удалось найти ту основу для поступательного развития сотрудничества, которую официальные Брюссель и Токио искали на протяжении долгих тридцати лет. Японцев к этому подталкивала и международная экономическая конъюнктура.

1985 год стал важным рубежом для мировой экономики, и, в частности, для японо-европейских отношений. В августе министры финансов США, Германии, Франции, Великобритании и Японии в Нью-Йорке подписали Соглашение «Плаза» о девальвации доллара по отношению к немецкой марке и японской йене путем рыночных интервенций. В результате последняя подорожала в полтора раза. Таким образом, ПЗИ давались японским корпорациям гораздо легче. Теперь они могли позволить себе гораздо более масштабные инвестпроекты в Западной Европе. В то же время, это неминуемо

привело к подорожанию японской экспортной продукции, еще сильнее подтолкнув к выносу производства за рубеж [4. С. 44]. Заключение многостороннего соглашения, направленного на ускорение развития международной торговли полностью укладывалось в неолиберальную доктрину. Обновление промышленности, к которому так стремились европейцы, удалось весьма существенно подстегнуть за счет капитала японских корпораций. Новый вектор экономического сотрудничества устраивал европейских чиновников гораздо больше, нежели неподдающаяся контролю лавина японских товаров, обрушившаяся на стремительно интегрирующийся рынок Западной Европы, сметая на своем пути всех местных производителей.

Экономическое сотрудничество в новых условиях. Европейцы не были готовы позволить Соглашению о добровольном ограничении экспорта просто истечь. Переоснащение промышленности еще не завершилось. В Брюсселе понимали, что в такой ситуации страны ЕЭС будут стремиться достичь двусторонних договоренностей с Японией по примеру Великобритании.

Для Токио после подписания Соглашения «Плаза» пути назад тоже не было. За годы добровольного ограничения экспорта японским производителям удалось существенно укрепить свое присутствие на рынке Старого Света по целому ряду позиций за счет наращивания производства в Европе. Так, например, экспортные поставки видеомагнитофонов, являвшихся еще недавно яблоком раздора, заметно просели по сравнению с 1983 годом. При этом производство этого вида техники на чисто японских и совместных предприятиях к 1986 году выросло втрое. Дошло до того, что зачастую японским экспортерам приходилось конкурировать с японскими же товарами, произведенными в Европе.

Поэтому в декабре 1985 год по результатам очередного раунда торговых консультаций между Японией и ЕЭС был подписан протокол, в котором Токио изъявлял намерение продолжать ограничивать экспорт в страны Западной Европы и в следующем году. По наиболее чувствительным вопросам было решено проводить консультации. Аналогичной договоренностью завершился и 1987 год.

Политика регулирования экспорта, изменения мировой финансовой конъюнктуры и внедрение неолиберальных подходов в международные отношения привели к тому, что последние годы прошлого столетия стали временем качественной трансформации экономического взаимодействия между Японией и странами Западной Европы. В 1987 году был зафиксирован рост импорта товаров, произведенных в ЕЭС, в Японию на 8,7%. В последующие годы этот показатель вырос до 19,9%. Благодаря этому отрицательное торговое сальдо Европейского сообщества снизилось на 3%.

Из доклада Еврокомиссии Евросовету «Европа и Япония, следующие шаги» от 1995 г. (“Europe and Japan: the next steps”) [Europe and Japan: the next steps: Communication from the Commission to the Council].

Динамика торговли между Японией и ЕЭС с 1985 по 1990 годы

Млрд ЭКЮ (1)	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Экспорт в ЕЭС	26,23	31,17	32,66	39,66	43,47	42,07
Ежегодный прирост (%)	3,10	18,83	4,78	21,43	9,61	-3,29
Импорт из ЕЭС	16,10	18,41	15,39	20,39	25,54	27,52
Ежегодный прирост (%)	5,00	13,71	-16,40	32,49	25,26	7,75
Торговый баланс Японии	10,04	12,76	17,27	19,27	17,93	14,52
Ежегодный прирост (%)	2,03	27,09	35,34	11,58	-6,95	19,02

Тем не менее, по подсчетам европейских экономистов, только для сохранения торгового дефицита на уровне 1986 - 1987 годов Японии потребовалось бы увеличить импорт товаров из стран Западной Европы втрое [5. Р. 99].

Вторая половина предпоследнего десятилетия XX в. была временем, когда развитые страны окончательно уверовали в либерализацию международной торговли, интеграцию национальных экономик в мировой рынок и отказ от протекционистских барьеров. Именно это было зафиксировано в Токийской экономической декларации, принятой по итогам Мирового экономического саммита, состоявшегося в Токио в мае 1986 году [6]. В мероприятии приняли участие лидеры промышленно развитых стран, включая Большую семерку.

1986 г. был богат на знаковые международные события, отчетливо демонстрирующие обращение международного сообщества к неолиберализму. 15 сентября в г. Пунто дель Эсте начался уругвайский раунд ГАТТ, одним из главных результатов которого стало расширение полномочий данной организации и преобразование ее в ВТО.

28 февраля того же года в Гааге был подписан Единый европейский акт [10], ставший по сути первым крупным обновлением Римского договора и заложивший основу общего рынка Европейского сообщества.

В конце 80-х годов прошлого века началась трансформация экономических отношений между странами Западной Европы и Японией. Ситуация, приведшая к накоплению критической массы торговых разногласий между Японией и Европейским Сообществом, уходит корнями в первое послевоенное десятилетие, когда Администрацией США было принято самовольное решение выдать Стране Восходящего Солнца «льготный билет» на присоединение к ГАТТ в обход стандартной процедуры. Таким образом, сразу после войны на пути к сближению между Западной Европой и Японией было создано искусственное препятствие.

Тем не менее, под действием международной конъюнктуры, а также в результате усилий по поиску взаимоприемлемой модели экономической кооперации с обеих сторон, а также широкому распространению новых форм международных отношений, удалось найти взаимоприемлемый вектор развития и от обмена претензиями и создания протекционистских барьеров перейти к выстраиванию партнерства.

Торговое противостояние между Японией и Европой во второй половине XX в. отчасти предопределило изменения на мировой политической арене, произошедшие в его последнее десятилетие.

Попытка использовать площадку ГАТТ для разрешения торговых противоречий была индикатором смены господствовавшего подхода к международным отношениям. Она привела к одному из кризисов данной организации, продемонстрировав ее ограниченность. Исследования, проведенные тогда Еврокомиссией, показали фундаментальные различия между японской и западной (американской и европейской) экономическими моделями и культурами. Стало ясно, что в ее тогдашнем состоянии Организация способна обеспечить либерализацию торговли только между подобными экономиками, выстроенными по западному образцу.

Тектонические сдвиги, произошедшие на международной политической арене в последнее десятилетие XX в., открыли дорогу для качественной трансформации японо-европейских отношений. Распад Советского Союза, Совета экономической взаимопомощи, прекращение действия Варшавского договора, появление большого количества новых государств и рынков обернулись множеством новых возможностей как для японских, так и для европейских экспортеров, временно сняв остроту торговых противоречий. Всем участникам международных отношений пришлось серьезно корректировать свой внешнеполитический курс.

К концу прошлого столетия Япония и ЕЭС были «вписаны» в систему отношений, при которой развитие партнерства было единственным решением и логичным курсом. 8 июля 1991 г. была подписана Декларация между Европейским сообществом и входящими в него государствами и Японией.

За несколько лет сменились действующие лица японо-европейских отношений. В феврале 1992 года был подписан Маастрихтский договор и ЕЭС уступило место Евросоюзу. В 1995 году после окончания Уругвайского раунда организация ГАТТ трансформировалась в ВТО.

90-е годы стали временем, когда все ключевые акторы обратились к неолиберализму. Для политических и экономических отношений между Евросоюзом, наднациональным образованием нового типа, и Японией это, в конечном итоге, послужило мощным катализатором, хотя обеим сторонам еще предстояло привыкнуть к новым реалиям. Вопреки откровенной несо-

вместимости экономических систем, наследию Второй мировой войны, административным препонам и специфической внешней политике старшего заокеанского партнера, им удалось найти свой уникальный путь к сближению и развитию сотрудничества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) ЭКЮ (ECU) европейская валютная единица, ЭКЮ, эю (расчетная единица стран-членов Европейского сообщества, использовавшаяся с 1979 по 1999 г.; стоимость ЭКЮ определялась на основе стоимости корзины, включавшей национальные валюты 12 из 15 стран, являвшихся в этот период членами ЕС; была заменена на евро с введением его сначала в безналичном, а затем и в наличном обороте; международный стандартный код – XEU).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Каренин Д.М. Современные отношения между Японией и Великобританией // Япония 2009. Ежегодник. 2009.

2. Ковригин Е.Б. Эволюция японской концепции «Тихоокеанского сообщества» // Япония: экономика, политика, история. М.: Наука, 1989.

3. Носов М.Г. Япония и ЕС: отношения без конфликтов // Современная Европа. 2002. № 2.

4. Ребрей С.М. Транснационализация японского бизнеса. М.: МГИМО-Университет, 2015.

5. EU-Japan Relations, 1970-2012 / ed. by Jörn Keck, Dimitri Vanoverbeke, Franz Waldenberger, Routledge. 2012.

6. G7. Tokyo Economic Declaration // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 06.05.1986 // https://www.mofa.go.jp/policy/economy/summit/2000/past_summit/12/e12_a.html.

7. Malcolm Trevor. The Internationalization of Japanese Business. European and Japanese Perspectives. London: Routledge, 2019.

8. Moni M.H. Japan – UK: perspectives of partnership // Asia Europe Journal. 2006. № 4.

9. Morgenthau Hans J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Second Edition, Alfred A. Knopf: New York, 1955.

10. Single European Act // EUR-Lex // https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:a519205f-924a-4978-96a2-b9af8a598b85.0004.02/DOC_1&format=PDF.

11. The Politics of GATT Expansion: Japanese Accession and the Domestic Political Content in Japan and the United States, 1948-1955// Business and Economic History. 1998. № 27.

12. Treaty of Rome // EUR-Lex // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=LEGISSUM:xy0023&from=EN>.

13. *Wilkinson E.* Japan versus the West. Image and Reality. US: Penguin Books, 1980.

14. Yoshida Shigeru and Liberal Democracy in Japan // International Political Science Review. 1988. Vol. 9. № 1.

15. Yoshida Shigeru, prime minister of Japan // Britannica // <https://www.britannica.com/biography/Yoshida-Shigeru>.

DOI 10.35775/PSI.2021.67.2.026

УДК 327.83

А.А. ТУШКОВ

*профессор кафедры международных отношений
и права Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток*

Ю.С. КРАВЧЕНКО

*начальник отдела международной академической
мобильности Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток*

РОССИЯ НА МЕЖДУНАРОДНОМ РЫНКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ. ПРОБЛЕМЫ И ПОИСКИ ФОРМИРОВАНИЯ МОДЕЛИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Данная статья посвящена актуальной теме – исследованию современных трансформационных процессов российской высшей школы. В частности, автор исследует феномен массовизации высшего образования и его влияния на систему образования. В статье анализируются такие явления как глобализация и интернационализация высшего образования. Рассматриваются вопросы экспорта образовательных услуг в контексте интернационализации университета как основного фактора повышения качества образования. Автор уделяет внимание роли регионального университета в формировании и реализации стратегии России по укреплению своего положения на международном образовательном рынке. Рассматриваемая тема будет интересна специалистам, занимающимся вопросами изучения и развития экспортного потенциала российской системы высшего образования.

Ключевые слова: экспорт образования, глобализация, интернационализация, трансформация образования.

A.A. TUSHKOV

*Professor of International Relations and Law,
Vladivostok State University of Economics and Service,
Vladivostok, Russia*

YU.S. KRAVCHENKO

*Head of academic mobility office of Vladivostok
State University of Economics and Service,
Vladivostok, Russia*

RUSSIA ON THE INTERNATIONAL MARKET OF EDUCATIONAL SERVICES. PROBLEMS AND SEARCHES FOR THE FORMATION OF AN INTERNATIONALIZATION MODEL OF EDUCATION

This article is devoted to actual subject – the study of transformational processes in Russian higher education. The author examines the phenomenon of massification of higher education and its impact on education system. Phenomenon globalization and internationalization of higher education is analyzed in article. The article considers the issues of export of educational services in the context of the university internationalization. This phenomenon is the main factor in improving education. The author pays attention to the role of a regional university in the implementation of Russia's strategy to strengthen its position in the international education market. This article might be interesting for experts dealing with the development of the export potential of the Russian higher education system.

Key words: *export of education, globalization, internationalization, transformation of education.*

Бесспорно, проблема и поиски формирования модели интернационализации услуг высшего образования в современных условиях формируемого постбиполярного мира является актуальной и требует своего пристального внимания. Сегодня как в научно-исследовательской литературе, так и политической практике вопросы **международной деятельности российских вузов остаются важнейшими не только для российского, но и мирового профессионального сообщества. Так, в Декларации первой международной конференции «Высшее образование в XXI веке: подходы и практические меры» (Париж 1998, ЮНЕСКО) [4] отмечалось, что повышение качества высшего образования в новом столетии является важнейшей задачей мирового сообщества. Прежде всего, модель высшего образования**

должна иметь международное измерение. Наряду с учетом национальных культурных ценностей и условий развития государств это обстоятельство предполагает широкий спектр совершенствования профессиональной деятельности: обмен знаниями, создание интерактивных сетей, повышения мобильности преподавателей и учащихся, активности международных научно-исследовательских проектов и т.д. Надо понимать, что современные вызовы порождают новые тенденции в высшем образовании. При этом три из них – это **интернационализация, увеличение масштабов высшего образования, и диверсификация** являются ключевыми. Но необходимо признать еще один неоспоримый факт: сегодня данная тенденция стремительно набирает силу и приобретает все более реальный характер.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [2. С. 1103-1109; 3. С. 56-75; 5; 7; 10. С. 7-25; 11; 15. С. 349-350].

Однако проблему формирования российской модели образовательных услуг на международном рынке нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Важный этап в дискурс данной проблематики внесло письмо Заместителя Министра образования и науки Российской Федерации А.А. Климова от 28.06.2012 г. № АК-6/12. Согласно ему Российский Союз ректоров провел межвузовское экспертное обсуждение **«Примерного перечня критериев общероссийской системы оценки эффективности деятельности высших учебных заведений»** [14] **добавило к обсуждению новые акценты. Вопросы интернационализации российской высшей школы стали предметом внимания и на страницах научных журналов и дискуссионных площадках.** В научном сообществе популярно мнение, что термин глобализация является синонимом интернационализации, или ее прямым следствием. Длительное время определение **«интернационализация высшего образования»** является предметом многочисленных дискуссий. В контексте данного дискурса, с методологической точки зрения исходя из непереложного факта, что интернационализация – это объективный процесс современных международных отношений, автор дает свое понимание данной дефиниции. Поэтому под интернационализацией высшего образования автор понимает **устойчивое взаимодействие и взаимовлияние национальной системы высшего образования, в основе которой лежат цели и принципы, отвечающие потребностям и тенденциям нового столетия.** При этом автор учитывает и определение Дж. Найта, которая уточнила, что этот процесс имеет место быть на национальном, отраслевом и институциональном уровне. Именно здесь проходят различные интеграционные процессы международного, межкультурного или глобального измерения [26]. Вводя

термин «глобализация» в понимание сущностных и процессуальных процессов интернационализации высшего образования, надо понимать еще один факт, что эти две дефиниции, без сомнения, имея общие элементы, в значительной мере отличаются от концептуального содержания. Термин «глобализация» обозначает более сложную и методологически глубокую систему взаимосвязи и является более изученной. Научное сообщество подготовило массивы данных, объясняющих какие процессы неизбежно влияют на локальные сообщества и их возможные реакции. Влиянию процессов глобализации подвержены многие аспекты повседневной жизни [23]. Более того, на основе транснационализации и регионализации, тесное переплетение локальных и глобальных проблем послужило рождению глобальных проблем. Благодаря данному обстоятельству, по мнению автора, произошло **формирование единой мировой сетевой системы интернационализации высшего образования**, что является ключевым аспектом в рамках исследуемой проблемы. Исследования, проводимые на тему интернационализации образования в свою очередь сосредотачиваются на общих темах, лежащих в основе данной концепции. Из них выделяют: **результаты и управление**. Многие исследователи сходятся во мнении в том, что процесс интернационализации высшего образования определяется различными формами и моделями. Так, например, в Генеральном Соглашении по Торговле Услугами ВТО описана модель торговли образовательными услугами, которая как любая бизнес-модель, имеет различные этапы, инвестиции в ресурсы, управленческий контроль, риски, доходность [20. Р. 359-381]. Основным результатом интернационализации высшего образования, помимо непосредственного дохода университета, является развитие человеческого капитала, которые способствуют социальному и экономическому развитию региона. Поскольку интернационализация высшего образования должна происходить на всех уровнях университета, то управление процессами интернационализации университета также должно проходить на всех уровнях. Эксперты, занимающиеся вопросами экспорта образовательных услуг, сходятся во мнении, что невозможно качественно развивать экспорт образовательных услуг без изменения и интернационализации внутренней среды университетов. Мария Канту, к примеру, в своих работах выделяет три составляющие интернационализации американских университетов: **обучение за рубежом, набор иностранных студентов и интернационализация кафедр** [21. Р. 2-12].

Так, в 2009 году проводился исследовательский проект, в котором приняло участие 6391 человек. Согласно данному исследованию, обучение за рубежом влияет на 5 основных аспектов глобальной вовлеченности человека, таких как: гражданская активность, знание производства, благотворительность, социальное предпринимательство и волонтерство. Все эти аспекты повышает конкурентоспособность выпускника на трудовом рынке.

Набор иностранных студентов – это один из основных инструментов пополнения бюджета университетов вне зависимости от страновой принадлежности. Под интернационализацией кафедры Мария Канту понимает студенческий и преподавательский обмен (академический обмен), исследовательские гранты, развитие профессорско-преподавательского состава кафедры, а также развитие учебных планов. Однако, некоторые исследователи полагают, что если бюджет университета располагает средствами для развития лишь только одного направления интернационализации, то даже при этом необходимо заниматься таким направлением, как развитие интернационализации кафедры. Это – крайне важно для развития университета и его включенности в мировое образовательное и научное пространство. Благодаря интернационализации высшего образования в научный оборот был введен такой термин, как *массовизация образования*. В данном случае его введение обусловлено появлением большого количества мобильных студентов, сокращения бюджетного финансирования университетов и обострения конкурентной борьбы за закрепление своих позиций на мировом рынке образовательных услуг. Все это дало толчок глубинным трансформационным процессам в сфере университетского образования, а также обусловило появление такого нового формата международных экономических отношений, как импорт образовательных услуг [8. С. 3]. К примеру, количество мобильных иностранных студентов в мире с 2 млн по сравнению в 2000 году, выросло до 5,3 миллиона в 2017 году (ЮНЕСКО, 2019). Более половины были зачислены в следующие шесть стран: США, Великобритания, Австралия, Франция, Германия, Россия [25]. В борьбе за иностранных обучающихся многие страны отвечают на вызовы глобализации разными способами. Но весь инструментарий сходится в одном – в повышении качества научной среды, образования и образовательных услуг. В западных университетах изменения начали происходить несколько десятков лет назад. Так, например, согласно Волкову А.Е., для Франции «рейтинговый шок» наступил в 2003 году, тогда как в России только в 2013 году. В России, помимо общепринятой академической революции, проходили процессы глубокой трансформации советской модели образования. Период 1990 гг. по 2000 гг. ознаменовался появлением большого количества частных университетов. Более того, многие институты при проведении аттестации или самостоятельно принимали на себя статус университетов. Именно такие университеты стали доступны для большого количества студентов. С точки зрения Альтбаха Ф., «...чрезвычайная диверсификация студенческого корпуса сопровождается общим снижением качества, причем как качества студентов в плане их академической подготовки, так и качества самих учреждений высшего образования». Сделав упор на массовизацию образования, большинство университетов перестало обращать внимание на необходимость так называемого *производства знаний*. В данном контексте производство знаний

следует понимать исходя из категории такой отрасли научных знаний, как экономика. К примеру, Алексеева С.А., определяя термин «экономика знаний», анализирует требования к человеческому капиталу. Экономика, основанная на знаниях, повышает качество выпускников, решает вопросы профессиональной занятости [1. С. 1-4]. При этом глобальная экономика предъявляет выпускникам следующие требования: открытость, наличие коммуникативных навыков и знание иностранного языка, аналитические навыки, гибкость мышления, критическое мышление, способные работать в команде, терпимость и уважение к другим [24. Р. 205-232; 22. Р. 184-204]. По мнению Щербенка А., директора центра перспективных исследований Тюменского государственного университета, практикующего профессора центра развития образования Сколково, для российской модели обучения, лучший способ ввести человека в проблематику – это прочитать ему обзорный курс. Но автор полагает, что подобная модель не позволяет получить компетенции и навыки, необходимые для успешного построения карьеры. Поэтому перед университетами в целом, и обществом в частности, государство поставило новые задачи, которые невозможно решать, не изменив, в целом, всю модель поведения [18. С. 17-23]. Высшее образование в России в последнее время подвержено влиянию различных активных трансформационных процессов, без проведения которых высшая школа не может выдержать конкурентную борьбу в стремительно меняющемся глобальном мире. Волков А. Е., указывает на то, что только многопрофильные университеты способны решать разносторонние задачи каждого субъекта Российской Федерации [18. С. 17-23]. Несмотря на возрастающий интерес России к укреплению своих позиций на мировом рынке образовательных услуг, отмечают эксперты, результат по привлечению иностранных обучающихся в российские вузы остается недостаточно высоким и составляет около 5% от общего количества иностранных студентов. В 2012 году правительство России поставило перед системой образования амбициозные задачи: значительно повысить уровень и развитие своего экспортного потенциала. Для этого университеты должны играть лидирующую роль в развитии технологий и инноваций. Так, для повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов в 2012 году был запущен проект «5-100». При этом ключевым направлением правительством России было определено повышение количества иностранных обучающихся в российской высшей школе. Согласно приоритетному проекту от 2017 года «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», количество иностранных обучающихся должно возрасти к 2025 году с 200 тыс. до 710 тыс. Объем денежных средств, полученных от иностранных обучающихся, должен быть увеличен до 373147 млн. руб. [12]. Сегодня правительство Российской Федерации продолжает оказывать активную финансовую поддержку университетам. Так, 30 декабря 2020 года утверждена программа стратегического

лидерства (программа «Приоритет-2030»). Прежде всего данная программа направлена на реализацию прорывных научных исследований и разработок в высшей школе. В приоритете развитие отраслей экономики и социальной сферы, а также внедрение в эти сферы высоких технологий. Исходя из комплекса принятых мер развитие экспортного потенциала российской высшей школы остается одним из приоритетов развития на ближайшие десятилетия. За последние 18 лет в системе высшего образования проходили очень динамичные изменения. По мнению Волкова А.Е., самые активные трансформационные процессы проходят сейчас именно в России. За последние пять лет можно наблюдать улучшение позиций российских университетов в международных рейтингах. Так, согласно Times Higher Education 2020, лучшим российским вузом определен Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, занявший 189 позицию мирового уровня [13] (Табл. 1).

Это обусловлено государственной поддержкой университетов, направленной на укрепление позиций российских университетов. Необходимо подчеркнуть, что представительство российских университетов в подобных рейтингах ограничена небольшим количеством ведущих учебных заведений. Региональные вузы практически не вошли в данный рейтинг. Важно отметить, что репутация университета на глобальном уровне является главным фактором конкурентного преимущества на международном образовательном рынке. Несмотря на продолжающиеся дискуссии вокруг манипулирования данными в международных рейтингах и их ангажированности, попадая в них, университет становится привлекательным не только для абитуриентов, но и для регионального правительства, работодателей. У высшего учебного заведения появляется возможность привлекать инвестиции [6]. На уровне правительства, научного и бизнес сообщества ведется активная дискуссия о роли регионального университета в развитии субъекта Федерации. Вузам отводится приоритетная роль в формировании и реализации инновационной стратегии в России и ее регионах. Для повышения качества жизни населения именно региональные университеты должны заниматься воспроизводством кадрового и научного потенциала региона [16. С. 56-57]. Говоря о региональном факторе и интересе к интеллектуальной деятельности университета, необходимо отметить парадокс, который подчеркивает Мельник Д. Для того, чтобы решать задачи региона, университету в любом случае необходимо быть включенным в мировую интеллектуальную сеть, в противном случае вузу неоткуда будет брать новые теории и практики [17. С. 9-15]. Региональные университеты должны быть интересными не только для локального сообщества, а в первую очередь, для глобального, иметь уникальные компетенции и экспертизу. Деятельность региональных университетов, связанная с экспортом образовательных услуг, где в первую очередь он должен продвигать внешнеполитиче-

Позиции российских университетов в международных рейтингах

№	Ведущие учебные заведения	№ в мире
1.	Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова	189
2.	Московский физико-технический институт (государственный университет)	201-250
3.	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»	251-250
4-5.	Университет ИТМО	401-500
4-5.	Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»	401-500
6-8.	Национальный исследовательский Томский государственный университет	501-600
6-8.	Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого	501-600
6-8.	Новосибирский национальный исследовательский государственный университет	501-600
9-12.	Казанский (Приволжский) федеральный университет	601-800
9-12.	Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»	601-800
9-12.	Санкт-Петербургский государственный университет	601-800
9-12.	Национальный исследовательский Томский политехнический университет	601-800

скую и внешнеэкономическую деятельность конкретного региона. Через подобное развитие международного сотрудничества будут выстраиваться и экономические связи. Необходимо учитывать, что внутренняя миграция и убыль населения с большинства российских регионов в крупные экономические центры с диверсифицированными рынками образования и труда сильно усугубляют ситуацию в региональных университетах. В регионе остаются не самые подготовленные абитуриенты. Это, в свою очередь, запускает процессы отставания от мирового образовательного рынка. Щербенок А., в прочитанной в «Школе ректоров 18» Сколкова в авторской лекции указывает на то, что «отток качественных абитуриентов в более престижные университеты представляет собой проблемы. Этот отток не дает возможность региональному университету интенсивно развиваться и, более того, запускает процессы прогрессирующей деградации». Существующие

антагонизмы часто тормозят развитие университетов. Следовательно, перед региональными университетами стоят колоссальные задачи. Необходимо четко понимать, что собой представляет региональный университет, какую нишу он занимает, как он действует, каким себя видит в будущем, какой уникальный продукт он производит. Это позволит сократить разрыв между внутренним и внешним позиционированием.

Таким образом, подводя итоги исследованию образовательных услуг как ключевому фактору повышения качества образования, автор сделал следующее заключение. Интернационализация образования, как ответ на мировую глобализацию, является важнейшим инструментом внешнеполитической деятельности России. Многие эксперты отмечают, что конкурентоспособность экономики той или иной страны напрямую зависит от увеличения роста экспорта образовательных услуг [19]. Интернационализация университета сегодня рассматривается не только как средство повышения качества образования, научных исследований, но и как эффективного внешнеполитического влияния страны. Развитие науки и образования являются основными целями для достижения национального и регионального развития. Будучи интересными глобально, региональные университеты смогут решать задачи, которые ставит перед ними региональное и федеральное правительство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Алексеева С.А.* Экономика знаний и человеческий капитал // Обучение иностранным языкам: от профессионализации к профессионализму: материалы научно-методического межвузовского семинара 11 ноября 2009 г., Москва. Москва: МГИМО-Университет, 2010.

2. *Береснев Д.Н., Медведев Н.П., Слизовский Д.Е.* Рецензия на статью Датукишвили Е.З., Мусиной Н.К., Преждаровой В.Г., Симоновой С.В. «Образование: как государство воздействует на эту хрупкую и пластичную систему» // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 11 (39).

3. *Береснев Д.Н., Береснев Р.А., Слизовский Д.Е.* Российско-германское научное, техническое и образовательное сотрудничество: состояние и перспективы // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 1 (27).

4. Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры (принята в г. Париже 05.10.1998-09.10.1998 на Всемирной конференции ЮНЕСКО Высшее образование в XXI веке: подходы и практические меры) // <https://www.lawmix.ru/abrolaw/9374>.

5. *Жалнин В.А.* Теоретический инструментальный анализа государственной политики в сфере образования и науки как конфликт групповых и личностных интересов // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 1 (31).

6. Зачем нужны рейтинги университетов // Ведомости. 2017 // <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/17/723970-reitingi-universitetov>.

7. *Комлева В.В.* Развитие экспорта российского высшего образования: основные противоречия // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 6 (58).

8. *Косевич А.В.* Экспорт образовательных услуг сферы высшего образования: мировой опыт и российская практика: дис. ... канд. эк. наук: 08.00.14. М., 2006.

9. *Махотаева М.Ю.* Экспорт образовательных услуг vs интернационализация университета: монография / М.Ю. Махотаева, О.А. Бакуменко, Г.В. Варламов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2019. DOI: 10.1177/1028315317697540.

10. *Медведев Н.П., Слизовский Д.Е., Ахмадиен К.С., Кузнецова Е., Рельева Я.* Российская Федерация ищет способ обеспечить развитие экспортного потенциала своей системы образования // Вопросы политологии. 2017. № 4 (28).

11. *Медведев Н.П., Слизовский Д.Е., Жалнин В.А.* Возможна ли реформа университетского образования? Послесловие к статье Комлевой В.В. «Развитие экспорта российского высшего образования: основные противоречия» // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 6 (58).

12. Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования // Правительство России. 2017 // <http://government.ru/projects/selection/653/28013>.

13. Рейтинг вузов Times Higher Education. 2020 // <https://www.provuz.ru/rating/times-higher-education-2020/>.

14. Сводные предложения Российского Союза ректоров по формированию перечня критериев оценки эффективности деятельности высших учебных заведений // <https://rsr-online.ru/doc/norm/545.pdf>.

15. *Слизовский Д.Е., Шуленина Н.В.* Государственная политика РФ в отношении образования: противоречия элементов новизны и отмирающих форм // В сборнике: Время больших перемен: политика и политики. Материалы Всероссийской научной конференции РАПН. Российский университет дружбы народов; Под редакцией О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. 2017.

16. Университет как двигатель регионального экономического развития: презентационный материал: Н.С. Кучма. РУДН, 2020.

17. Что происходит в мировом высшем образовании: экспертный доклад / Д. Мельник. Т-Университеты: Центр трансформации образования Московской школы управления СКОЛКОВО, 2019.

18. Что происходит в российском высшем образовании: экспертный доклад / А.Е. Волков. Т-Университеты: Центр трансформации образования Московской школы управления СКОЛКОВО, 2019.

19. Экспорт образования: дайджест мировых тенденций // Аккредитация в образовании // https://akvobr.ru/eksport_obrazovania_daidzhest.html.

20. *Alsharari N.M.* Internationalization of the Higher Education System: An Interpretive Analysis // International Journal of Educational Management. 2018. Vol. 32. Issue: 3. DOI: 10.1108/IJEM-04-2017-0082.

21. *Cantu M.P.* Three Effective Strategies of Internationalization in American Universities // Journal of International Education and Leadership. 2013. Vol. 3 (3). ISSN: 2161-7252.

22. *Chan W.W., Dimmock C.* The Internationalization of universities: Globalist, internationalist and translocalist models // Journal of Research in International Education. 2008. Vol. 7 (2). DOI: 10.1177/1475240908091304.

23. Globalization of Education // Education Encyclopedia – StateUniversity.com // <https://education.stateuniversity.com/pages/2010/Glob alization-Education.html>.

24. *Hayden M.C., Thompson J., Williams G.* Student perceptions of international education: A comparison by course of study undertaken // Journal of Research in International Education. 2003. Vol. 2 (2). DOI: 10.1177/14752409030022005.

25. International students // Migration data portal. The bigger picture // <https://migrationdataportal.org/themes/international-students>.

26. *Knight J.* Updated Definition of Internationalization // International Higher Education. 2003. Vol. 33. DOI: 10.6017/ihe.2003.33.7391.

DOI 10.35775/PSI.2021.67.2.027

УДК 32.327

А.Б. ГЕХТ

*кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории и регионоведения
СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича,
Россия, г. Санкт-Петербург*

Т.В. МОЛЧАНОВА

*кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и регионоведения
СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича,
Россия, г. Санкт-Петербург*

А.Ю. ЦЫГОНЯЕВА

*кандидат философских наук, доцент
кафедры истории и регионоведения СПбГУТ
им. проф. М.А. Бонч-Бруевича,
Россия, г. Санкт-Петербург*

В.А. ПЕРЕВОЗЧИКОВА

*магистр, преподаватель кафедры истории и
регионоведения СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича,
Россия, г. Санкт-Петербург*

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДОНАЛЬДА ТРАМПА (НА ПРИМЕРЕ ИРАНА И ИЗРАИЛЯ)

Политика Дональда Трампа в отношении Ирана и Израиля вызывала неоднозначные отклики не только у оппонентов Соединенных Штатов Америки, но и у их союзников. В данной работе проанализированы ключевые политические шаги Д. Трампа в отношении данных ближневосточных государств. Целью статьи является выявление основных характерных черт внешней политики Д. Трампа в отношении оппонента США в регионе, Исламской Республики Иран, и одного из ключевых ближневосточных союзников Соединенных Штатов – Государства Израиль. Проведя анализ внешнеполитических шагов 45-го президента США в отношении Ирана и Израиля можно говорить о том, что Д. Трамп проявил себя как политик, способный пойти на обострение конфликта и против мнения международного сообщества ради выполнения поставленных целей. К событиям, которые демонстрируют это, можно отнести выход США из Совместного всеобъемлющего плана действий и перенос американского дипломатиче-

ского представительства из Тель-Авива в Иерусалим. Но в тоже время, при посредничестве Д. Трампа Израиль заключил соглашения о нормализации отношений с рядом арабских государств, чего не происходило с прошлого века и что можно расценивать, как значительное событие для региона. В данной ситуации американский президент показал себя как политик, который способен примирить конфликтующие стороны. Несомненно, политика Д. Трампа в рассматриваемом регионе не останется бесследной и заслуживает пристального исследовательского рассмотрения.

Ключевые слова: США, Иран, Израиль, Ближний Восток, Дональд Трамп, американо-иранские отношения, американо-израильские отношения.

A.B. GEKHT

*Ph.D., Associate professor/docent
The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University
of Telecommunications, the Head of the department of
history and region studies, Saint Petersburg, Russia*

T.V. MOLCHANOVA

*Ph.D., Associate professor/docent
The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of
Telecommunications, the Head of the department of history
and region studies, Saint Petersburg, Russia*

A.YU. TSIGONYAEVA

*Ph.D., Associate professor/docent
The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University
of Telecommunications, the Head of the department of history
and region studies, Saint Petersburg, Russia*

V.A. PEREVOZCHIKOVA

*Master, lecturer; The Bonch-Bruевич Saint Petersburg
State University of Telecommunications, the department
of history and region studies, Saint Petersburg, Russia*

THE MIDDLE EAST VECTOR OF THE US FOREIGN POLICY DURING THE PRESIDENCY OF DONALD TRUMP (ON THE EXAMPLE OF IRAN AND ISRAEL)

Donald Trump's policy towards Iran and Israel has provoked mixed response not only from the United States opponents, but also from their allies. The article analyzes the key political steps of President Trump in relation to the above Middle East countries. The purpose of the article is to identify the main characteristics of

D. Trump's foreign policy towards the Islamic Republic of Iran, the US opponent in the region, and the State of Israel, one of the key Middle East allies of the United States. After analyzing the foreign policy steps of the 45th US President in relation to Iran and Israel, we can say that D. Trump has shown himself as a politician capable of escalating the conflict even against the opinion of the international community in order to achieve his goals. Events demonstrating this include the US withdrawal from the Joint Comprehensive Plan of Action and the relocation of the US diplomatic mission from Tel Aviv to Jerusalem. But at the same time, under the mediation of D. Trump, Israel has concluded agreements on the normalization of relations with a number of Arab countries, something that has not happened since the last century and that can be regarded as a significant event for the region. In this situation, the American president has proved to be a politician capable of reconciling the conflicting parties. Undoubtedly, President Trump's policy in the region will leave a considerable trace and deserves a close research study.

Key words: *US, Iran, Israel, Middle East, Donald Trump, US-Iran relations, US-Israel relations.*

За время пребывания на посту президента Соединенных Штатов Америки Дональд Трамп совершил ряд внешнеполитических шагов в отношении стран Ближнего Востока, имеющих значение не только для ближневосточного региона, но и привлечших внимание всего международного сообщества. В контексте данной статьи рассматривается политика администрации Д. Трампа в отношении Исламской Республики Иран, оппонента США в регионе и Государства Израиль, ближневосточного союзника Соединенных Штатов. Оба государства играют значительную роль на Ближнем Востоке, упорно отстаивая свои интересы. Иран и Израиль не имеют дипломатических отношений и находятся в конфликте из-за палестино-израильского вопроса. И если некоторые арабские государства решились на налаживание отношений с израильским государством, то Иран, на данный момент, остается одним из самых категоричных противников Израиля. В связи с этим, взаимоотношения этих двух государств с США становятся еще более актуальным предметом для исследования.

Политика Дональда Трампа в отношении Исламской Республики Иран обострила и так не простые отношения между этими государствами. Так, в мае 2018 года, Д. Трамп объявил о выходе США из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД). Данное соглашение было заключено между Ираном с одной стороны и пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН (Россия, США, Франция, Китай, Великобритания) и Германией с другой в 2015 году, когда Овальный кабинет Белого дома занимал предшественник Д. Трампа, демократ Барак Обама. СВПД направлен

на ограничение иранской ядерной программы в обмен на снятие с Исламской Республики санкций, введенных Советом Безопасности ООН, США и Европейским союзом [17. С. 190]. Объявляя о выходе США из СВПД Д. Трамп заявил и о возобновлении санкций против Ирана [12].

Д. Трамп не раз критиковал соглашение, утверждая, что оно не гарантирует того, что у Ирана не появится ядерное оружие. Однако союзники США в Европе не разделяют позицию американского президента относительно СВПД [17. С. 191]. Так, например, президент Франции Эммануэль Макрон в своем аккаунте в Твиттер написал: «France, Germany, and the UK regret the U.S. decision to leave the JCPOA. The nuclear non-proliferation regime is at stake» [18] (Франция, Германия и Великобритания сожалеют о решении США выйти из СВПД. На карту поставлен режим ядерного нераспространения). В свою очередь, один из главных союзников Соединенных Штатов на Ближнем Востоке и оппонент Ирана – Израиль, придерживается противоположного от европейского мнения относительно СВПД и выхода США из него. Израильский премьер-министр Биньямин Нетаньяху написал в своем аккаунте в Твиттер, что Израиль «полностью поддерживает» решение Дональда Трампа. А, к примеру, в МИД Российской Федерации заявили, что «глубоко разочарованы решением Президента США Д. Трампа...» [4].

Но такие диаметрально противоположные мнения относительно действий Д. Трампа в отношении «иранской ядерной сделки» прозвучали не только из-за рубежа, но и внутри самих США.

С критикой данного решения главы Белого дома выступили видные представители Демократической партии США. Бывший президент Соединенных Штатов Америки Барак Обама на своей странице в Facebook написал, что данное решение относительно «иранской сделки» «ошибочно» и «СВПД работает». Бывший государственный секретарь Хиллари Клинтон назвала решение покинуть СВПД «a big mistake» [19] (большой ошибкой). Нынешний спикер Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси также осудила решение Д. Трампа.

Поддержал решение американского лидера занимавший на тот момент пост спикера Палаты представителей Конгресса США, предшественник Нэнси Пелоси, республиканец Пол Райан. Свое мнение он опубликовал в аккаунте в Твиттер [20].

Иран в свою очередь заявил, что продолжит выполнять условия сделки и после выхода из нее США [11].

Однако, стоит отметить, что не только выход США из Совместного всеобъемлющего плана действий обострил отношения Соединенных Штатов и Ирана, но и санкции, которые Д. Трамп пообещал восстановить против Исламской Республики Иран. В августе 2018 года Д. Трамп подписал указ о восстановлении санкций против иранского государства в два этапа [8]. Первый этап восстановления санкций начал действовать 7 августа 2018 года,

среди запретов, в частности, был введен запрет на продажу американских долларов иранскому правительству и операции с иранской национальной валютой. Второй этап начал действовать с 5 ноября 2018 года. Под эти санкции, в частности, попали такие отрасли как энергетика и судоходство. Санкции коснулись экспорта иранской нефти, различных банков и компаний [2].

Иран, в свою очередь, стал сокращать свои обязательства по СВПД.

Пятый этап сокращения обязательств Ирана, был объявлен в начале января 2020 года. Он касался ограничения на количество центрифуг, в которых обогащают уран.

Несмотря на несогласие участников СВПД, европейских союзников США, других стран и несогласие внутри страны, президент США настоял на выходе из Совместного всеобъемлющего плана действий, как и заявлял ранее, объясняя свое решение тем, что данная «сделка» не отвечает интересам Соединенных Штатов. Подобные действия американского лидера характеризуют его как политика, который, в первую очередь, ориентируется на интересы государства, которым руководит и собственные представления об этих интересах, открыто заявляя об этом и готовый пренебрегать мнением международного сообщества.

Пятый этап сокращения обязательств Ирана по СВПД произошел в тоже самое время, когда в Ираке в результате ракетного удара США погиб высокопоставленный иранский генерал Касем Сулеймани, что не просто ухудшило и так напряженные отношения США и Ирана, а вывело их на новый уровень противостояния, чреватый началом открытого вооруженного противостояния.

Касем Сулеймани возглавлял элитное спецподразделение «Аль-Кудс» в составе Корпуса стражей Исламской революции (КСИР). Генерал считался одним из самых влиятельных людей в стране и его убийство спровоцировало антиамериканские настроения в Иране. В качестве причины ликвидации иранского генерала, США выдвинули обвинения, что К. Сулеймани готовил атаки на американских дипломатов и военных [16]. Убийство столь влиятельного деятеля не могло не вызвать резкой антиамериканской риторики со стороны руководства Ирана.

После убийства К. Сулеймани и реакции иранского правительства государственный секретарь США Майкл Помпео выступил с заявлением, что США готовы к любым ответным шагам, которые может предпринять Иран после ликвидации генерала [9]. Через несколько дней после операции США в Ираке, Иран выпустил несколько ракет по военным базам в Ираке, на которых дислоцированы американские военные. По заявлению Тегерана это стало ответом на убийство командира подразделения «Аль-Кудс» КСИР. И хотя по заявлению американской стороны данные атаки не нанесли сильного урона США, данный ответ скорее носил политический характер и был направлен на демонстрацию Ираном их решительности в отстаивании и защите своих интересов [13].

Стоит упомянуть, что эскалация американо-иранского конфликта привела и к случайным жертвам. Сразу после ответа Ирана произошла авиакатастрофа пассажирского Boeing-737 «Международных авиалиний Украины» рядом с Тегераном. В результате крушения воздушного судна погибли все 176 человек, находившиеся на борту. Большинство пассажиров были гражданами Канады и Ирана. Через три дня после катастрофы руководство Ирана признало, что пассажирский самолет был сбит их страной. Министр иностранных дел Ирана Мохаммад Джавад Зариф заявил, что причиной авиакатастрофы стала «человеческая ошибка во время кризиса, вызванного авантюризмом США» [6].

За время своего президентства Д. Трамп и его администрация не улучшили отношения с Ираном, оппонентом США на Ближнем Востоке, напротив, сделав их более напряженными. Действия Д. Трампа вызывали непонимание и неодобрение не только со стороны оппонентов США, но и их союзников и международного сообщества. Одной из черт Дональда Трампа как политика, можно отметить его стремление вести внешнюю политику США по собственным правилам и представлениям об американской политике и интересах страны.

Но не только в отношении своего оппонента в регионе американский лидер совершал «громкие» политические шаги. Один из ключевых союзников США на Ближнем Востоке, Израиль, получил от Д. Трампа и его администрации несколько «политических подарков», которые, также, как и в случае с Ираном, вызвали возмущение, непонимание и негодование не только у противников США, но и у их союзников, и в целом у международного сообщества, в том числе в лице ООН [3].

Одним из самых спорных вопросов в палестино-израильском конфликте является статус Иерусалима. Израильская сторона считает весь город столицей своего государства, в свою очередь, Палестина не признает суверенитет Израиля над всем Иерусалимом и считает, что восточная часть города должна стать столицей палестинского государства. Тем не менее, Д. Трамп объявил о переносе американского дипломатического представительства из Тель-Авива в Иерусалим и 18 мая 2018 года (в день 70-летней годовщины основания еврейского государства) осуществил данные намерения.

Как известно, в начале XX века, в результате выдачи Лигой Наций мандата Великобритании, Палестина перешла под ее контроль. В 1946 году Лига Наций прекратила свое существование. Генеральная Ассамблея созданной в 1945 году Организации Объединенных Наций приняла резолюцию 29 ноября 1947 года, согласно которой британский мандат в Палестине прекращает действовать, а на данной территории будет создано два государства: еврейское и арабское, а Иерусалим получит особый международный статус. Однако в ходе арабо-израильской войны (1947-1949 г.) западная часть города перешла под контроль Израиля (Государство Израиль объявило о своей

независимости 14 мая 1948 года), а восточная часть Иерусалима перешла под контроль Трансиордании (современная Иордания).

После данных событий Израиль объявил Иерусалим своей столицей, а в ходе Шестидневной войны (1967 г.) получил контроль над всем городом. Суверенитет Израиля над всем Иерусалимом не был признан ООН и частью международного сообщества. 22 ноября 1967 года Советом Безопасности ООН была принята резолюция № 242, согласно которой Израиль должен был вывести свои войска с оккупированных территорий. Резолюция не была выполнена. 30 июля 1980 года Кнессет принял закон «Основной Закон: Иерусалим, столица Израиля», в котором говорится, что Иерусалим является «единой и неделимой столицей» Израиля. В свою очередь, Советом Безопасности ООН была принята резолюция № 478 от 20 августа 1980 года, согласно которой данный закон нарушает нормы международного права. Израилю было предложено аннулировать его, а странам-участницам Организации Объединенных Наций вывести свои дипломатические представительства из города [1. С. 253].

В связи с таким спорным статусом города, перенос американского посольства вызвал возмущение у палестинцев и спровоцировал обострение столкновений палестинцев с израильской армией на границе Израиля и Сектора Газа.

Стоит отметить, что еще в 1995 году Конгресс США принял закон о переносе американской дипмиссии в Иерусалим, однако ни один из предшественников Д. Трампа не реализовал данное постановление на практике [1. С. 254]. Сложно выделить определенно, чем руководствовались американские лидеры, откладывая переезд дипломатического представительства, но, понимая, сложившуюся на Ближнем Востоке ситуацию, вероятно осознали, что реализация данного закона увеличит напряженность, как между США и арабскими странами, так и между Израилем и арабским миром. Однако Д. Трамп пошел на этот спорный и рискованный шаг, способный обострить и так сложные отношения евреев и арабов. Подобные действия укладываются в тот внешнеполитический курс, который выстраивал этот американский президент. Как и в случае с Ираном, американский лидер, не учитывая мнения международного сообщества, совершал весьма рискованные действия на Ближнем Востоке.

Кроме признания Иерусалима столицей Израиля, Д. Трамп весной 2019 года признал суверенитет еврейского государства над Голанскими высотами. Голанские высоты – горное плато на границы Израиля и Сирии, имеет важное стратегическое значение для обоих государств из-за своего географического положения. После Шестидневной войны в 1967 году большая часть горного плато оказалась под контролем Израиля, а в 1981 году израильтяне провозгласили суверенитет над этими территориями, что не было признано Советом Безопасности ООН [7]. Действия американского президента ожидаемо вызвали возмущение и несогласие сирийской стороны.

Данный шаг Д. Трампа и его администрации является еще одним подтверждением того, что американский президент был готов действовать вразрез с мнением международного сообщества и менять уже устоявшееся положение дел. Подобные действия главы Белого дома подтверждают и тот факт, что США считают Израиль одним из ключевых союзников в ближневосточном регионе. Но также очевидно, что решения Д. Трампа не идут на пользу урегулированию арабо-израильского конфликта, который длится уже не одно десятилетие.

Однако в период президентства Д. Трампа со стороны США были приняты действия и в отношении разрешения палестино-израильского конфликта. Американский президент в 2020 году предложил план по ближневосточному урегулированию, который также называют «Сделка века». План не был реализован, так как вызвал противоположную реакцию на него у конфликтующих сторон. Так Израиль считает, что «Сделка века» положительна для израильтян, в свою очередь, Палестина отвергла план Соединенных Штатов [10].

Среди пунктов «сделки» стоит выделить взаимное признание двух государств, отказ палестинского руководства от поддержки радикального движения ХАМАС, а Иерусалим должен быть признан столицей Государства Израиль. В свою очередь США были готовы выделить 50 млрд. долларов в качестве инвестиций в рамках «сделки» [14].

Учитывая несогласие палестинских властей с положениями Плана США по ближневосточному урегулированию, нет никаких предпосылок, что данная «сделка» будет реализована. Тем не менее, Д. Трампу все же удалось внести свой вклад в разрешение арабо-израильского конфликта. При посредничестве главы Белого дома, Израиль подписал дипломатические соглашения с несколькими арабскими государствами [5]. Стоит напомнить, что Израиль имеет дипломатические отношения только с двумя государствами арабского мира – Египтом и Иорданией. Но и эти отношения были установлены еще в прошлом веке. С 1994 года (соглашение с Иорданией) ни одно арабское государство не пошло на урегулирование отношений с Израилем.

В сентябре 2020 года при посредничестве президента США были подписаны соглашения о нормализации отношений между Израилем и Объединенными Арабскими Эмиратами, и Бахрейном. В октябре этого же года было подписано соглашение с Суданом, а в декабре 2020 года – с Марокко. Стоит отметить, что в тоже время Д. Трамп объявил о признании суверенитета Королевства Марокко над Западной Сахарой, территорией давно носящий спорный статус [15].

Уместно заметить, что в данном вопросе Д. Трамп показал себя в качестве дипломата, способного примирить стороны, конфликтующие не одно десятилетие. Стоит также отметить, что в 2020 году в США проходили президентские выборы, в которых Д. Трамп участвовал и планировал остаться в Белом

доме на второй президентский срок, поэтому его политику можно рассматривать и в данном контексте. Поддерживая Израиль, можно предположить, что в том числе Дональд Трамп старался привлечь на свою сторону часть избирателей, которые поддерживают его политику в отношении Израиля и Ближнего Востока в целом. Вероятно, Д. Трамп старался заручиться и головами определенной части сообщества американских евреев: как известно, его зять, Джаред Кушнер, является представителем еврейской диаспоры США, и на протяжении президентства Д. Трампа был его старшим советником.

После американских президентских выборов в 2020 году сложно предсказать как будут складываться отношения Соединенных Штатов и Израиля, что изменится, а что останется прежним. Еще до голосования коллегии выборщиков, Б. Нетаньяху поздравил Джо Байдена с победой на выборах, об этом он написал в своем аккаунте в Твиттер. Он отметил, что теплые личные отношения между ним и Джо Байденом длятся уже почти 40 лет и что он знает его как друга Израиля [21]. Через несколько минут он написал там же сообщение с благодарностью и в адрес Дональда Трампа. Б. Нетаньяху поблагодарил американского президента за дружбу, за признание суверенитета над Иерусалимом и Голанскими высотами, за противостояние Ирану и за укрепление американо-израильских отношений [22]. Для Израиля США в любом случае (в независимости от результатов выборов 2020 года) остаются важным союзником, с которым, в частности, Израиль способен противостоять Ирану, поэтому и реакция главы государства по отношению к американским выборам и их результатам была исключительно дипломатичной.

Будучи весьма противоречивой, политика Д. Трампа на Ближнем Востоке вполне отражает и выбранный внешнеполитический курс администрации 45-го президента США, и его собственный политический стиль. За время пребывания на посту президента Соединенных Штатов, своей политикой на Ближнем Востоке Д. Трамп ухудшил отношения с оппонентами и улучшил с союзниками, показал, что готов идти на радикальные шаги и вразрез с мнением международного сообщества. Его резкие заявления и действия вызывали возмущение с разных сторон, но он не отступал от выбранного курса. Повышение напряженности на Ближнем Востоке в результате действий Дональда Трампа не привели к масштабной эскалации конфликтов в регионе и, в ту же очередь, его дипломатия не привела к существенному разрешению данных конфликтов, но несмотря на это, его политика безусловно оставила свой «отпечаток» на Ближнем Востоке, столь непростою для изучения регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Васецова Е.С.* Вопрос о статусе Иерусалима в геополитической ситуации на Ближнем Востоке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5.

2. Вторая часть санкций США в отношении Ирана вступает в силу // ТАСС: Новости в России и мире // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5755916>.

3. Генеральная Ассамблея ООН объявила недействительными любые решения по изменению статуса Иерусалима // Организация Объединенных Наций // <https://news.un.org/ru/story/2017/12/1320642>.

4. Заявление МИД России по ситуации вокруг Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе // МИД РФ // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3212053.

5. Израиль, ОАЭ и Бахрейн подписали соглашения о нормализации отношений // ТАСС: Новости в России и мире // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9466233>.

6. Иран признал, что случайно сбил украинский Boeing // ТАСС: Новости в России и мире // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7499235>.

7. История и статус Голанских высот // ТАСС: Новости в России и мире // <https://tass.ru/info/6247758>.

8. Минфин США опубликовал список санкций против Ирана // ТАСС: Новости в России и мире // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5757042>.

9. Помпео: США готовятся к любой возможной реакции Ирана на убийство генерала Сулеймани // ТАСС: Новости в России и мире // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7469585>.

10. Премьер Палестины призвал Евросоюз отвергнуть «сделку века» Трампа // ТАСС: Новости в России и мире // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7773039>.

11. Роухани заявил, что Иран намерен соблюдать соглашение по ядерной программе // ТАСС: Новости в России и мире // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5346511>.

12. США выходят из ядерной сделки с Ираном // ТАСС: Новости в России и мире // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5185833>.

13. США готовы к миру со всеми. Трамп ответил на иранский ракетный удар // ТАСС: Новости в России и мире // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7483553>.

14. США и Израиль призвали Палестину участвовать в переговорах по «сделке века» // ТАСС: Новости в России и мире // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8808701>.

15. Трамп заявил о признании США суверенитета Марокко над Западной Сахарой // ТАСС: Новости в России и мире // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10226159>.

16. Трамп заявил, что Сулеймани планировал взрыв одного из посольств США // ТАСС: Новости в России и мире // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7489471>.

17. Ханалиев Н.У. Особенности американо-иранских отношений на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1.

18. Twitter // <https://twitter.com/EmmanuelMacron/status/993920765060878336>.

19. Twitter // <https://twitter.com/HillaryClinton/status/994034901140811776>.

20. Twitter // <https://twitter.com/SpeakerRyan/status/993923783105925122>.

21. Twitter // <https://twitter.com/netanyahu/status/1325302956363812864>.

22. Twitter // <https://twitter.com/netanyahu/status/1325306327476867078>.

РЕКА РЕЙН В ВОСПРИЯТИИ РИМЛЯН (I В. ДО Н.Э. – НАЧАЛО V В. Н.Э.)

Рейн – общее название крупной реки в Западной Европе. Как и выражение «Рейн с двойным рогом», термин «отец Рейн» происходит из римской древности. Подобные названия указывают на то, что эта река имела особое значение для римлян. Она сыграла свою роль в формировании мировоззрения, став своего рода границей между «цивилизацией» и «варварским» миром, и тесно связана с экспансией Рима. Но как получилось, что римляне интегрировали Рейн в свои мысли? Что он представлял для них?

В данной статье была предпринята попытка изучить отношение римлян к Рейну как к реке, так и к региону в целом в ходе римского владычества в различные исторические периоды. Статья написана путем анализа римских источников, переведенных на немецкий язык, а также немецкой монографии, где исследовались римские объекты материальной культуры (надписи, монеты, рисунки). Работа актуальна прежде всего тем, что в нашей стране подобные зарубежные и региональные исследования практически не рассматриваются. Переводы источников отличаются относительной новизной, а предлагаемая монография ранее не была переведена с немецкого на русский язык.

Ключевые слова: Древний Рим, Древняя Германия, Страбон, Юлий Цезарь, Клавдий Клавдиан, Тацит.

I.G. STANKEVICH

*Postgraduate student of the chair for the
«General History» of the Moscow State Pedagogic University,
Moscow, Russia*

THE RHINE RIVER FROM THE PERSPECTIVE OF ROMANS (I CENTURY B.C. TILL THE BEGINNING OF THE V CENTURY C.E.)

Rhine is a common name of the large river flowing through the territory of Western Europe. Such an expression as “the Rhine with double horn” as well as the term “Father Rhine” root from the Roman antiquity. The above mentioned

phrases point at the fact that Romans granted the river a special attitude. The Rhine played a significant part in shaping the way people saw the world as the river became a sort of a border between the civilized and barbaric world, besides this natural object is obviously an integral part of the history of the Roman expansion. Never the less, how did it happen that Romans managed to integrate the Rhine in their thoughts? Never the less, how did it happen that Rhine became an essential element of the image of the world created in minds of Romans? What associations did it awaken in their minds? What did the river represent for them?

This article illustrates an attempt to examine the attitude of Romans towards Rhine and the region as a whole developed in different periods of the Roman dominance.

The article is based on Roman sources analysis, translated to German language and also on German monography about Roman material culture objects (inscriptions, coins, paintings). Studie's relevance is, first of all, lack of foreign and regional researches on this subject. Translations are quite new and this monography has never been translated yet to Russian language.

Key words: *Ancient Rome, Germany in ancient times, Strabo, Julius Caesar, Claudian, Tacitus.*

С покорением Галлии в 58-51 гг. до н.э. Рейн вошел в сознание римлян. Это подтверждается дошедшими до нас сочинениями Гая Юлия Цезаря «Записки о Галльской войне». В них завоеватель предлагает использовать реку как обозначение геостратегических границ новой римской провинции. Так же требовалось различать враждующие между собой галльские племена на левом берегу Рейна и германские племена на его правом берегу. Река стала действовать как граница между варварами, которых Цезарь считал способными к романизации, и теми, кто не был к ней готов. Однако существование германо-галльских смешанных народов и, прежде всего, германских племен на левом берегу Рейна противоречит идее Цезаря о границе между народами. Поэтому она была скорее условной и больше обозначала территории, подконтрольные Риму [7. S. 6-76].

Спустя несколько десятилетий после Цезаря, идея Рейна как границы Римской империи сменилась растущим признанием реки в римском мире. Это было продемонстрировано инфраструктурной модернизацией района на левом берегу Рейна и попытками римлян во времена императора Августа (27 г. до н.э. – 14 г.) укрепиться справа от Рейна. Военное, экономическое и цивилизационное проникновение на западный берег Рейна также привело к изменению отношений между римлянами и самим Рейном, который стал уже не просто пограничной рекой Римской империи на северо-западе, но и самой важной экономической артерией для открытия этого региона. Рейн также вошел в сознание римлян в качестве нового речного божества [6. S. 525].

За время правления династии Флавиев (69-96 гг.) и завоевания правого берега, представление о Рейне как о границе между галлами и германцами или как о границе между римской территорией и варварской Германией утратило силу [3. S. 633]. Германские народы стали признавать власть Рима восточнее Рейна. Германцы свободно перемещались по левому берегу, который уже давно был занят римлянами. Однако в случае военного конфликта старое пограничное мышление сразу же активизировалось. Согласно рассуждениям Тацита, Рейн считался последним рубежом отступления, который римляне не могли покинуть [5. S. 154].

Заметный вклад в изучении региона внес немецкий археолог Райнер Фоллькоммер (Rainer Vollkommer). В своей книге «Vater Rhein und seine römischen Darstellungen» он представил фотографии и изображения множества археологических находок, относящихся к эпохе римского владычества на Рейне. Изучив их, можно предположить, что если при императоре Домициане Германия представляется как побежденная и покоренная варварская страна, то при Траяне ее следует считать уже полноправной римской провинцией, мирной и безопасной как для местных жителей, так и для римских граждан. Эти различия можно увидеть, разглядев золотую монету 90 г. (правление Домициана), где Германия изображена скорбно сидящей на щите со сломанным копьем и золотую монету 98 г. (правление Траяна), где персонифицированная Германия с оливковой ветвью (атрибут богини мира) в правой руке сидит на куче оружия и опирается на щит левым предплечьем. Как именно римляне относились к Рейну, также иллюстрируется серией изображений монет III в. На реверсе бронзовой монеты 235 г. изображен мостик, а на нем император Александр Север (222-235 гг.). Перед ним крылатая богиня победы с венком в правой руке. Позади императора можно видеть несколько солдат. Ниже изображен речной бог. В это время Александр Север находился в Верхней Германии в Могонциаке (современный Майнц), чтобы принять меры против вторгшихся племен алеманнов. Для этого был построен мост через Рейн. Из-за политических событий этих лет, которые связаны с императором в Германии, речного бога на монете можно идентифицировать как Рейн.

Огромное значение Рейна для жизни в германских провинциях иллюстрируется двумя надписями из Фехтена в дельте Рейна. В иерархическом списке богов Рейн появляется после верховного римского бога Юпитера. Подобные надписи были найдены также у Ремагена. Здесь Рейн описывается как местное защитное божество. Следует предположить, что этой реке отводилось значительное место в кругу традиционных римских богов, показывая тем самым важность Рейна для людей, которые жили на его берегах.

В 1968 г. в Страсбурге был найден алтарь, предположительно времен императора Адриана (117-138 гг.), который Опий Север, командующий дислоцирующимся здесь восьмым легионом, посвятил «Отцу Рейну». Это

посвящение алтаря Рейну в качестве «отца» указывает на то, что бог реки представлял определенную власть в этом регионе. Посвящение может быть мотивировано субъективным ощущением Оппия, а также объективной зависимостью легиона и местных жителей от реки. Термин «отец» предполагает подчинение и определенные доверительные отношения. В то же время надеялись, что бог реки будет милостив к интересам населения, живущего около неё. Аналогичная ситуация может быть отражена в надписи, найденной в Эшенце, что на Верхнем Рейне. В ней Спиций Цериалис, наместник провинции Реция в 181-184 гг., связывает свое личное благополучие с Рейном [9. S. 1-42].

В римской литературе времен Поздней Римской империи, пограничная функция реки чаще выходит на первый план по сравнению с экономическим значением Рейна как водной артерии. Однако император Максимиан в 289 г. утверждал, что необычайные военные успехи на правом берегу Рейна привели к тому, что римские владения распространились на восток и Рейн перестал быть границей. Иначе говоря, обеспокоенность по поводу того, что границу по Рейну трудно удержать, необоснованна [1. S. 626]. Эта мысль указывает на то, что римляне в то время беспокоились не только о процветании территорий за Рейном, но и о возможном вторжении германцев. Чтобы разрядить обстановку на территориях, подверженных риску, римские власти часто прибегали к такого рода пропаганде.

Упоминание о Рейне можно найти в стихотворении Авсония (около 310-393 гг.) «Мозелла». Здесь поэт «объединяет» реки Рейн и Мозель в «братский союз» на службе Рима против варваров, несмотря на посредническую роль последнего «Прими своего брата, не беспокоясь о собственной славе». Иными словами, Авсоний дает понять, что Рейн служит Риму оборонительной линией, держа вражеские племена на расстоянии [2. S. 257-266].

В конце IV в. внешнее давление на Римскую империю и, следовательно, на Рейн значительно возросло, а после смерти императора Феодосия в 395 г. внутренняя и внешняя политика Римской империи стала еще более нестабильной. В 396 г. римский полководец Стилихон (около 365-408 гг.) отправился на Рейн, чтобы возобновить контакты с германскими племенами и набрать солдат. Поэт Клавдиан (около 370 – после 404 гг.) чуть позже описал это путешествие в поэме, посвященной Стилихону. По словам Клавдиана, Стилихон, понимая угрозу для границы, смог усмирить и «сломать Рейну рога» только путем переговоров с германскими племенами. В результате он сделал реку настолько послушной и покорной, что германцы обменяли меч на серп и мирно занимались земледелием. Клавдиан рассматривает Рейн и германцев как одно целое, которое покорно власти Рима. Клавдиан увенчивает эту идею полной интеграцией Рейна и двух его берегов в римский мир. Он предполагал, в первую очередь, использование региона в сельском

хозяйстве. Это также относится к Эльбе, которую Клавдиан представлял себе, как небольшой приток Рейна.

Неточные географические обозначения Клавдиана указывают на то, что поэт плохо представлял себе положение дел в северо-западном регионе Римской империи, даже если утверждал, что обе стороны Рейна были римскими. Это показывает, что римляне больше не имели реального доступа к территории на правом берегу. В конечном итоге это также повлияло, как и на отношение римлян к Рейну, так и на их взгляд на принадлежность реки к Римской империи. Последующее крушение границы спустя несколько лет показало, как мало картина мирного римского Рейна, созданная Клавдианом, имела общего с политической реальностью того времени, когда крупные объединенные германские племена вторглись в Галлию в конце 406 г. [10. S. 934].

Изучив доступные римские источники, можно прийти к выводу, что, воспринимая Рейн как бога реки *Rhenus bicornis*, римляне интегрировали его в свое сознание. Войдя в римский мир, он играл роль в установлении римского владычества на севере. Вскоре река все больше и больше отождествлялась с Германией – целью последующих завоеваний Рима. Претендуя на мировое господство, римлянам порой не хотелось видеть какую-либо особую разницу между Рейнским регионом как частью Римской империи и враждебной варварской Германией к востоку от Рейна. Несмотря на те или иные представления римлян, в реальности Рейн на протяжении долгого времени являлся северной границей Римской империи, которая постоянно подвергалась угрозам со стороны варварских племен. Можно предположить, что отношение римлян к Рейну определялось целенаправленной политической конъюнктурой. Включение же этого региона в римский мир было лишь условным, реальность была иной. Другими словами, посредством пропаганды римляне размывали возможные противоречия между политическими требованиями и реальностью, чтобы усилить эффект стабильности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ament H., Wolters R., Zimmer S.* Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Rhein, 2003.

2. *Gruber J. (Hg.)*. D. Magnus Ausonius, Mosella, Kritische Ausgabe, Übersetzung, Kommentar, De Gruyter (Verlag) 2013.

3. *Hross. H. (Hg.)*, *Tacitus*. Historien. Lateinisch / Deutsch. Artemis Verlag, Munich 1984.

4. *Klaus-Peter J.* Die Römer an der Elbe. Das Stromgebiet der Elbe im geographischen Weltbild und im politischen Bewusstsein der griechisch-römischen Antike. Berlin, 2006.

5. *Mauersberger A. (Hg.)*, *Tacitus*. Germania. Lateinisch-Deutsch, VMA Verlag, 2010.

6. Radt S. (Hg.). Strabons Geographika, Band 6: Buch V-VIII. Kommentar, Göttingen, 2007.

7. Schönberger O. (Hg.), Caesar. Der Gallische Krieg / Bellum Gallicum, Lateinisch – Deutsch, De Gruyter, 2013.

8. Schumacher L. Politik-Recht-Gesellschaft. Studien zur Alten Geschichte. Stuttgart, 1997.

9. Vollkommer R. Vater Rhein und seine römischen Darstellungen // Bonner Jahrbücher 194, Bonn, 1994.

10. Weiß P. (Hg.). Claudius Claudianus: Politische Gedichte, Gruyter, Walter de GmbH, 2020.

DOI 10.35775/PSI.2021.67.2.029

УДК 94

А.Б. ГЕХТ

*кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории и регионоведения
СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича,
Россия, г. Санкт-Петербург*

А.В. НЕРОВНЫЙ

*старший преподаватель кафедры истории и
регионоведения СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича,
Россия, г. Санкт-Петербург*

Т.Г. ПОТАПЕНКО

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и регионоведения
СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича,
Россия, г. Санкт-Петербург*

НА ПУТИ К ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ УГЛЯ И СТАЛИ

Масштабная экономическая и политическая интеграция стала одним из важнейших процессов, происходивших на европейском континенте во второй половине XX в. Ее результатом стало создание Европейского Союза – ведущего интеграционного объединения, играющего большую роль в мировой экономике и политике. Во многом это возможно благодаря сложной архитектуре наднациональных институтов, обеспечивающих функционирование этого объединения. Одним из первых интеграционных объединений, появившихся в ходе создания общей интеграции европейских стран, стало Европейское объединение угля и стали, рассмотрению основных административных институтов, являющихся предшественниками нынешних наднациональных органов ЕС, и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: европейская интеграция, Европейский Союз, Европейское объединение угля и стали.

A.B. GEKHT

*Ph.D., Associate professor/docent,
The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University
of Telecommunications, the Head of the department of history
and region studies, Saint Petersburg, Russia*

A.V. NEROVNYJ

*Senior lecturer, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg
State University of Telecommunications, the department
of history and region studies, Saint Petersburg, Russia*

T.G. POTAPENKO

*Ph.D., Associate professor/docent
The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University
of Telecommunications, the department of history
and region studies, Saint Petersburg, Russia*

ON THE WAY TO A UNITED EUROPE: INSTITUTIONAL ARCHITECTURE OF THE EUROPEAN COAL AND STEEL COMMUNITY

Large-scale economic and political integration became one of the most important processes that took place on the European continent in the second half of the XX century. It resulted in the creation of the European Union – a leading integration association that plays a major role in the world economy and politics. This is largely possible due to the complex architecture of supranational institutions that ensure the functioning of this association. One of the first integration associations that emerged during the creation of the common integration of European countries was the European Coal and Steel Association, and this article is devoted to the main administrative institutions that are the predecessors of the current supranational bodies of the EU.

Key words: *European integration, European Union, the European Coal and Steel Community.*

Устойчивые представления о территориальном и цивилизационном единстве стран Европы, объединенных общностью своих исторических судеб и нуждающихся в политическом объединении – важная предпосылка успеха современной европейской интеграции. Пройдя через две разрушительные мировые войны, народы основных западноевропейских стран приблизились к осознанию необходимости тесного сотрудничества и взаимодействия, определив их в качестве одной из предпосылок будущего устойчивого мира в Европе. Так 75 лет назад началось практическое вопло-

щение давних представлений о культурном и политическом родстве стран Европы, на сей раз искренне заинтересованных в честном и взаимовыгодном сотрудничестве. Как известно, наиболее успешная из послевоенных попыток интегрировать экономические системы западноевропейских стран связана с появлением Европейского объединения угля и стали, возникшего в результате подписания 18 апреля 1951 г. Францией, ФРГ, Италией и странами Бенилюкс Парижского соглашения [1. С. 419-425].

Начало созданию Европейского объединения угля и стали (далее – ЕОУС) было положено выступлением министра иностранных дел Франции Робера Шумана в ходе пресс-конференции 9 мая 1950 г. В своей знаменитой декларации он призвал «поставить всю угольную и сталелитейную промышленность Франции и ФРГ, ставшей к тому времени независимым государством, под управление общей Верховной Власти» [2. Р. 327]. Как позднее вспоминал Конрад Аденауэр, он «всем сердцем был согласен с этим предложением» [2].

Основной целью создания Объединения определялось содействие развитию общей занятости и улучшение стандартов жизни населения за счет построения единого рынка угля и стали для стран, подписавших Договор о учреждении ЕОУС. Институциональная структура устанавливалась указанным документом, который также известен как Парижский договор; в нем были перечислены следующие органы, обладавшие наднациональным характером: Высший руководящий орган (1), Совет министров, Суд и Общая Ассамблея [13. Art. 22]. Именно на них ложилась основная ответственность за будущую эффективную работу организации.

Рассуждая об институциональной архитектуре ЕОУС, прежде всего необходимо отметить независимость, полученную его органами, особенно Высшим руководящим органом (далее – ВРО) и Судом, в широком диапазоне их полномочий, в том числе в праве вмешиваться в дела государств-участников договора. Впервые в истории возникли наднациональные институты, обладавшие юрисдикцией, отличной от мнений и позиций стран-участниц.

Высший административный орган ЕОУС-ВРО – состоял из чиновников, «строго независимых от своих правительств» [13. Art. 8]. Этот институт Объединения обладал четко определенной и весьма реальной властью. Только он был правомочен принимать решения, которые являлись юридически обязательными для стран-участниц Парижского договора, а также для предприятий угольной и сталелитейной промышленности. Он также мог оказывать большое влияние на дела организации путем предоставления займов, советов предложений и консультаций, которые нельзя было не учитывать в политической жизни ЕОУС. Как отмечалось выше, ВРО был независим от правительств стран-учредителей и должен был проводить политику, целью которой являлось дальнейшее улучшение благосостояния Объединения в целом.

Для решения экономических и социальных проблем нового интеграционного объединения было исключительно важно действенное и постоянное вмешательство наднационального ВРО в урегулирование интересов всех физических и юридических лиц, занятых в угольной и сталелитейной промышленности. В инструментарии данного органа было право собирать всю информацию об этих отраслях, а затем, имея гласность и открытость в качестве основных приоритетов, публиковать ее [6. Р. 513]. По инициативе ВРО была нарушена прежняя практика охраны промышленных секретов. Например, покупатели получили возможность познакомиться с порядком и особенностями ценообразования, причем не на уровне отдельно взятой страны, а Объединения в целом. В отдельных сферах экономического развития Объединения ВРО являлся наиболее полномочным органом и, подобно нынешней Европейской Комиссии, обладал законодательной инициативой [13. Art. 8].

ВРО состоял из девяти членов, которые должны были быть «полностью компетентными», и являться гражданами стран-участниц (но не более двух от одной страны [13. Р. 9]). Данные должностные лица назначались сроком на шесть лет либо единогласным решением Совета министров (преимущественно), либо через процедуру кооптирования. Непосредственно после учреждения ВРО (в августе 1952 г.), национальные правительства единогласно назначили 8 членов. В свою очередь они большинством голосов выбрали девятого. В целом, процедура назначения на вакантные места новых членов ВРО была достаточно сложной; наиболее часто это происходило в результате соглашения пяти из шести правительств, иногда - большинством голосов членов самого института [13. Р. 10]. При этом каждое национальное правительство обладало ограниченным правом вето.

При определенных обстоятельствах отдельные члены ВРО могли быть смещены со своего поста Судом Объединения; также их могли вынудить подать в отставку при условии вынесения Общей Ассамблеей вотума недоверия двумя третями голосов при обсуждении Генерального доклада ВРО [13. Р. 12].

Членам ВРО не допускалось сочетать свои обязанности с предпринимательством, равно как и заниматься другой профессиональной деятельностью. Кроме того, в течение срока полномочий и последующих трех лет они не могли прямо или косвенно заниматься бизнесом, имеющим отношение к угольной и металлургической промышленности. В немалой степени данные обстоятельства компенсировались соответствующим жалованьем: оклад члена ВРО освобождался от всех налогов и составлял 15 тыс. долл. в год, президента – 20 тыс. долл. в год [3. Р. 35]. Как правило, ВРО принимал свои решения простым большинством голосов, кворум при этом составлял пять человек.

Вторым по значимости органом в институциональной структуре ЕОУС был Совет министров, чья инаугурационная сессия состоялась 8-10 сентя-

бря 1952 г. Согласно 27-й статье Договора каждое правительство должно было назначить в Совет одного своего члена [13. Р. 23]. На практике это были министры иностранных дел, а также министры, отвечающие за экономику, торговлю или промышленность. В Совет входили и те главы правительств (ФРГ и Италии), которые одновременно были и министрами иностранных дел [11. Р. 387].

Решения в Совете в зависимости от степени важности принимались простым большинством голосов, двумя третями или пятью шестыми. Отменить решения ВРО Совет министров мог только единогласным голосованием. Необходимо заметить, что инструкции национальных правительств своим представителям в Совете не носили обязательного характера. Представитель мог быть отозван, если он им не следовал, но решение, за которое он голосовал, оставалось в силе [10. Р. 51].

Совет министров был ответствен за административные решения и решения, связанные с распространением действия Договора на другие отрасли экономики шести стран. В феврале 1953 г. Совет министров учредил Координационный комитет для определения основ, параметров и направлений своей деятельности. В Комитет вошло по три представителя от каждой страны. Его задачей была также координация деятельности других структур, создаваемых Советом министров; в качестве примера можно привести Комиссию по торговой политике и т.н. «Смешанный комитет», с полномочиями, направленными на гармонизацию инвестиций в национальные экономики, налоговой политики и пр.

Таким образом, наравне с Высшим Руководящим Органом, Совет министров являлся наиболее влиятельным образованием в институциональной структуре ЕОУС, в числе прочего призванного содействовать сохранению устойчивого равновесия внутри самого Объединения.

Суд, согласно Парижскому договору, исполнял роль международного трибунала в любом споре между государствами-членами Объединения относительно применения Договора, который не мог быть урегулирован в Совете министров или прямыми дипломатическими переговорами [13. Р. 55]. По обращению государства-члена или ВРО Суд мог отменить решения Совета министров или Объединенной Ассамблеи. Отметим, что именно Суд обладал исключительным правом проверки законности действий ВРО и Совета министров, при этом все национальные суды должны были принимать свои решения в соответствии с решениями Суда Объединения [14. Р. 40]. Фактически, именно тогда начал формироваться один из базовых принципов современного права Европейского Союза – его безусловный примат над национальными правовыми системами.

Суд состоял из семи судей, назначаемых на шестилетний срок взаимным согласием правительств. Судьи, также как и члены ВРО, могли быть повторно назначены на свой пост. Член Суда и Генеральный адвокат мог-

ли быть смещены с должности только по единогласному решению остальных членов Суда [13. Art. 7. P. 78]. Примечательно, что для назначения судьей не требовалось, чтобы кандидат обладал юридическим образованием, и членом Суда мог стать специалист иного профиля.

Дела принимались к рассмотрению, если с этим решением соглашалось большинство присутствующих судей (кворум составлял пять человек). На практике это означало, что в суде должны были присутствовать нечетное число (пять или семь) членов. Обсуждения в Суде были тайными: мнение меньшинства не могло быть опубликовано и имена голосовавших против или отказавшихся от голосования не разглашались. Решения Суда были окончательными и не подлежали обжалованию [8. P. 13-14].

В ходе своей работы Суд принимал к рассмотрению споры между Объединением или его институтами, с одной стороны, и государствами-членами, предприятиями или физическими лицами – с другой; также в поле его деятельности находились споры между самими странами-участницами, а иногда и между институтами Объединения. Предприятия и физические лица могли апеллировать к Суду в случае, если они были прямо вовлечены в спор или если тяжба имела к ним отношение. Все решения, накопившиеся в результате практической деятельности Суда, стали прецедентами для будущей судебной практики интеграционного объединения и установившейся в нем правовой модели.

Четвертым основным органом ЕОУС стал особый представительный институт – Общая Ассамблея (далее – ОА), избираемая парламентами стран-участников интеграции. Она, как своего рода «собрание акционеров» должна была раз в год собираться на сессии. Члены ОА как «акционеры» должны были иметь только одно право – отстранять от власти управляющий орган [4. P. 210-211].

Кроме основных институтов, ЕОУС имело три вспомогательных: Комитет председателей четырех основных органов, Консультативный Комитет (далее – КК), приданный ВРО, а также должность Верховного комиссара по расчетам.

Комитет председателей четырех ключевых органов определял административные расходы основных институтов, количество необходимых чиновников и их финансовое обеспечение. Все его решения принимались единогласно. Отметим, что в обязанности Комитета председателей входило определение общего количества служащих и их ранжирование в зависимости от организации работы каждого института Объединения [3. P. 413]; на практике же институты сами устанавливали ранги своих служащих. В истории ЕОУС Комитет четырех председателей не смог сыграть какой-либо значительной роли, поскольку его фактический статус не был переведен в юридическую плоскость. Роль и полномочия комитета не были прописаны ни в Парижском, ни в Римском договорах, а в первой половине 1960-х годов он вовсе был распущен.

Консультативный комитет был отнесен к ВРО и обладал правом только совещательного голоса при обсуждении вопросов. Работа КК всегда проходила за закрытыми дверями, что вызывало возражения со стороны Общей Ассамблеи, обеспокоенной несоблюдением принципа гласности [7. Р. 155]. В соответствии с 18-й статье Договора, КК должен был состоять из «не менее чем тридцати и не более чем пятидесяти одного члена» [13. Art. 18. Р. 20-21] и должен был включать в себя равное число производителей, рабочих, потребителей и торговцев продукцией угольной промышленности и черной металлургии. Члены этого Комитета назначались на двухлетний срок Советом министров.

В значительной степени Консультативный комитет был создан с целью согласования интересов ассоциаций основных социальных групп, вовлеченных в интеграционный процесс – работодателей, рабочих и служащих. Определенная ограниченность сферы деятельности КК несомненно затрудняла его взаимодействие с другими институтами Объединения.

Рассматривая институциональное устройство ЕОУС, нельзя обойти вниманием такое направление в повседневной работе Объединения как систему аудита. Комиссар по расчетам (аудитор) назначался Советом министров на трехлетний срок для предоставления Комитету председателей в шестимесячный срок после окончания финансового года доклада о финансовой дисциплине в Объединении в целом и в его отдельных органах [13. Art. 78. Р. 53-54]. Ежегодный доклад аудитора ВРО передавал на рассмотрение Общей Ассамблеи вместе со своим Генеральным докладом. Отметим, что аудитор не был подотчетен Ассамблее; его независимость была общепризнанной, он не мог занимать никаких иных постов в Объединении [8. Р. 211]. Постепенно система аудита заняла прочное положение в институциональной системе ЕОУС, на последующих стадиях европейской интеграции превратившись в одну из основных наднациональных структур, на современном этапе известную под названием Палаты аудиторов (она же Европейская счетная палата) [5].

Завершая общую характеристику институциональной архитектуры ЕОУС, представляется важным рассмотреть вопрос выбора официального языка данной интеграционной группы. Изначально в качестве официальных рабочих языков институтов Объединения были выбраны французский, немецкий, итальянский и голландский, что не только требовало значительных финансовых затрат на целый аппарат переводчиков, но также вызывало очевидные неудобства в вопросах делопроизводства и документооборота. Приведем несколько красноречивых примеров. Так, к началу 1953 г. из 280 служащих ВРО 60 занимались исключительно письменным и устным переводом [9. Р. 108]; только для письменного перевода на четыре языка дебатов четырехдневной сессии Общей Ассамблеи за один месяц требовались усилия 70 переводчиков [8. Р. 164]. Неизбежно возникавшие разночтения,

а также происходившие ошибки ставили перед Объединением весьма актуальную задачу. Тем не менее, окончательное решение по этому вопросу затянулось на несколько лет.

Некоторых представителей Ассамблеи волновал вопрос использования английского языка. Впервые он возник в 1953 г., при заключении между ВРО ЕОУС и США соглашения о займе, поскольку текст соглашения был составлен только на английском языке. Французский представитель выразил свое недовольство тем, что не был использован традиционный язык дипломатии. В ответ ВРО заметил, что было бы очень затруднительно подготовить детальное соглашение на всех четырех рабочих языках Объединения [8. Р. 327-333]. Менее чем через год, в мае 1954 г., были внесены и изменения в регламент работы Ассамблеи: в случае необходимости стало возможным публиковать тексты выступлений и документы на других, кроме всех официальных, языках, например, лишь на английском [13. Art. 20]. Вскоре официальное издание Объединения «Official Gazette» стало выходить на английском языке [12], тем самым закрепив статус этого языка в качестве основного в области международных отношений и внешней политики.

Таким образом, в первом интеграционном проекте, созданном основными странами Западной Европы, возникла достаточно стройная институциональная архитектура, эффективность работы которой выдержала серьезную проверку в ходе повседневного функционирования ЕОУС. Несомненно, воплощение на практике положений Парижского договора 1951 г. зависело не только от доброй воли государств-участников проекта, но и от работоспособности институтов Объединения, их умения согласованно и гармонично преодолевать вызовы, возникавшие на пути строительства единой Европы, первым шагом к которой стало создание и успешная деятельность Европейского объединения угля и стали.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) В оригинальном тексте декларации высший орган предполагаемого объединения назван «Haute Autorité» – «Верховная власть», и с этим названием он вошел в текст учредительного договора. Однако в русском переводе текста договора данный институт назван «Высший руководящий орган» // <https://www.robert-schuman.eu/ru/doc/questions-d-europe/qe-391-ru.pdf>), такое же наименование традиционно вошло в обиход в русскоязычной научной литературе. В этой связи представляется верным использовать данную формулировку и в тексте настоящей работы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Гехт А.Б., Потапенко Т.Г., Неровный А.В. На пути к единой Европе: из истории образования Европейского объединения угля и стали // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 2 (59).

2. *Adenauer K.* Memoires 1945-1953. Paris, 1965.
3. Communauté Européenne du Charbon et de l'Acier (CECA). Etat provisionnel general pour l'exercice. 1954-1955.
4. *Duchene Fr. Jean Monnet.* The first Statesman of Interdependence. London, 1994.
5. European court of auditors // <https://www.eca.europa.eu/en/Pages/ecade-fault.aspx>.
6. ECSC. High Authority. Bulletin Statistique. Luxembourg, 1953-1957.
7. Jean Monnet: The Path to European Unity / Ed by D. Brinkley and C. Hackett. London, 1991.
8. Journal Officiel de la Communauté Européenne du Charbon et de L'acier. 1953.
9. *Haas E.B.* The Uniting of Europe. Political. Social and Economical Forces 1950-1957. London, Ltd, 1958.
10. *Mason H.L.* The European Coal and Steel Community. The Hague, 1955.
11. *Monnet J.* Memoires. London, 1978.
12. Official Gazette. 1954.
13. Treaty Establishing the ECSC // <https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/ceca/sign>.
14. *Valentine D.G.* The Court of Justice of the European Coal and Steel Community. The Hague, 1955.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ЕВРОСОЮЗА В УСЛОВИЯХ «ЗЕЛЕННОЙ СДЕЛКИ»

В представленной работе автор последовательно рассматривает варианты и формат так называемой «зеленой сделки», которая является частью энергетического сотрудничества ЕС и РФ, кроме того, представлены основные характеристики сотрудничества в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: Европейская «Зеленая Сделка», энергетическая политика Российской Федерации, энергетическая политика Европейского Союза, Энергетический союз ЕС, энергетическое сотрудничество России и ЕС.

O.A. SHIMATYUK

Academic Head of School Programs of the
Novosibirsk City Open College,
Novosibirsk, Russia

ENERGY COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION UNDER THE TERMS OF THE GREEN DEAL

In the article the author sequentially examines the main points of «Green Deal» which is the part of power-energy partnership between EU and Russia, besides, there are also main features of mid-term cooperation presented in the article.

Key words: European “Green deal”, energy policy of the Russian Federation, energy policy of the European Union, EU’s Energy Union, energy cooperation between Russia and EU.

Рассмотрение процессов энергетического сотрудничества на территории современной Европы принято относить к появлению и развитию Европейского общества угля и стали (ЕОУС) в 1952 г. Участниками данного объединения стали шесть государств – ФРГ, Франция, Италия, Бельгия, Люксембург и Нидерланды. В этот период лидеры западноевропейских

стран поддержали потенциальное объединение Европы «во имя достижения мира через развитие экономических связей» [5]. Направления сотрудничества также были выбраны не случайно, а определены путем развития специализации стран, географии и других характеристик пространства. (спатильная/пространственная экономика).

Для России Европейский Союз на различных этапах выступал как важнейший экспортер энергоресурсов, в частности, газа, что в итоге привело к формированию и оформлению так называемого «Энергетического диалога ЕС и России» [9]. По итогам сотрудничества в 2000-2010 гг. был принят документ «Энергетический диалог России и ЕС: первое десятилетие» [14]. Формат включал не только непосредственно торговлю энергоресурсами, но и элементы инвестиционного и инфраструктурного сотрудничества. В качестве же основной задачи для обеих сторон была определена «энергетическая безопасность» [14]. В качестве российской заинтересованности в европейских рынках можно отметить как емкость самих рынков, так и постоянный спрос, а также высокий уровень платежеспособности западноевропейских контрагентов [15]. В феврале 2011 года Европейская Комиссия и РФ договорились о создании долгосрочных механизмов взаимодействия по широкому кругу вопросов. В итоге в марте 2013 года появился документ, озаглавленный «дорожная карта» по развитию энергетического диалога, где были поставлены цели до 2050 года [16]. Кроме того, по итогам развития отношений был принят документ «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве ЕС и РФ» [17]. В частности, Протокол 1 был посвящен урегулированию сотрудничества и поставок стали и угля [18].

При характеристике европейского рынка можно выделить доминирование энергетических продуктов в импорте ЕС-27 (союз 27 европейских государств), что нашло отражение в 10 важнейших составляющих по импорту. С большим отрывом доминирует «сырая нефть» (crude oil) (63% общей стоимости всего объема импорта), далее – «сжиженный природный газ» (liquefied natural gas) (9%). Всего же на энергоресурсы приходится 74% общей суммы импорта [7].

Для России важность европейского направления и рынков отмечается в принятой на национальном уровне «Энергетической стратегии России на период до 2020 года» (в дальнейшем была продлена до 2035 года) [12]. В отношении европейских потребителей отмечается, в частности, что необходимы «стабильные отношения с традиционными потребителями», а также некоторые аспекты «кризиса» в двусторонних связях ЕС и РФ, а именно: «спад спроса, ужесточение конкуренции, трансформация модели ценообразования, неблагоприятное регулирование» [12; 19]. Предполагается более гибкое реагирование на широкий спектр новых угроз, в том числе «энергетической безопасности».

Кризисные явления связаны не только с потребителями в Западной Европе, но и со сменой модели развития, при которой зависимость экономики

от нефти и газа будет существенно сокращаться за счет так называемой «зеленой энергетики». Так, Евросоюз – крупнейший потребитель российских углеводородов – намерен уже в ближайшее время существенно сократить импорт нефти и газа.

11 декабря 2019 г. Европейская Комиссия представила так называемую «Европейскую Зеленую Сделку» – концепцию экономического роста, цель которой состоит в том, чтобы сделать Европу первым климатически нейтральным континентом (climate neutral continent) к 2050 году.

В самом общем виде «зеленая сделка» – это пакет мероприятий, который должен позволить европейским гражданам и предприятиям извлечь выгоду из «устойчивого зеленого перехода» (sustainable green transition), то есть перехода от концепции «устойчивого развития экономики» к концепции «зеленой экономики» [1. С. 96-107].

По сообщениям официальных лиц, представляющих Евросоюз, в декабре 2020 лидеры ЕС договорились ужесточить план по сокращению выбросов углекислого газа в атмосферу. Изначальный план предполагал, что к 2030 году выбросы парниковых газов должны упасть на 40% от уровня 1990 года [8].

Данные изменения были связаны, прежде всего, с изменением климата ухудшением состояния окружающей среды, что является реальной угрозой для Европы и всего мира. Чтобы противостоять этим вызовам, Европа нуждается в новой стратегии роста, которая превратит ЕС в современную, ресурсно-эффективную и конкурентноспособную экономику, где [9]:

- нет нулевых выбросов парниковых газов уже к 2050;
- прибыль от использования полезных ископаемых увеличивается в 2 раза;
- учитываются интересы человека и окружающей среды.

Европейская «Зеленая Сделка» это план создания устойчивой экономики в ЕС. Мы можем достичь этого, превратив климатические и экологические вызовы в возможности, и сделав переход комфортным для всех [9].

Европейская «Зеленая Сделка» включает в себя План:

- резко увеличить эффективное использование ресурсов через переход к чистой экономике замкнутого цикла;
- восстановить биоразнообразие и снизить уровень загрязнения.

План содержит информацию об объемах необходимых инвестиций и доступных финансовых инструментах. План поясняет, как обеспечить справедливый и плавный переход.

Цель ЕС – прийти к нейтральному климату к 2050. К рассмотрению предложено Европейское Климатическое Право, как документ, закрепляющий данное обязательство на уровне закона.

Достижение данной цели потребует всесторонней активности, включая:

- инвестиции в экологические технологии;
- поддержка инноваций в промышленности;

- запуск производства более чистого дешевого экологичного личного и общественного транспорта;
- декарбонизация энергетического сектора;
- обеспечение домов низким энергопотреблением;
- сотрудничество с международными партнерами для улучшения экологических стандартов [9].

ЕС будет обеспечивать финансовую и техническую поддержку на благо эффективного перехода к зеленой экономике. Это Механизм Справедливого перехода. Это позволит грамотно распределить порядка 100 миллиардов евро за период 2021-2027 в наиболее нуждающихся регионах [9].

Комиссия подсчитала, что для достижения обозначенных климатических и энергетических целей до 2030 г. потребуется 260 млрд евро дополнительных ежегодных инвестиций, что превышает и в полтора раза весь бюджет Евросоюза. Главная проблема – обеспечить социально справедливый переход к зеленой экономике. Для этого Европейский Комитет предлагает учредить финансовый механизм поддержки регионов, которым труднее перейти к климатически нейтральному режиму, в значительной степени зависящие от ископаемых видов топлива или от углеродоемких процессов [3].

Российский автор Т. Оганесян писал в этой связи, что «формально это подразумевает выход ЕС на нулевой уровень загрязнения окружающей среды, а по сути, проект направлен на тотальную декарбонизацию европейской экономики, то есть минимизацию промышленных и бытовых выбросов парниковых газов, прежде всего углекислого». План предусматривает принятие первого в истории общеевропейского закона о климате (Pan-European Climate Law), который может определить направление развития всей экономики ЕС на будущее. Проект закона о климате (по сути, новый Кодекс ЕС о климате) представлен разработчиками в марте 2020 г. Ожидается, что вместе с законом о климате будет также представлен проект Европейского климатического пакта (European Climate Pact (ECP)) [4].

Вице-президент Европейской Комиссии Ф. Тиммерманс, отвечающий за «Зеленую Сделку», 28 января 2020 г., на конференции в Брюсселе заявил, что «ее целью было начало общественных дискуссий по поводу предстоящего закона ЕС о климате», и что главная цель нового закона будет заключаться в том, чтобы «дисциплинировать каждого, особенно политическую сторону, чтобы выполнить это обещание климатической нейтральности к 2050 году» [20].

Также он подчеркнул, что принятие общеевропейского закона о климате – это уникальная возможность лидировать не только в Европе, но и в мире в сфере «зеленых» технологий, которые будут формировать мировую экономику будущего [20].

Говоря об экономике, нельзя не отметить достаточно резкую и однозначную негативную реакцию на «зеленую сделку» со стороны российских

политиков и бизнесменов. Высказывания были следующими: «Евросоюз готовится нанести серьезный удар по российским углеводородам и металлам. Речь идет о введении европейцами так называемого углеродного налога для всех импортных товаров» [10]. «Стало проявляться очень много беспокойства со стороны бизнеса, речь идет о давно ожидавшемся решении ЕС от 21 июня 2020 года... ЕС к 2023 году предполагает ввести углеродный налог на углеродоемкие производства. Будут введены определенные сборы. По различным оценкам, плата российских компаний в отсутствие национальной системы регулирования может составить от 6 до 50 миллиардов евро» [22]. «Пандемия не затормозила, а может быть, и подстегнула появление в ЕС нового углеродного налога на импорт. Он может обойтись российским нефтегазовым, угольным и металлургическим компаниям в миллиарды евро в год» [23]. С другой стороны, тот же «Коммерсант» отмечает, что внедрение «зеленого налога» будет способствовать модернизации промышленности, новым технологическим открытиям [23].

Начало реализации «сделки» планируется на 2022 год, а объявлено о переходе к новым вариантам регулирования было гораздо раньше, соответственно у российских производителей нефти и газа было и остается в запасе определенное время для изменения рыночной конъюнктуры. С другой стороны, в условиях сокращения прибылей возможно использование определенных механизмов политического и экономического давления на контрагента, что в свою очередь, может привести к долгосрочным негативным последствиям.

В Евросоюзе традиционно ставится вопрос о том, существует ли возможность ослабить зависимость от России в энергетике, заменив ее в качестве основного поставщика энергоресурсов. Для обеспечения снижения уровня зависимости развивается сотрудничество с широким кругом стран, от Катара до США. При этом объявленное сокращение импорта газа приведет к общему сокращению закупок. В качестве исследования по этому вопросу можно привести документ «Роль Трансевропейской газовой инфраструктуры в связи с целями по декарбонизации 2050 года» [21]. Ближайшие задачи по сокращению выбросов парниковых газов до 40% к 2030 году (по сравнению с 1990) увеличивают долю возобновляемых источников энергии в генерации до 27% [21].

При этом, как уже отмечалось сотрудничество России и Евросоюза в области энергетики в последние годы переживает период роста, несмотря на санкционное давление на некоторые инфраструктурные проекты, например, «Северный поток-2» с различных сторон, включая сами европейские государства. В ближайшей перспективе это объясняется особенностями внутреннего рынка газа в Европе, где спрос увеличивается, а собственная добыча снижается [6]. Кроме того, при наличии краткосрочных задач обеспечения ресурсами потребителей (рост экономики, холодная зима) увеличивается импорт газа.

Руководство российской компании «Газпром экспорт» придерживается позиции, что радикальные призывы европейских политиков и экоактивистов отказаться от какого-либо традиционного источника энергии могут привести только к дестабилизации мировой экономики. Несмотря на это, в случае успешной реализации положений «Зеленой Сделки» при достаточном финансировании «зеленых» индустрий в рамках преодоления последствий «коронакризиса» и бюджетной поддержки Россия в ближайшее десятилетие может столкнуться с последовательным сокращением своего газового присутствия в регионе [6].

По данным Международного энергетического агентства, к 2030 г. России нужно будет инвестировать около 1 трлн долл. В модернизацию электроэнергетики и нефтегазовой отрасли. Эксперты спрогнозировали, что к 2020 г. для поддержания конкурентоспособности топливно-энергетического комплекса России на внешнем рынке необходимо будет инвестировать в добывающее оборудование и новые технологии порядка 550-700 млрд долл. [11]. А привлечение зарубежных инвестиций осложняется в связи с санкциями в отношении России со стороны ЕС и США. Очевидно, что развитие российской газовой отрасли в рамках сотрудничества с Западными странами находится под угрозой.

Вторая проблема – колебания спроса на газ в странах Европы. Нестабильная экономическая динамика в ряде европейских стран вызывает периодическое сокращение объемов потребления газа и, следовательно, объемов импорта газа из России [2. С. 41-48]. Нестабильность спроса может происходить из-за использования западными странами альтернативных источников энергии и нетрадиционных видов природного газа, также это может быть связано с расширением каналов импорта газа.

В связи с тем, что развитие ТЭК не обеспечивает полного достижения целевых индикаторов и сохраняются проблемы в государственной энергетической политике, Правительством РФ было принято решение о корректировке Энергетической стратегии России и ее пролонгацией до 2035 года.

В тексте основных положений ЭС-2035 сообщается, что произошла существенная трансформация на мировых энергетических рынках, связанная с ориентацией ряда крупнейших импортеров на энергетическое самообеспечение. «Внутри страны снизились темпы экономического роста, в связи с чем главным приоритетом становится не количественное наращивание объемов производства ТЭК, а качественное обновление (модернизация) энергетического сектора страны» [12].

Это как раз перекликается с задачами, включенными в «Зеленую Сделку», а именно инвестиции в экологические технологии и поддержка инноваций в промышленности.

Настоящая Энергетическая Стратегия во многих пунктах схожа с ЭС-2030. Но все же имеется существенный ряд отличия. Например, в разделе

«Государственная энергетическая политика» – добавлен подраздел «Налоговая и таможенно-тарифная политика в энергетике», добавлен подраздел «Экологическая политика в энергетике». Подраздел «Социальная политика в энергетике» расширен и представлен в виде «Социальная политика и развитие человеческого капитала в энергетике» [12].

Это в свою очередь находит отражение в идеях «Зеленой сделки», в стратегии развития экономики ЕС, где ни человек, ни окружающая среда не остаются в стороне, что в свою очередь, является важно составляющей устойчивого развития государств.

Важное изменение прогнозируемого развития экономики и энергетики на мировом уровне состоит в том, что в ЭС-2035 по сравнению с ЭС-2030 гораздо более полно учитывается трансформация мировых энергетических рынков в посткризисный период. «Помимо традиционного количественного прогноза экспорта российских энергоресурсов, в ЭС-2035 учитываются также качественные тенденции технологической трансформации, эволюции механизмов ценообразования и регулирования на мировых энергетических рынках» [12].

Это находит отражение в перечне Плана «Зеленой Сделки» – резко увеличить эффективное использование ресурсов через переход к чистой экономике замкнутого цикла.

Важной идеей ЭС-2035 является переход к ресурсноинновационному развитию ТЭК. «Ориентир «экологическая безопасность энергетики», который рассматривается в ЭС-2030, в ЭС-2035 расширен до понятия «устойчивое развитие энергетики», включающее требования социальной ответственности, экологической безопасности и инновационного развития» [12].

Данный ориентир подчеркивает единое направление в области развития с Планом «Зеленой сделки», где мы можем видеть следующие формулировки: возобновить биоразнообразие и снизить уровень загрязнения, декарбонизация энергетического сектора, инвестиции в экологические технологии.

Одной из важных целей Стратегия демонстрирует создание инновационного и эффективного энергетического сектора страны для устойчивого роста экономики, улучшения качества жизни населения и укрепления внешнеэкономических позиций.

Данные цели находят отклик в формулировке основной идеи «Зеленой сделки», а именно, «климатические изменения и ухудшение состояния окружающей среды является реальной угрозой для Европы и всего мира... Европа нуждается в новой стратегии роста, которая превратит ЕС в современную, ресурсно-эффективную и конкурентноспособную экономику».

Также одной из ключевых целей Стратегии заявлено внедрение принципов устойчивого развития в управление энергетическими компаниями. «Основными стратегическими ориентирами Энергетической стратегии России на период до 2035 года должны стать энергетическая безопасность, энерге-

тическая эффективность, экономическая эффективность и устойчивое развитие энергетики» [12].

Сотрудничество России и европейских стран будет зависеть, прежде всего, от формирования благоприятного инвестиционного климата, технологического взаимодействия сторон. Также стоит отметить, что для перспективного сотрудничества в экономическом плане в целом, России необходимо разделять основные принципы и взгляды на развитие экономики со странами ЕС, как с ключевыми энергетическими партнерами. Приоритетной задачей является развитие полноценного сотрудничества со всеми странами-импортерами российского газа, особенно с ЕС. Рассмотрев аспекты, описанные в «Зеленой Сделке» и в измененной энергетической стратегии РФ ЭС-2035, а также предшествующие ей этапы развития сотрудничества, можно наблюдать позитивные изменения в планах развития. Большой акцент, по сравнению с ЭС-2030, ставится на вопросы экологических и технологических инноваций, на соблюдение принципов устойчивого развития, также поддерживается вопрос экологических налогов. Но пока это лишь теоретические, хотя и задокументированные изменения. На практике же, Россия может столкнуться с некоторыми сложностями в реализации поставленных целей, такими как недостаточное финансирование, которое неизбежно на фоне кризиса в связи с пандемией, а также сложности в механизме исполнения таких задач в рамках энергетических государственных корпораций РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ермакова Е.П.* О проекте общеевропейского закона о климате и проблемах нормативного регулирования «зеленого» финансирования в Европейском Союзе // Государство и право. 2020. № 5.

2. *Кавешников Н.Ю.* Европейский союз: экономический рост без роста энергопотребления? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 4.

3. *Кондратьева Н.* «Зеленый курс» региональной политики // Европейский союз: факты и комментарии. 2020.

4. *Оганесян Т.* Большая «зеленая» сделка ЕС // Вебсайт журнала STИмул. 17.12.2019 // <https://stimul.online/articles/sreda/bolshaya-zelenaya-sdelka-es/>.

5. *Смирнов Е.В.* «Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности».

6. *Смирнов Е.В.* Как гром среди ясного неба: перспективы развития энергетического сотрудничества России и Евросоюза в условиях принятия «Зеленой сделки» Урсулы фон дер Ляйен // «Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности».

7. https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Archive:Russia-EU_-_basic_statistical_indicators/ru&oldid=94786.

8. <https://www.finanz.ru/novosti/birzhevyye-tovary/evrosoyuz-dogovorilsya-radikalno-sokratit-zakupki-nefti-i-gaza-1029884385>.
9. https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en.
10. <https://vz.ru/economy/2020/8/26/1057079.html>.
11. <https://www.iea.org/articles/investment-estimates-for-2020-continue-to-point-to-a-record-slump-in-spending>.
12. <https://ac.gov.ru/files/content/1578/11-02-14-energostrategy-2035-pdf.pdf>.
13. https://ec.europa.eu/energy/topics/international-cooperation/key-partner-countries-and-regions/russia/eu-russia-energy-dialogue_en.
14. https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/2011_eu-russia_energy_relations.pdf.
15. <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/pdfscache/46126.pdf>.
16. https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/2013_03_eu_russia_roadmap_2050_signed.pdf.
17. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3A28010102_2.
18. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A21997A1128%2801%29>.
19. <http://docs.cntd.ru/document/901872984>.
20. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_20_144.
21. https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/revised_tasks_1_2_gas_infrastructure_2050_final_clean_2_oct_add.pdf.
22. https://1prime.ru/state_regulation/20201215/832587617.html.
23. <https://www.kommersant.ru/doc/4615793>.

НОВЫЙ АЛЬЯНС «США-ИЗРАИЛЬ-АРАБСКИЕ МОНАРХИИ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА» В РЕГИОНЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: ПРИЧИНЫ СБЛИЖЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Достигнутое соглашение между ОАЭ, Бахрейном и Израилем о нормализации отношений примечательно тем, что оно отражает новые реалии и изменение баланса сил в регионе Ближнего Востока и свидетельствует об усилении мощи стратегического союза США-Израиль-арабские государства Персидского залива в регионе. Цель данной статьи: проанализировать, кому и чем выгодно данное соглашение, и как сближение Израиля и Аравийских монархий может в дальнейшем повлиять на обстановку на Ближнем Востоке и мировую геополитику. Для достижения цели исследования были выделены и проанализированы интересы основных участников соглашения и оценены возможные последствия сближения между Аравийскими монархиями и Израилем в контексте Ближневосточного урегулирования, расстановки сил в регионе и с точки зрения мировой геополитики. Методологическая основа исследования включает: системно-структурный, формально-логический методы, а также цивилизационный анализ.

Автор пришел к выводу о том, что вовсе не арабо-израильское урегулирование движет сближившимися при посредничестве США монархиями Персидского залива и Израилем – каждая сторона руководствуется своими прагматическими интересами. В действительности сближение арабских государств Персидского залива с Израилем – это краткосрочная дипломатическая победа политических лидеров, которая в долгосрочной перспективе может только усугубить напряженность в регионе и подорвать авторитет монархий перед другими арабскими странами.

Ключевые слова: США, Израиль, ОАЭ, Бахрейн, Авраамский договор, палестино-израильский конфликт, геополитика, Ближний Восток.

N.G. ANTONOVA
*Lecturer, Department of Middle East Languages,
Moscow State Institute of International Relations
MGIMO-University,
Moscow, Russia*

NEW ALLIANCE “US-ISRAEL-ARAB MONARCHIES OF THE PERSIAN GULF” IN THE MIDDLE EAST: REASONS FOR CONVERGENCE AND IMPLICATIONS FOR REGIONAL GEOPOLITICS

The Israel-UAE-Bahrain normalization agreement reflects the changing balance of power in the Middle East and testifies to the strengthening of the power of the strategic alliance of the US-Israel-Arab the GCC states in the region. The purpose of this article is to analyze who benefits from this agreement and why, and how the rapprochement between Israel and the Arab monarchies can further affect the situation in the Middle East and world geopolitics. To achieve the aim of the study, the interests of the main parties to the agreement were identified and analyzed and the possible consequences of rapprochement between the Arabian monarchies and Israel in the context of the Middle East settlement, the balance of power in the region and from the point of view of world geopolitics were assessed.

The author came to the conclusion that it is not the Arab-Israeli settlement that drives the monarchies of the Persian Gulf and Israel that have come closer with the mediation of the United States – each political actor is guided by his own pragmatic interests. In fact, the rapprochement of the UAE and Bahrain with Israel is a short-term diplomatic victory of political leaders, which in the long term can only exacerbate tensions in the region and undermine the authority of monarchies over other Arab countries.

Key words: *USA, Israel, UAE, Bahrain, Abraham Accords Peace Agreement, Palestinian-Israeli conflict, geopolitics, Middle East.*

Израиль и государства Персидского залива исторически не находились в состоянии конфронтации – более того, на протяжении долгого времени подерживали неофициальные контакты. Кульминацией их сближения стало подписание исторического соглашения о нормализации отношений 15 сентября 2020 года, которое получило название «Авраамские соглашения» [14]. Так, это уже третий случай, когда арабские государства признают Израиль (ранее под нажимом США это сделали Египет в 1979 г. и Иордания в 1994 г.).

На этот раз одним из условий соглашения со стороны ОАЭ явилась временная приостановка Израилем аннексии Палестинских территорий на За-

падном берегу Иордана. Что это – новая веха в истории урегулирования арабо-израильского конфликта или очередные политические игры США, Израиля и государств Персидского залива? Кто на самом деле заинтересован в сближении Аравийских монархий и Израиля и почему?

Обращаясь к деталям соглашения, Израиль берет на себя обязательство не провозглашать суверенитета над частью территорий Западного берега реки Иордан (здесь и далее ЗБРИ), которые палестинцы видят в составе своего будущего государства. Однако несмотря на то, Израиль приостанавливает свои планы по аннексии ЗБРИ, как заявил премьер-министр Б. Нетаньяху, государство не отказывается от своих претензий на Западный берег р.Иордана, а лишь откладывает планы по аннексии, которые были предусмотрены в «Сделке века» Д.Трампа (2017 г.) [15].

По сути, под проектом мирного урегулирования на Ближнем Востоке, предложенным Д. Трампом, подразумевалась аннексия Израилем территорий ЗБРИ, в том числе Иорданской долины, которую Израиль оккупирует с 1967 года [6]. Палестинская сторона протестует против этого плана, так как он лишает палестинцев права на те территории, которые предусмотрены соответствующими резолюциями ООН [9]. Однако после международного осуждения планов аннексии США и Израиль выбрали новую стратегию. Так, в результате дипломатических усилий Д. Трампа стало возможным достижение нормализации отношений между Израилем и двумя арабскими государствами – ОАЭ и Бахрейном (позднее к ним присоединились Судан и Марокко). И хотя ОАЭ утверждают, что смогли получить уступки для палестинцев, в действительности аннексия земель была не отменена, а лишь отложена.

По сути, данное соглашение не может полностью урегулировать застарелый конфликт, но лишь дает отсрочку палестинцам, чтобы те пересмотрели свою политику в отношении поселений на ЗБРИ. Реакция палестинцев на мирное соглашение была крайне гневной – так, в официальном заявлении президент страны Махмуд Аббас заявил, что «Палестинское руководство рассматривает этот шаг в качестве попытки подорвать арабскую мирную инициативу и решения Лиги Арабских Государств (ЛАГ), этот шаг также является агрессией против палестинского народа» [8]. Палестинское руководство подчеркивает, что ни ОАЭ, ни любая другая сторона не имеют права говорить от имени палестинского народа и единственным законным представителем палестинцев является Организация Освобождения Палестины (ООП).

В свою очередь, для Израиля это первое соглашение с арабским государством, которое прямо не связывает его с урегулированием израильско-палестинского конфликта. И в соглашениях между Израилем и Египтом, и между Израилем и Иорданией эта связь была установлена, хотя на практике на Израиль оказывалось мало давления с целью прекращения оккупа-

ции палестинских территорий. В сделке между Израилем и ОАЭ это упоминается только как услуга за согласие ОАЭ на нормализацию отношений с Израилем.

Так каким образом временная приостановка аннексии палестинских территорий на Западном берегу Иордана, названная Д. Трампом «дипломатической уступкой» со стороны Израиля может способствовать арабо-израильскому урегулированию, если обе стороны конфликта по-прежнему придерживаются своих принципиальных позиций, а сама сделка явно носит произраильский характер?

Если говорить в общем, то у данного соглашения есть одно большое преимущество – это его позитивное влияние на безопасность в регионе Ближнего Востока, а именно уменьшение напряженности ввиду снятия перспективы односторонней аннексии Израилем поселений на ЗБРИ в ближайшем будущем. Подобная заморозка аннексии дает дополнительное время для достижения мирного урегулирования. Но остается открытым вопрос, на чьих условиях это произойдет и каковы гарантии, что Израиль не сорвет данную сделку.

Между тем Израиль оккупирует Западный берег и Восточный Иерусалим более 50 лет. Вмешательство США, ОАЭ и Бахрейна в этот вопрос также демонстрирует прагматичное игнорирование интересов Палестины, несмотря на заявления лидеров об обратном, ведь ее не включили в качестве участника переговоров, и в тексте соглашения ничего не говорится о палестинском вопросе.

Многие аналитики утверждают, что соглашение о нормализации – это политическая игра, в которой больше всего теряет Палестина. Большинство местного населения уже давно осознает, что ни одно из арабских государств на самом деле не заинтересовано в изменении ситуации на Западном берегу, ведь каждый руководствуется своими интересами и выгодами. Единственный вариант, доступный для палестинцев, – это работать над достижением цели создания единого демократического государства на земле между рекой Иордан и Средиземным морем, которое способно гарантировать равные права для всех его жителей [16]. «Авраамские соглашения» по сути, подстегивают палестинцев к заключению подобной сделки, чтобы они не оказались в еще большей изоляции в своем противостоянии с Израилем. Палестино-израильский конфликт уже давно зашел в тупик, и в ближайшем обозримом будущем реальных перспектив его мирного урегулирования нет [1].

Кому выгодно сближение Израиля с Аравийскими монархиями?

Израиль. Израиль безусловно больше выигрывает от нормализации отношений с арабскими странами, чем проигрывает. Премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху считает соглашение своей личной политической победой в контексте палестино-израильского конфликта. По сути, ничего не отдавая взамен, он добился признания сразу несколькими странами государства Из-

раиль, а также роста легитимности и авторитета премьера. Нетаньяху удалось выйти из ситуации со «сделкой века», предусматривающей аннексию ЗБРИ, когда на него обрушилась негативная реакция общественности, «обменять мир на мир», а вопросы незаконных поселений, статуса Иерусалима, оккупированных территорий и прав палестинцев оставить за скобками. С помощью сближения с арабскими государствами и предоставления им уступок, Нетаньяху надеялся заручиться политической поддержкой народа в трудный для него период: премьера обвиняют в коррупции и неумелой борьбе с пандемией коронавируса в Израиле. Премьер-министр верит в стратегию, которая впервые была описана в 1920-х годах как «железная стена». Ее идея состоит в том, что власть Израиля в конечном итоге заставит арабов понять, что их единственный выход – признать его существование. Израильяне не любят изоляцию на Ближнем Востоке, а мир с Египтом и Иорданией никогда не был теплым. Возможно, на этот раз они более оптимистичны в отношении будущих связей со странами Персидского залива.

Еще одно большое преимущество для Израиля в сближении с арабскими странами – усиление коалиции против Ирана. Нетаньяху видит в Иране главного врага Израиля и заинтересован в противостоянии ему совместно с Аравийскими монархиями.

Также стоит отметить, что ОАЭ, наряду с Суданом и Марокко, которые позже присоединились к Авраамовым соглашениям с Израилем, относятся к «новой периферии» – странам, способным обойти, уравновесить и сдерживать радикальных исламских акторов, окружающих Израиль, и поэтому Израилю в интересах национальной безопасности данное сближение очень выгодно [4].

Кроме вопросов безопасности, в интересах Израиля и арабских государств наращивать торговлю и экономическое сотрудничество. На сегодняшний день ОАЭ и Израиль уже подписали соглашения об отмене визового режима, защите инвестиций, научно-техническом сотрудничестве и налаживании авиасообщения. Все это говорит в пользу планомерного развития плодотворного сотрудничества между государствами [2].

США. «Авраамовы соглашения» считаются в США крупной дипломатической победой Д. Трампа, а его самого общественность видит в качестве главного миротворца на Ближнем Востоке.

Бесспорно, историческое мирное соглашение Израиля, ОАЭ и Бахрейна демонстрирует успехи Дональда Трампа в ближневосточной политике, ведь оно объединяет ключевых партнеров Америки в регионе и способно придать динамику застарелому арабо-израильскому конфликту. Это первый шаг по созданию Стратегического Альянса Ближнего Востока, который должен объединить Израиль и арабские государства с целью стабилизации положения в регионе. Среди целей такого перспективного союза Д. Трамп отмечает продвижение экономической интеграции, предотвращение регио-

нальных конфликтов и гуманитарных кризисов, борьба с международным исламским терроризмом и сдерживание Ирана.

По факту, содействуя сближению Израиля и ОАЭ, администрация Д. Трампа стремится реализовать идею создания гибкого проамериканского регионального блока (так называемого «ближневосточного НАТО»), которому можно будет делегировать ответственность за стабилизацию Ближнего Востока и часть функций глобального полицейского под интересы и потребности США, в том числе противодействие соперникам, таким как Турция или Иран, и их сдерживание. Некоторые эксперты утверждают, что настроенная против Ирана администрация Д. Трампа в своем политическом курсе обращает внимание преимущественно на суннитскую часть арабского мира [12].

Для Д. Трампа основным препятствием на пути оформления нового регионального проамериканского альянса, состоящего из союзников США – аравийских монархий, Израиля, Египта, Иордании и, возможно, Судана и Ирака, остается вражда между арабами и евреями из-за «палестинского вопроса». С точки зрения Вашингтона, нормализация в отношениях между ОАЭ, Бахрейном и Израилем должна заложить прецедент, служить примером для подражания, которому должны последовать все остальные арабские страны [5].

Кроме координации союзников США по Ближнему Востоку нормализация отношений Израиля и арабских государств выгодно США с тем, чтобы с их помощью иметь больше влияния на этот регион. Во-вторых, образ миротворца нужен был Трампу для того, чтобы заручиться поддержкой произраильского американского электората на президентских выборах 3 ноября 2020 года. В-третьих, стратегический союз «США-Аравийские монархии-Израиль» поможет укрепить оппозицию региональной силе Ирана, которую стороны рассматривают как одну из главных угроз дестабилизации на Ближнем Востоке, и ослабить его влияние.

Также в планах США и Израиля установление монополии на поставки вооружений на ближневосточном направлении, не допуская конкуренции со стороны России и Китая. ОАЭ послужили своего рода тестовой площадкой, так как являются партнером обеих стран в области закупок современного оружия. Формально поставки вооружений ОАЭ не имеют отношения к нормализации отношений между Эмиратами и Израилем. Однако три главные составляющие американской инициативы тесно связаны друг с другом: отсрочка израильской аннексии в Иудее и Самарии, сделка по продаже вооружений, и нормализация отношений с ОАЭ.

Тем не менее, не только оружие будет связующим звеном между странами. Израиль теперь получит открытый доступ к арабской нефти, которая нужна для поддержки промышленности. Более того, при помощи ОАЭ и Бахрейна Израиль сможет заключать сделки с другими арабскими и му-

сульманскими странами, в том числе и теми, которые не признают государство Израиль.

ОАЭ, Бахрейн. Для ОАЭ и Бахрейна нормализация отношений с Израилем – это всего лишь соглашение о взаимопонимании и партнерстве.

ОАЭ гордятся тем, что получили уступку со стороны Израиля об «отказе» последнего от планов по аннексии палестинских земель на ЗБРИ. В такой интерпретации действия Аравийских монархий выглядят не как «предательство» палестинцев, а являются свидетельством проявленного неравнодушия к судьбе Палестины.

Нельзя сказать, что ОАЭ и Бахрейн – предатели, как их обвинили во многих арабских странах, подразумевая нарушение общеарабского консенсуса 1967 года относительно табу на сотрудничество с Израилем из-за палестино-израильского конфликта. Все-таки первыми нарушили этот консенсус не ОАЭ, а Египет и Иордания, когда подписали мирный договор с Израилем в 1978 и 1994 годах соответственно [10].

И хотя ОАЭ заявили, что останутся решительными сторонниками палестинского народа, который надеется создать независимое государство на оккупированном Западном берегу, в секторе Газа и Восточном Иерусалиме, по сути, они выбрали свою сторону. И уступка со стороны Израиля о временном приостановлении аннексии не дает никаких гарантий мирного урегулирования и может быть сорвана в любой момент. Представляется, что данная уступка ОАЭ сделана с целью помочь этому государству сохранить лицо в арабском мире.

Нормализация отношений с Израилем для ОАЭ и Бахрейна – это скорее не мирное соглашение, а деловая сделка, ведь, по сути, эти государства никогда не находились в конфликте – ОАЭ просто не устанавливали дипломатических отношений с Израилем в знак солидарности с другими арабскими странами в отношении палестинского вопроса. Обе стороны, у которых нет официальных отношений, имеют общие угрозы, будь то терроризм или региональная политика Ирана, и готовы совместно бороться с ними. Государства скромно сотрудничали в вопросах безопасности с 1960-х годов, когда Израиль оказал военную помощь дружественным Саудовской Аравии группировкам в гражданской войне 1962-1970 годов в Йемене. В 2018 году США, Израиль и ОАЭ провели совместные военные учения в Греции. Лидеры Израиля и арабских стран Персидского залива также вели переговоры как в публичном, так и в частном порядке, в том числе в 2018 году, когда Б.Нетаньяху посетил Оман.

Стоит отдельно отметить, что заключение соглашения с Израилем отражает новую геополитическую роль ОАЭ в Персидском заливе. Совсем недавно Эмираты продемонстрировали своим частичным уходом из Йемена в 2019 году, что они способны проводить более независимый курс в отношении Саудовской Аравии и ее позиции в регионе Персидского залива

только укрепляются и сейчас продолжает это делать, будучи первой из арабских стран, кто подписал «Авраамские соглашения». Более того, укрепление отношений с Израилем отвечает приоритетам внешней политики ОАЭ, важнейшим из которых является противодействие иранской экспансии на Ближнем Востоке [17], особенно учитывая наличие у ОАЭ территориальных претензии к Ирану по поводу принадлежностей островов Абу-Муса, Большого и Малого Тунба. Иными словами, решение Эмиратов показывает попытку геополитического моделирования без конфронтаций, на основе собственных национальных интересов.

С другой стороны, для ОАЭ сближение с Израилем – это страховка от предполагаемых планов Ирана по доминированию в регионе. ОАЭ и большинство других членов Совета Сотрудничества Арабских Государств Персидского Залива (ССАГПЗ) теперь воспринимают Израиль как своего «защитника» от Ирана, потому что они не уверены, помогут ли США с их режимом сокращения расходов в случае столкновения с ИРИ. Нежелание США поддерживать Саудовскую Аравию материально, когда в сентябре 2019 года силы, поддерживаемые Ираном, нанесли ракетные и беспилотные удары по ее нефтяным объектам, было явным свидетельством нежелания Вашингтона втягиваться в конфликт с Ираном ради своих союзников из Персидского залива.

Последствия. Стоит признать, что соглашение Израиля с ОАЭ и Бахрейном действительно наносит удар по общеарабскому консенсусу и по деятельности ЛАГ, которая была призвана стать площадкой, где могла формироваться консолидированная общеарабская региональная повестка. Фактически, впервые заключается соглашение «мир в обмен на мир», а не «мир в обмен на территории». Это окончательно подорвет «принцип двух государств», который был заложен в основу урегулирования палестино-израильского конфликта, и сведет на нет Арабскую мирную инициативу 2002 года. Такие региональные организации, как ЛАГ, окончательно потеряют влияние и перестанут генерировать инициативы, принимаемые сторонами.

Очевидно, что больше всего от соглашения проигрывают палестинцы – их не пригласили участвовать в переговорах и даже не упомянули в тексте соглашения. Для Палестины сближение ОАЭ и Бахрейна с Израилем расценивается как предательство не только со стороны Аравийских монархий, но и арабского сообщества в целом. Их променяли на отмену плана, который существовал в теории, но так и не был реализован или начат на практике в юридической плоскости. По сути, Б. Нетаньяху на словах отказался от того, чего еще не существовало, а взамен – смог ударить по арабскому единству и сущности палестинского вопроса. Такое развитие событий может в скором времени привести к радикализации большого количества молодых людей, недовольных обстановкой на родине и потерявших доверие к способности своих лидеров повлиять на будущее страны.

Представляется, что соглашение о нормализации между ОАЭ, Бахрейном и Израилем не ставит своей целью установить долгосрочный мир. Скорее,

все иначе: оно способно привести к эскалации, так как сужает поле для дипломатических мирных переговоров между израильтянами и палестинцами. К тому же Израиль продемонстрировал, что может иметь полноценные отношения с арабскими государствами, не делая никаких практических послаблений по «палестинскому вопросу» и, по-видимому, не готов идти на них для нормализации отношений с другими арабскими странами. Авраамские соглашения заложили мощный прецедент для ближневосточного мирного процесса, обесценив принципы мирных переговоров, закрепленные после 1967 года в соответствующих резолюциях ООН и многочисленных инициативах. Израильтяне осознают, что по факту продолжающаяся оккупация палестинских территорий никакого вреда не несет, и данный факт только уменьшает влияние дипломатии в ближневосточном урегулировании и увеличивает риск вооруженного противостояния, если другие варианты развития событий будут исчерпаны.

Следующим стратегическим последствием нормализации отношений станет дальнейший подрыв доверия населения к арабским правителям, которые имеют противоположные позиции по вопросу арабо-израильской нормализации. Вряд ли эта проблема будет преобладать в повестке многих государств, однако диссонанс, когда элиты и население мыслят по-разному, приводит к росту народного раздражения собственным правящим классом, кризис которых явно просматривается на Ближнем Востоке, прежде всего в таких странах, как Египет, Ливан, Иордания, Ирак и др.

Кроме того, нормализация является важнейшей составляющей амбициозной геополитической стратегии ОАЭ, которая заключается в резком усилении своих позиций в Персидском заливе и на всем Ближнем Востоке, проведении более самостоятельного курса, ведь именно они первыми в Персидском заливе подписали соглашение о нормализации отношений с Израилем, а не ведущий политический игрок в субрегионе Саудовская Аравия.

Сближение двух Аравийских монархий и Израиля вряд ли повлечет за собой быстрое безоговорочное признание последнего всеми остальными арабскими государствами. И несмотря на то, что Судан и Марокко уже последовали за ОАЭ и Бахрейном и также подписали Авраамовы соглашения, для многих арабских стран нормализация отношений с Израилем – это по-прежнему болезненный политический вопрос, остальные же думают, в обмен на какие уступки они будут готовы пойти на данный шаг.

Таким образом, ожидать полной нормализации отношений арабского мира и Израиля в скором времени не стоит. Ключевым вопросом является то, какими будут условия этих сделок, ведь на сегодняшний день ни одна арабская страна не подписала Авраамские соглашения просто так – ОАЭ и Бахрейн добились приостановки израильской аннексии ЗБРИ; Судан исключили из списка стран-спонсоров терроризма; а в случае с Марокко США признали его права на спорную территорию Западной Сахары.

Кроме того, смена власти в США и приход демократов в Белый дом может в корне изменить американскую внешнеполитическую стратегию на ближневосточном направлении, в частности, за счет нормализации отношений с Ираном, ведь Байден и его советники жестко критикуют «стратегию максимального давления» Трампа, которую тот развернул против Ирана после одностороннего выхода Штатов из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) в мае 2018 года [7]. Система отношений и баланс сил в регионе Ближнего Востока также будет меняться, ведь возможное потепление в отношениях с Ираном приведет к ослаблению антииранских санкций, а это в свою очередь позволит Тегерану начать наращивать свои финансовые ресурсы, становиться сильнее в том числе и в военно-политическом плане [11].

Следующий пункт – американо-израильские отношения. Они никогда не существовали в вакууме и всегда являлись частью более широкой региональной стратегии, а на протяжении 8 лет до прихода к власти в США Д.Трампа претерпевали период ухудшения [3]. С приходом демократов к власти в США, безоговорочная поддержка Израиля может быть уменьшена, но вряд ли сведена на нет, ведь Израиль был и остается важнейшим стратегическим партнером США в регионе.

Но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что достижение соглашений о нормализации отношений между Израилем и арабскими странами является важным этапом при переходе к новому региональному порядку, характерной особенностью которого является ослабление традиционных глобальных игроков таких, как США, ЕС, РФ, и подъем регионализма, восхождение новых центров влияния, которых необходимо сдерживать или интегрировать в новые региональные коалиции.

Что касается ОАЭ и Саудовской Аравии, то они делают ставку на формирование сильного регионального альянса, направленного против Ирана и всех, кого они считают угрозой (например, Турцию). Это тем более необходимо на фоне самоустранения США от региональных процессов в рамках стратегии «достаточного присутствия» на Ближнем Востоке [13] и желания Вашингтона передать часть своих полицейских функций гибким региональным коалициям. И хотя остальные государства Персидского залива еще не последовали примеру ОАЭ, Бахрейна и ряда арабских государств Северной Африки (Судан, Марокко), в их стремлении укреплять региональный альянс для противодействия Ирану, снижению зависимости от поддержки США, борьбе с терроризмом и общими угрозами ожидается, что еще несколько арабских стран (скорее всего, входящих в состав ССАГПЗ) заявят о нормализации отношений с Израилем, видя в нем реального партнера и весомого политического и экономического игрока в регионе Ближнего Востока.

Таким образом, нормализация отношений арабских государств с Израилем является важным этапом при переходе к новому региональному поряд-

ку и отражает нынешнюю геополитическую реальность Ближнего Востока, будь то новая геополитическая стратегия ОАЭ в регионе и мире, постепенный переход к постамериканскому порядку на Ближнем Востоке, формирование новых региональных альянсов и изменение архитектуры безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Григорян Д.К., Кондратенко Е.Н., Фарапонова Т.К. Роль мировых элит в урегулировании палестино-израильского конфликта: современный период // Власть. 2020. № 5.

2. Израиль и ОАЭ договорились о практическом сотрудничестве // <https://ru.euronews.com/2020/10/20/uae-and-israel-agreement>.

3. Карасова Т.А. Новая страница в израильско-американских отношениях. Д. Трамп: ожидания, надежды и опасения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 2.

4. Костенко Ю.И. «Новая периферия» как фактор укрепления израильских позиций на Ближнем востоке // Вестник МГИМО. 2016. № 2 (47).

5. Кушнер: все арабские государства должны признать Израиль // <https://cursorinfo.co.il/israel-news/kushner-vse-arabskie-gosudarstva-dolzheny-priznat-izrail/>.

6. Крылов А.В., Федорченко А.В., Шуминов Н.З. «План Трампа» по урегулированию палестино-израильского конфликта // Вестник МГИМО. 2020. № 5 (74).

7. Ната'иджу ль-интихабати ль-амрикийя: кейфа сатагахайяру ссияса ль-хариджийя ль-амрикийя фи ьахд байден [Результаты выборов в США: как изменится внешняя политика США при Байдене?] // <https://www.bbc.com/arabic/world-54867152>. (In Arabic).

8. Палестина отреагировала на соглашение Израйля, ОАЭ и США // <https://lenta.ru/news/2020/08/13/pales/>.

9. Пеньков В.Ф., Алфедейлат Ф. «Сделка века»: возможные сценарии будущего политического режима палестинского государства // Мировая политика. 2020. № 1.

10. Татбиъу ьалякат исра'иль ма'а ль-имарат ва ль-бахрейн: хамсат асбаб тудыху ахаммията ль-хутва т-тарихийа [Нормализация отношений Израйля с ОАЭ и Бахрейном: пять причин объясняют важность исторического шага] // <https://www.bbc.com/arabic/middleeast-54156494>. (In Arabic).

11. Тахлилль... ман йаастафиду мин иттифаки ль-имарат ва ль-бахрейн ма'а исра'иль [Анализ ... Кому выгодно соглашение ОАЭ и Бахрейна с Израилем, и как это произошло?] // <https://arabic.cnn.com/middle-east/article/2020/09/15/israel-uae-bahrain-white-house-analysis>. (in Arabic).

12. Ханалиев Н.У. Особенности американо-иранских отношений на современном этапе // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2020. № 1.

13. *Хлопов О.А.* Внешняя политика США на Ближнем Востоке: традиции и возможные изменения // Наука без границ. 2019. № 10 (38).

14. Full text of the Abraham Accords and agreements between Israel and the United Arab Emirates/Bahrain // <https://edition.cnn.com/2020/09/15/politics/israel-uae-abraham-accords-documents/index.html>.

15. Israel signs accords with United Arab Emirates and Bahrain at White House ceremony // <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2020/09/15/israel-sign-deal-uae-bahrain-white-house/5801873002/>.

16. The reality behind the Israel-UAE agreement // https://www.washingtonpost.com/opinions/letters-to-the-editor/the-reality-behind-the-israel-uae-agreement/2020/08/19/3bc57676-e0bd-11ea-82d8-5e55d47e90ca_story.html.

17. *Wood G.* Why the UAE Made Peace with Israel // <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/08/why-uae-made-peace-israel/615247/>.

АРКТИКА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ЛЕЙТМОТИВ СОПЕРНИЧЕСТВА В РЕГИОНЕ

В представленной статье автор выявляет и анализирует особенности внешней политики современных государств в Арктике в первой четверти XXI века. Особое внимание уделяется рассмотрению ключевых факторов, способствовавших становлению Арктического региона в качестве нового и глобального пункта мировой арены. Подчеркивается, что Арктика становится не только предметом интереса большого числа международных акторов, но и аккумулирует в себе элементы конфронтации и милитаризации, превращаясь в поле противоборства и соперничества. Обострение геополитических противоречий, обусловленных военно-политическими, экономическими и территориальными проблемами, формирует качественно новую ситуацию в сфере обеспечения национальной, региональной и международной безопасности.

Ключевые слова: *Арктика, безопасность, соперничество.*

I.A. ARZHANOV

*International relations and integration processes
department, faculty of political science, PhD student,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

THE ARCTIC IN THE SYSTEM OF MODERN INTERNATIONAL RELATIONS: THE LEITMOTIF OF RIVALRY IN THE REGION

In this article, the author identifies and analyzes the features of the foreign policy of modern states in the Arctic in the first quarter of the XXI century. Moreover, special attention is paid to considering the key factors that contributed to the formation of the Arctic region as a new and global point of the world

politics. It is emphasized that the Arctic is becoming not only the subject of interest of a large number of international actors, but is also turning into a field of global confrontation. The article highlights that the aggravation of geopolitical contradictions, primarily caused by military-political, economic and territorial problems, creates a qualitatively new situation in the sphere of ensuring national, regional and international security.

Key words: *Arctic, security, competition.*

Арктический регион с начала XXI в. привлекает большое внимание со стороны ведущих стран мира. Его ценность для международных акторов определяется несколькими факторами.

Во-первых, в Арктике содержатся значительные месторождения природных ресурсов [18]. По оценкам экспертов, в регионе находятся 10-13% неразведанных запасов мировой нефти и 30% – газа [7. С. 62]. Растущая потребность в энергоресурсах побуждает арктические государства обеспечить свои права на потенциально богатые территории.

Во-вторых, чрезвычайно перспективным является освоение северных морских путей (Северного – вдоль побережья Евразии и Северо-Западного – вдоль побережья Северной Америки), которое несет в себе экономические выгоды. Например, Северный морской путь существенно экономит ресурсы для кораблей (до 40% пути), которые направляются в Европу из Восточной Азии. Изменения климата вследствие эффекта глобального потепления делают путь более безопасным и удобным. Вскоре можно ожидать, что навигация по маршрутам будет доступна в течение большей части года. Это существенно повысит как коммерческое, так и стратегическое значение региона.

В-третьих, более прибыльным становится рыбный промысел в регионе, активизация которого стала побочным следствием климатических изменений.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [2; 3; 8; 11; 12; 13; 15; 17].

Однако проблему обострения геополитических противоречий вокруг Арктики нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Арктика становится полем столкновения интересов многих международных акторов. Прежде всего, речь идет о пятерке арктических стран: Россия, США, Канада, Норвегия, Дания, которые имеют прямой выход к полярным территориям. Северный вектор внешней политики не менее важен для таких приарктических государств, как Швеция, Финляндия и Норвегия [10. С. 45].

Включение новых участников в «арктическую игру», переосмысление ценности Арктического региона сверхдержавами, ажиотаж вокруг темы

«глобального потепления» вызвали нарастание взаимных военных угроз, обострение территориальных противоречий.

Сложно найти точку бифуркации, когда регион начал тяготеть к милитаристским тенденциям. В 2007 г. западная пресса писала о состоявшейся экспедиции России в Арктике. Год связывают с началом нового противостояния. Был возрожден символизм XX в. по Северному полюсу, когда люди рисковали жизнями ради заветной географической точки [6. С. 53]. Он сочетался с перспективой контроля над подземными природными ресурсами, такими как нефть и газ. Возвращение России в регион вызвало серьезный протест со стороны стран-членов НАТО: было организовано перманентное наблюдение при содействии ВВС Альянса.

Юридический статус Арктики является краеугольным камнем в отношениях между заинтересованными государствами. На основании имеющегося правового инструментария можно определить две группы.

К первой принадлежит Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. С точки зрения применения ее принципов, наибольшего внимания заслуживает статус исключительных морских экономических зон и возможности их расширения согласно геологическим особенностям структуры континентального шельфа. Инициатива расширения может быть предложена в течение десятилетнего периода после ратификации документа. Норвегия, Россия, Канада и Дания уже использовали это право.

Во второй группе стоит упомянуть Илулиссатскую декларацию 2008 г. Она была принята Данией, Норвегией, Канадой, США и Российской Федерацией, где стороны подтвердили готовность решать спорные вопросы путем переговоров и развивать сотрудничество в важнейших отраслях.

Значимым элементом международных отношений в регионе и площадкой для разрешения споров является созданный в 1996 г. Арктический совет. Полноправными его членами являются страны, имеющие территории в регионе: Канада, Дания, Финляндия, Норвегия, Швеция, Исландия, США и Российская Федерация. Роль Совета постепенно увеличивается, о чем явно свидетельствует желание ведущих стран мира или отдельных интеграционных образований присоединиться к его работе в качестве наблюдателей.

Важным полем для переговоров является формат «Арктической пятерки», предназначенный для урегулирования актуальных спорных вопросов – определения территориальных границ и обеспечения экологических стандартов при добыче ресурсов [5. С. 53].

В сфере безопасности региональные интеграционные инициативы представлены проектом Северного оборонного сотрудничества (NORDEFCO), объединяющим страны Северной Европы. Он не является военно-политическим союзом, а лишь платформой для сотрудничества [1. С. 91].

Острой проблемой межгосударственных отношений в Арктике становится стремление ряда стран расширить свои морские экономические зоны

за счет претензий на континентальный шельф. Борьба ведется как на дипломатическом уровне, так и в научной среде. Страны спонсируют экспедиции для получения доказательств оправданности своих требований. Москва претендует на участок шельфа площадью 1,2 млн. квадратных километров. Дания заявляет, что хребет Ломоносова является продолжением Гренландии. Копенгаген претендует на участок шельфа размером примерно в 895 тыс. квадратных километров, который включает территорию Северного Полюса [14. С. 147-153]. Канада считает горное образование продолжением североамериканского континента и дает основания претензий.

В рамках определения статуса арктического шельфа США готовится подать собственную заявку. Их территориальные претензии более умеренные. Вашингтон претендует на расширение границ американской зоны до 600 миль от северного побережья Аляски. Заявка вступает в противоречие с российскими требованиями. Спор между арктическими странами обостряется, однако, его основной плоскостью является научная сфера.

Подходы арктических стран касательно статуса основных коммуникационных путей существенно различаются. Большая часть Северо-Западного морского пути проходит через канадские территориальные воды, что предоставляет стране основания претендовать на этот маршрут. Эта позиция вступает в противоречие с подходами других региональных акторов, в том числе ее ближайшего соседа и союзника Канады – США. Подобные претензии предъявляются и касательно Северного морского пути, статус которого в российском законодательстве определяется как «исторически образованная единая национальная транспортная коммуникация».

Еще одним не малозначимым вопросом являются территориальные споры между отдельными странами. Например, Дания и Канада не могут достичь согласия относительно статуса острова Ганса, расположенного в проливе Кеннеди, отделяющем Гренландию от Канады. Обе стороны считают остров своей территорией. Канада ведет территориальные споры с Данией по границе в море Линкольна и с США – в море Бофорта [9].

Публичные заявления вокруг Арктического региона можно условно разделить на две категории: первая – мирные прогнозы для сохранения сложившегося международного диалога; вторая – более прагматичные аналитические выводы, с призывом к подготовке военных противостояний.

На этом фоне положительным прецедентом 15 сентября 2010 г. стало урегулирование пограничного территориального спора Норвегии и России, который длился в течение четырех десятилетий. Соглашение было заключено под лозунгом «Арктика – территория диалога». Несмотря на мирный диалог, США, Канада и Дания провели крупномасштабные военные учения. Был совершенно очевиден тот факт, что Запад все равно намерен продолжать наращивать потенциал против России.

Для России полярный регион следует считать критически значимым. Москва обладает крупнейшим в мире флотом ледоколов. Преимущество

в этой сфере является абсолютным – только Россия владеет атомными ледоколами. Это создает для нее чрезвычайно благоприятные условия для реализации политики в регионе.

Еще со времен «холодной войны» Арктика является приоритетным регионом для геополитических и военно-стратегических интересов США. Идентифицируя североамериканское государство как талассократическое, можно определить высокую значимость арктических морских просторов. В контексте обеспечения собственной национальной безопасности США внедряет элементы ПВО и ПРО, тесно взаимодействует с Канадой в рамках Командования воздушно-космической обороны Северной Америки [16. С. 67].

Канада отличается особым вниманием к освоению ресурсов, определению военно-политических выгод присутствия в регионе. Консерваторы под руководством Премьер-министра С. Харпера планировали к 2025 г. существенно увеличить оборонный бюджет, львиная доля которого должна была направляться на повышение боевых возможностей в северных территориях. Но приход к власти кабинета Дж. Трюдо сместил приоритеты – военные расходы подлежали анализу и сокращению. Был инициирован отказ от закупки в США самолетов F-35 [4. С. 63] и реализации обновления корабельного состава канадского ВМФ. Вопрос модернизации морских сил не отменен и остается актуальным. Сложившаяся обстановка может непосредственно повлиять на позиции страны, поскольку флот является чрезвычайно важным инструментом защиты национальных интересов.

Норвегия рассматривает арктическое направление как источник угрозы собственной национальной безопасности, распределяя военный потенциал. Усилия норвежских властей направлены на модернизацию оборонной политики государства и перенос оборонного строительства на Север.

Присутствие Дании в Арктике обеспечивается контролем за удаленными территориями государства, наделенными широкими правами самоуправления – Гренландией и Фарерскими островами. Интересы в регионе акцентированы на защиту территорий и исключительных морских экономических зон вокруг них, их расширению за счет контроля над континентальным шельфом. Заявка с датскими претензиями на территории была подана 14 декабря 2014 г. Однако, ограниченные военные возможности государства оставляют Данию в положении слабого игрока.

Правительство Швеции утвердило Арктическую стратегию государства в мае 2011 г. и в ней подчеркивается, что она пытается способствовать решению межгосударственных споров в Арктике исключительно мирными средствами. Не имея прямого выхода к Северному Ледовитому океану, страна не может предъявить территориальных претензий в регионе. Рассматривая Арктику как важный в геополитическом измерении регион, Швеция считает необходимым сохранять и расширять свое присутствие в нем.

Финляндия оперативно модернизирует стратегию в Арктике. В последней редакции 2013 г. подчеркивается, что прибрежные государства Аркти-

ческого региона повышают военное присутствие в нем. В таких условиях Финляндия должна особо акцентировать внимание на проблематике в сфере безопасности региона. Кроме того, отмечается наличие в Финляндии тренировочных полигонов, которые страна предлагает использовать государствам-партнерам для повышения их арктического потенциала.

Отсутствие весомого военного потенциала в Исландии не позволяет выдвигать специфических требований и претензий по распределению природных ресурсов к другим странам Арктического региона.

Таким образом, ценность Арктики определяется ее природными богатствами, транспортными коммуникациями. Контроль над ними вызывает споры в межгосударственных отношениях. Активизация политики арктических стран в регионе и наращивание военного присутствия вызывает беспокойство других государств и угрожает всесторонней милитаризацией Арктики. Однако, обострение геополитических противоречий, зародившееся в начале XXI в., является незавершенным процессом. Как итог – возможны фазы обострения и примирения. В то же время ситуация оказывается в прямой зависимости от мирополитической обстановки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аллаяров Р.А.* Проблемы милитаризации Арктики в современном мире // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2018. № 2.
2. *Бородин Е.А.* Перспективы международного сотрудничества в Арктике в условиях новых вызовов и конкуренции // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 6 (58).
3. *Буянов В.С.* Арктический вектор внешней политики России // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2014. № 1-2.
4. *Володин Д.А.* Канада и проблема суверенитета в Арктике в начале XX века // США и Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 49 (6).
5. *Гудев П.А.* Арктика как «globalcommons»? // Пути к миру и безопасности. 2016. № 1.
6. *Дуброва С.Н.* Мероприятия приарктических государств по усилению военного присутствия в Арктике // Геополитика и безопасность. 2017. № 3.
7. *Журавель В.П.* Арктика как постоянно развивающееся многомерное пространство // Арктика и Север. 2018. № 31.
8. *Зюзина А.А.* Эволюция стратегии развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации в документах и фактах // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 12 (64).
9. *Кадомцев А.* Соперничество за Арктику: свои и чужие // Международная жизнь. 08.08.2019 // <https://interaffairs.ru/news/show/23409>.
10. *Казаков М.А.* Арктический регион в политике североамериканских государств: история и современность // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2.

11. *Лукин А.Д.* Северный Морской путь мост между Востоком и Западом: перспективы и реалии освоения Транс-Арктики // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 5 (57).

12. *Лэй Шуан.* Белая книга по арктической политике Китая – современная стратегия КНР в Арктике // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 5 (57).

13. *Максимова Д.Д., Лассер Фредерик.* Арктический совет и российско-канадское сотрудничество // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 12 (64).

14. *Мишин В.Ю., Болдырев В.Е.* Военно-стратегическая составляющая российской политики в Арктике: состояние проблемы перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 2.

15. *Сабитова Э.Ш.* Институциональные основы обеспечения национальной безопасности в Арктике // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 7 (59).

16. *Теребов О.В.* Арктическая политика США и интересы России: прошлое, настоящее, будущее. М.: Весь Мир, 2019.

17. *Хлопов О.А.* Экологическая безопасность в международной политике: вызовы и угрозы // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 8 (60).

18. *Яковенко А.В.* Не очень понятно, какие цели НАТО преследует в Арктике // Международная жизнь. 19.02.2019 // <https://interaffairs.ru/news/show/21703>.

РЕСПУБЛИКА СЕРБСКАЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В данной статье рассмотрены современные политико-экономические перспективы Республики Сербской в составе Боснии и Герцеговины (БиГ), а также отношения Бая-Луки со своими ключевыми союзниками – Сербией и Россией. Кроме того, автор предлагает и обосновывает свой вариант разрешения региональных противоречий на Балканах, напрямую затрагивающий будущее Республики Сербской.

Ключевые слова: Республика Сербская, Босния и Герцеговина, Сербия, Верховный представитель по БиГ, конституция БиГ, Россия, ЕС, США.

V.S. SHABLOVSKIY

Postgraduate Student, Department of Theory
and History of International Relations, RUDN University,
Moscow, Russia

THE REPUBLIKA SRPSKA: CURRENT POLITICAL REALITY AND PROSPECTS

In this article, the current political and economic prospects of the Republika Srpska within Bosnia and Herzegovina (BiH) are examined, as well as the relations of Banja Luka with its key allies – Serbia and Russia. Moreover, the author proposes and explains his own solution to the regional contradictions in the Balkans, which directly affects the future of the Republika Srpska.

Key words: Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina, Serbia, High Representative for BiH, constitution of BiH, Russia, EU, USA.

Текущий политический ландшафт в Боснии и Герцеговине. У всех трех национальных общин БиГ преобладают абсолютно разные интересы. Бошняки (боснийские мусульмане) стремятся к унитаризации государства

и отказу от нынешнего федеративного статуса. Их логика проста: при таком раскладе именно бошняки станут государствообразующим этносом, будучи наиболее многочисленным народом, а сама БиГ станет мусульманским государством. В свою очередь, боснийские сербы категорически против такого сценария и всячески сопротивляются любым посягательствам на нынешнее федеративное устройство БиГ, предоставляющее Республике Сербской автономный статус. Сербы прекрасно понимают, что попытки создания централизованного государства в БиГ в действительности преследуют одну цель – лишить Республику Сербскую ее особого положения – что абсолютно недопустимо для боснийских сербов. Наконец, боснийские хорваты чувствуют себя обделенными, находясь вместе с численно доминирующими бошняками в составе Федерации БиГ и в этой связи ощущая себя второсортным народом. Они настаивают на предоставлении им отдельной территории и энтитета, подобно Республике Сербской. Таким образом, налицо несовместимость фундаментальных интересов национальных общин БиГ, которые, однако, вынуждены уживаться в рамках одной страны [5. С. 77-86].

Важнейшей составляющей внутривнутриполитической жизни БиГ является Высокий представитель международного сообщества по делам этого государства – должность, учрежденная теми же Дейтонскими соглашениями и призванная обеспечить верховный контроль над внутривнутриполитическими процессами в данном государстве. Фактически, это означает международный протекторат над БиГ и, следовательно, ограниченный суверенитет этого государства. Обладая широкими полномочиями, Высокий представитель имеет возможность влиять как на БиГ в целом, так и на отдельные энтитеты. Не будет преувеличением сказать, что институт Высокого представителя – легальный инструмент в руках Запада для контроля и манипулирования над этим балканским государством [8. С. 64-76].

ЕС и США активно поддерживают централизацию власти в БиГ и настойчиво продвигают инициативы для ее достижения, надеясь тем самым свести на нет самостоятельность Республики Сербской и перекроить Дейтонские соглашения. Западные стремления полностью совпадают с интересами бошняков, которые хотят видеть унитарную БиГ с доминирующим мусульманским большинством. Интересы Запада легко понять: в Брюсселе и Вашингтоне хотят полностью контролировать БиГ, держать ее в сфере своего влияния, а автономный статус Республики Сербской, нелояльной к Западу и к тому же тесно взаимодействующей с Россией – серьезное препятствие для западного мира. Наглядный пример – многочисленные попытки ЕС и США навязать БиГ поправки в конституцию (которая является составной частью Дейтонских соглашений и, соответственно, представляет собой плод творчества зарубежных акторов), призванные обеспечить унитаризацию страны и сокращение полномочий энтитетов.

Риторика евроатлантистов о необходимости централизации власти в БиГ увязывается с предоставлением Сараево членства в ЕС и НАТО. Логика, следующая: без сильной центральной власти в стране ни Вашингтон, ни Брюссель не готовы рассматривать вопрос о вхождении БиГ в соответствующие структуры. Здесь стоит отметить, что отношение к евроатлантическому будущему у боснийских энтитетов разное: если в Федерации БиГ всячески выступают за членство в обеих организациях, то в Республике Сербской рассматривают лишь вариант вступления в Евросоюз. Вхождение в НАТО не входит в планы боснийских сербов, о чем красноречиво свидетельствует принятая Народной Скупщиной республики в 2017 г. резолюция о военном нейтралитете, предусматривающая неприсоединение Бая-Луки к военным блокам и союзам.

До сих пор попытки США и ЕС навязать поправки в конституцию БиГ не принесли желаемых для евроатлантистов плодов: подобные поправки возможны лишь при консенсусе между всеми тремя народами этого балканского государства (это же правило касается и вопроса о членстве БиГ в тех или иных международных организациях), что выглядит утопией в свете постоянных разногласий между ними. Кроме того, внутри этих этносов также идет борьба за власть между различными политическими силами. В подобных условиях стремления Вашингтона и Брюсселя обречены на провал. При этом наиболее цельным идеологически представляется именно сербский этнос, подтверждением чему стали прошедшие в 2018 г. выборы в БиГ (на всех уровнях власти). По их итогам, в стане хорватов произошел глубокий политический раскол, вызванный крайне противоречивым избранием Ж. Комшича на пост представителя хорватов в президиуме БиГ. Конфликт в хорватском истеблишменте сказался и на бошняках: два народа вместе формируют парламентские структуры Федерации БиГ. В Республике Сербской безоговорочную победу на всех государственных уровнях одержал многолетний лидер боснийских сербов М. Додик: он получил пост сербского представителя в президиуме БиГ, а ведомая им партия Союз независимых социал-демократов (СНСД) обеспечила себе доминирующее положение как в Народной Скупщине, так и на других государственных постах в Республике Сербской [6. С. 73-78]. Такой результат разочаровал западных покровителей БиГ: там надеялись, что лидерству М. Додика, не проявляющего особой лояльности к Западу и стремящегося к тесному сотрудничеству с Москвой и Белградом, придет конец.

Республика Сербская: отношения с Сербией и Россией. Сербия и Россия являются ключевыми союзниками Бая-Луки, их поддержка – ключевое условие существования Республики Сербской в ее нынешнем статусе. Однако, эти отношения складываются по-разному: если сотрудничество с Россией гармонично развивается, то взаимодействие боснийских сербов с исторической родиной явно оставляет желать лучшего. По идее, Сербия должна

быть безоговорочно главным сторонником Республики Сербской и прикладывать максимум усилий для поддержки своих же людей в соседней стране. Однако, в реальности подход Белграда к взаимоотношениям с Республикой Сербской отличается чрезмерным прагматизмом и неуместной осторожностью: Сербия открыто не высказывается в поддержку Бая-Луки. Это является серьезной проблемой, поскольку ставит под сомнение главный козырь боснийских сербов на случай неблагоприятного развития ситуации в БиГ – возможность провозгласить независимость Республики Сербской. Без поддержки Белграда, не горящего желанием вступить за боснийских сербов, такой шаг будет обречен на неудачу.

Уже многие годы у власти в Белграде находятся сторонники евроинтеграции, которые не хотят портить отношения с ЕС, куда они стремятся вступить – отсюда и желание сербских властей не обострять отношения с БиГ. Так, в 2010 г. была подписана резонансная декларация между Сербией и БиГ, зафиксировавшая основы двусторонних отношений. Согласно документу, Сербия выразила приверженность сохранению территориальной целостности БиГ, при этом полностью проигнорировав интересы Республики Сербской и даже не поставив ее руководство в известность о готовящейся сделке [5. С. 84].

Кроме того, Сербия в целом куда больше внимания уделяет косовской проблеме, чем боснийской. За минувшие годы Белград неоднократно пытался наладить отношения с Приштиной, достигнув целого ряда договоренностей с косовскими албанцами. Неизменно подобные попытки происходят под нажимом ЕС, требующего от Белграда урегулирования конфликта с косовскими албанцами в качестве ключевого условия предоставления Сербии членства в организации. При этом принципиальных перемен в Косовском конфликте не произошло: Сербия не признает независимости Косово, отношения между сторонами по-прежнему крайне напряженные.

Необходимо подчеркнуть, что Европейский союз с начала 2000-ых гг. откровенно шантажирует Сербию, постоянно выдвигая сербам все новые и новые требования. Прозападные сербские власти послушно ведутся на это, горя желанием наконец-то присоединиться к Евросоюзу, который в действительности не планирует расширяться за счет Сербии, но хочет держать эту страну «на коротком поводке». Очень хорошо на этот счет высказалась известный отечественный балканист Е.Ю. Гуськова: «К сожалению, только в Сербии путь в ЕС обусловлен таким количеством требований, что этот процесс, скорее, похож на развал страны, а не на интеграцию в Евросоюз. Это не просто условия, это уступки, разрушающие страну, ее национальную идентичность и культуру. И они не имеют никакого отношения к евростандартам и согласованию законодательства страны и Евросоюза» [4. С. 235-236].

Таким образом, отношения Белграда и Бая-Луки, вопреки ожиданиям, нельзя назвать сердечными и взаимно доверительными. Стремясь уго-

дить Европейскому союзу, сербские власти ради этого жертвуют активной и прямой поддержкой Республики Сербской. Конечно, в глубине души они сильно переживают за судьбу боснийских сербов, но реальных шагов, направленных на укрепление позиций Республики Сербской, в Белграде не предпринимают. Такое поведение исторической родины вызывает логичное недоумение в Бая-Луке.

Отношения Республики Сербской и России, напротив, отличаются приятной предсказуемостью и теплотой. Россия уже многие годы всесторонне поддерживает боснийских сербов и выступает за сохранение Дейтонских соглашений, гарантирующих автономный статус для сербского этнитета в составе БиГ. Так, в декабре 2020 г. в рамках балканского турне министра иностранных дел РФ С. Лаврова состоялась его встреча с сербским членом президиума БиГ М. Додиком, в ходе которой главный российский дипломат в очередной раз подтвердил приверженность России Дейтонским договоренностям и выразил мнение о необходимости прекращения функционирования аппарата Высокого представителя по БиГ как элемента, тормозящего развитие данного государства. Не обошлось и без скандала: члены президиума БиГ от бошняков и хорватов в знак протеста против позиции России отказались от встреч с С. Лавровым [1].

В свою очередь, Бая-Лука также идет навстречу нашей стране: действующий в республике военный нейтралитет и отказ боснийских сербов от присоединения к западным санкциям против Москвы весьма наглядно показывают, насколько Республика Сербская ценит дружбу с Россией. Особо упоминания заслуживает то обстоятельство, что теплые отношения между сторонами не подвержены конъюнктурным колебаниям. В результате, Республика Сербская рассматривает именно Россию как своего главного союзника и защитника, а также, немного-немало, гаранта своего автономного существования.

Будущее Республики Сербской. В настоящий момент Республика Сербская сохраняет свой привилегированный статус самостоятельного этнитета, предоставленный ей в соответствии с Дейтонскими соглашениями. Тем не менее, Запад не оставляет надежды лишить Бая-Луку своей автономии и сделать БиГ унитарным государством – именно эту цель преследуют навязываемые ЕС и США попытки пересмотреть конституцию БиГ и, тем самым, Дейтон. В то же время, у Бая-Луки есть весомый козырь в рукаве – возможность провозгласить свою независимость и выйти из состава БиГ. Это страховка для Республики Сербской и важнейший сдерживающий фактор для западных покровителей Федерации БиГ: если ситуация в государстве будет развиваться в угрожающем ключе для боснийских сербов, то они могут в любой момент активировать эту опцию.

Так или иначе, у Республики Сербской есть выбор относительно своего будущего. Первый, и наиболее очевидный вариант – всеми силами держать-

ся за свой нынешний автономный статус в составе БиГ и ни в коем случае не допускать ликвидации Дейтонских соглашений, этот статус гарантирующих. Собственно, власти Республики Сербской именно так и поступают. Пожалуй, в текущих реалиях это наиболее взвешенное и приемлемое решение. Обладая реальной самостоятельностью, Республика Сербская имеет все предпосылки для гармоничного развития – в отличие, например, от боснийских хорватов, которые вынуждены уживаться с бошняками в одном государственном образовании. При этом необходимо продолжать добиваться прекращения полномочий Верховного представителя по БиГ, деятельность которого ограничивает возможности энтитетов (пусть и незначительно) и нарушает суверенитет всего государства.

Другой вариант, который можно условно назвать «кризисным» – это выход боснийских сербов из состава БиГ и создание своего государства. Тем не менее, это крайняя мера. Боснийские сербы прекрасно понимают, что к полноценной независимости они не готовы. Вернее сказать, морально они готовы, но в практическом плане – нет. Необходимо заручиться поддержкой исторической родины – Сербии, чтобы не попасть в полную изоляцию на Балканах, а Белград как раз не проявляет особого энтузиазма относительно потенциальной независимости Республики Сербской. И это еще мягко сказано – в действительности, в Белграде абстрагировались от боснийских дел и откровенно избегают тесных взаимоотношений с Бая-Лукой, предпочитая контактировать с центральной властью БиГ. При таком раскладе независимость Республики Сербской может стать очень невыгодной для самих боснийских сербов, поскольку нет никакой уверенности, что Белград эту независимость признает.

По нашему мнению, есть еще один вариант, который способен устроить вообще всех и, более того – стать прорывным в контексте обеспечения региональной безопасности на Балканах. Речь о многосторонней международной сделке: Республика Сербская выходит из состава БиГ и присоединяется к Сербии; Сербия официально признает Косово. При таком раскладе в выгоде остаются все, и особенно – сербы. Так, БиГ получит фактический карт-бланш на вступление в евроатлантические структуры, что сейчас затруднительно из-за принципиальной позиции Республики Сербской (по крайней мере, по вопросу членства в НАТО). Республика Сербская реализует свою давнюю мечту и воссоединится с исторической родиной, войдя в состав Сербии. В свою очередь, признание Сербией независимости Косово поставит точку в Косовском конфликте.

Осуществление размена Косово на Республику Сербскую станет грандиозным триумфом для Сербии. Объективно Белград уже давно не имеет никаких шансов вернуть себе Косово, а непризнание Косово скорее несет моральное значение, чем рассчитано на реальные надежды вернуть себе контроль над этим регионом. Далее, Республика Сербская значительно пре-

восходит Косово по площади территории (Косово – 10,9 тыс. км,² Республика Сербская – 24,6 тыс. км²) [2; 3]. Кроме того, Республика Сербская – намного более развитый регион, чем Косово, погрязшее в наркоторговле и организованной преступности. Наконец, Республика Сербская населена преимущественно сербами, а Косово – албанцами. Таким образом, в условиях, когда Сербия де-факто смирилась с потерей Косово, присоединение Республики Сербской стало бы, без преувеличения, важнейшим историческим событием для Белграда, колоссальной дипломатической победой. К вышесказанному добавим, что имеет смысл рассмотреть и вариант присоединения Северного Косово (сербского анклава на территории нынешнего Косово, не подчиняющегося власти Приштины) к Сербии в рамках данной сделки [7. С. 112-127].

Безусловно, большое значение будет иметь позиция ведущих мировых акторов. Почти наверняка сербы смогут рассчитывать на поддержку России и Китая, что уже немало. Поведение же Евросоюза и США спрогнозировать труднее. С одной стороны, Брюссель и Вашингтон едва ли заинтересованы в резком усилении влияния Сербии на Балканах, что неизменно произойдет в случае реализации предложенного сценария. С другой стороны, Запад регулярно намекает Белграду на необходимость окончательного урегулирования конфликта вокруг Косово, и, более того – ставит это условием предоставления членства в ЕС для Сербии. Поэтому есть основания полагать, что ЕС и США все же одобряют подобную сделку. При этом представляется возможным организовать указанную международную комбинацию вообще без участия ЕС, если там выкажут негативную реакцию на данный план: во-первых, Евросоюз не участвовал в заключении Дейтонских соглашений, а, значит, не выступает в роли их гаранта; во-вторых, никто из главных действующих лиц потенциальной сделки (БиГ, Сербия, Косово) не состоит в ЕС или НАТО, что позволяет им не оглядываться на то, что скажут в Брюсселе.

Очевидно, что исходный шаг – это согласование подобного проекта между Сербией и Республикой Сербской. Только после этого целесообразно выдвигать данный вопрос на международную повестку. При этом есть ощущение, что Белград едва ли станет инициатором столь серьезной международной комбинации – сербским властям явно не хватает политической воли для таких смелых решений. В этой связи Россия могла бы предложить данную сделку Белграду и Бая-Луке, способствуя достижению принципиальных договоренностей между сербами.

По нашему мнению, предложенный вариант международной сделки на Балканах – хороший способ решить сразу несколько региональных проблем (косовскую и боснийскую) и тем самым вывести безопасность на Балканах на качественно новый уровень. Это стало бы беспрецедентным примером урегулирования региональных конфликтов посредством такой масштабной международной операции.

Заключение. Республика Сербская занимает уникальное место на европейском континенте. Про Республику Сербскую можно сказать, что она находится сразу между четырех «огней», а именно – между Западом, Россией, БиГ и Сербией. У Бая-Луки – тяжелейшее геополитическое положение, которое вынуждает боснийских сербов быть максимально гибкими в выстраивании отношений с зарубежными партнерами, при этом не отступая от своих фундаментальных принципов. ЕС и США поддерживают стремления бошняков к унитаризации государства, желая тем самым лишить неудобную Западу Республику Сербскую тех широких полномочий, которыми она обладает сейчас. Давление со стороны Запада, непрекращающиеся разногласия с другими этносами БиГ (бошняки и хорваты), пассивная позиция исторической родины, не оказывающей достаточной поддержки – таковы текущие реалии, с которыми приходится иметь дело Республике Сербской. В этой связи, для Бая-Луки огромное значение имеет стабильная, не гаснущая с годами политическая поддержка России. Кроме того, наша страна активно помогает боснийским сербам в самых разных сферах (здравоохранение, энергетика, образование), способствуя укреплению влияния и позитивного образа России в Республике Сербской [9]. Существуют отличные перспективы для еще большей интенсификации двустороннего сотрудничества Москвы и Бая-Луки, и этим определенно надо пользоваться. В конце концов, от того, насколько тесно Россия будет взаимодействовать со своими традиционными союзниками на Балканах (Сербия и Республика Сербская) зависит, сможет ли наша страна сохранить свои позиции в данном регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Боснийский раскол: Сербы просят поддержки у России, бошняки – у США и НАТО // <https://rg.ru/2020/12/15/bosnijskij-raskol-serby-prosiat-podderzhki-u-rossii-boshniaki-u-ssha-i-nato.html>.

2. Большая российская энциклопедия. Сербия // <https://bigenc.ru/geography/text/3657248>.

3. Большая российская энциклопедия. Босния и Герцеговина // <https://bigenc.ru/geography/text/5629905>.

4. Гуськова Е.Ю. Сербия на пути в ЕС: есть ли шанс? Между Москвой и Брюсселем. М.: Институт славяноведения РАН, 2016.

5. Кандель П.Е. Босния и Герцеговина, ЕС и НАТО // Вестник МГИМО Университета. 2011.

6. Кандель П.Е. Босния и Герцеговина во время и после всеобщих выборов // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 2.

7. Курьлев К.П., Шабловский В.С. Косовский конфликт (1999-2020): текущее состояние и пути его разрешения // Вестник Московского государ-

ственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3.

8. Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО Университета. 2011.

9. Русская гуманитарная миссия продолжает укреплять позиции России на Балканах // <https://rg.ru/2020/10/12/ruskaia-gumanitarnaia-missia-prodolzhaet-ukrepliat-pozicii-rossii-na-balkanah.html>.

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ КОРОНАВИРУСА НА СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ В НИГЕРИИ

Вспышка заболеваний в связи с коронавирусной инфекцией (COVID-19) вызвала серьезные проблемы в нигерийской системе образования. Попытка замедлить передачу COVID-19 привела к закрытию школ более чем в 100 странах мира. В результате закрытия школ в связи с COVID-19 более миллиарда учащихся остались без обучения в Нигерии и Западной Африке. В исследовании анализируется влияние COVID-19 на обучение в Нигерии и Западной Африке, включая сложности в обучении, снижение доступа к образовательным и исследовательским учреждениям, потерю рабочих мест и рост студенческой задолженности. Полученные результаты также показывают, что многие преподаватели и студенты полагались на технологии, чтобы обеспечить непрерывное обучение онлайн во время пандемии коронавируса. Однако онлайн-образование застопорилось из-за плохой инфраструктуры, включая отсутствие доступа к интернету, проблемы с электроснабжением, удаленность, слабую посещаемость, а также плохие цифровые навыки студентов. В исследовании подчеркивается разрушительное воздействие COVID-19 на сферу образования и необходимость для всех образовательных учреждений, преподавателей и учащихся внедрять технологии и совершенствовать цифровые навыки в соответствии с новыми глобальными тенденциями и реалиями, но, к сожалению, в Нигерии происходит обратное. С тех пор как началась пандемия COVID-19 и страна была заблокирована, учащиеся как начального уровня, так и студенты высших учебных заведений оказались в затруднительном положении поскольку не прилагалось каких-либо усилий для внедрения онлайн или виртуального обучения, а правительство не предпринимало никаких усилий для скорейшего возобновления работы школ. Это происходило в то время, как правительственные чиновники массово посещают похороны, люди посещают мечети, ходят на рынки и другие собрания, как будто пандемии COVID-19 не существует.

Ключевые слова: COVID-19, Нигерия, образование, здоровье, онлайн обучение, пандемия.

GUNDU TERESE MOSES

Graduate student, Peoples' Friendship
University of Russia (PFUR),
Benue, Nigeria

OLUWAKAYODE OLUMIDE EMMANUEL

Graduate student, Peoples' Friendship
University of Russia (PFUR),
Abuja, Nigeria

ANALYZING THE EFFECT OF CORONAVIRUS ON NIGERIA'S EDUCATION SYSTEM

Coronavirus Disease (COVID-19) outbreak has constituted serious concerns to Nigeria education systems. Attempt to slow the transmission of COVID-19 prompted the closure of schools in more than 100 countries worldwide. COVID-19 school closures left over a billion learners out of school in Nigeria and West Africa. The study analyses the effect of COVID-19 on Nigeria and West Africa student's effects on education including, learning interferences, and decreased access to education and research facilities, Job losses and increased student debts. The findings also show that many educators and students relied on technology to ensure continued learning online during the Coronavirus pandemic. However, online education was stalled by poor infrastructures including, network, power, remoteness and absence issues and poor digital skills. The study underscores the damaging effects of COVID-19 on education sector and the need for all educational institutions, educators, and learners to adopt technology and improve digital abilities in line with the emerging global trends and realities but sadly, the reverse is the case in Nigeria. Ever since the Covid-19 pandemic started and the country was locked down, students both at primary and tertiary levels have been stranded without any effort to adopt the e-learning or virtual learning systems, nor has there been an effort from the government to reopen schools anytime soon. This is against the backdrop of government functionaries attending funerals in mass number, people attending mosques, going to markets and other gatherings as if Covid-19 pandemic has never happened.

Key words: COVID-19, Nigeria, education, health, e-learning, pandemic.

Introduction. Almost 90% of the countries in the world have shut their schools in efforts to slow the transmission of COVID-19. For most of these students, school closures are temporary; they have access to quality education and distance learning, and their education and ambitions for the future will continue after the crisis. However, research shows an estimated 20 million students in de-

veloping countries may never go back to the classroom. Right now, the world's most vulnerable communities are not able to access quality education, not to talk of distance learning opportunities. The COVID-19 pandemic will disproportionately affect these young students now and for years to come. The closure of schools, colleges, and universities by the Federal and State government was an urgent need in order to contain or slow the rapid transmission of the virus in Nigeria. Nigerian Government started taking preventive decisions on COVID-19 just after WHO recognized it as pandemic disease. However, the shutdown of most schools, colleges, and universities in Nigeria interrupted the academic year, with a remarkable effect on the academic calendar. Schools had to concentrate on rescheduling their final exams before the lockdown commencement. The affected schools and institutions had to cancel or reschedule exam dates, and other school activities, to curtail the spread of the virus. Considering this, the study is conducted to critically analyse the effect of COVID-19 on the educational system in Nigeria [2]. The Federal Ministry of Education's directives to close all schools and tertiary institutions, without contingencies on how to ease learning disrupted the academic session. An alternative to address this issue would have been a policy to provide and promote e-learning (distance learning) via digital means, to counter the traditional physical learning in tertiary institutions. A well-documented response by the Emergency Working Group Strategy published on 7 April 2020, aimed to mitigate the negative impact of the school closure on students and teachers in North-East Nigeria. While the efforts of the Federal and State government in the health sector and in providing financial stimulus packages and emergency palliatives must be commended, ignoring the education sector was disastrous. As emphasized by UNESCO, temporary school closure comes with high social and economic costs, with severe impacts on children from disadvantaged backgrounds.

Effects of Covid-19 on the academic program in Nigeria. In Nigeria, the outbreaks of Lassa fever, bird flu, monkeypox, Ebola disease, and others did not affect the socio-economic and educational system as of the case of coronavirus, this has been raising dust in the country, educational system, and heartfelt burden to concerned personnel, knowing well the possible effects of the prolonged holidays because of the pandemic. Education is one of the best public policy tools available to develop skills and potentials, from an economic point of view, the primary point of being in school is that it increases a child's ability to become a useful and acceptable member of society. Even a relatively short time in school has a longer impact on the life of a child; a short period of missed school may have consequences for skill growth in the future. This is one of the estimated reasons COVID-19 has affected the learning process in Nigeria. Consequently, this effect may be visible, but there has been gradual decay in the education sector of Nigeria, the sudden change in the new world order, has thrown a wrench to speedup this educational decay [5].

The school timetables and schedules have changed, and in fact, at the resumption of the school after the lockdown, so many grounds need to be covered for the educational system of Nigeria to compete with other parts of the world. Educational facilities in schools are been underutilized during the lockdown, some might have been damaged because of lack of usage over a long period of time. In detail account to UNESCO, about 35.9 million primary and secondary school learners are currently out-of-school because of the school closures. For primary schools, this number totals roughly 25.6 million students, of which about 87 percent (23.5 million) are students enrolled in public schools. The numbers are just as stark for secondary school pupils, roughly 10.3 million secondary school students are out-of-school as a result of the closures, approximately 81 percent (8.4 million) of them are public school students. There is no assurance that all the students who left school will be back in school after the pandemic lockdown, some may have changed their lives' view seeing going to school as a waste of time, however, this is most common to university students (that's is drifting towards other means of livelihood or crime), some may have died, changed school, joined criminal groups for quick money, shifting their attention away from school, etc. this is where the role of parents and guidance comes in, to ensure the proper welfare of underage students even while they are at home [1]. Unfortunately learning within the homes is well limited, looking at the literacy level of some parents in Nigeria, not every parent could handle the pedagogy aspect of parenthood and besides other commitments of parents are to be considered. The effect of this may not be easily noticed now, however, kids in this pandemic situation are naturally exposed to a serious academic crash.

Effects on Educational Funds. The sudden interruption in the education system in Nigeria as a result of the pandemic has led the government, parents, persons, ministry of education at various levels, and other concerned personnel, to have a shift in planning and strategies to finance the education of students and the education system at large. There is no denying the fact that the school calendar must be extended to accommodate the loss of academic session during the lockdown, while considering this, extra payments at various levels of the educational system will be enacted. During the lockdown, some parents were forced to procure digital gadgets such as laptops, smartphones, subscribe to stronger internet providers and other means of ICT, this is to ensure advancement towards the new innovations of online classes at various levels designed for teachers to reach out to their students. Most of the developing private schools in Nigeria could not afford the payment of their staffs during the period of lockdown, as students had no access to go or be in school, equally some parents were unable to pay the school fees before the emergence of the pandemic leading to lack of funds to pay teachers an administrative staffs working in their respective schools, in fact, there is a fear of whether some private schools in Nigeria will be able to survive and keep existing after the pandemic lockdown. Even when there is a standing order that

says no work no pay in Nigeria, during the lockdown, the government at some levels still ensured continuous payments of teaching staffs. There is no doubt that these payments were gifts due to the pandemic and not payment for work down, this will surely backfire on the finances of the educational sector because the working time does not tally with staffs' payment [3]. This developmental move is nobody's fault because no one could have predicted the world will be faced with this great challenge, the government tried to ensure the welfare of workers during the pandemic lockdown with the belief that, civil servants are the oil that keeps the engine of the national economy running. The sad truth about this development is if it persists, it may have serious impacts on the commitment of governments towards the education system in the face of competing demands from the healthcare, business, and other sectors serving vulnerable segments of the society at large.

Effects on Education: Graduates and School Leavers. There is no doubt that students in terminal classes both at the lower and higher levels of the educational system of Nigeria has been held on a spot and are unable to graduate or even move to the next level in their academic pursuit. This has led to a setback in the smooth running of the educational sector in Nigeria and the world at large. What makes education beautiful and fulfilling is the progress in terms of moving to the next level, attaining higher education, graduating, and becoming a useful and acceptable member of society after being exposed to the education process in schools. Final year students at the universities will be severely affected by the COVID-19 pandemic, as they will experience major teaching disruptions in the final part of their studies, assessments, and finally, before they likely graduate. At the beginning of the major pandemic, there is no doubt there will be a global economic recession in the world at the end of the lockdown. While there was a boom in the economy of Nigeria in the past, some graduates still find it difficult to get their desired jobs in the labour market, now there is every tendency that the economy of the country could experience a drastic collapse after the covid-19 pandemic, making it even more difficult to get menial jobs, not talk less of their desired jobs. Unfortunately, if this persists for a longer period, there might be a great hit on the smooth running of the economy, education, and other sectors of the country at large. Evidence suggests that poor market conditions at labour market entry cause workers to accept lower-paid jobs for survival, consequently having permanent effects on the careers of some graduates as they are doing jobs far related or connected to their area of specializations for so many years which on the long-run.

Effects on Education: Child welfare. Learners in Nigeria are also losing without any doubt, Nigeria has one of the largest schools feeding programs in the World, with the World Food Program valuing that in 2019, Nigeria's Household Schools Feeding Initiative provided access to daily meals to over 9 million children in over 40,000 public schools. The benefits of school feeding programs

extend beyond the immediate education benefits of the meals provided, such as encouraging enrolment in schools and boosting learning. School feeding programs yield larger socio-economic benefits for children, their families, and society, which are especially relevant to children of low socio-economic groups., enhancing health, nutrition, and provide social protection. For some learners, especially those from disadvantaged and vulnerable backgrounds, the daily meals provided at schools are their primary source of healthy and nutritious meals. Now that the schools are closed, over 9 million public school students are currently being deprived of this benefit. Beyond feeding, Nigeria's feeding program also offers health services, including the application of anti-worm treatments and immunizations for students in public schools across 17 states. Unfortunately, the pandemic lockdown involving the schools will as well affect access to some basic health services for children from poor families and underdeveloped societies of Nigeria [7]. Some homes in this category depend so much on this free meal to cater for their children because they can save little expenses incurred from feeding their children, which in the long run such savings are used to take care of other expenses in their homes. Now that the school is on lockdown, many parents in this category will surely find it difficult to adjust because their children's welfare has fully fallen back on them coupled with the tight economy whereby there is a drastic reduction in the economic development of the country at large.

Dealing with Coronavirus Pandemic in Nigeria Education System. According to the coronavirus response monitoring plans by UNICEF Nigeria (2020), Nigeria's education sector maintains a Response Monitoring Tool named 5W Matrix (Who is doing What, Where, When and for whom for monitoring Education Sector Partners activities under the current COVID19 contingency response. While the pandemic is still on, partners submit reports monthly to the education sector secretariat appointed team. Based on the submissions, the Education Sector Secretariat team on a regular basis developed maps and other tools to strengthen the coordination for a more effective response, they ensure proper documentation in Identifying gaps and prevent duplication of activities and programs during and after the pandemic period. The monitoring system also aimed to minimize reporting false requirements to partners while at the same time provide regularly required information about the progress of program implementation and ensure alignment with the Humanitarian Response Plan (HRP). Regular monitoring of partner's participation is critical to maintaining strong coordination and through joint efforts the grip of coronavirus can be reduced. This mechanism helped the sector to continuously identify gaps and needs, build stronger partnerships, collaborations, and advocate on behalf of the entire sector.

The sector has on a regular basis conducting monitoring meetings on COVID-19 Response at least twice a month since the inception of pandemic lockdown in Nigeria. These meetings are usually held online, to adhere to the social distancing rules, and all implementing partners and other stakeholders are partaking of the meetings.

The government urged the participants to come out with substantial plans in managing the education sector in such the trying times of the pandemic lockdown. Information on partner activities and reports from periodic meetings is been shared directly with the Federal Ministry of Education and State Universal Basic Education Board (SUBEB) for considerations and enactments through education data collection by the Education Management Information System (EMIS), making it possible for the continuous integration with Federal Ministry of Education. Furthermore, Education in Emergencies Working Group (EiEWG) and Information Management Officers do conduct regular capacity-building opportunities for both EiEWG members and SUBEB focal points to improve information management within the education sector even at this critical time of the country. Also, the UNICEF Nigeria response team to coronavirus designed a framework according to a specific need resulting from the COVI-19 crisis. This framework is to give partners concrete information on the impact of the pandemic so far on the educational sector and further suggest ideas of how they can support in terms of prevention, continuous support for students, and the education sector during the pandemic period, while schools are on complete lockdown and more detailed guidance on how the education partners can support both the federal and states' Ministries of Education to re-start learning on an alternative means.

Conclusion. The outbreak of coronavirus has shaken the educational sector of Nigeria off its strength. In fact, looking at the trend of the pandemic, it could be something we are going to live with for a long period of time. There is no doubt that there is going to be a serious obstruction in the development of Nigeria's education system if the coronavirus pandemic lockdown is not properly managed by the government and concern personnel. Schools calendar have been disrupted, there is a reduction in the economic development of the country which has affected education finance as well. Since family income depends on the economic growth of a country, most of the families in Nigeria are experiencing economic hardship because of the lockdown due to the pandemic, some of the vulnerable families having their children under the federal government free feeding scheme (The National Home-Grown School Feeding Programme (NHGSFP)) are being faced with the challenge of going in search of food for their children while they are at home. Unfortunately, the Illiteracy level of some parents in Nigeria is not helping the matter because not every parent or guidance could handle pedagogy. In the long run, it will cause children in this category to experience a great setback in their academic endeavours, in fact, many of them may drop out of school and drift into other means of livelihood or probably crime. The lockdown has led to the shortage of funds for the country and educational sector, parents as well are been faced with the reality of having to pay extra costs on their children's academics whenever they resume school. This is certainly a trying time with the outbreak of the coronavirus coupled with the lockdown of schools at various levels of education in Nigeria while testing the effectiveness of the technological educational activities regarding creating alternative methods and measures

to learning other than the traditional method. Unfortunately, Nigeria's education system arrived at this point not fully prepared. It was observed that even the e-learning chosen as the alternatives to be used in reaching out to students in the period of lockdown has not successful because of the non-employment of experts to manage the IT section of the Nigeria education system plus huge tariff charges from various network providers in Nigeria. Also, with the move to reopen schools to students in terminal classes, there will be adequate time to prepare them for their respective semester examinations, but this can only be possible if the government and the school's authorities make available preventive measures and facilities to prevent the spread of coronavirus at schools. The good question here is will this move be effective now that the government and the nation at large are experiencing economic collapse? Nobody knows the answer to this until the move is been reevaluated after a period of operation. In conclusion, it must be stated that to all intents and purposes, e-learning as a form of educational delivery has become prominent in institutions all over the world, even pre-COVID-19 era, forward, it is obvious that e-learning will have to be considered as part of mainstream education. E-learning should be given the utmost attention and properly implemented to help attain the growth we seek in our Nigeria educational system. COVID-19 has exposed the flaws and the Nigerian government can learn from places where these models have been adopted to form a basis for growth and advancement. Education in Nigeria has suffered setbacks over the years, now is the time for stakeholders to craft meaningful initiatives to prepare for an era where COVID-19 becomes a part of our society.

REFERENCES:

1. *Dwivedi Y.K., Hughes D.L., Coombs C., Constantiou I., Duan Y., Edwards J.S. & Upadhyay N. (2020). Impact of COVID-19 pandemic on information management research and practice: Transforming education, work and life // International Journal of Information Management, 55, 102211.*
2. *Jegede D. (2020). Perception of undergraduate students on the impact of COVID-19 Pandemic on higher institutions development in Federal Capital Territory Abuja, Nigeria // Electronic Research Journal of Social Sciences and Humanities. 2, 211-222.*
3. *Mahdy M.A. (2020). The impact of COVID-19 pandemic on the academic performance of veterinary medical students // Frontiers in veterinary science, 7.*
4. *Obi S.E., Yunusa T., Ezeogueri-Oyewole A.N., Sekpe S.S., Egwemi E. & Isiaka A.S. (2020). The Socio-Economic Impact of Covid-19 on The Economic Activities of Selected States in Nigeria // Indonesian Journal of Social and Environmental Issues (IJSEI), 1 (2), 39-47.*
5. *Onyema E.M., Eucheria N.C., Obafemi F.A., Sen S., Atonye F.G., Sharma A. & Alsayed A.O. (2020). Impact of Coronavirus pandemic on education // Journal of Education and Practice. 11 (13), 108-121.*

6. *Oyarinde O.N. & Komolafe O.G. (2020). Impact of Google Classroom as an Online Learning Delivery during COVID-19 Pandemic: The Case of a Secondary School in Nigeria // Journal of Education, Society and Behavioural Science, 53-61.*

7. *Raza S.A., Qazi W., Khan K.A. & Salam J. (2020). Social Isolation and Acceptance of the Learning Management System (LMS) in the time of COVID-19 Pandemic: An Expansion of the UTAUT Model // Journal of Educational Computing Research, 0735633120960421.*

DOI 10.35775/PSI.2021.67.2.035

УДК 32.323

Д.Е. СЛИЗОВСКИЙ

доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов,

Россия, г. Москва

А.А.АМИАНТОВ

кандидат политических наук,

доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов,

Россия, г. Москва

ЕСТЬ ЛИ У ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСУРСЫ СПРАВИТЬСЯ С ПРОТЕСТНЫМ ДВИЖЕНИЕМ? (Рецензия на статью С.И. Морозова и К.М. Макаренко «Технологии регулирования деструктивных форм протестной деятельности в современной России»)

В центре анализа в форме рецензии на статью представлена динамика традиционных и новых технологий регулирования деструктивных протестных акций. В процессе интерпретации ключевых идей статьи показано, что в этом исследовании ее авторам удалось понятие «законные ограничения» дополнить и дешифровать с помощью и на основе другой терминологической и понятийной базы, а именно, применено понятие – «технологии регулирования протестной деятельности». Представлен анализ того, насколько и по каким параметрам такой прием оказался продуктивным, и почему традиционные и инновационные технологии регулирования протестным движением остаются не завершенными и не окончательными даже по отношению к существующей протестной практике. И их потенциал не может быть достаточным и абсолютным регулятором.

Ключевые слова: *протестные акции, протесты в России, технологии регулирования протестными акциями.*

D.E. SLYZOVSKIY

*Doctor of Sciences (history), Professor,
Peoples' Friendship University of Russia (PFUR),
Moscow, Russia*

A.A. AMIANTOV

*Candidate of Sciences (political sciences),
Associate Professor, Chair of state and municipal
administration, Peoples' Friendship University
of Russia, Moscow, Russia*

**DOES THE GOVERNMENT HAVE THE RESOURCES
TO COPE WITH THE PROTEST MOVEMENT?
(Review of the article by S. I. Morozov and K. M. Makarenko
“Technologies for regulating destructive forms
of protest activity in modern Russia”)**

In the center of the analysis, in the form of a review of the article, the authors present the dynamics of traditional and new technologies for regulating destructive protest actions. In the process of interpreting the key ideas of the article, the review demonstrates that in their study the authors of the article managed to supplement and decipher the concept of “legal restrictions” with the help and on the basis of another terminological and conceptual framework, namely, apply the concept of “technologies for regulating protest activity.” The article presents an analysis of how and by what parameters such a technique was productive, and why traditional and innovative technologies of regulating the protest movement remain incomplete and not final even in relation to the existing protest practice. Moreover, their potential cannot be a sufficient and absolute regulator.

Key words: *protest actions, protests in Russia, technologies for regulating protest actions.*

За бурностью событий и широтой циркулирующей информации нередко из внимания выпадают важные, и очень важные, процессы. Так устроен современный мир и способы его восприятия, в том числе и научного рефлексирования. Можно с этим соглашаться, принимать как естественную данность! Но – и в этом суть и смысл! – все сознательные граждане страны с вниманием должны отнестись к вступлению в силу нормативных положений об увеличении штрафов за неповиновение силовикам на митингах. И к тому, что Кодекс РФ об административных правонарушениях дополнен штрафами за нарушение порядка сбора и расходования средств на организацию публичного мероприятия и правил предоставления отчета

об этом. Для граждан они составят в размере от 10 до 20 тысяч рублей, для должностных лиц – от 20 до 40 тысяч рублей, для юрлиц – от 70 до 200 тысяч [18].

Повседневная подоплека событий и социально-политический смысл этих решений не совпадают. Если их что-то и объединяет, так это то, что, с нашей точки зрения, при кажущейся локальности реакций адаптивного свойства к обстоятельствам и складывающейся атмосфере напряжения в обществе, все же эти регулятивного характера правовые акты и реакции на них остаются актуальными и злободневными [4]. Актуальными и значимыми, поскольку касаются обязанностей демократии вообще. И непосредственно обязанностей общества и государства быть ответственными перед демократией при соблюдении и защите конституционного права на собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования при всех обстоятельствах и условиях.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 3; 5; 6. С. 20-24; 7. С. 49-59; 8; 9; 10; 11; 13. С. 91-94; 14. С. 112-125; 17. С. 182-187].

Однако проблему протестного движения политической оппозиции нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Право на свободу мирных собраний и ассоциаций, митингов и шествий, протестов, пикетирований (раньше говорили также о забастовках и стачках) и пользование этим правом без каких-либо ограничений завоеваны всей мировой и локальной историей. Но часто это право в конкретных обстоятельствах интерпретируется так широко, и так вольно, что бессознательно или по умыслу упускается другая сторона этого права: ограничения в соответствии с законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц. Причины этого, по мнению экспертов, историков и политологов в том, что в большинстве случаев протестные движения беспорядочны и даже несут в себе угрозы [12].

Видимо поэтому практика ограничений в соответствии с законом права на акции протеста является столь же естественной, как и сами протесты. А исследователи этих конфликтных процессов очень часто, что тоже естественно, работают с понятием «ограничения в соответствии с законом». И остаются в логике и смыслах, вытекающих из законных мер по ограничению права на свободу публичного изъяснения требований и интересов, мысли и слова. Но не так все просто в этом процессе. Доходит нередко исследовательское ремесло до того, что ограничения интерпретируются только

как законные, либо даже трактуются как законные гарантии по формированию демократического гражданского общества. А незаконным и противоправным ограничительным мерам, что тоже не редкость, не дается должной оценки ни на правовом поле, ни в исследованиях. При таких подходах в исследованиях упускают или не замечают другого рефрена, того, что выступающие от имени государства субъекты столь же часто узурпируют права граждан, пытаются порой силой воздействовать на мирные собрания, повлиять на их содержание, предотвратить, а то и разогнать их, если они посягают на, например, привилегии должностных лиц. Или заявляют о трудностях социального порядка и нерешенных проблемах с заработной платой. Число претензий может быть велико, и есть основания к тому, что их становится еще больше. Бесспорно, что на другом фланге отношения к протестам и исследовательской их практике распространено мнение, что нет и не может быть законных ограничений на право демонстраций, шествий, протестов. И всякое ограничение суть только беззаконие. При такой дихотомии и диалектике природы протестов конфликт в самом протестном процессе и способах его анализа и исследования оказывается в каком-то безысходном состоянии. Где выход, и есть ли позитивные примеры хотя бы попыток разрешения этой коллизии?

Оказалось, что есть такие исследования, которые понятие «законные ограничения» дополняют и дешифруют на другой терминологической и понятийной базе. Таким любопытным и интересным исследованием является, с нашей точки зрения, работа С.И. Морозова и К.М. Макаренко «Технологии регулирования деструктивных форм протестной деятельности в современной России»). Еще предстоит в полной мере оценить тот подход и тот понятийный аппарат, которые использовали эти авторы. Ясно лишь пока одно – к существующему нормативному понятийному аппарату и терминологии – «ограничения в соответствии с законом» – они добавили другой термин – «технологии регулирования протестной деятельности». Не будем здесь спорить, в какой мере этот термин и скрываемое в нем понятие отличается новизной. Существенно подчеркнуть то, что этот термин обрел для авторов статьи ключевое значение. Исследуя процесс технологий регулятивного толка, они пишут: «Основным методом исследования был выбран анализ конкретных кейсов (case-study), позволивший на основе изучения частных случаев сформировать систему технологий, используемых российскими властями федерального, регионального и местного уровней для регулирования деструктивных протестов». Такой подход и метод коррелируется с той бурной историей и практикой, которая сегодня отражается в событиях протестного движения.

Протестные акции (социальные, экономические, культурные, политические, санкционированные и несанкционированные) во всем мире нарастают, усиливается их давление на правительства в том числе и посредством

постоянного совершенствования технологий натиска, нападений, сопротивлений и самозащиты. Правительства и их разветвленные структуры также не остаются лишь пассивным объектом давления протестантов, и отрабатывают постоянно способы нейтрализации самых изощренных атак со стороны протестных движений. Если мы признаем, что протесты являются реакцией на социально-политическую ситуацию, иногда в поддержку ее, чаще – против, а их характер коррелируется отношением к ним со стороны власти и политического режима, то естественно, что в 9 из 10 протестных акциях имеет место пусть самое примитивное, но броское обращение к представителям государственной власти. И эта самая государственная власть по самым разным причинам усматривает в этих протестах угрозу для себя. При этом протестующие, кто бы они ни были, и с какими бы требованиями не выступали, настаивают на неотъемлемости своего права на протесты. И на защите этого права всей мощью и силой со стороны государства. Однако, никем не отвергнуто и никем не оспорено положение – право на протест это одно дело, а целесообразность протеста в том ли ином случае – другое дело. Если внимательно присмотреться, то можно обнаружить, что у либералов, консерваторов, демократов, анархистов отношение к протестам самое разное. Выясняется также, что та или иная политическая партия, их сторонники проповедают массам либо важность этого права, либо его вредность и опасность. И та и другая позиции, право или запрет на протесты не являются каким-то фетишем, не допускающим критики любой позиции. Нездоровые условия жизни порождают нездоровые тенденции, которые по сложившейся традиции хотят по-прежнему решать с помощью протестов, нередко доводимых до революций. Но и вскрывать опасность протестов еще не значит, что нужно отрицать право на протесты и даже сами протесты. Признаем ли мы право на протесты или нет, признаем ли опасность протестов и защиту от этой опасности со стороны государственной власти, – вот тот вопрос, который затронули и по-своему и с точки зрения технологического инструментария регулирования деструктивными протестами стали объяснять С.И. Морозов и К.М. Макаренко.

Рецензируемая статья есть, как нам представляется, отражение и реакция на своего рода чрезвычайные проявления современного социально-политического процесса, с чем вновь столкнулся мир. Возрождение протестного движения носит глобальный характер. На фоне мирных протестов беспорядки и насилие, некоторыми специалистами и экспертами, считаются исключением. Если и сложилось впечатление, что это не так, то это в большей мере объясняется непропорциональным вниманием СМИ к беспорядкам и фактам насилия. Оценка этого явления и отношение к нему разное. Есть устойчивое мнение, согласно которому протестные движения следует рассматривать демонстрацией стойкости ненасильственных гражданских действий. Но сам факт нарастания протестов, не исключается, напротив,

признается очевидным и неустранимым. И утверждается, что новые протесты станут испытанием для правительств [16]. Но мы бы сказали протесты и противодействие им станет тяжким испытанием и для протестующих, их инициаторов и организаторов. Удивлению достойно, что при сложившейся атмосфере в самых разных обществах и государствах, уже и общественным сознанием не воспринимаются тревожными, настораживающими, пугающими сообщения, вроде того, что «Появились технологии протеста, сметающие любой режим» [19]. В этом же ряду по созданию протестного контента и точечного управления сознанием и поведением протестного движения стоят на первый взгляд безобидные нарративы, занявшие информационное пространство у нас в стране. Протестующим по идейным убеждениям, но и по наитию, и потенциально готовым следовать только групповым настроениям, внушают мысль о неизбежности успеха для каждого и всех на пути гражданской активности. Но не только в этом сила внушения. Внушение более пронзительно и многообещающе. И тогда формируется убеждение, что не обязательно быть сознательным гражданином и не нужно воспитывать в себе высокой уровень ответственности и сознательности. Мобилизующим и вдохновляющим на протесты кажется стал лозунг – «мы здесь власть». А для ее обретения будто бы уже все есть. И прежде всего информационные технологии: «Информационные технологии позволяют российскому гражданскому обществу становиться более эффективными» [2].

Коль в социально-политическую практику протестов и их регулирование вброшена идея силы и мощи информационных технологий, было бы резонно обнаружить, а есть ли другие технологии формирования здорового гражданского общества, где формой являются протесты. Рецензируемая статья позволяет увидеть искомый элемент: «В рамках данной статьи на основе практик использования различных инструментов и методов регулирования и минимизации деструктивных форм протестов, используемых властью в современной России, было выделено три типа используемых технологий: репрессивные (насильственные); административно-правовые; политико-коммуникативные». Внимание авторов на этих типах технологий регулирования протестов не вызывает принципиальных возражений. Пусть будут так. Допускаем, что это соответствует реальному и потенциальному состоянию политического процесса, где протестные акции заняли свое место и оно, кажется, будет только расширяться. Иное дело, если мы зададимся вопросом, почему типы технологий, которые анализируются авторами, неожиданно и без всяких пояснений превращаются у них в категории технологий. При таком переходе следовало бы оговорить, что используемые типы технологий регулирования деструктивных протестов, являются категориями потому, что они представляют формы, обладающие существенными качественными признаками среди других типов регулирования. Возможно это и так. Но как быть тогда с тем, чтобы объяснить, действительно

ли эти: а) репрессивные (насильственные); б) административно-правовые; в) политико-коммуникативные типы являются категориями. И эти технологии способны эффективно противодействовать и регулировать протестные акции, организаторы которых активно в свою очередь применяют, например, такие приемы, как: 1) координации протестов; 2) освещения протестов; 3) технологии взаимопомощи; 4) технологии надзора и др. Надо полагать, что организаторы протестов хорошо осведомлены о технологиях регулирования протестами со стороны государственных структур. И их технологии – это как раз можно считать контртехнологиями. Тут кстати уместно наблюдение, высказанное авторами статьи, когда они заявляют, что «использование тех или иных технологий определяется характером противоборства в рамках «соревновательной политики», уровнем доступных к мобилизации ресурсов и уровнем доверия к представителям власти и оппозиции». С нашей точки зрения, авторы подошли к тому в своем анализе, чтобы объяснить по поводу категорий, а не только типов технологий регулирования, но и ответить на такие вопросы, почему они изучали и анализировали именно три категории, и на чем основана такая градация технологий. Именно только подошли, и надо бы теперь зафиксировать подход результатом изыскания.

Амплитуда протестного движения в России, начиная с 2011-12 гг. и по сей день, не переходила, на наш взгляд, грани, чтобы из ненасильственных действий стать насилием. Даже несанкционированные властными структурами протесты января и февраля 2021 года не стали разрушительными, хотя и были рецидивы организованных силовых акций против сотрудников полиции, Росгвардии и ОМОН. Но признаки перерастания мирной стадии протестов в грубую и насильственную – заметны. И есть обоснованные предположения, что предстоящая актуальная политическая повестка, состояние экономического спада и социального разбалансирования, нарастающее деструктивное вмешательство извне, и ряд других факторов, могут спровоцировать протестные акции до уровня насильственных действий. Углубление диспропорций в доходах населения, масштабная и разветвленная коррупция, несправедливость, неравенство, множество долговременных социальных проблем, рост тарифов на услуги ЖКХ, скорее всего подстегнут демонстрации и протесты. Именно правительственные и государственные структуры, институты, фигуранты должны реагировать таким образом, чтобы массовые акции оставались мирными, а протестующие были вовлечены в решение своих проблем.

Но следует иметь в виду и другие эксцессы и проявления, которые также нужно рассматривать продуктом этих самых протестов. Нет ли лукавства, подтасовки и искажения полноты картины, когда рассуждения о протестных действиях сводят лишь к тому, что условием мирного развития будущих демонстрации и протестов может быть только реакция на протесты правительства. Несоразмерные и даже противоправные и провокационные

действия протестующих и их организаторов и инициаторов на ответные действия государственных структур нередко и сознательно уводятся из-под критики. Расчет порой идет на какое-то упрощение процессов и неосведомленность особенно протестующей молодежи, что у правительства есть легитимного право на действия по предотвращению насилия. Другой, часто применяемый прием, это приписывание самым безобидным действиям правительства и власти только того, что подпадает под признаки подавления инакомыслия. И коль уж правительство подавляет инакомыслие, то опять же с помощью силы, и никак не иначе. Этот прием подтасовки или подмены, этот-то метод регулирования протестного движения часто используют для того, чтобы заявить о его вероятности. И на этом основании считать его важнейшим фактором, способствующим тому, чтобы преимущественно мирные протесты переросли в столкновения.

Разумеется, что организаторы и устроители протестных акций не столь примитивны, чтобы не заявлять, что как устоявшиеся так и зарождающиеся движения должны уделять приоритетное внимание поддержанию ненасильственным действиям в своих демонстрациях – особенно когда они сталкиваются с жестокими репрессиями. Но и правительства должны быть готовы к грядущим волнам протестных акций, к тому, чтобы удовлетворить требования, высказанные на улицах не путем подавления протестов, а скорее посредством диалога и значимыми реформами политического режима и политического устройства. Описываемые нами процессы не являются простыми и понятными. И здесь очень важно найти способы и формы проникновения в эти процессы и события. Наш интерес, кажется, находит такую возможность.

Статья двух исследователей (С.И. Морозова и К.М. Макаренко) – это интеллектуальный продукт, в котором, цитируем «представлен авторский анализ деструктивных форм протестной деятельности, а также технологий и методов, используемых властью для регулирования и минимизации данных практик».

Упоминание авторами такого уровня анализа открывал путь к ожиданию нечто оригинального и нового, что могло побудить к дискуссии самого высокого уровня. Эти ожидания были особенно сильными, когда речь шла о технологиях минимизации протестной активности, о репрессивных мерах подавления деструктивных форм протестной деятельности. Но, увы, о мерах репрессивного характера – ничего. Может быть надо было выявить перечень этих самых репрессивных мер, когда, при каких условиях и обстоятельствах применяются одни меры, при других обстоятельствах – иные. А потом уже говорить, как репрессивные меры влияют на динамику протестов. Не очень ясно, почему авторы статьи, все же поставив вопрос о том, как репрессивные меры влияют на динамику протестов, признав, что ответа нет и у них, зачем-то в анализе ушли в область методологии. Не удержались

исследователи и от искушения быть сверхмодными в использовании «уче-ных» терминов: «психологическим основанием деструктивного протеста выступает острое чувство фрустрации, вызванное феноменом «относительной депривации».

Тем не менее, какими бы недочетами не обладала данная статья, нет смысла их множить по ходу рецензирования. Все же в ней, на наш взгляд, есть добротный материал, позволивший расширить представления особенно о конкретных примерах политико-коммуникативных технологий. Редкие, но выразительные примеры медиации между верховной властью и участниками протестов, переговоры представителей региональной власти с протестующими, готовность к ним или, напротив, отказ от переговоров – достаточно распространенная практика процессов протестного актинизма и его регулирования. Будет оправданным и нужным в связи с этой сюжетной линией в статье говорить о крайней важности того, что представлено концепцией «новой искренности», готовности вести диалог с гражданами на самые сложные и неприятные для власти темы.

Если подытожить наши рассуждения, то скажем так: полезная ценность актуальности данной работы, на наш взгляд, многогранна. Ее содержание открывает возможность к дальнейшей полемике по ряду вопросов. Выделим три принципиальных элемента.

Во-первых, это работа, где цель и задачи подчинены тому, чтобы (опять цитируем) «выделить и систематизировать технологии регулирования и (или) минимизации деструктивных форм протестной деятельности в современной России». На этот рефрен актуальности стоит обратить внимание потому, что технологии организации протестов и в академическом, и в практическом значениях превалируют стократно над технологиями противостояния протестам. Более того, именно первые технологии, технологии организации и продвижения протестов подаются как предпочтительные с точки зрения демократии и защиты конституционных прав, обеспечивающих свободу выбора на успех гражданина и общества.

Во-вторых, в противоборстве протестных, с одной стороны, и проправительственных и провластных сил, с другой – плоды успеха склоняются то на одну, то на другую сторону. Технологии управления обеспечения процессами стали предметом конкуренции. И если протестные технологии создаются новообразовавшимися институциями, то контртехнологии применяют устойчивые, давно существующие государственные и партийные структуры. За участниками и организаторами протестов преимущество за счет эффективных и подвижных инноваций, при недостатке ресурсов. За государством традиционная неспособность к быстрому реагированию на появление новых технологий, но компенсация этой слабости при масштабной мобилизации ресурсов и средств силовых структур.

В-третьих, изучение правительственных и властных реакций на протестные акции может помочь и предсказать, что будет дальше, каков исход протестов. Но остается не столько проблема исхода протестных акций, которая по логике самого процесса завершится или насилием, или миром. Существенной и пока не проясненной ни теоретически, ни в прикладном аспекте проблемой является понимание того, действительно ли исход протестов в ту или другую сторону в основном зависит от реакций правительства. Именно эту проблему и с однозначным ответом на исход протестов, где на правительство и на госвласть накладывается главная, если не неразделенная ни с кем ответственность, – воспроизводят определенные группы специалистов и экспертов [15]. Логiku и смыслы их убеждений они оправдывают утверждениями, вроде того, что, те, кто ничего не делает, навлекают на себя позор и насилие. И эта характеристика адресуется только правительству. Те, кто действует смело, признают правду, у тех есть шанс к успеху и мирному исходу. Эту роль и миссию всегда будут будто бы нести протестующие.

Характер и масштабы протестов, реакция на них со стороны государственной власти и их структур будут вновь и вновь ставить вопрос – есть ли у правительства ресурсы, чтобы справиться с протестами. В пику этому вопросы – о ресурсах и возможностях протестного движения и готовности его быть достойным оппонентом государственной власти. Обсуждаемый материал навеивает одну мысль: правительство и государственная власть обязаны защитить всеми силами право свободного доведения до органов государственной власти и до общества коллективного согласия или несогласия с внутренней и внешней политикой государства, с действиями ее органов и должностных лиц. Выраженное же насилие, противоправные действия протестующих столь же противны, опасны, неотвратимо наказуемы, как и грубое их подавление.

Статья и способ освещения ее предмета позволила сказать не обо всем и не о многом. Но об одном она напоминает – все герои протестов и их регуляторы, с какой бы стороны они не пребывали, среди протестующих или между структурами государственной власти, лишены равновесия. Протесты – это безравновесная стихия активных и сверхактивных, нацеленных на демонстрацию своей силы и превосходства, прикрываемые технологиями всего лишь регулирования. Частью своего существования во время протестов они пребывают вне сферы обыденной жизни. И все вместе, протестующие и их регуляторы неукротимы своей страстью. Это состояние и эта зарисовка может показаться далекой от современной социально-политической жизни и политического процесса. И даже надуманной характеристикой данной темы. Но это не так! Накопление ресурсов противостояния – продолжается. Технологии регулирования остаются не завершенными и не окончательными даже по отношению к существующей протестной практике. И их потенциал не может быть достаточным. Тем более, абсолютным регулятором.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Авзалова Э.И. Условия и формы политического участия в сети Интернет // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 12 (64).
2. Асмолов Григорий. Сумма протестных технологий: куда ведет гонка инноваций в России // <https://www.opendemocracy.net/ru/technological-innovations-protests/>.
3. Ахмедов Ж.И. Легитимность власти как современный фактор угрозоустойчивости общества // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 1 (65).
4. Вишневский Борис. Под маской губернатора // <https://novayagazeta.ru/articles/2021/03/01/89434-pod-maskoy-gubernatora>.
5. Ершов Н.А., Омерович А.Р., Попов С.И. Протестный потенциал как инструмент предвыборной кампании (часть I: выборы в Московскую городскую Думу 2019 года) // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 1 (65).
6. Медведев Н.П. Антикризисная политика по-русски // Вопросы политологии. 2011. № 4 (4).
7. Медведев Н.П. К вопросу о политической стабильности: теоретические проблемы и российская практика // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2019. № 1 (15).
8. Морозов С.И., Макаренко К.М. Технологии регулирования деструктивных форм протестной деятельности в современной России // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 2 (66).
9. Соколов А.В., Фролов А.А. Роль сети Интернет в развитии гражданского общества и диалоге между населением и властью // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 12 (64).
10. Сулейманова Ш.С. Роль социальной сети в формировании политического сознания современного общества // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 12 (64).
11. Фалалеев М.А., Ситдикова Н.А., Нечай Е.Е. Политические ориентации молодежи Приморского края в контексте принятия поправок в Конституцию РФ. Опыт социологического исследования // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 12 (64).
12. Astor Maggie. Why Protest Movements Are ‘Civil’ Only in Retrospect // <https://www.nytimes.com/2020/06/16/us/politics/us-protests-history-george-floyd.html>.
13. Medvedev N.P., Slizovsky D.E. Review of the Article by Pyzh V.V. and Frolov A.E. “Political Security of the State and Political Stability of Society as an Object of Political Analysis” // Political Science Issues. 2018. Т. 8. № 1 (29).
14. Medvedev N.P., Slizovsky D.E., Glebov V.A. Gorbachev – Yeltsin – Putin: Discussion around Models of Political Regime. Whats Next? // Political Science Issues. 2019. Т. 9. № 2 (32).
15. Peniel E. Joseph. How will the protests end? History tells us much depends on how government responds // <https://www.nationalgeographic.com/history/article/how-will-protests-end-history-says-depends-government-response>.

16. *Pinckney J., Hidalgo E.D.* 2021 Will See More Global Protest: Can It Remain Peaceful? // <https://www.usip.org/publications/2021/01/2021-will-see-more-global-protest-can-it-remain-peaceful>.

17. *Slizovsky D.E., Zogranyan E.V., Medvedev N.P.* Review on the Article “On the Problem of Institutionalization of Political Parties” by T.A. Vasilyeva, D.D. Prokopchuk, R.A. Gritsenko // *Political Science Issues*. 2018. Т. 8. № 2 (30).

18. <https://rg.ru/2021/02/24/putin-podpisal-zakon-o-shtrafah-za-nepovinoventsilovikam-na-mitingah.html>.

19. <https://tehnowar.ru/114613-pojavilas-tehnologija-protesta-smetajuschegoljuboj-rezhim.html>.

DOI 10.35775/PSI.2021.67.2.036

УДК 32.327

Д.В. САПРЫНСКАЯ

научный сотрудник ИСАА МГУ

имени М.В.Ломоносова,

Россия, г. Москва

Д.С. САПАРБЕКОВА

магистрант Российской академии народного

хозяйства и государственной службы

при Президенте РФ, Россия, г. Москва

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ОТ ИСТОКОВ ДО СОВРЕМЕННОСТИ»

D.V. SAPRYNSKAYA

Researcher at the Institute of Asian and

African countries, Lomonosov Moscow State

University, Moscow, Russia

D.S. SAPARBEKOVA

Post-graduate student working for the

Master's degree at RANEPa under the President

of the Russian Federation, Moscow, Russia

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONS: FROM THE ORIGINS TO THE PRESENT”

19 февраля 2021 года в Институте стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова прошла международная конференция, посвященная 100-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией. В конференции приняли участие представители дипломатического корпуса двух стран. Представлены были еще ряд стран, среди них представители Турции, Германии, Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана, Абхазии, Швеции, Франции, Великобритании, Узбекистана, Египта, Китая, Японии, Украины и др.

Конференция включила в себя пленарное заседание и две сессии. Первая сессия была посвящена вопросам исторического развития отношений между Россией и Монголией, в то время как вторая сессия освещала вопросы современного состояния внешнеполитических отношений двух стран.

Конференцию открыл Председатель организационного комитета, и.о. директора ИСАА МГУ профессор Игорь Ишеналиевич Абылгазиев, который предоставил слово для приветствия Чрезвычайному и Полномочному Послу Российской Федерации в Монголии господину Искандару Кубаровичу Азизову и Чрезвычайному и Полномочному Послу Монголии в Российской Федерации господина Дуламсурэнгийн Даваа, затем слово взяла директор по развитию международного образования и сотрудничества РАНХиГС Л.Д. Тарадина. В прозвучавших речах было подчеркнута историческое значение установления отношений между Россией и Монголией. Спикеры отметили, что особую роль в развитии двусторонних связей сыграло то, что именно Россия выступила в качестве первой страны, признавшей Монгольскую Народную Республику

Модераторы: В.А. Родионов (Бурятия, Улан-Удэ), И.В. Зайцев (Россия, Москва), И.В. Кульганек (Россия, Санкт-Петербург).

Пленарное заседание открыл **В.А. Михайлов** д.и.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой национальных, федеративных и международных отношений РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, Москва) в своем выступлении отметил, что географические особенности евразийского региона, стали объективным фактором, который определяет целостность данной территории и оказали влияние на формирование истории народов, которые заселяют Евразию. Докладчик подчеркнул, что общность исторических судеб евразийских народов, их преемственность и совместимость во многом связана со спецификой континента Евразия и первым евразийским государством была Монгольская империя.

В докладе проф. НИУ ВШЭ, МГИМО (У) МИД РФ **С.Г. Лузянин** (Россия, Москва) «Россия и Монголия: сто лет отношений. Исторические и современные закономерности» были проанализированы базовые, исторические закономерности российско-монгольских отношений, сформировавшиеся в течение XVII – XX вв., включая особенности советско-монгольского союза – военно-политическую прочность (Халхин-гол 1939 г., разгром японского милитаризма, август – сен. 1945 г.), эффективное оформление международно-правового статуса МНР в 1945-1946 гг., успешную экономическую индустриализацию и реализацию базовых экономических проектов (Эрдэнэт, УБЖД, Дархан и др.). Освещены современные вызовы и особенности, влияющие на характер российско-монгольских отношений – волны глобализации и деглобализации, возвышение и превращение Китая в мировую сверхдержаву, пандемия коронавируса «COVID-19» и др. Профессор выделил три основных направления в развитии двусторонних отношений: 1) развитие двустороннего российско-монгольского стратегического партнерства, оформленного Договором от 3 сентября 2019 г., включающего кооперацию в сферах безопасности, обороны, торговли, инвестиций, инфраструктурных проектов, гуманитарного сотрудничества и др.; 2) взаимодействие России

и Монголии с Китаем, развитие экономического коридора «Монголия – Россия – Китай», сопряжение с китайской инициативой «Один Пояс, Один Путь», подготовку к реализации углеводородного проекта «Сила Сибири – 2» через Монголию; 3) российско-монгольскую кооперацию в рамках региональных организаций: в ШОС, в которой Монголия – наблюдатель, и с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) в плане подготовки создания Зоны свободной торговли между ЕАЭС и Монголией. В завершении своего доклада С.Г. Лузянин подчеркнул, что «главное сегодня, это – сохранение наших традиционных ценностей и достижений, независимо от эпох и идеологий. За сто лет все ненужное и негативное отсеклось, ушло в прошлое, а все положительное и взаимопольное осталось и окрепло».

С докладом на тему: «Россия и Монголия: к истории установления двусторонних отношений» выступил в.н.с. Института Востоковедения РАН (Россия, Москва) **А.Ш. Кадырбаев**, который подробно остановился на процессе установления отношений между двумя странами, истоки которых уходят в глубь веков, в события XIII века, когда была создана мировая Монгольская империя, в состав которой вошли земли, где ныне Россия, и русские с монголами были подданными одного государства, что наложило неизгладимый отпечаток на историю России. Российско-монгольские отношения получили новый импульс для развития в XVII в., когда русские землепроходцы присоединили к России Сибирь и дошли до Тихого океана, на пути к которому устанавливали связи с государствами на землях нынешней Монголии – Алтын-ханов, Джунгарским ханством, причем, монгольский язык стал для русских в это время языком общения не только с монгольским миром, но и с Китаем. Но взлет российско-монгольских отношений приходится на XX в., когда, опираясь на поддержку России, в 1921-1961 гг. была возрождена и упрочена монгольская государственность, новый отсчет истории которой начался с образования Монгольской Народной Республики, выстрадан в союзе с Россией в борьбе за независимость против Японии и Китая, когда благодаря решениям лидера СССР И.В. Сталина, Монголия после второй мировой войны стала членом ООН и субъектом международного права.

Следующим выступающим была **И.В. Кульганек**, д.филол.н., зав.сектором Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН (Россия, Санкт-Петербург). Доклад на тему «1930 год: подарок ученого комитета Монгольской Народной Республики Академии наук СССР» был посвящен Альбому фотографий «Северная Монголия. Ландшафты. Дар Ученого комитета Монгольской Народной Республики Академии Наук СССР. 1930 г.», который хранится в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН под шифром С 11. Альбом является актом выражения дружбы и сотрудничества монгольской и российской научных организаций. Он был преподнесен в преддверии 10-летней юбилейной даты образования Уче-

ного Комитета Монголии и подписания договора о сотрудничестве между Монголией и Россией. Альбом представляет собой рукописное подарочное издание, выполненное в виде книги из сшитых картонных листов, на которые наклеены 55 черно-белых фотографий. На фотографиях изображены природные и этнографические объекты, культовые места, памятники архитектуры и скульптуры северной части Монголии. Докладчик прокомментировал фотографии, представленные в Альбоме. Проведя исследование времени съемки, выбранных объектов, особенностей оформления книги, он высказал соображение об авторстве Альбома.

Представитель Монголии из г. Улан-Батор проф. Монгольского университета поствысшего образования, д.э.н. **Х. Батцэнгэл** представил доклад на тему: «Научно-образовательное пространство в перспективе двусторонних отношений». Ученый отметил, что системно-пространственный анализ позволяет представить перспективу дальнейшего развития сотрудничества в области науки и образования двух стран в направлении формирования научно-образовательного пространства. При этом надо признать, что в такой модели анализ развития двусторонних отношений за 100-летний период давал вполне определенные, обоснованные научные результаты, что позволило в какой-то мере объективно оценить состояние этих отношений и определить перспективу их развития. Однако в таком анализе становится невозможным осмысление этих отношений в многомерном пространстве, как живой, динамической системе, где своего рода энергетическая мощь двух народов проявляется во всем своем разнообразии. Тем более исторический анализ любой живой системы, каковой является в частности и система двусторонних отношений между нашими странами и народами, наше сотрудничество в области науки и образования, невозможен без глубокого системно-пространственного осмысления всего происходящего в живой системе, понимания его первичной единицы, из которой вырастает сама система, даже ее генетического кода, хранящегося в исторической памяти, цивилизационной основе существования народов.

Далее слово взял **К. Дэмбэрэл** – доктор (Ph.D.), ст.н.с. Института международных отношений Академии наук Монголии, координатор Центра изучения Центральной Азии при ИМО, (Монголия, Улан-Батор). Тема выступления звучала следующим образом: «Монголия перед дилеммой ШОС и Шелковый путь. Ученый отметил, что у Монголии имеется статус наблюдателя ШОС. Это значит, что Монголия является неполноправным членом. В то время как главным локомотивом ШОС выступают КНР и РФ, у которых, впрочем, есть ряд разногласий в перспективах развития данной организации. Монголия же имеет партнерские отношения с обеими странами. Монголия полностью поддерживает инициативу КНР «Один пояс, один путь» и выступает с предложением своего проекта «Степной путь» как составной части проекта «Нового шелкового пути». Если данная инициатива

не найдет широкой международной поддержки, то перед Монголией встанет вопрос выбора – ШОС или Шелковый путь.

Б. Батхишиг, д.э.н., проф. Института философии АН Монголии (Монголия, Улан-Батор) выступил с докладом на тему: «Основные этапы развития Монголии и ее отношений с Россией в прошлом и нынешнем веках. Профессор подчеркнул, что Монголия, которая в XIII-XIV веках держала под своим руководством большую часть огромного Евразийского континента, в конце XVII века попала под сюзеринитет Циньской династии Китая и находилась в этом положении вплоть до начала XX века. К счастью, этот XX век оказался очень знаменательным для приобретения независимости и возрождения Монголии. Именно с национально-освободительной революции Монголии 1911 года началась новая эра развития Монголии, которая делится на следующие этапы:

- 1) этап борьбы за независимость /1911-1924/;
- 2) этап борьбы за полную независимость или этап некапиталистического пути развития Монголии /1924-1961/;
- 3) социалистический этап развития Монголии /1961-1990/;
- 4) демократический этап развития Монголии /1990 – до нынешнего времени/.

Профессор Б. Батхишиг подчеркнул: «Каждый этап развития Монголии тесно связан с отношениями и сотрудничеством с Советским Союзом и Россией».

В своем докладе на тему: «Российско-монгольские отношения: анализ двусторонних договоров» **Ж. Баттогтох** Ph.D. (МУИС ОУХНУС), д.философ.н., профессор, декан факультета международных отношений и государственного управления (Монголия, Улан-Батор) обратила внимание на то, что взаимоотношения между Россией и Монголией, заложенные еще 5 ноября 1921 года носят характер стратегического партнерства. Подчеркнула, что после распада СССР, в новых геополитических условиях между странами был заключен Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве и это произошло в 1993 году. Отношения между странами имеют фундаментальную опору – это и декларации, заключенные в Улан-Баторе в 2000 году, и в Москве 2006 г., декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией от 25 августа 2009 г. Между странами на государственном и межправительственном уровне заключено более 150 договоров, что является основой для дальнейшего сотрудничества Монголии и России.

Л.В. Курас, д.и.н., профессор, гл.н.с. отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, Улан-Удэ) выступил с докладом на тему: «Отто Иванович Макстенек: у истоков двусторонних отношений между Россией и Монголией». Ученый отметил, что между тем у истоков двухсторонних дипломатических отношений Советской России и Монголии стоял другой советский дипломат – член партии большевиков с 1904 г., политкаторжанин Отто Ива-

нович Макстенек, имя которого оказалось незаслуженно забытым. В июне 1920 г. в пограничном городе Троицкосавске начало работать представительство НКВД Советской России в Монголии, во главе которого встал Уполномоченный НКВД РСФСР в Монголии О.И. Макстенек. Дело в том, что он не был пропущен китайскими оккупационными властями в Ургу и был вынужден остановиться на границе. Обосновавшись в Троицкосавске, дипломат приступил к налаживанию контактов с монгольскими революционерами и организации их связи с представителями Советской власти и Коминтерна в Сибири.

В.А. Родионов, д.полит.н., директор Института востоковедения Бурятского государственного университета им. Банзарова (Россия, Улан-Удэ) в своем докладе на тему: «Индия как «третий сосед Монголии» подчеркнул, что в основу внешнеполитической стратегии Монголии положен приоритет развития отношений по трем главным направлениям – сотрудничество с Россией, Китаем и «третьим соседом», включающим в себя США, государства ЕС, Японию, Республику Корея. Отдельное место в этом ряду занимает Республика Индия. На фоне незначительной роли Индии во внешнеэкономической деятельности Монголии привлекает внимание особый характер отношений между странами в культурно-религиозной сфере. Высокопоставленные политики обеих стран неоднократно указывали на «духовную близость», основанную на буддийской религии. Кроме того, в последние годы индийская сторона сделала ряд шагов по наращиванию своего влияния в Монголии. Речь идет, прежде всего, о выделении крупного кредита на строительство НПЗ, расширении сотрудничества в области IT-технологий и кибербезопасности, предоставлении партии вакцины от COVID-19. В свете усиления индийско-китайских противоречий активизация политики Нью-Дели на монгольском направлении может быть интерпретирована как часть геополитической стратегии по сдерживанию КНР.

Далее с докладом на тему «Российско-монгольские отношения в эпоху глобализации» выступил **С.А. Семедов**, д.филос.н., профессор РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, Москва), который обратил внимание участников встречи на то, что за сто лет дипломатических отношений между двумя странами не было конфликтных ситуаций, нет принципиальных разногласий по проблемам мировой политики и это является важным фактором, который прочно укоренился в памяти наших народов. Спикер выразил уверенность в динамичном развитии торговых и экономических отношений. Он отметил большой накопленный опыт взаимоотношений в различных сферах и подчеркнул, что «Монголия и Россия – это две разные культуры, две разные цивилизации, но с глубоким пониманием друг друга. Надо органично развивать единое образовательное, спортивное и культурное пространство, которое будет поддерживать и углублять отношения между нашими народами».

А.И. Сухарев, д.полит.н., профессор РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, Москва) в своем докладе на тему «Российско-монгольское гуманитарное сотрудничество» затронул темы огромной поддержки нашей страны монгольским народом в годы Великой Отечественной войны, русского языка, широко распространенного в Монголии. В то же время, как отметил эксперт, интерес к русскому языку у современной молодежи снижается, в старших классах его изучение стало факультативом. «Должна быть создана специальная совместная программа по подготовке и переподготовке преподавателей русского языка для монгольских школ, – сказал Сухарев. – Надо поддерживать и развивать знание русского языка, который объединяет наши народы».

С докладом на тему «История русской диаспоры в Монголии и ее вклад в развитие двусторонних отношений» выступила **Т.В. Шорваева**, член Всемирного координационного совета российских соотечественников за рубежом, председатель координационного совета организаций российских соотечественников в Монголии (Монголия, Улан-Батор), которая рассказала о наличии отдельных групп русских в Монголии, переселившихся в 18-19 веках, что было отмечено русскими путешественниками Козловым, Пржевальским, Потаниным, Обручевым, Владимирцовым. Селились они главным образом в долинах рек: Селенги, Онона, Орхона и Тэс. Это были крестьяне-староверы (семейские), притеснявшиеся царским правительством и РПЦ, беглые крестьяне и др. Докладчик так же обратила внимание на участие русских в индустриализации Монголии. Большую роль в развитии государства и ее экономики вместе с монгольскими гражданами и специалистами из СССР играли и постоянно проживающие в Монголии советские граждане, они трудились, практически, во всех сферах. Их труд высоко оценен Монголией, многие из них были награждены государственными наградами.

В завершающей части пленарного заседания выступил студент из Монголии **Цогоо Дорж**, обучающийся на факультете маркетинга и международного сотрудничества РАНХиГС, по направлению «Международное сотрудничество» выступил с сообщением на тему: «Образ России и русских в общественном сознании современной монгольской молодежи».

Модераторами первой сессии выступили **Н.Т. Нурулла-Ходжаева**, д.филос.н. (Россия, Москва) и **Г.Д. Джунушалиева**, д.и.н., профессор (Кыргызстан, Бишкек).

Выступающие первой сессии, с подачи модераторов, начали свое обсуждение со ссылки на выступление Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Монголии господина Азизова Искандара Кубаровича, в частности, его ремарку по поводу «многогранного» подхода в представлении Монголии, ее вклада в историю, культуру и современность Евразии, что дало ориентацию на более расширенное обсуждение обозначенной темы конференции.

А.Н. Команджаев, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории России, документоведения и архивоведения Калмыцкого государственного

университета (Россия, Калмыкия, Элиста), первый выступивший на сессии, в своем докладе на тему: «Изучение монгольской цивилизации: российские калмыки в конце XIX века» говорил о роли монгольской цивилизации в формировании калмыцкого этноса. В результате цивилизационно-культурного столкновения между Джунгарским ханством и Цинским Китаем, выжившая часть населения вынуждена была мигрировать на запад. В материальной культуре калмыков сохранились значительные пласты социальной и традиционной специфики монгольской кочевой цивилизации. Но, со временем, с распространением российской правовой системы на территориях Калмыкии очень многие характерные кочевнические социальные нормы теряют свое былое значение.

Далее выступила представитель Кембриджского Университета **Праджакти Калра**, к.и.н., Центр исследований по развитию (Великобритания, Кембридж). Ее доклад на тему: «Влияние Золотой Орды на отношения России, Центральной Азии и Монголии» вызвал оживленную дискуссию среди коллег. Докладчик подчеркнула, что помимо содействия торговле, влияние монголов также улучшило сообщение вдоль Великого Шелкового пути (ВШП), установив почтовую ретрансляционную систему. Выступающая также особо отметила, что устойчивые экономические связи сумели создать коммуникационную площадку для торгового и социокультурного обмена между этносами. Не менее значимым товаром наряду с шелком на маршрутах ВШП был мех, который ценился и был востребован на рынках Европы. Как отметил спикер, «Исследования развития экономических и международных отношений между Золотой Ордой, Россией, Центральной Азией и Монголией можно существенно дополнить изучением других аспектов регионального взаимодействия».

Доклад **М.И. Алиевой-Чынар**, к.филол.н., доцента Улудгского Университета (Турция, Бурса) «Суфизм – синтез Православия и тюрко-монгольского Тенгризма» оказался весьма спорным, и одновременно открыл другую плоскость интерпретации суфизма на Евразийских просторах. Исследователь подчеркнула, что монголы культурно расширили Шелковый путь, позволив людям разных религий сосуществовать. Слияние народов и культур завоеванных территорий принесло свободу вероисповедания по всей империи. Через обширные степи Азии путешественник мог встретить мусульман и христиан, живущих и работающих вместе с монголами, которые продолжали исповедовать свою традиционную религию. С точки зрения докладчика суфизм практически совместил в себе догматы православного христианства с духовными практиками тюрко-монгольского тенгризма. Докладчик резюмировала, что именно благодаря подобному синтезу, суфизм сумел укрепить позиции ислама в Центрально-Азиатском регионе.

М. Фазылхашеми, Ph.D., проф. Исламской теологии и философии Университета Упсалы, член Шведской Академии наук (Швеция, Стокгольм)

и **М. Наматов**, Ph.D., проф., исследователь университета Новый Лиссабон (Португалия, Лиссабон) представили выступление на тему: «Концепция власти аль-Газали и монгольская династия Джучидов». В докладе было отмечено, что Джучиды, являющиеся в XIII-XVII вв. правителями различных государств в Восточной Европе, Центральной Азии, Западной Сибири и Дешт-и-Кипчаке оказали огромную роль на процессы, происходившие в большом пространстве Евразии. Докладчики подробно остановились на концепции интеллектуального и толерантного российского Ислама – синтеза монгольского шаманизма и персидского Зороастризма.

М.А. Наматов, ассоциированный исследователь университета Новый Лиссабон, факультета истории и культуры народов Азии, профессор, Ph.D. (Германия) отчасти продолжил идею предыдущего спикера, поскольку его доклад был посвящен другому аспекту суфизма: «Влияние монголо-тюркского Тенгризм на концепцию суфизма в тюркском (русском) исламе. Концепция религиозной толерантности и противостояния салафизму». В докладе было сказано, что стабильность, принесенная монгольским правлением, открыла возможности циркуляции идей по религиям между народами из Центральной Азии в Восточную Азию. Выступающий отметил, что между суфизмом и салафизмом существуют достаточно серьезные расхождения, которые обусловлены излишним радикализмом и нетерпимостью к другим мусульманам и немусульманам. Суфизм с его ориентацией на духовное познание через собственные чувства и ощущения, практику достижения экстаза с помощью музыки и танцев, народные верования, посещения гробниц с подношениями, клятвы и обращения к святым вызывают резкую критику салафитов.

Далее на сессии выступил **Б.В. Меняев**, специалист наук ФГБОУ КалмГУ им. Б.Б. Городовикова (Россия, Калмыкия, Элиста), который очень последовательно раскрыл тему, касающуюся «Экспедиций калмыцких ученых в Монголию, Китай и Киргизию». Вопросы по поводу масштабов такого рода экспедиций, были встречены активной дискуссией среди слушателей. Было признано, что сама тема «экспедиций», это возможная платформа по обоснованию и дальнейшим исследованиям народов, живущих на этих землях. Докладчик особо отметил роль калмыцких исследователей в изучении артефактов материальной культуры этнических групп калмыков, которые проживают на территории Монголии, Китая и Киргизии. Этнографические и археологические памятники позволили провести параллели между ними, собрать аналитический материал, который стал основой для дальнейших научных публикаций. Данный доклад был подготовлен совместно с **Б.Х. Борлыковой**, к.филол.н., ФГБОУ КалмГУ им. Б.Б. Городовикова (Россия, Калмыкия, Элиста).

Следующий представитель Калмыкии, **Б.Л. Митруев**, научный сотрудник Калмыцкого научного центра Российской Академии Наук (Россия,

Калмыкия, Элиста) представил доклад на тему: «Рукописи эпоса Гэсэр из фонда Калмыцкого научного центра». Докладчик кратко, но весьма поучительно продемонстрировал имеющиеся рукописи Фонда и последующие перспективы их изучения. Калмыцкое сказание Гэсэр представляет собой цельный сюжет, в котором обнаруживаются параллели с главами известных сводов тибетских и монгольских версий эпического памятника. Наблюдаются совпадения отдельных сцен, мотивов; некоторые мотивы и сюжеты даются в кратком изложении, а некоторые упоминаются лишь фрагментарно. Сюжет, имея генетические сходства с тибетскими и монгольскими эпическими версиями, на почве калмыцкой фольклорной традиции претерпел трансформации и модификации на содержательном и сюжетно-мотивном уровнях, с признаками сказочного переосмысления.

Большой интерес вызвал доклад **Н.Г. Очировой**, к.полит.н., ФГБУН «Федеральный исследовательский центр. Южный научный центр РАН» (Россия, Ростов-на-Дону), «Монголоведческие исследования в Калмыкии: история и современность», в котором исследователь показала, значимость и актуальность современного монголоведения в Калмыкии.

В своем докладе на тему «Студенты Ленинградского Восточного Института (1920-1938): между классическим и прикладным монголоведением», н.с. Санкт-Петербургского Института восточных рукописей РАН, к.филол.н. **Д.А. Носов** (Россия, Санкт-Петербург), поднял вопросы по истокам и предметности отечественного монголоведения, подчеркнув актуальность такого рода работы среди современных исследователей.

Затем слово для выступления взял **Р.Р. Назаров**, доцент кафедры Иностранных языков и гуманитарных дисциплин Ташкентского филиала РЭУ имени Г.В. Плеханова (Узбекистан, Ташкент). Его доклад «Советско-монгольское военно-политическое сотрудничество в 1920-1940-е гг.» стало началом серии докладов, посвященных вкладу Монголии, и в целом сотрудничества Монголии и Советского Союза в период 20-х – 40-х гг.

Следующим докладчиком был **Э.У. Шорваев**, к.и.н., Генеральный директор ООО «Открытый мир» (Монголия, Улан-Батор). Его доклад: «Г.К. Жуков – роль личности в истории советско-монгольских отношений» был встречен слушателями с большим интересом. Докладчик признал, что полководческое искусство Г.В. Жукова признано в мире и это было доказано также в процессе боев на Халхин-голе. Исследователь подчеркнул какую высокую оценку дает монгольский народ Г.К. Жукову в разгроме японских агрессоров и в дальнейшем укреплении вооруженных сил Монголии.

Доцент кафедры ЮНЕСКО ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова **В.Л. Пархимович** (Россия, Москва) в своем докладе «Поездка председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова в МНР в 1957 году» говорил о том, как 26 мая 1957 года в столицу МНР Улан-Батор прибыл с визитом дружба К.Е. Ворошилов. Отдельно докладчик остановился на результатах этого

визита. Спикер отметил, что это был первый визит в МНР высшего должностного лица СССР, ранее ни один глава Советского Правительства, Президиума Верховного Совета СССР или первый секретарь ЦК КПСС не посещали эту страну. Визит К.Е. Ворошилова содействовал росту международного престижа МНР, интеграции страны в систему мировой политики, интенсификации дипломатических контактов Монголии с социалистическими и развивающимися странами, что способствовало вступлению МНР в ООН в 1961 г.

А.А. Ганич, к.и.н., н.с. лаборатории экологии культуры Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва) выступила с докладом на тему: «Монголы в армянских источниках XIII – XIV вв.». Исследователь выделила наиболее значимые сочинения армянских авторов и среди них такие труды: Григора Акнерци (Магакии) [«История монголов инока Магакии, XIII в.»], Вардана Аревелци [«Всемирная история Вардана Великого»], Мхитара Айриванеци [«Хронологическая история, составленная отцом Мхитаром, вардапетом Айриванским»], Степаноса Орбеляна [«История области Сисакан»], Киракоса Гандзакеци [«История Армении»], Гетума (Хетума) Патмича [«Цветник историй стран Востока»], Смбага Спарапета, Степаноса епископа, Безыменного Себастиана, Иоанна Ерзынкаци, Нерсеса Палиенца и др. Все вышеперечисленные авторы, являясь современниками описываемых событий, довольно подробно повествуют о нашествиях монголов и их последствиях для местных народов, о взаимоотношениях с местными владетелями, быте, нравах и религиозных представлениях монголов, об особенностях военного дела, системе управления и налогообложения на завоеванных территориях.

Доклад на тему: «Институт зятьев в Монгольской империи» был представлен **К.Ш. Хафизовой**, академиком Казахской Национальной академии естественных наук (КазНАЕН), главным научным сотрудником Центра сближения культур второй категории под эгидой ЮНЕСКО Министерства культуры и спорта Республики Казахстан (Казахстан, Алматы). Выступление академика вызвало весьма оживленный интерес у участников конференции, так как затрагивало интересные моменты, связанные с обычаями и традициями монгол.

К.И. Кобландин, д.и.н., профессор ЕНУ им. Л.Н. Гумилева и **Байжума Г.**, докторант Ph.D. (Казахстан, Нур-Султан) представили совместный доклад на тему: «Этнодемографическое развитие казахов Монголии во второй половине XIX и в первой четверти XXI века». Ученые исследовали динамику изменения демографических показателей казахского населения Монголии, выделив аймаки, где проживает наибольшее количество этнических казахов.

Д.и.н., профессор Карагандинского университета имени Е.А. Букетова **З.Г. Сактаганова** (Казахстан, Караганда) заявила тему доклада: «Казахи Монголии: к проблеме возвращения на историческую родину в 1990-2000-е годы». В докладе были подняты проблемы возвращения казахов на истори-

ческую родину на рубеже XX-XXI веков. Исследованы общие закономерности и особенности их расселения и адаптации в Центральном Казахстане. На материалах статистических данных текущего архива миграционных служб Республики Казахстан изучены основные этапы миграции оралманов из Монголии.

Вышеназванную тему поддержала в своей речи **Б.А. Досова**, к.и.н., доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Карагандинского университета имени Е.А. Букетова (Казахстан, Караганда). Тема ее доклада: «Кандасы в истории казахстанско-монгольских отношений». В нем она остановилась на основных аспектах истории возвращения из Монголии этнических казахов на историческую родину, их адаптации в казахстанском обществе. Отметила роль кандасов и граждан Монголии казахской национальности в укреплении казахстанско-монгольских отношений.

Д.Я. Рахаев, к.и.н., с.н.с. Института Российской истории РАН (Россия, Москва) выступил с докладом на тему: «Черкесы в составе Монгольской империи». В своем выступлении исследователь выделил те источники, в которых упоминают черкесов, занимавших важные посты в войске и администрации монголов. Подчеркнул, что необходимо признать, что экономическое бремя, которое ханы наложили на черкесов, частично компенсировалось тем, что: во-первых, адыгская знать, участвовавшая в имперских военных кампаниях, получала свою долю добычи; и, во-вторых, адыги в числе прочих участников приобретали выгоду от расширения международной торговли в условиях мира между народами, входившими в Монгольскую империю. Военная добыча и торговля, несомненно, смягчали ущерб от оттока экономических и людских ресурсов в годы вхождения Черкесии в Джучиев улус.

Следующим докладчиком был **Д.М. Тимохин**, к.и.н., с.н.с. Института Востоковедения РАН (Россия, Москва). Тема его доклада: «Монголы в арабо-персидских источниках». Исследователь подчеркнул, что корпус источников о монгольском нашествии на Центральную Азию был неоднороден: в нем сосуществуют различные по своей языковой и культурной принадлежности произведения, отличающиеся по структуре, замыслу, характеру описаний и составу упоминаемых событий. И это, несомненно, актуально для работы по данному направлению.

Далее с докладом на тему «Монгольские образы в персидской миниатюре» выступила **Н.Т. Нурулла-Ходжаева**, д.филос.н., доцент кафедры Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. Она подчеркнула, что никакое художественное движение не возникает, не имея контактов с другими устоявшимися направлениями в искусстве. Так обстоит дело с «персидской миниатюрой» и влиянием китайско-монгольских образов в ней. Маверанахр на протяжении веков придавал огромное значение искусству и культуре извне, и это вело к возникновению очень любопыт-

ных вариантов синтезов самых различных художественных стилей. Докладчик проиллюстрировала доклад миниатюрами гератской и бухарской школ миниатюристов.

И.А. Зайцев, аспирант ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова в своем докладе на тему: «Образ Хубилай-хана как государя Чакравартина в отражении одной бирманской надписи» анализирует текст надписи на каменной стеле, расположенной в хранилище Паганского археологического музея в республике Союз Мьянма. В источнике упоминается информация о совершении паломничества буддийским монахом Дитапамау ко двору императора династии Юань Хубилай-хана в конце XIII столетия (1287 г.) после очередного похода монгольских войск на Бирму.

Также представили свои доклады еще ряд участников конференции, среди них: **Д.А. Кемешев**, д.пед.н., профессор, член-корреспондент МАН ПО Южно-Казахстанского государственного педагогического Университета (Казахстан, Шымкент) с докладом на тему: «Философия Великой степи»; **А.М. Тюрин**, к.геол.-минер.н., доцент Оренбургского государственного университета (Россия, Оренбург) с докладом на тему: «Имеются ли генетические следы контактов русских с монголами?»; **Г.И. Матрюхин**, д.и.н., профессор Московского государственного университета печати (Россия, Москва) с докладом на тему: «Книжная культура Монголии. История и современность»; **Н.И. Сенченко**, д.т.н., профессор, Генеральный директор Украинской книжной палаты (Украина, Киев) с докладом на тему: «Монгольская книга в Украине: культурно-исторический аспект»; **Б.С. Есенькин**, д.э.н., профессор, президент Торгового Дома «Библио-Глобус» (Россия, Москва) с докладом на тему: «Книга, как символ и инструмент сплочения наших народов»; **Е.С. Карауш**, редактор ГК «Просвещение» (Россия, Москва) с докладом на тему: «Использование современных цифровых образовательных ресурсов для изучения русского языка как иностранного»; **С.С. Вдовин**, аспирант ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва) с докладом на тему: «К вопросу о русско-монгольских торговых отношениях в конц 19 – начале 20 вв.».

В целом, в итоговых ремарках по завершению первой сессии было сказано о том, что в историческом плане взаимодействие нескольких цивилизаций – монгольской, тюркской, славянской, персидской, – в период монгольского господства на континенте оказалось самым плодотворным и захватывающим в истории развития государств, этносов и религий. И на современном этапе Монголия играет важную международную роль в евразийских экономических интеграционных процессах. И это подводит нас к актуальности продолжения работ, которые расширят потенциал монголоведения по всему миру. Чему и была посвящена вторая сессии нашей конференции.

Модераторами второй сессии выступили д.филос.н., профессор **С.А. Семедов** (Россия, Москва), к.и.н., доцент **О.В. Лушников** (Россия, Пермь), профессор **Н.А. Наматов** (Франция, Париж).

С докладом на тему «Монголия в рамках ШОС: геополитическая стратегия между Россией и КНР» выступила **Г.Д. Джунушалиева**, д.и.н., профессор Киргизско-Российского Славянского университета (Кыргызстан, Бишкек). В своем докладе профессор отметила, что глобальные интеграционные процессы 21 века требуют региональной международной консолидации сил в контексте однополюсного мира. Монголия, как и ряд других стран Центральной Азии, открывается для регионального сотрудничества и встраивается в евразийскую систему международных организаций. Одной из таких структур является ШОС, возникшая первоначально как центр по противостоянию международному терроризму, экстремизму и сепаратизму, за прошедшие годы разработала программу экономического регионального сотрудничества. Экономическая компонента деятельности ШОС побуждает к принятию взвешенного решения об изменении статуса наблюдателя на полноправного члена организации.

Ж.С. Сыздыкова, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва) заявила тему доклада: «Основные аспекты внешней политики Монголии на современном этапе». В своем выступлении она отметила, что в 1990-е гг. в Монголии была принята новая Конституция, страна получила вместо старого названия МНР, новое – Монголия. Появилась и новая Концепция внешней политики. Традиционные партнеры Монголии это Россия и Китай. Одним из важнейших направлений внешней политики стала концепция «третий сосед». Поначалу «третьим соседом» именовали США, а со временем к ним начали относить развитые государства, которые имеют, как правило, геополитические и экономические интересы в регионе, например, Япония. Следующее направление внешней политики Монголии заключается в развитии дружественных двусторонних связей со странами Азии, и, конечно же продолжение активного сотрудничества с ООН и развитие двусторонних отношений с развивающимися странами.

Следующими слово взяли ученые: **Биссио Беатрис**, Ph.D. проф. Федерального университета (Бразилия, Рио-де-Жанейро) и **Н.А. Наматов**, Ph.D. проф., член Парижского Азиатского Общества (Франция, Париж) с докладом на тему: «Геополитика Китая в отношении Монголии, ЦА и роль РФ». В докладе исследователи отметили, что динамика неравномерного развития постоянно подрывает основы установившегося мирового порядка. Факт заключается в том, что какими бы ни были причины и их объяснения – 21-й век представляет собой все более многополярный международный сценарий. И в этом выделяются два важных участника – Россия и Китай, которых по этой самой причине, силы американского истеблишмента рассматривают как величайшие вызовы своим гегемонистским претензиям. Укрепление позиции Монголии также будет на радаре Вашингтона, в частности, в плане ее сближения с Китаем, но пока она не вызывает такого же беспокойства.

Ламбаль Алэн, Ph.D. проф. Академии заморских территорий (Франция, Париж) и **Н.А. Наматов, Ph.D.** проф., член Парижского Азиатского Общества (Франция, Париж) в своем выступлении на тему: «“Наследники Бабура и Великих Моголов” и геополитика Пакистана в Центральной Азии, Монголии» отметили, что бабуризм – это официальная внешнеполитическая доктрина Пакистана, направленная на расширение сферы влияния на соседние территории с помощью «мягкой силы» из-за экономики, гуманитарного воздействия и наднационального духа. Внутривластный национализм Пакистана и сегодня не утратил свое былое значение, вместе с новыми наднациональными связями, основанными на имперском мышлении современного типа, умеренном исламе, пакистанском евразийстве, панисламизме и идее бабуризма. Центральная Азия рассматривается в контексте страны ЦА, Алтая, СУАР, часть Тибета, Монголии и Афганистана.

М.З. Шахиди, д.и.н., профессор Таджикского государственного университета (Таджикистан, Душанбе) выступила с докладом на тему: «Роль Центральной Азии в формировании новых международных отношений между Россией и Монголией». Профессор подчеркнула, что развернуть обсуждение празднования 100-летия дипломатических отношений России и Монголии невозможно без учета роли и вклада Центральной Азии в Российско-Монгольские дипломатические отношения. В докладе было сказано, что принято считать, что концепция дипломатии оформилась в эпоху модерна в Англии в XVII в. Однако еще в XV в. ряд государств отмечали роль дипломатической миссии посла Короля Испании Энрике III во Двор Амира Тимура в 1403-1406 годах. Именно формирование дипломатических связей в эпоху Тимура наряду с новыми социологическими исследованиями Ибн Халдуна, решительно повлияло на изменение траектории поэтической мысли и заложило межкультурное направление новой поэтики модерна Центральной Азии, инициированные двумя выдающимися поэтами той эпохи, Джамии и Навои. Однако осмысление этого периода, стало приоритетным направлением академических школ Восточной Евразии второй половины XX в. Одной из важных платформ такого изучения стала Центральная Азия и, особенно, Таджикистан.

Е. Гаврилина-Фудзияма, Генеральный менеджер международной компании “Pacific Partners Tokyo Co., Ltd. Member of Protocol & Diplomacy International – Protocol Officers Association (founded 2002 Washington D.C.) (Япония, Токио) в своем выступлении на тему: «Некоторые аспекты сотрудничества Монголии и Японии на современном этапе» подчеркнула, что дипломатические отношения между Монголией и Японией были установлены 24 февраля 1972 года. С этого времени отношения в разных сферах деятельности вплоть до 1991 года развивались последовательно. Монголия сыграла важную роль в урегулировании конфликта на Корейском полуострове. Япония помогла Монголии преодолеть экономический кризис 1990-х годов,

благодаря безвозмездной помощи и льготным кредитам. В августе 1991 г. премьер-министр Японии Т. Кайфу прибыл в Монголию с визитом и стал первым главой, который не принадлежал к «советскому лагерю» государств, посетившим Монголию. В настоящее время динамичное развитие политических и экономических отношений вывело страны на новый уровень взаимоотношений, имеющий взаимовыгодный характер. Происходит развитие по многим направлениям, образование, культура, экономика, политика, что говорит о постоянном развитии диалога и сотрудничества двух стран.

О.В. Лушников, к.и.н., доцент ГГПУ, директор Центра Евразийских исследований им. Г.В. Вернадского (Россия, Пермь) подготовил доклад на тему: «Россия и Монголия – стратегическое партнерство на Евразийском пространстве». Докладчик обратил внимание на влияние монгольской миротворческой системы Рах Mongolica XIII-XV вв. на формирование Московского государства (госуправление, организация армии, развитие технологий, культуру и быт). Отметил фундаментальную помощь России (СССР) в XX в. в возвращении фактической независимости Монголии от Китая в 1911-1924 гг., оборону Монголии от японско-маньчжурской агрессии 1939 г., в международном признании МНР ООН (1945-1961 гг.), а также комплексную поддержку в сферах безопасности, экономики, здравоохранения, образования и культуры МНР (1945-1990 гг.), а также сказал о перспективах стратегического взаимодействия России и Монголии в рамках ШОС, ЕАЭС и Большого Евразийского партнерства, как гарантий безопасности и развития во всех сферах в XXI в.

С.С. Джеенбекова, к.и.н., доцент, представляющая Киргизско-Российский Славянский Университет (Кыргызстан, Бишкек) выступила с докладом на тему: «Геополитика Монголии со странами Центральной Азии, Россией, Китаем и АТР». Докладчик выделила актуальные вопросы взаимоотношений Монголии со странами ЦА, Россией, Китаем и АТР, исходя из концепции стратегического партнёрства и традиционного исторического добрососедства. Особо подчеркнут вопрос о роли РФ как влиятельного игрока в ЦА, развивающей интеграционный проект – ЕАЭС.

О.А. Машкина, к.пед.н., доцент кафедры китайской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва) представила совместный доклад с **В.В. Кузнецовой**, к.и.н., доцентом кафедры госуправления МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва). В своем выступлении докладчики отметили, что политика открытости, проводимая руководством КНР с конца 1980-х гг. включает два аспекта/направления (в страну и из страны): а) привлечение иностранных студентов, преподавателей, передовых технологий и учебных материалов в китайские вузы с тем, чтобы поднять качество обучения и международный рейтинг вузов; б) поощрение китайской молодежи к обучению в зарубежных вузах. Нельзя сказать, что проект «Один пояс, один путь» отражает лишь интересы китайской стороны,

и в нем не заинтересованы и другие страны ареала Шелкового пути. В настоящее время Китай является крупнейшим торговым партнером Монголии и основным источником инвестиций. Однако, как отмечают китайские эксперты, обе страны сталкиваются с острой необходимостью оптимизации структуры подготовки и управления специализированными кадрами и налаживания научно-исследовательского сотрудничества.

Али Шабан, д.филол.н., профессор факультета иностранных языков и перевода Университета ал-Азхар (Египет, Каир); **О.Г. Акинина**, к.филол.н., доцент кафедры арабской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва) назвали свой совместный доклад: «Некоторые аспекты сотрудничества Египта и Монголии». Ученые отметили, что на современном этапе официальные отношения между Египтом и Монголией были установлены в 1964 году. В Каире в настоящее время находится единственное посольство Монголии на Африканском континенте. Между странами были подписаны различные соглашения о двустороннем сотрудничестве, в том числе и об увеличении числа монгольских студентов, проходящих обучение в Египте. В этой арабской стране проживает небольшое количество монгольских экспатриантов, в том числе этнических казахов, а также студенты из провинции Баян-Улгий, провинции Увс и Налайх Дюрег из Улан-Батора, которые изучают богословие в университете ал-Азхар – наиболее престижном мусульманском духовном университете.

Магистрант политологии университета Сакарция **А.Д. Тенизбаев** (Турция) выступил на тему: «Геополитика Турции в среднеазиатских республиках, Восточном Туркестане и Монголии». Докладчик отметил, что распад Советского Союза серьезно повлиял на всю архитектуру международных отношений. Было много стран, которые начали претендовать на статус великой державы или, по крайней мере, на доминирующее место в определенном регионе мира. Среди них Турецкая Республика, которая также решила воспользоваться сложившейся ситуацией для увеличения своего веса на международной арене. Реализация этого амбициозного замысла предполагала разработку соответствующей внешнеполитической стратегии. Его основу составили три направления: турецкое евразийство, неопантюркизм и неоосманизм.

И.А. Игнатов, соискатель кафедры востоковедения МГИМО (Университет МИД РФ) выступил с докладом на тему: «Монгольская концепция «третьего соседа» и ее влияние на развитие российско-монгольских отношений», подчеркнув, что суть концепции «третьего соседа» заключается в том, что Монголия должна стремиться укреплять отношения не только со своими непосредственными соседями – Россией и Китаем – но и с развитыми демократическими государствами Запада и Востока (это и есть «третий сосед»), извлекая максимальную выгоду из сотрудничества со всеми зарубежными партнерами. При этом монголам следует избегать чрезмерной за-

висимости от какой-либо одной державы либо группы государств и участия в коалициях, направленных против кого-либо из ее партнеров.

Подводя итоги второй сессии, модераторы отметили, что был представлен обширный пласт докладов, который затрагивал вопросы внешней политики Монголии, начиная с первой четверти XX века и до современности.

Также необходимо отметить, что были подготовлены доклады следующими участниками конференции:

Т.А. Яшкова, д.п.н., профессор кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений (Россия, Москва). Тема доклада: «Геополитический фактор: развитие отношений между Российской Федерацией и Монголией (современный аспект)». **З.С. Айдарбеков**, д.филос.н., профессор Казахского университета Международных отношений и мировых языков имени Аблай хана (Казахстан, Алматы). Тема доклада: «Интеграция и регионализация на Евразийском пространстве: динамика развития казахско-монгольских отношений и перспективы». **В.А. Сухарева**, к.п.н., доцент кафедры международного сотрудничества Института управления и регионального развития РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, Москва). Тема доклада: «Современная Монголия в мировых СМИ». **Цзя Инь Кэ**, глава Представительства Торгово-экономического Представительства Провинции Цзяньсу КНР в РФ и СНГ. Тема доклада: «Экономическое сотрудничество между Монголией и КНР». **А.С. Донгак**, к.филол.н., ведущий научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (Россия, Республика Тыва, Кызыл). Тема доклада: «Генеральное консульство Монголии в Республике Тыва РФ (история образования и современность)». **М.С. Алымкулов**, д.филос.н., профессор Международного университета Кыргызстана (Кыргызстан, Бишкек). Тема доклада: «“Большая игра” Британской империи в Центральной Азии и Монголии и противостояние с Россией». **О.П. Кобзева**, д.и.н., профессор Национального университета имени Мирзо Улугбека (Узбекистан, Ташкент). Тема доклада: «Сотрудничество Монголии и Узбекистана на современном этапе». **Г.А. Наматова-Керим**, доцент Стамбульского Университета Айдын (Турция, Стамбул). Тема доклада: «Монголия – «новый азиатский экономический тигр». **Э.С. Адилбекова**, доцент Международного казахско-турецкого университета имени Ахмеда Ясави (Казахстан, Туркестан). Тема доклада: «Монголия, Тува и Алтай: “три кита” три монгольского шаманизма: религиозная толерантность, равноправие женщин, экология». **С.А. Мукаш**, магистр дипломатических наук, старший преподаватель Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Казахстан, Нур-Султан). Тема доклада: «Политика Монголии и России в рамках ООН». **В.В. Штоль**, профессор Дипломатической академии МИД РФ, главный редактор журнала «Обозреватель» (Россия, Москва). Тема доклада: «Боевое братство СССР и МНР в годы Второй мировой войны».

И.В. Зайцев, д.и.н., профессор РАН, заместитель директора Государственного музея Востока (Россия, Москва). Тема доклада: «Особенности ислама в Монголии». **Т.М. Махаматов**, д.филос.н., профессор департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Москвы (Россия, Москва). Тема доклада: «Историческое наследие и межкультурная коммуникация-основание евразийской цивилизации». **Г.К. Уразалиева**, к.филос.н., доцент Российского государственного гуманитарного университета (Россия, Москва). Тема доклада: «Российско-монгольские отношения: общие маркеры евразийской идентичности». **Д.В. Сапрынская**, н.с. ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва). Тема доклада: «Страны Центральной Азии в контексте российско-монгольских отношений». **Р.И. Раимов**, аспирант Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. Тема доклада: «Роль Монгольской империи в динамике средневековой Мир-Системы». **Д.С. Городилов**, магистр востоковедения, атташе Третьего Департамента СНГ МИД РФ (Россия, Москва). Тема доклада: «Взаимодействие России и Монголии в области культуры и образования». **Д.С. Сапарбекова**, магистрант РАНХиГС (Россия, Москва). Тема доклада: «Сотрудничество Казахстана и Монголии в культурно-гуманитарной сфере». **Ф.К. Тожидинов**, аспирант ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва). Тема доклада: «Сотрудничество духовных управлений мусульман России и Монголии в XXI в.».

Итоги конференции подвела д.ист.н., профессор **Ж.С. Сыздыкова**, которая выразила слова благодарности модераторам, участникам и гостям конференции от имени Оргкомитета.

НАШИ АВТОРЫ

Амиантов Алексей Андреевич – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (perviizam@mail.ru).

Антонова Наталья Геннадьевна – преподаватель кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО (У) МИД России, Россия, г. Москва (na.g.antonova@my.mgimo.ru).

Антонова Елена Геннадьевна – соискатель Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова; заместитель начальника учебного управления УлГПУ им. И.Н. Ульянова, Россия, г. Ульяновск (elgenant@yandex.ru).

Аржанов Игорь Александрович – аспирант кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (yatsu@flaut.ru).

Болтенкова Любовь Федоровна – доктор юридических наук, профессор, Россия, г. Москва (lf.boltenkova@igsu.ru).

Бориснёв Сергей Викторович – доктор исторических наук, старший преподаватель кафедры военно-политической работы Военного университета Министерства обороны РФ, заслуженный работник высшей школы РФ, Россия, г. Москва (borisnyov@yandex.ru).

Вититнев Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета, Россия, г. Москва (borisnyov@yandex.ru).

Власов Валерий Иванович – доктор юридических наук, профессор, Россия, г. Москва (etnopolitolog@yandex.ru).

Воскресенский Федор Александрович – аспирант кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (voscresensky@mail.ru).

Гехт Антон Борисович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и регионоведения СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Россия, г. Санкт-Петербург (a.geht@yandex.ru).

Гунду Тересе Мосес – аспирант Российского университета дружбы народов, Нигерия, г. Бенуэ (Terrystherapy@gmail.com).

Дегтярева Наталья Александровна – кандидат исторических наук, доцент Оренбургского государственного университета, Россия, г. Оренбург (Degtjareva-natasha@mail.ru).

Денисенко Полина Викторовна – аспирант факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (apollinaire1877@gmail.com).

Зубов Вадим Витальевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва (m.rodionova@mail.ru).

Емелин Александр Алексеевич – младший PR & GR аналитик Celebrium Labs; магистрант Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва (m.rodionova@mail.ru).

Иванов Павел Валерьевич – аспирант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, член СМП РАПН, Россия, г. Москва (pashuniogaucho@gmail.com).

Истягина-Елисеева Елена Александровна – кандидат исторических наук, директор Государственного музея спорта, Россия, г. Москва (etnopolitolog@yandex.ru).

Каренин Денис Михайлович – второй секретарь МИД России, Россия, г. Москва (dmkarenin@hotmail.com).

Костриков Сергей Петрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политологии Государственного университета управления, Россия, г. Москва (s.kostrikov@mail.ru).

Кочетков Егор Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры истории Российского университета транспорта (МИИТ), Россия, г. Москва (kochetkov.work@gmail.com).

Кравченко Юлия Сергеевна – начальник отдела международной академической мобильности Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (yuliya.kravchenko@vvsu.ru).

Крот Надежда Сергеевна – аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета, Россия, Республика Татарстан, г. Казань (nadejdakrot@gmail.com).

Кузьмин Вадим Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета, Россия, г. Екатеринбург (vadim.kuzmin@urfu.ru).

Львов Степан Васильевич – кандидат социологических наук, директор по стратегическому развитию Всероссийского центра изучения общественного мнения, Россия, г. Москва (etnopolitolog@yandex.ru).

Макина Анастасия Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры психологии, социальной работы Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан (makinaai@mail.ru).

Максимова Алла Анатольевна – социолог-аналитик, Россия, г. Москва (etnopolitolog@yandex.ru).

Молчанова Татьяна Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Россия, г. Санкт-Петербург (a.geht@yandex.ru).

Неровный Артём Викторович – старший преподаватель кафедры истории и регионоведения СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Россия, г. Санкт-Петербург (a.geht@yandex.ru).

Нечаева Светлана Викторовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент Ставропольского филиала Московского педагогического государственного университета, Россия, г. Ставрополь (etnopolitolog@yandex.ru).

Никулин Егор Романович – студент факультета прикладной политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, Россия, г. Москва (etnopolitolog@yandex.ru).

Олувакайоде Олумиде Эммануэль – аспирант Российского университета дружбы народов, Нигерия, г. Абуджа (Olumentain360@gmail.com).

Перевозчикова Варвара Алексеевна – магистр, преподаватель кафедры истории и регионоведения СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Россия, г. Санкт-Петербург (a.geht@yandex.ru).

Петрухин Алексей Михайлович – аспирант Государственного университета управления, Россия, г. Москва (alexeypetrukhin94@gmail.com).

Пилягин Константин Александрович – аспирант факультета государственного и муниципального управления Северо-западного института управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Санкт-Петербург (konstantin9406@gmail.com).

Плеханов Андрей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра (фундаментальных военно-исторических проблем) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Россия, г. Москва (yanus60@mail.ru).

Плотников Дмитрий Игоревич – аспирант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, член СМП РАПН, Россия, г. Москва (plotnikovdi94@mail.ru).

Потапенко Тимофей Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Россия, г. Санкт-Петербург (a.geht@yandex.ru).

Рабат Луджан – аспирант, младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия, г. Москва (etnopolitolog@yandex.ru).

Равочкин Никита Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии; доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева, Россия, г. Кемерово (nickravochkin@mail.ru).

Родионова Марина Евгеньевна – PR & GR Директор Celebrium Labs, кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва (m.rodionova@mail.ru).

Сапарбекова Диана Сабыровна – магистрант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (ссса-iaas@yandex.ru).

Сапрынская Дарья Викторовна – научный сотрудник ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (ссса-iaas@yandex.ru).

Семибиков Денис Александрович – аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (d.semibikov@mail.ru).

Слизовский Дмитрий Егорович – доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (de373@mail.ru).

Станкевич Иван Геннадьевич – аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ, Россия, г. Москва (ivanmazurenko@bk.ru).

Степанова Светлана Сергеевна – бакалавр кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (svetlana.kilicher@gmail.com).

Тушков Александр Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (aa_tushkov@mail.ru).

Тюков Никита Анатольевич – кандидат исторических наук, исполнительный директор Центра общественно-политических проектов и коммуникаций; доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета, Россия, г. Москва (etnopolitolog@yandex.ru).

Цанава Бачуки Зурабиевич – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (tsanava.bach@gmail.com).

Цыгоняева Александра Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и регионоведения СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Россия, г. Санкт-Петербург (a.geht@yandex.ru).

Шабловский Владислав Станиславович – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (VladShablovskiy77@yandex.ru).

Шиматюк Ольга Александровна – академический руководитель школьных программ Новосибирского Городского Открытого Колледжа, Россия, г. Новосибирск (smart-chatter@yandex.ru).

OUR AUTHORS

AMIANTOV A.A. – Candidate of Sciences (political sciences), Associate Professor, Chair of state and municipal administration, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

ANTONOVA E.G. – Applicant, Ulyanovsk State Pedagogical I.N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia.

ANTONOVA N.G. – Lecturer, Department of Middle East Languages, Moscow State Institute of International Relations MGIMO-University, Moscow, Russia.

ARZHANOV I.A. – International relations and integration processes department, faculty of political science, PhD student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

BOLTENKOVA L.F. – Doctor of Sciences (law), Professor, Moscow, Russia.

BORISNYOV S.V. – Doctor of Historical Sciences, senior lecturer of the Department of Military and Political Work, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

DEGTYAREVA N.A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Orenburg State University, Orenburg, Russia.

DENISENKO P.V. – Postgraduate student of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

GEKHT A.B. – Ph.D., Associate professor/docent, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, the Head of the department of history and region studies, Saint Petersburg, Russia.

GUNDU TERESE MOSES – Graduate student, Peoples' Friendship University of Russia (PFUR), Benue, Nigeria.

ISTYAGINA-ELISEEVA E.A. – Candidate of History, director, the State Museum of Sport, Moscow, Russia.

IVANOV P.V. – Postgraduate student of the Department of Political Analysis and Management of the Peoples' Friendship University of Russia, member of the SMP RAPN, Moscow, Russia.

KARENIN D.M. – Second Secretary, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

KOCHETKOV E.E. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Chair of Russian history, Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia.

KOSTRIKOV S.P. – Doctor of historical Sciences, Professor, head of the Department of history and political science, State University of management, Moscow, Russia.

KRAVCHENKO Yu.S. – Head of academic mobility office of Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

KROT N.S. – Postgraduate student Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

KUZMIN V.A. – Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University, Oriental Studies Department Professor, Ekaterinburg, Russia.

LVOV S.V. – Candidate of Sociological Sciences, Director for Strategic Development All-Russian Center for the Study of Public Opinion, Moscow, Russia.

MAKINA A.I. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Department of Psychology, Social Work Khakas State University after N.F. Katanov, Russia, Abakan.

MAKSIMOVA A.A. – Sociologist-analyst, Moscow, Russia.

MOLCHANOVA T.V. – Ph.D., Associate professor/docent, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, the Head of the department of history and region studies, Saint Petersburg, Russia.

NECHAEVA S.V. – Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Stavropol branch Moscow State Pedagogical University, Stavropol, Russia.

NEROVNYJ A.V. – Senior lecturer, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, the department of history and region studies, Saint Petersburg, Russia.

NIKULIN E.R. – Student of the Faculty of Applied Political Science Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

OLUWAKAYODE OLUMIDE EMMANUEL – Graduate student, Peoples' Friendship University of Russia (PFUR), Abuja, Nigeria.

PEREVOZCHIKOVA V.A. – Master, lecturer, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, the department of history and region studies, Saint Petersburg, Russia.

PETRUKHIN A.M. – Graduate Student of State University of Management, Moscow, Russia.

PILIAGIN K.A. – Postgraduate student, North-West Institute of Management-branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and public Administration, Saint Petersburg, Russia.

PLEKHANOV A.A. – Candidate of Sciences (history), Senior Researcher at the Research Center of fundamental military-historical problems, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

PLOTNIKOV D.I. – Postgraduate student of the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia, member of the SMP RAPN, Moscow, Russia.

POTAPENKO T.G. – Ph.D., Associate professor/docent, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, the department of history and region studies, Saint Petersburg, Russia.

RABAT LUJAIN – PhD Student, Junior Researcher the Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

RAVOCHKIN N.N. – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Legal Disciplines Kuzbass State Agricultural Academy; Associate Professor at the Department of History, Philosophy and Social Sciences Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo, Russia.

RODIONOVA M.E. – PR & GR Director at Celebrium Labs, Candidate of Sciences (sociology), Associate Professor at the Department of politology, University of Finance of the Russian Federation, Moscow, Russia.

SAPARBEKOVA D.S. – Post-graduate student working for the Master's degree at RANEPА under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

SAPRYNSKAYA D.V. – Researcher at the Institute of Asian and African countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

SEMIBOKOV D.A. – Post-graduate student of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

SHABLOVSKIY V.S. – Postgraduate Student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russia.

SHIMATYUK O.A. – Academic Head of School Programs of the Novosibirsk City Open College, Novosibirsk, Russia.

SLYZOVSKIY D.E. – Doctor of Sciences (history), Professor, Peoples' Friendship University of Russia (PFUR), Moscow, Russia.

STEPANOVA S.S. – Bachelor, Department of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

STANKEVICH I.G. – Postgraduate student of the chair for the «General History» of the Moscow State Pedagogic University, Moscow, Russia.

TSANAVA B.Z. – Postgraduate, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.

TSIGONYAEVA A.Yu. – Ph.D., Associate professor/docent, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, the Head of the department of history and region studies, Saint Petersburg, Russia.

TUSHKOV A.A. – Ph.D., Professor of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

TYUKOV N.A. – Candidate of Historical Sciences, Executive Director Center for Socio-Political Projects and Communications; Associate Professor of the Department of Socio-Political Research and Technology Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

VETITNEV S.F. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Moscow, Russia.

VLASOV V.I. – Doctor of Sciences (law), Professor, Moscow, Russia.

VOSCRESENSKY F.A. – Postgraduate student of the Department of Public Policy, Faculty of Political Science Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

YEMELIN A.A. – Junior PR & GR analyst at Celebrium Labs, Master's Student at the Russian University of Finance, Moscow, Russia.

ZUBOV V.V. – Candidate of Sciences (history), Associate Professor at the Department of politology, University of Finance of the Russian Federation, Moscow, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 8 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 10 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствие ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным

проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наш сайт: www.etnopolitolog.ru

E-mail: etnopolitolog@yandex.ru

Scientific Journal
“Issues of National and Federative Relations”
Volume 11. Issue 2 (71), 2021

Established by LLC “Publishing House “Science Today”

The journal is included in the database of
the Russian Science Citation Index.

Academic papers published in the journal
undergo obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Perkova D.V.*

Computer-aided makeup by *Antsiferova A.S.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.

No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:

10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598

Tel: (910) 463-53-42

www.etnopolitolog.ru

E-mail: etnopolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 25.02.2021

Format 60x84/16. Offset paper.

Offset print. Number of printed sheets

Circulation 500 copies. Order ____.

Printed at the LLC “Bely Veter”

Str. Shchipok, 28, Moscow, Russia, 115054

Tel.: (495) 651-84-56

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!
Открыта подписка на журнал
«Вопросы национальных и федеративных отношений».
Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»
в любом отделении связи.

Индекс издания – 70114.

			ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»								
			АБОНЕМЕНТ на журнал		70114						
Вопросы национальных и федеративных отношений											
Количество комплектов											
на 2021 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											
			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА								
ПВ	место	литер	на журнал			70114					
Вопросы национальных и федеративных отношений											
Стоимость	Каталожная				Количество комплектов						
	услуги почты										
	полная										
на 2021 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Научный журнал «РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

Журнал включен в базу РИНЦ.

Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

Научный журнал «ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ»

Журнал издается совместно с Институтом современной политики РУДН. Издание нового научного журнала призвано восполнить пробелы развития политической теории и решить проблемы популяризации политической науки в научных и учебных заведениях, а также дает дополнительную возможность многим учёным представить на суд научной обществу свои исследования и организовать дискуссии по актуальным проблемам современной политики.

**Журнал включен в Перечень ВАК РФ
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,489**

Интернет-ресурс: www.voprospolitolog.ru

Научный журнал «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

**Журнал включен в базу РИНЦ
Пятилетний импакт-фактор журнала: 1,294**

Интернет-ресурс: www.evrazsouz.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:
voprospolitolog@yandex.ru